

Фактор Черчилля
Как один человек изменил историю

ДЖОНСОН

БОРИС
ДЖОНСОН

Фактор Черчилля

*Как один человек
изменил историю*

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

АЗБУКА-КЛАССИКА

NON-FICTION

БОРИС
ДЖОНСОН

Фактор Черчилля

*Как один человек
изменил историю*

Санкт-Петербург

УДК 94(100-87)+929Черчилль
ББК 63.3(4Вел)-8
Д 42

Boris Johnson
THE CHURCHILL FACTOR
How One Man Made History
Copyright © 2014 by Boris Johnson
First published in Great Britain in 2014 by Hodder & Stoughton
An Hachette UK company
The right of Boris Johnson to be identified as the Author
of the Work has been asserted by him in accordance with
the Copyright, Designs and Patents Act 1988
All rights reserved

Перевод с английского Артема Галактионова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-11811-9

© А. Галактионов, перевод, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Лео Ф. Джонсону

ВВЕДЕНИЕ

Собака по кличке Черчилль

Во времена моего детства не было никаких сомнений в том, что Черчилль — величайший государственный деятель из тех, которых когда-либо дала миру Британия. С раннего возраста у меня было довольно четкое представление о том, что он сделал: вопреки всем трудностям привел мою страну к победе над одной из самых отвратительных тираний в истории человечества.

Я знал ключевые моменты биографии Черчилля. Мы с братом Лео настолько усердно изучали иллюстрированную книгу Мартина Гилберта о жизни Черчилля, что запомнили подписи ко всем фотографиям.

Мне было известно о его мастерстве в искусстве составления речей, и мой отец (подобно многим отцам в те годы) периодически цитировал некоторые из его знаменитых высказываний. Я знал уже тогда, что это искусство исчезает. Черчилль любил пошутить, не отличался почтительностью и даже по стандартам своего времени не был политически корректен.

За ужином нам рассказывали апокрифические истории, например о том, как Лорд — хранитель печати пришел к Черчиллю, когда тот был в туалете. «Скажите Лорду — хранителю печати, которому я нужен, что я запечатан в своем нужнике», — распорядился Черчилль (*«Tell the Lord Privy Seal that I am sealed to my privy»*). Мы знали и его ответ Бесси Брэддок, члену парламента от

лейбористов, которая упрекнула его в том, что он пьян. Черчилль сказал с ошеломительной грубостью: «Моя дорогая Бесси, а вы уродливы. Я к утру протрезвею, вы же так и останетесь уродиной».

Я также кое-что слышал о министре-консерваторе и гвардейце. Вы, наверное, знаете эту историю и без меня. Тем не менее я расскажу ее каноническую версию, которой со мной поделился сэр Николас Сомс, внук Черчилля, за ланчем в отеле «Савой».

Даже делая скидку на то, что Сомс блестящий рассказчик, в этой истории есть отзвук правды, которая свидетельствует о великодушии Черчилля, — это его свойство будет в числе основных тем книги.

— Один из его министров-консерваторов был содомитом, если вы понимаете, что я имею в виду, — громко сказал Сомс, так что было слышно во всем ресторанном зале, — и при этом большим другом моего дедушки. Его постоянно ловили, но в те дни пресса не караулила на каждом углу, и в нее ничего не просочилось. Но однажды он зашел слишком далеко — его поймали, когда он совокуплялся с гвардейцем на скамейке Гайд-парка в три часа ночи. Кстати, это было в феврале.

Об этом немедленно доложили Главному Кнуту¹, который позвонил Джоку Колвиллу, личному секретарю дедушки.

— Джок, — сказал Главный Кнут, — боюсь, у меня плохие новости об имярек. Ничего особенного, но об этом стало известно прессе. Они наверняка растрезвонят.

— Боже мой, — сказал Колвилл.

— Я думаю, что мне надо поехать к премьер-министру и лично сообщить ему об этом.

¹ *Главный Кнут* — организатор парламентской фракции, который следит за соблюдением партийной дисциплины. (Здесь и далее примеч. перев.)

— Да, я так полагаю.

И Главный Кнут поехал в Чартвелл (особняк Черчилля в Кенте), он вошел в кабинет дедушки, где тот работал за конторкой.

— Да, Главный Кнут, — сказал дедушка, слегка оборотившись, — чем я могу быть полезен?

Главный Кнут рассказал о прискорбном инциденте и заключил:

— Он должен уйти.

Во время последовавшей длительной паузы Черчилль дымил сигарой. Затем он сказал:

— Я правильно понял, что имярек был пойман с гвардейцем?

— Да, премьер-министр.

— В Гайд-парке?

— Действительно, премьер-министр.

— На скамейке парка?

— Верно, премьер-министр.

— В три часа ночи?

— Да, премьер-министр.

— И это в такую погоду! Господи, как я горд быть британцем!

Я знал, что в молодости он проявлял чудеса храбрости, что видел кровопролитие своими глазами и в него стреляли на четырех континентах. Он был одним из первых людей, поднявшихся на аэроплане. Я знал, что в школе Харроу его считали коротышкой — его рост был лишь 170 см, а обхват груди 79 см; что он поборол заикание, депрессию, ужасного отца и стал величайшим из англичан.

Я считал, что в нем было что-то священное и магическое, ведь мои дедушка с бабушкой хранили первую страницу Daily Express от того дня, когда он умер в возрасте девяноста лет. Я был доволен, что родился за год

до этого: чем более я читал о нем, тем более гордился, что застал его в живых. И тем сильнее мне становится горько и странно, что сегодня, спустя пятьдесят лет после его смерти, существует опасность, что память о нем, если и не исчезнет, будет неполной и несовершенной.

Как-то я покупал сигару в аэропорту ближневосточной страны, которая своим существованием, возможно, обязана Черчиллю. Я заметил, что сигара называется «Сан-Антонио Черчилль», и спросил у продавца в магазине беспошлинной торговли, знает ли он, кто такой Черчилль. Он тщательно прочитал имя, а я произнес его. «Шершилль?» — переспросил продавец в недоумении. «Во время войны, — подсказал я, — Второй мировой войны...» Похоже, что-то смутное, еле различимое забрезжило во мраке его памяти. «Старый лидер?... Да, возможно. Но не вполне уверен». И пожал плечами.

Что ж, этот продавец ничуть не уступает многим современным детям. Те из них, которые проявляли прилежание в классе, полагают, что Черчилль был парнем, который сражался с Гитлером, чтобы спасти евреев. Но большинство современных молодых людей, согласно недавнему опросу, считают, что Черчилль — это собака из британской страховой рекламы.

И мне это очень досадно, ведь столь незаурядная личность наверняка была бы интересна молодежи наших дней. Ее привлекли бы его брызжущая через край эксцентричность, театральность, неповторимый стиль одежды, но в первую очередь — его совершенная гениальность.

Я хочу донести понимание его гениальности до тех, кто не вполне осознает ее или позабыл о ней. Я отдаю себе отчет в том, что в моей попытке есть некоторая дерзость.

Я не профессиональный историк, а как политик я не достоин развязывать шнурки на ботинках Черчилля или

даже на ботинках Роя Дженкинса, написавшего великолепную однотомную биографию премьер-министра. Как исследователь Черчилля я нахожусь в тени Мартина Гилберта, Эндрю Робертса, Макса Гастингса, Ричарда Тойе и многих других.

Я знаю, что о нашем герое выходит около сотни книг в год, и тем не менее полагаю, что пришло время для новой оценки, ведь мы не можем принимать без доказательств его реноме. Солдаты Второй мировой постепенно уходят от нас, мы теряем тех, кто помнил звук его голоса. Меня беспокоит опасность того, что из-за тумана, сгущающегося над прошлым, будет забыта масштабность его свершений.

Расхожее мнение наших дней состоит в том, что Вторая мировая война была выиграна русской кровью и на американские деньги. И хотя это отчасти верно, верно и то, что без Черчилля Гитлер наверняка бы победил.

Под этим я имею в виду, что нацистские перемены в Европе могли стать необратимыми. Сегодня мы с полным на то основанием жалуемся на несовершенство Европейского союза, забывая о сущем ужасе того очень возможного из возможных миров.

Мы должны помнить об этом, как и о том, какой вклад британский премьер-министр внес в современное мироустройство. По всему земному шару — от Европы до России, Африки и Ближнего Востока — мы находим последствия его созидательных замыслов.

Черчилль значим и сегодня, потому что он спас нашу цивилизацию. И ключевой пункт состоит в том, что только он мог сделать это.

Он — ярчайшее человеческое опровержение марксистских историков, которые ставят во главу угла довлеющие и обезличенные экономические отношения. Смысл «фактора Черчилля» в том, что решающий вклад может внести и один человек.

Снова и снова на протяжении семидесяти лет общественной деятельности его личность оказывала влияние на события мира, причем в значительно большей степени, чем об этом помнят в наши дни.

В начале XX в. он стоял у истоков государственной системы социального обеспечения. Он способствовал тому, что у британских рабочих появились центры занятости, перерывы на чаепитие и страхование по безработице. Черчилль создал танк и Королевские военно-воздушные силы. Он решительно повлиял на действия Британии во время Первой мировой войны и содействовал ее победе. Черчилль был незаменим при создании Израиля (и некоторых других стран). Не будем также забывать проводимую им кампанию за объединение Европы.

Подобно бобру, который перегораживает плотиной реку, Черчилль несколько раз вставал на пути потока истории и изменял ее течение — наиболее сильно в 1940 г.

Древние греки говорили: «Личность — это судьба человека», и я с ними согласен. Если это так, тем более глубинным и интригующим становится вопрос о том, каким образом формируется личность.

Какие стихии дали ему талант сыграть эту исполнскую роль? В каких кузницах были выкованы его острый ум и железная воля? Вот в чем вопрос, и я почти вторю Уильяму Блейку:

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?¹

Но сначала давайте попытаемся прийти к согласию в отношении того, что он сделал.

¹ «Тигр». Перевод С. Маршака.

ГЛАВА 1

Предложение Гитлера

Если вы хотите узнать об одном из решающих событий в последней мировой войне и поворотном моменте в истории человечества, идите за мной. Я проведу вас в тусклую комнату в палате общин — вверх по лестнице, через скрипучую старую дверь, вдоль по плохо освещенному коридору, и вот мы на месте.

По очевидным причинам безопасности вы не найдете эту комнату в путеводителях по Вестминстерскому дворцу; да и экскурсоводы обычно не показывают ее. Впрочем, историческое помещение, о котором я говорю, уже не существует. Оно было разрушено при немецкой бомбардировке, но его копия весьма близка к оригиналу.

Это одна из тех комнат, которые использует премьер-министр для встреч с коллегами из палаты общин. Интерьер не представляет особого интереса, он вполне предсказуем.

Представьте себе обилие зеленой кожи и латунных обивочных гвоздей, дубовую панельную обшивку с крупнозернистой структурой, обои дизайна Огастеса Пьюджина и несколько криво висящих оттисков. Также вообразите клубы дыма, ведь это событие происходило в послеполуденные часы 28 мая 1940 г., а тогда многие политики, включая нашего героя, были заядлыми курильщиками.

Многостворчатые окна пропускали мало света, но представители общества легко узнали бы действующих лиц. Их было семь, и они составляли британский кабинет военного времени.

Глубину кризиса отражало то, что заседание кабинета продолжалось с небольшими перерывами уже третий день. Они встретились девятый раз с 26 мая, но так и не могли дать ответ на экзистенциальный вопрос, который встал перед ними и всем миром.

В одном из кресел сидел премьер-министр Уинстон Черчилль. Рядом с ним — чопорный Невилл Чемберлен, как обычно со стоячим воротником и щеточкой усов. Он — бывший премьер-министр, которого столь бесцеремонно сменил на посту Черчилль. Обоснованно или нет, Чемберлена обвиняли в фатальной недооценке угрозы Гитлера и провале политики умиротворения. Когда, незадолго до описываемых событий, нацисты вытеснили британские войска из Норвегии, все шишки посыпались на Чемберлена.

Также в заседании участвовал министр иностранных дел — высокий, бледный и костистый лорд Галифакс, его левую руку, парализованную от рождения, прикрывала черная перчатка. В комнате находился и Арчибальд Синклер, лидер Либеральной партии, из которой Черчилль вышел в 1923 г. Здесь же Клемент Эттли и Артур Гринвуд — представители Лейбористской партии, которой Черчилль порою адресовал самые яростные инвективы. Протокол заседания вел сэр Эдуард Бриджес, секретарь кабинета.

Перед собравшимися стоял очень простой вопрос, над ним они ломали голову последние дни, а приходящие новости были все безотраднее. Хотя никто не произнес его явно, но все понимали, в чем он состоит. Должна ли Британия сражаться? Было ли разумно посылать молодых солдат на смерть в войне, казавшейся

проигранной? Или же Британии надо пойти на сделку, которая, быть может, спасет сотни тысяч жизней?

А если она будет заключена и война фактически закончится с выходом из нее Британии, может ли эта сделка спасти жизни миллионов людей во всем мире?

Я думаю, что мало кто из людей моего поколения, не говоря уже о поколении моих детей, в полной мере осознает то, насколько близко в 1940 г. мы подошли к тому, чтобы Британия прекратила сражаться. В пользу этого решения были весомые рациональные доводы, а многие вдумчивые и влиятельные люди призывали к «переговорам».

Нетрудно увидеть, почему они так считали. Новости из Франции были не просто плохими — они были невероятно плохими, и не было никакой надежды, что они улучшатся. Немецкие войска стремительно продвигались к Парижу, нанося нокаутирующие удары по французским оборонительным позициям. Они делали это с такой презрительной непринужденностью, что казались новой военной «высшей расой», полной усердия и исключительной эффективности. Танки Гитлера легко преодолевали не только низины, но и казавшиеся неприступными арденнские ущелья. Смехотворная линия Мажино была прорвана.

Сколь патетичны были французские генералы — немощные седовласые старцы в кеги а-ля инспектор Клузо. Всякий раз, когда они отступали к новой линии обороны, оказывалось, что неприятель уже там. Французов с воєм атаковали пикирующие бомбардировщики «Штука», и немецкие танки продолжали стремительный поход.

Британский экспедиционный корпус был отрезан вблизи Ла-Манша. Попытка его контрнаступления была отражена, теперь он готовился к эвакуации из Дюнкерка. Если бы Гитлер послушал своих генералов, он

полностью бы уничтожил британский корпус. Его ас генерал Гудериан со своими танками мог бы взломать оборону практически беззащитного клочка земли, убить или захватить в плен большинство военнослужащих. Тем самым он бы лишил нашу страну физической возможности сопротивляться.

Но Гитлер предпочел задействовать люфтваффе. Немецкая авиация обстреливала британские позиции из пулеметов и закидывала бомбами, море было переполнено плававшими трупами, а оставшиеся в живых тщетно стреляли в воздух из винтовок Ли-Энфилд. В тот день, 28 мая, всем — и генералам, и политикам, да и широким кругам общества — казалось крайне вероятным, что большая часть британского экспедиционного корпуса будет потеряна.

Перед кабинетом военного времени стояла перспектива самого большого унижения вооруженных сил со времен утраты американских колоний. Положение казалось безвыходным. Кровь стынет в жилах, если вспомнить, какой карта Европы представляла собравшимся.

Уже два года, как поглощена Австрия, отсутствует Чехословакия, сокрушена Польша. За последние несколько недель Гитлер добавил к своему портфелю завоеваний леденящий душу список. Он захватил Норвегию, без каких-либо усилий перехитрив британцев, включая Черчилля, который несколько месяцев вынашивал обреченный план, как опередить немцев.

Гитлер чуть больше чем за четыре часа захватил Данию. Капитулировала Голландия, а бельгийский король малодушно поднял белый флаг в полночь с 27 на 28 мая. С каждым часом все больше французских солдат сдавалось в плен — некоторые после неслыханного по храбрости сопротивления, другие же с безысходной, фаталистической легкостью.

Главное геополитическое заключение мая 1940 г. состояло в том, что Британия — Британская империя —

оказалась в одиночестве. Помощи было ждать не от кого, по крайней мере в ближайшее время. Итальянцы были против нас. Фашистский лидер Муссолини ранее заключил с Гитлером «Стальной пакт». Поскольку казалось, что Гитлер непобедим, Муссолини намеревался в скором времени вступить в войну на стороне Германии.

Русские подписали тошнотворный пакт Молотова — Риббентропа, по которому они поделили Польшу с нацистами. По понятным причинам американцы испытывали аллергию к европейским войнам: во время Первой мировой войны они потеряли более 56 000 человек, а если учесть жертв эпидемии гриппа — то более 100 000. Несмотря на риторические призывы Черчилля, издавелека доносился лишь шепот их симпатий. Не было никаких признаков того, что американская кавалерия, трубя, перевалит через вершину холма и придет на помощь.

Присутствующие в комнате представляли, каковы будут последствия, если Британия продолжит сражаться. Они знали все о войне, некоторые из них участвовали в Первой мировой войне, и ужасной памяти о той бойне было лишь двадцать два года — она отстояла от них по времени меньше, чем война в Персидском заливе отстоит от нас.

Горе пришло почти в каждую британскую семью. Вправе ли они были требовать, чтобы народ снова шел на войну? И с какой целью?

Если судить по протоколу заседания, первым слово взял Галифакс. Он перешел прямо к делу и высказал те соображения, над которыми размышлял несколько дней.

Галифакс производил незабываемое впечатление. Он был высок, очень высок, с его ростом в 195 см он на четверть метра возвышался над Черчиллем — хотя за столом, я полагаю, его преимущество не было столь заметно. Он был выпускником Итона и Оксфорда, став-

шим благодаря научным достижениям стипендиатом-исследователем колледжа Всех Душ (All Souls College). Куполообразный лоб Галифакса красноречиво свидетельствовал о его интеллекте. Не забывайте, что Черчилль не получил университетского образования, да и в Королевское военное училище в Сандхерсте он поступил с третьей попытки. Судя по хронике тех лет, Галифакс говорил низким мелодичным голосом, с четким произношением, подобающим его классу. Он глядел на собравшихся сквозь толстые круглые очки и, наверное, поднимал вверх слегка сжатую правую руку, чтобы акцентировать свои доводы.

Он сообщил, что итальянское посольство известило о готовности выступить посредником в переговорах, время которых пришло для Британии. Информацию об этом передал сэр Роберт Ванситарт. Галифакс сделал ловкий ход, упомянув это имя, ведь дипломат Ванситарт был известен антинемецкими взглядами и яростным отторжением политики умиротворения Гитлера. Но смысл итальянского предложения, с его изысканной и привлекательной оберткой, был вполне очевиден.

Это была не просто инициатива Муссолини, а, вне всякого сомнения, сигнал его старшего партнера. Щупальце Гитлера, извиваясь по Уайтхоллу, проникло в самое сердце палаты общин. Черчилль точно понимал, что происходит. Он знал, что отчаявшийся французский премьер находится в Лондоне, а тот в действительности только что встречался с Галифаксом за ланчем.

Месье Поль Рейно осознал, что Франция разбита, а также (чему отказывались верить его английские собеседники) что ее армия, подобно оригами, сворачивается с волшебной скоростью. Рейно понимал, что он войдет в круг самых презренных людей в истории Франции. Он надеялся, что, если удастся убедить Британию также начать переговоры, его унижение будет разде-

лено и уменьшено, а главное — ему удастся добиться более приемлемых условий для Франции.

Смысл послания, переданного итальянцами, поддержанного французами и исходившего от немцев, состоял в том, что Британии нужно образумиться и смириться с реальностью. Мы не знаем в точности, какие слова Черчилль использовал для ответа, у нас есть лишь лаконичное и, наверное, облагороженное резюме сэра Эдуарда Бриджеса. Нам также неизвестно, каким предстал премьер-министр перед коллегами в тот день, хотя мы можем догадываться.

Свидетельства современников отмечают, что Черчилль начал показывать признаки усталости. Ему было шестьдесят пять, и он сводил с ума генералов и свой штат служащих привычкой работать глубоко за полночь, подпитываясь бренди и ликерами. Он совершал множество телефонных звонков по Уайтхоллу, требуя документы и информацию, и созывал совещания в то время, когда здоровые люди почивают со своими женами.

Как всегда, он был облачен в странное викторианско-эдвардианское одеяние: черный жилет, карманные часы с золотой цепочкой, брюки в полоску — он с успехом мог бы сыграть страдающего от похмелья дородного дворецкого в сериале «Аббатство Даунтон». Говорят, что он был бледен и одутловат, и это похоже на истину. К этому добавьте сигару, пепел на одежде, сжатые челюсти с потоком слюны.

Он рекомендовал Галифаксу прекратить разговоры на эту тему. Как сформулировано в протоколе: «Премьер-министр сказал, что с очевидностью французское намерение было в том, чтобы синьор Муссолини действовал посредником между нами и герром Гитлером. А он [Черчилль] был решительно против такого расклада».

Черчилль понимал, что подразумевало это предложение. Его страна была в состоянии войны с Германией

с 1 сентября предшествовавшего года. Британия воевала за принципы и свободу — нужно было защитить себя и империю от одиозной тирании и по возможности изгнать немецкие армии из покоренных государств. Начать «переговоры» с Гитлером или его эмиссарами, сесть для обсуждения за какой-либо круглый стол — означало одно и то же.

Стоит Британии принять итальянское посредничество — в ту же минуту расслабятся напрягшиеся мышцы сопротивления, рассеется боевой дух и над страной незримо будет поднят белый флаг.

Итак, он сказал решительное «нет» Галифаксу — можно предположить, что этого было достаточно, ведь премьер-министр высказался по вопросу жизни или смерти нации. В другой стране дебаты, скорее всего, завершились бы. Но не так работает британская конституция. Премьер-министр первый среди равных — *primus inter pares*, — и ему нужно увлечь за собой коллег, убедить их. Чтобы понять дальнейшую динамику обсуждения, необходимо напомнить о неустойчивости положения Черчилля.

Он был на посту премьер-министра менее трех недель, и не было до конца ясно, кто за столом был его настоящим союзником. Эттли и Гринвуд, лейбористская квота в кабинете, оказывали ощутимую поддержку, Гринвуд даже в большей степени, чем Эттли. То же можно сказать о либерале Синклере. Но их голоса не были решающими. Тори были крупнейшей партией в парламенте. Им Уинстон Черчилль был обязан своими полномочиями, а тори отнюдь не были уверены в нем.

Ведь, только став молодым членом парламента от консерваторов, он подвергал собственную партию нападкам и насмешкам. Затем он стал дезертиром и перешел в Либеральную партию, и, хотя в конечном счете он вернулся в ряды тори, слишком многие из них считали его беспринципным оппортунистом. За несколько дней

до описываемых событий тори бурно приветствовали со своих скамей появление Чемберлена в палате общин, а их реакция на Черчилля была крайне сдержанной. И теперь Черчилль сидел рядом с двумя влиятельнейшими тори: самим Чемберленом, лордом-председателем Совета¹, и Эдуардом Вудом, лордом Галифаксом, министром иностранных дел.

Оба конфликтовали с Черчиллем в прошлом и, при их складе ума, имели основания считать его не только пышущим энергией, но также иррациональным и абсолютно авантюристичным.

В свою бытность канцлером казначейства Черчилль привел Чемберлена в немалое раздражение планом по урезанию налогов на бизнес. Чемберлен опасался, что при этом будут несправедливо уменьшены доходы консервативных муниципалитетов. А вспомните те нескончаемые упреки, которыми Черчилль осыпал Чемберлена за неспособность противостоять Гитлеру. Что касается Галифакса, он был вице-королем Индии в 1926–1931 гг. и также объектом критики Черчилля, у которого, на взгляд Галифакса, была саркастическая и реакционная оппозиция всему, что имело привкус индийской независимости.

Был и дополнительный аспект в политическом положении Галифакса, который в те зловещие майские дни негласно поднимал его авторитет даже по сравнению с Черчиллем. Решающий удар по Чемберлену был нанесен 8 мая, когда многие тори отказались поддерживать его в дебатах по Норвегии. На ключевом заседании 9 мая стало известно, что уходящий премьер-министр видит Галифакса своим преемником. Король Георг VI также предпочитал Галифакса. Многие в Лейбористской партии, в палате лордов и прежде всего на скамейках тори хотели бы видеть Галифакса на посту премьер-министра.

¹ Руководитель Тайного совета британского монарха.

То, что им стал Черчилль, произошло из-за того, что Галифакс после жуткой двухминутной паузы, последовавшей за высказанным ему предложением Чемберлена занять пост, ответил отказом. Это решение было обусловлено не только тем, что ему представлялось крайне трудным руководить правительством из неизбираемой палаты лордов, но и тем, что, по его словам, невозможно быть капитаном, когда на палубе появляется необузданный Уинстон Черчилль.

Тем не менее то, что король предпочел бы видеть его премьер-министром, придавало Галифаксу уверенности. Несмотря на жесткую оппозицию Черчилля, Галифакс продолжил перепалку. Но то, что предлагал он, было воистину постыдным, если судить задним умом.

Суть его слов была в том, что необходимо начать переговоры с итальянцами, которых благословлял на то Гитлер. Как уступку с целью получения выгоды в дальнейшем он предлагал передачу им некоторых британских владений. Хотя он не уточнил, о каких владениях шла речь, возможно, подразумевались Мальта, Гибралтар и доля управления Суэцким каналом.

У Галифакса было несомненное хладнокровие, раз он мог предлагать такое Черчиллю. Поощрять агрессию началом переговоров? Передать британские авуары нелепому тирану Муссолини с его выступающими челюстями и высокими сапогами?

Черчилль повторил свои возражения. Если мы по совету французов встанем на путь переговоров, то эта скользкая дорожка приведет нас к капитуляции. Наша позиция будет гораздо сильнее, если Гитлер постарается организовать вторжение и потерпит при этом неудачу.

Но Галифакс не унимался: мы получили бы лучшие переговорные условия сейчас, когда Франция не разгромлена окончательно и поэтому люфтваффе еще не

переключилось на нас и не бомбит наши авиационные заводы.

Это поражение бедного Галифакса сейчас воспринимается с сильнейшим раздражением. Но мы должны понять и простить его упорство в заблуждениях. Знаменитая филиппика Майкла Фута «Винные люди», изданная в июле 1940 г. и направленная против политики умиротворения, в немалой степени способствовала подрыву репутации Галифакса.

Он ездил в 1937 г. на встречу с Гитлером, при этом случился знаменитый казус, когда он принял Гитлера за лакея. Но мы также должны признать, что Галифакс вступил в непростительно дружеские отношения с Герингом. Оба любили верховую охоту на лис, и Геринг прозвал его с омерзительной закадычностью Галалифаксом из-за немецкого охотничьего крика «Halali». Однако совершенно неверно было бы считать Галифакса апологетом нацистской Германии либо пятой колонной в британском правительстве. Он по-своему был не меньшим патриотом, чем Черчилль.

Ему казалось, что он видит путь, как защитить Британию, сохранить империю и спасти множество жизней. В своих представлениях он не был одинок. Британский правящий класс изобиловал — или, по крайней мере, был заметно заражен — сторонниками уступок Гитлеру и теми, кто симпатизировал ему. В их числе не были только Митфорды и другие последователи доморощенного дуче сэра Освальда Мосли, основателя Британского союза фашистов.

В 1936 г. леди Нелли Сесил отметила, что почти все ее родственники были «благосклонны к нацистам». Причина этого была проста. В 30-е гг. «сливки общества» сильнее, чем Гитлера, опасались большевизма и подстрекательной коммунистической идеологии передела. В фашизме они видели бастион против «красных»,

и у этих взглядов была политическая поддержка на самом верху.

Дэвид Ллойд Джордж побывал в Германии, он был настолько впечатлен фюрером, что уподобил его Джорджу Вашингтону. Бывший британский премьер-министр заявил, что Гитлер — «прирожденный лидер». Он хотел, чтобы «человек столь же высочайших качеств встал во главе власти в нашей стране». Поразительно, насколько был одурманен герой Первой мировой войны, тот человек, который привел Британию к победе над кайзером!

Убеленный сединами валлийский волшебник был околдован сам. Бывший политический наставник Черчилля стал отъявленным пораженцем. Вскоре и пресса подхватила эту мелодию. Daily Mail упорно вела кампанию за то, чтобы у Гитлера было право распоряжаться в Восточной Европе по своему усмотрению, ведь так он мог лучше поколотить большевиков. «Если бы Гитлера не было, — писала Daily Mail, — вся Западная Европа сейчас бы громко призывала подобного воителя».

The Times настолько придерживалась политики умиротворения, что, как рассказывал редактор Джеффри Досон, он, просматривая гранки, непременно выкидывал пассажи, которые могли обидеть немцев. А газетный барон Бивербрук самолично запретил колонку Черчилля в Evening Standard на том основании, что он слишком жестко критиковал нацистов. Респектабельные представители либеральных взглядов, такие как Джон Гилгуд, Сибил Торндайк; Джордж Бернард Шоу, театрально призывали правительство «рассмотреть возможность» переговоров.

Конечно, за предшествовавший год настроение в обществе серьезно изменилось, антинемецкие взгляды ширились и укреплялись. Все же отметим, что неправоту Галифакса несколько умаляет то, что в своем миротворчестве он пользовался поддержкой многих британ-

цев из разных слоев общества. Итак, в тот критический час продолжался спор между Галифаксом и премьер-министром.

Снаружи был теплый и великолепный майский день, каштаны в Сент-Джеймском парке украсились свечами соцветий. А внутри продолжался пинг-понг.

Черчилль сказал Галифаксу, что любые переговоры с Гитлером — ловушка; попав в нее, Британия окажется в полной власти фюрера. Галифакс заявил, что не мог понять, чем так плохо французское предложение.

Чемберлен и Гринвуд также приняли участие в разговоре, сделав довольно бесполезное замечание, что оба варианта — и продолжать сражаться, и начать переговоры — были довольно рискованны.

Когда время приближалось к пяти часам, Галифакс сказал, что ничто в его предложении даже отдаленно не может расцениваться как окончательная капитуляция.

По словам Черчилля, шансы того, что Британии предложат приемлемые условия, были один к тысяче.

Положение было патовым, и вот тогда, согласно большинству историков, Черчилль сделал гениальный ход. Он объявил перерыв в заседании до 7 часов вечера. А затем собрал кабинет министров в полном составе — 25 человек из всех ведомств. Многие из них должны были услышать его в качестве премьер-министра в первый раз. Постарайтесь понять его положение.

Он не мог переубедить Галифакса, как и просто сокрушить или проигнорировать его. Только накануне министр иностранных дел был настолько смел, что обвинил Черчилля в том, что тот несет «ужасный вздор». Если бы Галифакс ушел в отставку, положение Черчилля значительно ухудшилось бы: ведь его первую попытку как военного руководителя, кампанию в Норвегии, нельзя было признать удачной. Он разделял большую долю ответственности за это фиаско.

Апелляция к разуму провалилась. Но чем больше аудитория, тем более жаркой становится атмосфера — пришло время воззвать к чувствам. Он произнес ошеломительную речь перед кабинетом министров в полном составе. В ней не было даже намека на интеллектуальную сдержанность, которую должно проявлять на совещаниях в узком кругу. Это был «ужасный вздор» на стероидах.

Пожалуй, лучший отчет о той встрече содержится в дневнике Хью Далтона, министра экономической войны, и нет никаких причин не доверять ему. Черчилль начал довольно спокойно:

Несколько последних дней я провел в сосредоточенных размышлениях, не надлежит ли нам начать переговоры с тем человеком [Гитлером].

Но совершенно необоснованно полагать, что, если бы мы постарались заключить мир сейчас, нам удастся получить лучшие условия, чем те, которые мы можем отвоевать. Немцы потребуют наш флот (и назовут это разоружением), наши морские базы и многое другое.

Мы станем подъяремным государством. В нем Гитлер, наверное, создаст марионеточное британское правительство, возглавлять которое будет Мосли или подобный ему субъект. И куда это нас в конечном счете приведет? Впрочем, у нас есть огромные резервы и преимущества.

Речь завершалась шекспировской кульминацией:

Я убежден, что каждый из вас восстанет и низвергнет меня с моего места, допусти я хоть на миг возможность переговоров или капитуляции. Если долгой истории нашего острова суждено пресечься, то пусть это случится лишь тогда, когда каждый из нас будет лежать на земле, захлебываясь своей кровью.

Последние слова настолько потрясли людей в комнате, что они, как вспоминают и Далтон, и Лео Эмери, разразились возгласами одобрения и криками. Некоторые из них подбежали к Черчиллю и стали хлопать

его по спине. Черчилль беспощадно драматизировал и персонифицировал дебаты.

Это не какой-то дипломатический менуэт. Это — речь накануне битвы, в ней голос крови и древних сражений, в ней призыв встать на защиту своей страны перед лицом смертельной угрозы. Дебаты были завершены. Когда в 7 часов возобновилось заседание кабинета военного времени, Галифакс уже не оппонировал. У Черчилля была явная и шумная поддержка со стороны министров.

В течение года с момента принятия этого решения — сражаться, а не договариваться — были убиты 30 000 британских мужчин, женщин и детей, почти все они были погублены немцами. Крайне трудно представить, что у какого-либо из современных британских политиков, встань перед ним выбор — унижительный мир или избиевание невинных, хватит мужества пойти по пути Черчилля.

Даже в 1940 г. никто другой не мог бы стать подобным лидером — ни Эттли, ни Чемберлен, ни Ллойд Джордж и уж конечно не 3-й виконт Галифакс, бывший самой заметной альтернативой.

Черчилль придумал каламбур и дал Галифаксу прозвище Холифокс¹, отчасти из-за того, что тот был набожен, отчасти из-за того, что любил верховую охоту, но в основном из-за его тонкого лисьего ума. Пусть лис знает множество вещей, но Черчилль знал самое главное.

Он видел четче, чем Галифакс, и был готов к тому, что будет принесено множество жертв. У Черчилля было огромное, почти безрассудное нравственное мужество, чтобы понять, что война будет ужасна, но капитуляция была бы несравненно хуже. Он был прав. Постараемся понять это, представив май 1940 г. без него.

¹ Holy Fox — Святой Лис (англ.).

ГЛАВА 2

Нечерчиллева Вселенная

Давайте вернемся назад, к тому моменту 24 мая 1940 г., когда Хайнц Гудериан, один из самых бесстрашных танковых командиров в истории, находился на грани выдающегося триумфа. Его танки в яростных боях форсировали канал Аа в Северной Франции. После тяжелой эксплуатации бронетехнике дан перерыв, она негромко урчит на солнце, а Гудериан готовится к решающему штурму британских позиций.

Его добыча находится от него в 30 километрах — 400 000 человек британского экспедиционного корпуса: дрожащих, испуганных, готовящихся к позору пленения. Все, что нужно сделать Гудериану, — дать полный ход мощным двигателям Maybach, стремительным маршем двинуться к Дюнкерку — и британская армия будет разбита. После этой потери у островитян пропадет способность к сопротивлению. Но вдруг Гудериан получает приказ из Берлина, впоследствии он будет называть его катастрофическим.

По не до конца понятным причинам Гитлер велел ему остановиться и ждать. Гудериан подчинился, но он жестоко разочарован. Следующие несколько дней, из-за того что эвакуация идет крайне медленно, британское горло совершенно неприкрыто и к нему поднесен нацистский нож.

В этих ужасающих условиях британский кабинет военного времени размышляет, как действовать дальше — сражаться или договариваться. А теперь представьте, что из этого уравнения со многими переменными исчез Черчилль.

Пусть, как в шоу «Монти Пайтон», гигантская рука опустится с небес и унесет его из той прокуренной комнаты. Или предположим, что он отдал Богу душу в молодости, в одном из тех происшествий, когда он бесстрашно глядел в лицо смерти, надеясь перехитрить ее. Вообразим, что его немыслимое везение закончилось и за несколько лет до описываемых событий его пронзило копьё дервиша или прострелило самодельное ружье ценою в десять рупий, что он потерпел крушение на брезентово-веревочном летательном устройстве или погиб в окопе.

Мы предоставим судьбу Британии и мира Галифаксу, Чемберлену, представителям Лейбористской и Либеральной партий. Вели бы они переговоры с Гитлером, как предлагал министр иностранных дел? Да, почти наверняка.

Чемберлен уже был физически немоощен, через несколько месяцев он умрет от рака. Его невозможно было представить лидером в военное время, поэтому он и был устранен с поста премьер-министра. Мы знаем позицию Галифакса — он хотел договариваться. А у прочих не было ни влияния в парламенте, ни воинственного духа, чтобы руководить страной во время страшных опасностей и противостоять Гитлеру.

Черчилль — и только Черчилль — провозгласил противостояние нацистам своей миссией. В некотором смысле его возражения Галифаксу можно назвать эгоистичными.

Он сражался за свое политическое бытие, за доверие общества — если бы он уступил Галифаксу, то стал бы политическим трупом. Его престиж, репутация,

перспективы, это — все, что значимо для государственного деятеля, — стояли на кону, когда он настаивал на продолжении сопротивления. Некоторые историки из-за этого ошибочно считают, что он сражался за свои интересы, а не за интересы Британии.

За последние несколько лет на корпусе исторических исследований выступила неприглядная сыпь ревизионистских опусов, в которых предполагается, что Британия должна была сделать то, на что надеялись и за что молились столь многие люди на всех уровнях общества, — заключить сделку с нацистской Германией. Аргументация доходит до утверждений о возможности мирного сосуществования Британской империи и Третьего рейха. Несомненно, Гитлер мог бы произнести немало слов в поддержку этой идеи.

В 30-е гг. он несколько раз посылал Риббентропа, чтобы тот завел полезные знакомства в правящих кругах Британии, и у этих поездок был немалый успех. Как утверждают, в 1938 г. Галифакс имел неосторожность заявить адъютанту Гитлера, что он хотел бы видеть «завершением своей работы то, как фюрер рядом с английским королем войдет в Лондон под приветственные возгласы английского народа».

Как мы уже видели, многие представители аристократии и среднего класса испытывали эти прискорбные чувства к гитлеризму, в том числе бывший монарх Эдуард VIII. И даже теперь, в эти зловещие дни 1940 г., Гитлер порою высказывал восхищение Британской империей, а также говорил о том, что не в интересах Германии сокрушить Британию. Ведь это пойдет только на пользу соперничающим державам — Америке, Японии и России.

Мы, англичане, также были арийцами, хоть и не представителями генетически выделенного тевтонского варианта этой расы. Британия и ее империя могли

бы выжить в роли младшего партнера, представляющего несомненный исторический интерес, но упадочнического в своей основе, — что-то вроде греков по отношению к нацистскому Риму.

Многие думали, что бесчестье — приемлемая цена, ее можно заплатить, чтобы сохранить империю и предотвратить кровопролитие. Дело было не в том, что они хотели сделки с Гитлером, а в том, что считали ее неизбежной.

Так же полагали и многие французы: адмирал Дарлан из французского флота был убежден в поражении Британии, и в 1940 г. он готовился объединить силы с Германией.

В числе людей с такими взглядами были и американцы, например их несуразный посол того времени в Лондоне, ирландец по происхождению, Джозеф Кеннеди, бутлегер, мошенник и отец Джона Кеннеди. Он нескончаемо запрашивал аудиенций у Гитлера и посылал, вздыхая, мрачные депеши в Вашингтон. «С демократией в Англии покончено», — заявил он под конец 1940 г., незадолго до того, как был отозван.

Конечно, и он, и Галифакс, и умиротворители были не правы. Так же не правы и ревизионисты сегодняшнего дня. Но чтобы противостоять их галиматье, нам необходимо понять, что случилось бы при исполнении их желаний.

Я с неизменной настороженностью воспринимаю историю в сослагательном наклонении, ведь цепочка причин и следствий в таких умозаключениях не столь безусловна. События нельзя уподобить бильярдным шарам, один из которых с очевидностью ударяет по другому. И даже в бильярдах может наступить хаос.

Выньте мельчайшую частичку из нагромождения факторов — и невозможно предсказать, что случится в дальнейшем. Тем не менее из всех исторических

построений «а что, если» данное наиболее популярно. Некоторые из наших лучших современных историков провели этот мысленный эксперимент и с неизбежностью пришли к одному и тому же заключению: если вы устраните британское сопротивление в 1940 г., вы создадите условия для непоправимой катастрофы в Европе.

Гитлер почти наверняка победил бы. Ведь он сумел бы начать операцию «Барбаросса» — вторжение в Советский Союз — значительно раньше, чем в июне 1941 г. У него бы не было этих надоедливых британцев, беспокоивших его в Средиземноморье и североафриканской пустыне, связывавших его войска и вооружение.

Всю свою ярость Гитлер мог бы обрушить на Россию, которую собирался завоевать всегда, даже в тот момент, когда, скрестив пальцы за спиной, одобрил договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. И он мог бы удачно завершить военную кампанию до наступления морозного ада. Но и в действительности достижения вермахта были ошеломительными: нацисты захватили миллионы квадратных километров и миллионы людей. Они взяли почти весь Сталинград и вышли к конечной остановке московского трамвая¹. Представьте, что они взяли Москву, обезглавили коммунистический режим и довели Сталина до острого психоза, который он не может преодолеть. У него уже был нервный срыв, когда немецкие войска вторглись в Советский Союз.

В этих условиях, как предполагают историки, произошёл бы стремительный обвал коммунистической тирании, которому, наверное, способствовали бы при-

¹ Данное утверждение встречается в западной исторической литературе. Если быть точным, то фашисты вошли в Химки, вели бои в районе станции Дедовск, но не подходили к конечной остановке московского трамвая — они приняли за него пригородный поезд.

надлежавшие к среднему классу жертвы коллективизации. Было бы сформировано пронацистское марионеточное правительство. И что дальше?

У Гитлера, Гимmlера и их сатанинских приспешников появилось бы гигантское полотно, от Атлантики до Урала, чтобы запечатлеть их омерзительные представления о правильной власти. Не будь Британии, никто бы не остановил их, не препятствовал им, не воспользовался своей моральной репутацией по меньшей мере для их осуждения.

В Америке победили бы изоляционисты: если Британия не собирается рисковать жизнями своих людей, зачем это делать им? В Берлине Альберт Шпеер поторопился бы со своими сумасшедшими планами по созданию новой столицы мира, которую предполагалось назвать Германия.

В ее сердце должен был стоять Зал Народа — экзальтированная гранитная версия римского Пантеона, — здание столь огромное, что купол лондонского собора Святого Павла поместился бы в круглом отверстии в его своде. Предполагалось, что Зал Народа будет вмещать 100 000 человек и от их песнопений и возгласов в здании могут быть осадки: по мере того как теплые выдыхания поднимаются вверх, они конденсируются и падают каплями на головы пылких фашистов.

Это кошмарное сооружение должен был увенчивать гигантский орел, и оно в целом походило бы на прусский шлем космических масштабов — высотой 290 м, почти как у лондонского небоскреба The Shard. От него расходились бы лучами другие громадные символы господства: арка, в два раза превосходящая Триумфальную арку Парижа, колоссальные железнодорожные вокзалы. От них двухэтажные поезда мчались бы со скоростью 190 км/ч, чтобы довезти немецких поселенцев до Урала, Каспия и других восточноевропейских территорий,

откуда планировалось изгнать славянских «недочеловеков».

Замысел был в том, что рейх и фашистские государства-клиенты будут охватывать все европейское пространство, за исключением Швейцарии (хотя и в отношении ее имелся секретный план вторжения). Как уже было отмечено в нескольких романах-антиутопиях, эта часть света стала бы зловещим вариантом Европейского союза.

В 1942 г. доктор Вальтер Функ, министр экономики Германии и президент Рейхсбанка, написал статью, в которой призывал к созданию Европейского экономического сообщества — *Europäische Wirtschaftsgesellschaft*. Он предлагал единую валюту, центральный банк, общую сельскохозяйственную политику и высказывал другие знакомые нам идеи. О чем-то подобном говорил и Риббентроп, однако необходимо признать, что Гитлер был против такого объединения, поскольку в нем недостаточно жестко управлялась прочая часть нацистского Евросоюза.

В этом контролируемом гестапо нацистском Евросоюзе власти беспрепятственно могли бы проводить ненавистную расовую политику. Нацисты начали свои преследования в 30-е гг., задолго до того как Черчилль пришел к власти и принял решение о продолжении сопротивления. Уже в то время они перемещали еврейское и польское население.

Нацисты строили гетто вблизи железнодорожных узлов, что было прелюдией к депортациям, а, как Эйхман позднее признавал на судебном процессе, депортация означала ликвидацию. В случае победы они с новым размахом продолжили бы массовое истребление тех, кого считали неполноценными, — евреев, цыган, гомосексуалистов, слабоумных и лиц с наследственными болезнями.

Они бы ничем не ограничивали полет своего воображения в экспериментах над людьми: невероятно ужасных, бесстрастных, бесчеловечных и самонадеянных. Уинстон Черчилль был совершенно прав, когда позднее, летом 1940 г., говорил, что Европа погружается «в пропасть новых Темных веков, которые становятся еще более зловещими и, возможно, затяжными из-за света извращенной науки».

Вот таков наиболее вероятный альтернативный мир. Но была бы жизнь лучше, если бы Гитлер не преуспел в России и Сталин сумел отбить его натиск?

Мы стали бы свидетелями разделения Европы между двумя типами тоталитаризма: в одной ее части царит террор КГБ или штази, а в другой — гестапо. И повсюду население, лишенное возможности протестовать, живет в постоянном страхе ночного стука в дверь, ареста по любому поводу, лагерей.

В современном мире около двухсот государств, и 120 из них утверждают, что в них та или иная разновидность демократии, что они поддерживают право избирателей самим решать свою судьбу. Итак, большая часть мира, хотя бы на словах, поддерживает идею демократии, которая, по замечанию Черчилля, является наихудшей формой правления, если не считать всех остальных. Но если бы господствовали Сталин и Гитлер или кто-либо один из них, можно ли было всерьез надеяться на сегодняшнее торжество демократии?

Человечество с его суеверной привычкой вменять вердикт о правоте ходу истории усвоило бы мрачный урок: боги покровительствуют тираниям, так что тирания — то, что необходимо нашему несовершенному роду.

Мы в Британии примирились бы со своим моральным банкротством, и так легко представить себе, что Галифакс (либо Ллойд Джордж, либо еще кто-нибудь)

убедил избирателей, что замирение — это то, к чему они стремятся. Но в этом они, разумеется, обманывали бы сами себя.

Как вы думаете, могла бы Британия с помощью этой трусости обеспечить мир с нацистами? Как отмечал Черчилль на заседании кабинета, любая сделка, заключенная с Гитлером, будет означать разоружение флота и фатальное ослабление британской способности к долгосрочной обороне или ответному удару.

И ключевой пункт состоял в том, что немыслимо было полагаться на какой-либо договор с Гитлером. Черчилль оказался неопровержимо прав в своих предупреждениях о сущности нацизма — а он их делал уже в начале 30-х гг., когда побывал в Германии и увидел парады юнцов с блестящими глазами. В бесчисленном количестве речей и газетных статей он высказывался о лежащем в основе нацизма нравственном зле, которое столь многие предпочитали не замечать, о присущих этому режиму реваншизму и агрессивности. Ремили-таризация Рейнской области, события в Чехословакии и Польше убедительно свидетельствовали о правоте Черчилля, о том, что Британии настоятельно требовалось перевооружаться.

Многие историки сослагательного наклонения указывают, что нацисты значительно опережали своих соперников в разработке наиболее смертоносных видов вооружения XXI в.: у них были первые реактивные истребители и первые баллистические ракеты дальнего действия. А теперь представьте, что немецкие ученые настолько отчаянно стремились поспособствовать поражению Советского Союза, что первыми создали атомное оружие.

Подумайте о судьбе Британии все вы, кого искушают ревизионистские аргументы, кто втайне прикидывает, не было ли этой стране выгоднее заключить сделку. Британия оказалась бы в одиночестве перед лицом

враждебного континента, объединенного зверским тоталитаризмом и оснащенного ракетами с ядерными боеголовками, стоящими на пусковых площадках Фау-2 в Пенемюнде. Было бы новое рабство, а быть может, и того хуже.

Гитлер велел Гудериану остановить танки на рубеже канала Аа не потому, что был тайным англофилом. Он придержал руку полководца не из-за симпатии к соотечественникам по арийской расе. Многие из серьезных историков соглашались с Гудерианом: фюрер просто совершил ошибку. Он сам был захвачен врасплох скоростью своего завоевания и опасался ответного удара.

Правда состоит в том, что Гитлер видел в Британии не потенциального партнера, а врага. Хотя он порою одобрительно бормотал о Британской империи, он также призывал к полному уничтожению ее вооруженных сил. И отменил масштабные планы вторжения в Британию (операция «Морской лев») не оттого, что хотел в какой-то мере пощадить британцев.

Причиной был риск, ставший слишком большим, и то, что один человек призывал свою страну сражаться повсюду: на побережье, на холмах, в местах высадки десанта. И этот человек говорил своим министрам, что он скорее умрет на земле, захлебываясь собственной кровью, чем сдастся.

Гитлеровская операция «Морской лев» предусматривала не только вторжение, но и порабощение. Фюрер собирался убрать колонну Нельсона с Трафальгарской площади и установить ее в Берлине. Геринг планировал ограбить лондонскую Национальную галерею, изъять из нее всю коллекцию. Они даже намеревались пойти на такую подлость, как отправить Мраморы Элгина обратно в Афины. Был составлен черный список британских политических фигур с выраженными антинацистскими взглядами — вошедшие в него, по всей видимости, были бы посажены в тюрьму или расстреляны.

На каком-то этапе Гиммлер предлагал убить или поработить 80 процентов британского населения.

Таковы были возможные плоды сделки, заключить которую предлагал Галифакс. Британцы не только бы стали соучастниками тоталитарной тирании, которая готовилась поглотить Европу. Вполне возможно, если не крайне вероятно, что со временем они сами были бы сокрушены.

Пойди Британия на эту сделку в 1940 г. — и это последний и самый важный пункт, — не было бы освобождения материка. Страна стала бы не очагом сопротивления, а унылым вассальным государством в inferнальном нацистском Евросоюзе.

Не было бы польских солдат, обучающихся с британской армией, не было бы чешских летчиков в Королевских ВВС, не было бы «Свободной Франции», надеющейся искупить национальный позор.

И разумеется, не было бы ни ленд-лиза, ни транспортных судов «Либерти», ни даже призывов в адрес Америки отказаться от изоляционизма. Не было бы планов высадки в Нормандии, жертвенного героизма в секторе Омаха, никаких надежд, что Новый Свет со всей своей силой и мощью придет на помощь для освобождения Старого.

Америка никогда не стала бы стороной в европейском конфликте, пойди Британия на ошибочный и безумный шаг по заключению сделки в 1940 г. Взгляд в прошлое показывает, как невероятно близки мы были к нему, какой широкой поддержкой пользовалась идея переговоров.

Я не знаю, уместно ли сравнивать историю с поездом, мчащимся по железнодорожным путям, но давайте уподобим гитлеровский период одному из тех гигантских и стремительных двухэтажных экспрессов, которые по плану фюрера должны были перевозить немецких поселенцев.

Локомотив несется со свистом, рассекает ночь. Он спешит к окончательной победе. И вдруг кто-то забирается на парапет железнодорожного перехода и роняет лом, который заклинивает стрелку. И вся махина терпит жуткое крушение, превращается в искореженную и шипящую грудку металла. Уинстон Черчилль был именно тем ломом судьбы. Нацистский поезд мчался бы дальше, если бы Черчилль не был на своем месте и не оказывал сопротивление. Поразительно, если учесть его предыдущую карьеру, что он вообще там оказался.

ГЛАВА 3

«Дикий слон»

Мы вправе сказать, что в наши дни пробивающиеся наверх молодые тори, в особенности мужская их часть, считают Уинстона Черчилля чуть ли не божеством. Эти честные малые украшают стены своих юношеских спален плакатами с его изображениями: Черчилль в костюме в светлую полоску держит пистолет-пулемет либо показывает двумя пальцами знак победы.

Поступив в университет, они могут стать членами обществ Черчилля или его обеденных клубов, которые встречаются в залах Черчилля, где его портрету приходится терпеть их разогретую портвейном болтовню. Частенько они надевают галстук-бабочку в горошек.

Если их избирают в парламент, они всякий раз перед выступлением набожно проводят пальцами по левому ботинку его бронзовой статуи, которая установлена в вестибюле. Они надеются, что это поможет им собраться с духом. Достигнув в установленном порядке поста премьер-министра и оказавшись в затруднительном положении (что с неизбежностью происходит), они находят уместным выступить с дерзкой речью в клубе Святого Стефана. Их фотографии будут походить на изображения старого лидера военного времени, сделанные в том же обрамлении, — раскрасневшиеся, с заигравшими желваками и недовольными гримасами, обращен-

ными их преемникам на посту (предполагается, что это гордость).

Тори крайне ревностно относятся к Черчиллю. Это вопрос идентификации, политического права собственности. Сходным образом жители Пармы относятся к *formaggio parmigiano* — сыру пармезану.

Для тори он их ценнейшая головка сыра, источник гордости, величайший капитан команды консерваторов, сделавший хет-трик в финале и выигравший мировое первенство. И многие теперь не в полной мере отдают себе отчет, с каким сомнением и подозрением воспринимали тори его назначение премьер-министром в 1940 г., с какой желчью они цедили его имя.

Чтобы руководить страной во время войны, Черчиллю нужно было командовать не только унылыми мюнхенскими переговорщиками — Галифаксом и Чемберленом, — но и сотнями тори, которые привыкли считать его оппортунистом, перебежчиком, хвастуном, себялюбцем, подлецом, грубияном, проходимцем и — по заслуживающим доверия свидетельствам — горьким пьяницей.

Мы помним, как бурно члены палаты общин приветствовали Чемберлена и насколько сдержанно приняли первое появление Черчилля в ранге премьер-министра 13 мая 1940 г. Это происшествие задело Черчилля. «Я долго не продержусь», — сказал он, когда уходил из парламента. А консерваторы упорствовали в своей враждебности. С места для представителей прессы Пол Айнциг, корреспондент *Financial News*, мог как следует изучить фракцию тори, и он явственно ощущал испарения недоброжелательности, клубившиеся над ними.

Первые два месяца премьерства тори, по свидетельству Айнцига, хранили «угрюмое молчание» всякий раз, когда выступал Черчилль, даже по завершении им одной из своих исторических речей. В то время как лейбористы со своих скамей бурно приветствовали его, тори

продолжали замышлять, как бы от него избавиться. Приблизительно 13 мая Уильям Спенс, председатель «Комитета 1922 года», объединявшего рядовых консерваторов, сказал, что три четверти членов комитета были за то, чтобы указать Черчиллю на дверь и вернуть Чемберлена.

У нас есть письмо от того же времени, написанное Нэнси Дагдейл ее мужу Томми, который был парламентарием и сторонником Чемберлена, а в момент написания письма уже служил в вооруженных силах. В нем подытоживается настроение брезгливого ужаса консерваторов:

Как ты знаешь, они относятся к У. Ч. с полным недоверием и ненавидят радиотрансляции его хвастливых речей. У. Ч. является английской копией Геринга, он жаждет крови и блицкрига, он распух от себялюбия и обжорства. То же вероломство струится по его венам, оно лишь подчеркивается бравадой и болтовней. Трудно выразить, какую депрессию все это наводит на меня.

С точки зрения этих респектабельных людей, приверженцы Черчилля были сущими гангстерами. Среди них — Боб Бутби, парламентарий, бисексуальный грубиян и впоследствии друг братьев-близнецов Крэй¹; Брендан Брэкен, огненно-рыжий ирландский фантазер, позднее ставший владельцем *Financial Times*; Макс Бивербрук, крайне ненадежный владелец издательской группы *Express*. А возглавлял этот сброд неверных и своекорыстных пажонов «дикий слон» Уинстон Черчилль. Почтенные граждане выражали также недовольство его пристрастием к спиртному. «Мне хочется, чтобы он не производил впечатления хорошенько поддавшего человека», — сказал Морис Хэнки, государственный служащий высокого ранга, и мы как будто видим, что его нос при этом заметно морщится. Но те, кто порицал

¹ Братья Крэй — известные английские гангстеры.

Черчилля, делали это не из-за борьбы за трезвость, им скорее нравилось чувство морального осуждения.

Некоторые из наиболее ожесточенных критиков Черчилля продолжили свою политическую карьеру. Ричард Батлер вполне мог стать премьер-министром в 60-е, не переиграй его Гарольд Макмиллан. В 1940 г. Батлер был младшим министром и убежденным сторонником политики умиротворения. Вот что он сказал о возвышении Черчилля.

«Порядочная и незапятнанная традиция английской политической деятельности была продана величайшему авантюристу современной политической истории», — вспоминают его слова собеседники. «Капитуляция перед Уинстоном и его сбродом была катастрофой, причем совершенно ненужной», будущее страны было отдано в залог «полукровке-американцу, который опирался на похожих на него неспособных, но словоохотливых людей».

Это сильные выражения. И вы можете понять, почему многие люди сохраняли верность Чемберлену, который воспринимался ими как человек чести, который в глазах общества начала 40-х был предпочтительнее Черчилля. Все они были расстроены приходом «банды Черчилля», что воспринималось ими как дворцовый переворот. Ведь Черчилль не был фактически избран обществом на пост премьер-министра вплоть до 1951 г. И есть какая-то пленительная враждебность в их злобности.

Лорд Галифакс сетовал на необходимость слушать Черчилля, его голос «источал портвейн, бренди и жеваную сигару». Один из наблюдателей отмечал, что Черчилль походил на «толстенького малыша», который сучил ножками, сидя на скамье правительства, и с трудом удерживался от смеха при виде Чемберлена.

Вот что почтенные тори думали об Уинстоне Черчилле: Геринг, авантюрист, полукровка, предатель, толстя-

чок и катастрофа для страны. Все это походит на визги благородного собрания, когда там неожиданно появляются пираты и начинают давать распоряжения.

Как же истолковать это истеричное отвержение того, кто в XXI в. считается нашим величайшим героем?

Боюсь, что, если строго придерживаться точки зрения тори, это вполне объяснимо. За сорок лет парламентской карьеры Черчилль неоднократно демонстрировал абсолютное презрение к понятию политической верности, не говоря уже о лояльности к партии консерваторов.

С того момента, как рыжий и самоуверенный двадцатипятилетний Уинстон стал парламентарием в 1900 г., когда королева Виктория еще была на троне, он провозгласил нелояльность своим девизом и использовал ее для саморекламы. Он обвинял руководство тори в том, что они тратят слишком много на оборону. «Неужели у нас нет бедности?» — вопрошал он. Он осуждал их политику протекционизма, такая критика воспринималась в то время как левачество, поскольку она подразумевала более дешевую еду для рабочего человека. Он настолько раздражал своих старших однопартийцев, что однажды вся передняя скамья встала и в гневе вышла из палаты общин, стоило ему начать свою речь.

В январе 1904 г. тори начали предпринимать попытки снять его как официального кандидата от Консервативной партии по избирательному округу города Олдем. К апрелю того же года он решил сменить партию и довольно честно высказался о своих мотивах. Он полагал, что тори движутся к катастрофе. «Мое предсказание состоит в том, — заявил Черчилль в октябре 1904 г., — что они [руководство тори] перережут сами себе горло и приведут партию к полному уничтожению... а либералы одержат сокрушительную победу на выборах».

Другими словами, его поведение не соответствовало понятиям о принципиальном человеке. Он гнался за славой и вел себя как оппортунист, который стремится всегда быть наверху. Черчилль перешел в палате общин со своего места и уселся рядом с Ллойд Джорджем, за что его заслуженно прозвали «бленхеймской крысой».

Он старался ответить взаимностью. «Я английский либерал, — написал Черчилль в то время, — я ненавижу партию тори, ее членов и их методы». Пару десятилетий спустя, когда его принадлежность либералам исчерпает себя, он снова поменяет партию и вернется к консерваторам. Эта перемена седел воспринималась как самый искусный цирковой трюк, который когда-либо видел парламент. На протяжении большей части 30-х гг. Черчилль соответствовал своей репутации. Он охаживал руководство своей Консервативной партии всеми палками и дубинками, которые подворачивались ему под руку, он откровенно выпячивал себя.

Неудивительно, что скептицизм к нему испытывался не только на скамьях тори, но и во всем политическом истеблишменте. У любого противника Черчилля в 1940 г. был длинный список его прегрешений.

Даже когда он обучался в Сандхерсте, его осуждали за бесчестные поступки. Во-первых, он и другие младшие офицеры обвинялись в мошенничестве на скачках пони. Во-вторых, была странная история с бедным Алланом Брюсом, младшим офицером, которого Черчилль и его приятели якобы пытались выжить из полка. Семья Брюса даже высказывала предположения, что Черчилль предавался утехам в духе Оскара Уайльда. Эти беспочвенные утверждения были опровергнуты в ходе процесса по иску о клевете, поданного матерью Черчилля, но у грязи есть обыкновение прилипать.

Далее, была сомнительная история в Претории, когда он сбежал от буров, нарушив свое слово и бросив друзей. А что касается политической карьеры — боже мой, какое пиршество головотяпства! Если вы — противник Черчилля, то можно начать обвинение с того, как, будучи министром внутренних дел, он управлялся с яростными забастовками 1910–1912 гг. Его даже можно атаковать с любой позиции, ведь тори полагали, что он был чересчур мягок по отношению к забастовщикам, и одновременно он вошел в лейбористскую демонологию как человек, который «стрелял» по безоружным шахтерам в валлийском городе Тонипенди. На самом деле полиция не использовала ничего более смертоубийственного, чем свернутые макинтоши.

Также в 1911 г. разыгрался фарс осады на лондонской Сидней-стрит. Черчилль лично возглавил вооруженную полицейскую операцию в Ист-Энде против загадочного гангстера, известного под именем Петр Мальяр. Этот гангстер никогда не был найден, и возможно, его вовсе не существовало.

Черчилль присутствует на фотографии, запечатлевшей ту осаду. Он глядит из-за угла в направлении, где засели предполагаемые анархисты-террористы, и смотрится очень заметно в своем цилиндре.

«Я понимаю, что там делал фотограф, — сказал апатичный Бальфур в палате общин, — но чем же там занимался почтенный джентльмен?» Взрыв хохота был ответом на этот вопрос, ведь все понимали, что он стремился попасть в кадр.

Но все вышесказанное для противника Черчилля меркнет по сравнению с его грандиозными ошибочными суждениями периода Первой мировой войны. Сначала был антверпенский «промах», или «фиаско», в октябре 1914 г., когда Черчилль вбил себе в голову, что Антверпен должен быть спасен от немцев и что только он может уберечь город.

Четыре или пять дней он руководил обороной порта, и у него даже был номинальный контроль над всей Бельгией. Один журналист описал наполеоновские манеры этого человека, «закутавшегося в плащ и надевшего морскую фуражку. Он спокойно курил большую сигару и следил за развитием битвы под шрапнельным дождем... Он улыбался и выглядел удовлетворенным».

Вскоре Антверпен капитулировал, и стало принятым считать, что вмешательство Черчилля было бессмысленным самолюбованием, и, по словам *Morning Post*, он стал «непригоден для занимаемого им поста». Как бы то ни было, он удерживал этот пост первого лорда адмиралтейства достаточно долго, чтобы стать инженером того, что противники Черчилля называют грандиозной и беспрецедентной военной катастрофой. По сравнению с этим образцом полководческого искусства даже атака легкой бригады¹ выглядит весьма симпатично. Следствием данной попытки преодолеть патовое положение на Западном фронте стало не только унижение британских вооруженных сил, но и огромное количество жертв у австралийцев и новозеландцев. Экспедиция 1915 г. в Турцию до сих пор является первостатейным источником антибританских чувств у антиподов, поводом для их поношения англичан.

Неудача на полуострове Галлиполи вблизи пролива Дарданеллы была наиболее резким упреком Черчиллю. Память о ней была жива в 1940 г., отравляя отношение людей к Черчиллю, заставляя их сомневаться в его способности руководить страной во время войны. Даже те, кто считал его выдающимся человеком — а многие

¹ *Атака легкой бригады* — один из эпизодов Крымской войны, произошедший во время балаклавского сражения 25 октября 1854 г.

понимали это, — часто оказывались в замешательстве из-за его кажущегося неумения разобраться, склонности к преувеличению, чрезмерной возбудимости, граничащей с истерией. В 1931 г. он настолько раскипятился из-за перспективы индийской независимости, что назвал Махатму Ганди «полуголым факиром» — и эти слова, разумеется, не забыты в Индии.

Он неправильно истолковал общественные настроения при выработке своей позиции по отречению Эдуарда VIII в 1936 г. Он, казалось, придерживался взгляда, что король Англии вправе жениться на любой девчонке, будь она хоть американской разведенкой, иначе, черт возьми, какой же смысл быть королем? Однажды Черчилль выступал в палате общин, защищая Эдуарда VIII, но полностью потерял контроль над аудиторией и был заглушен протестующими криками. Парадоксально, что король при этом был нацистским сторонником, и, останься он на троне, он создал бы Черчиллю множество проблем.

Неприятели Черчилля также отмечали его гигантскую самовлюбленность, стремление оседлать любую волну, будь она большой или маленькой, и удерживаться на ее гребне, пока она не рассеется пеной на пляже. Когда они слышали его брань и зловещие предсказания о Гитлере и немецкой ремилитаризации, они слышали человека, который бранился до того и будет браниться дальше, его проклятия уже стали частью пейзажа, подобно проклятиям, разносящимся в Гайд-парке.

Необходимо признать, что его репутация не возникла на пустом месте. Были причины, чтобы считать его заносчивым и «неразумным», хотя бы потому, что отчасти это было правдой. Его уверенность в своих силах была сопряжена с вызовом смерти, он привык лезть по ветке дальше мыслимых пределов безопасного. Но почему он так себя вел?

В начале карьеры его не просто привыкли считать ненадежным, а даже полагали, что ненадежность — его врожденное свойство. Он появился на свет под блуждающей звездой.

Как-то я очутился в той самой комнате и глядел на ту самую кровать, где произошло это важное событие. Дальше по коридору, а точнее, по нескольким коридорам собирались участники громадного приема по случаю шестидесятилетия короля хедж-фондов XXI в.

«Подождите, — сказал я, когда нас сопроводили к первой фаланге официанток с шампанским, — вы можете показать нам комнату, где родился Черчилль?» Любезная экономка провела нас по боковому коридору в маленькую квадратную комнату на первом этаже.

Когда закрылась дверь и стих шум, можно было вообразить, что мы перенеслись на 140 лет назад, к кульминации другого торжественного приема. Если прищурить глаза, то вместо электрических светильников перед нами мерцали газовые, на стенах были те же самые безвкусные обои, в камине такой же веселый огонь, а вокруг были те же чаши и кувшины с гербом Мальборо.

Мысленным взором я четко видел все: верхнюю одежду гуляк, поспешно сброшенную с кровати, кувшины, наполненные горячей водой, а в постели — Дженни Черчилль с большим животом. Ее внезапно настигли родовые схватки, и она даже не сумела подняться наверх. Ей было всего двадцать лет, но она уже успела стать знаменитой и считалась одной из прекраснейших женщин лондонского общества.

Днем все были на охоте. По воспоминаниям одних, она тогда поскользнулась и упала; как рассказывали другие, она слишком увлеченно танцевала на балу. Как бы то ни было, 30 ноября 1874 г. в 1:30 ночи она родила младенца, которого ее муж описал как «чрезвычайно хорошенького и очень здорового».

Чтобы понять психологический склад Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля, необходимо проявить внимание к месту и времени его рождения. Комната находилась в самом сердце Бленхеймского дворца, который был родовым имением герцогов Мальборо. Дворец огромен, в нем 186 комнат, и само строение раскинулось на площади в 3 гектара, не говоря уже об озерах, лабиринтах, колоннах, парках, триумфальных арках и так далее. Это здание — единственное в Британии, которое, не будучи королевским или епископальным, называется дворцом.

Хотя у него есть и очернители, для меня этот дворец с его симметрично вздымающимися и падающими крыльями, восхитительно бессмысленными парапетами, заканчивающимися украшениями из камня медового цвета, — величайший шедевр английской барочной архитектуры. Бленхейм — это архитектурное заявление, и оно гласит: я велик, я величественнее всего, что вы когда-либо видели.

Дворец был пожалован в награду за труды одному из династических предков Черчилля — Джону Черчиллю, герцогу Мальборо, который превосходно сражался с французами и немало поспособствовал тому, что Англия стала ведущей европейской державой XVIII в. Черчилль родился здесь на том вполне достаточном основании, что это был его дом: Черчилль был внуком 7-го герцога, племянником 8-го герцога и двоюродным братом 9-го герцога. Не произведи этот возлюбленный кузен на свет наследника (а длительное время казалось, что он останется бездетным), Черчилль сам бы стал герцогом Мальборо.

Не просто аристократическое, а герцогское происхождение Черчилля крайне важно. Понимание того, что он является династическим наследником одного из величайших военных героев страны, всегда стояло для него впереди ощущения самого себя.

Время его рождения также кое-что разоблачает: он появился на свет двумя месяцами раньше положенного, спустя семь месяцев после свадьбы. Из-за этого обстоятельства всегда поднимались брови. Конечно, есть вероятность того, что он не был доношен, но, скорее всего, он родился в срок, но был зачат вне брака.

Последнее не так удивительно, ведь его родители были столь же своенравны и нешаблонны, как и их сын. Их важнейшим вкладом в цивилизацию оказалось полное пренебрежение сыном.

Мать Черчилля была дочерью известного американского бизнесмена Леонарда Джерома, который одно время являлся крупнейшим акционером *The New York Times*. Он также владел скаковыми лошадьми, оперным театром и крутил романы с оперными певицами. У Дженни на запястье был якобы вытатуирован маленький дракон, а ее безусловно роскошная фигура напоминала формой песочные часы. Ей приписывают изобретение коктейля «Манхэттен». Остроумие и привлекательная внешность Дженни, придающая ей сходство с пантерой, притягивали десятки любовников, в их числе был и принц Уэльский. Она три раза выходила замуж, некоторые из ее мужей были моложе сына.

«Она светила мне подобно Венере, — писал впоследствии Черчилль. — Я нежно любил ее, но на расстоянии». Его школьные письма к матери наполнены жалобными мольбами о любви, деньгах и визитах. Но главным образом его характер сформировал отец — сначала отвратительным обхождением с ним, затем преждевременной смертью.

Читая письма Рандольфа сыну, поневоле задаешься вопросом, чем провинился бедный ребенок, чтобы заслужить подобное. Рандольф требует не обращаться к нему ласково «папа», для него предпочтительнее «отец». Он не может вспомнить, где учится сын, в Итоне или в Харроу, и пророчествует, что тот «станет не более чем

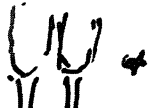
светским бездельником, одним из сотен неудачников частных школ, дегенерирующим к убогому, несчастному и тщетному существованию».

Возможно, история с часами — наиболее трагический пример того, как Уинстон старался угодить отцу. Рандольф подарил сыну новые часы, когда тот был кадетом в Сандхерсте. Но однажды Черчилль потерял их в глубоком месте на реке. Он снова и снова нырял в ледяную воду, чтобы найти их, но тщетно. Его попытки использовать различные приспособления, чтобы зацепить часы и вытащить их наружу, также ни к чему не привели. Тогда он нанял двадцать три кадета, заплатив им три фунта стерлингов. Они сделали плотину, направив реку по новому пути, и осушили старое русло. Часы были найдены.

Но эти геркулесовы труды не впечатлили безумного Рандольфа, который сказал, что его сын — «молодой тупица», которому «определенно нельзя доверять». У этого особенного поведения были, скорее всего, медицинские причины: лорд Рандольф Черчилль умирал от сифилиса.

Одно из недавних научных исследований попыталось избавить его от венерического позора, предполагая другой диагноз — опухоль мозга. Как бы то ни было, Рандольф считал, что у него сифилис, его жена, его доктор думали, что у него сифилис. Того же мнения придерживался и Черчилль. В юности он был свидетелем ужасного политического коллапса отца — от сверхновой звезды к черной дыре, а затем была медленная смерть, у всех на виду, от постыдной болезни.

Два сильных чувства, связанные с отцом, безраздельно владели Черчиллем в период его взросления: то, что он был разочарованием Рандольфа, и то, что сам Рандольф обманным путем был лишен заслуженного им величия. Поэтому Черчилль ставил перед собой две

it is one which will
 look very well when
 made into &
 also do to wear on
 Sunday with
 Etons - it also looks very
 well when the
 Jacket Waist off & Trousers
 are worn.

цели: доказать отцу, что он достойный сын, и реабилитировать самого отца.

Только задумавшись о взаимоотношениях с Рандольфом и его гипнотическом влиянии на сына, вы можете понять, почему Черчилль вел себя именно так. Он должен был подражать отцу, а иначе как доказать, что он достойный сын? Он должен был взять за образец жизнь отца и даже модель его поведения, чтобы реабилитировать Рандольфа в глазах всего общества.

«Ему совершенно нельзя доверять, как нельзя было доверять и его отцу», — сказал лорд Дерби в 1916 г. Теодор Рузвельт называл обоих «ничтожествами».

Такая репутация сложилась в значительной мере из-за того, что Черчилль вознамерился использовать жизнь отца как план и лекало для собственной жизни.

ГЛАВА 4

Фактор Рандольфа

Когда ему было семьдесят три года, Уинстон Черчилль написал необычное небольшое эссе, которое не предполагалось к публикации, по крайней мере до его смерти. В нем рассказывается о сверхъестественном случае, приключившемся зимой 1947 г. Славные дни войны и премьерства уже позади, он находится в небольшом коттедже на территории имения Чартвелл, переоборудованном в художественную мастерскую.

Черчилль готовится рисовать, но у него возникло странное ощущение. Он оборачивается и видит своего отца, сидящего в кресле. Глаза Рандольфа блестят, он вертит в руках янтарный мундштук и выглядит как в те редкие моменты, когда был очаровательным и любящим отцом.

Затем начинается живой разговор. Ведь прошло пятьдесят два года после смерти Рандольфа, которой предшествовала политическая изоляция и сифилитическое отчаяние. Рандольфу интересно, что произошло в мире, и Черчилль старается обо всем доложить.

Он говорит, что на троне находится король Георг VI, а в Дерби по-прежнему проводятся скачки, что с лондонским клубом «Терф» все о'кей, а «о'кей» — это новое американское выражение. Рассказывает, как бывший лидер тори Артур Бальфур в конечном счете потерпел крах, и это — приятное воспоминание, потому что

и отец, и сын не ладили как следует со старым снобом Бальфуром. Описывает укрепление социализма, объясняет, что прошли две мировые войны, в каждой из которых погибли около тридцати миллионов человек. Сообщает, что у русских царь нового типа, более свирепый и кровожадный, чем все его предшественники.

В этом литературном произведении Рандольф так и не узнает, чего достиг его сын. Отец делает вывод, что сын — художник-совместитель с посредственными способностями, живущий в маленьком коттедже, а по званию он не поднялся выше майора в территориальной добровольческой части.

К концу своего мрачного рассказа о современном мироустройстве Черчилль видит, что произвел некоторое впечатление на отца тем, насколько подробно он осведомлен о текущих событиях. Рандольф говорит с хорошо заметной иронией: «Конечно, ты сейчас слишком стар, чтобы думать об этом. Но, услышав твою речь, я удивился, отчего же ты не пошел в политику? Ты мог бы многое изменить и даже сделать себе имя».

При этом он улыбается, зажигает спичку и в мгновение ока исчезает. Многие биографы считают, что это сочинение, которое семья Черчилля называла «Видением», существенно способствует пониманию психологического облика Уинстона Черчилля. Несомненно, это так.

Эссе элегично, задумчиво, оно в каком-то смысле подобно печальному вздоху человека, который всю жизнь стремился впечатлить отца, но так и не сумел. Дети неоднократно слышали от Уинстона Черчилля, что по-настоящему поговорить с отцом ему удалось не более пяти раз и у него всегда было ощущение, что он не вполне соответствует ожиданиям Рандольфа.

В юности Черчилль был уверен, что он не так умен, как отец, и об этом же постоянно напоминал Рандольф. Отец закончил Итон, а юного Уинстона решили для

его же блага послать в Харроу, частично ради здоровья (для слабых легких воздух холмистой местности был предпочтительнее, чем сырой воздух у Темзы), но в основном из-за того, что в те дни считалось, будто учеба в Харроу не требует такого умственного напряжения, как в Итоне.

Рандольф учился в Мертон-колледже в Оксфорде, изучал юриспруденцию и чуть было не стал первым на курсе. Он с легкостью цитировал Горация. А Черчилль провалил экзамены и с большим трудом поступил в Сандхерст.

Когда Черчилль с трудом делал первые шаги по карьерному пути неуча, он был свидетелем метеорического взлета отца — тот стал канцлером казначейства и имел огромное влияние в партии тори. Но затем судьба жестоко обошлась с молодым Уинстоном — ему пришлось наблюдать за закатом отца. Черчилль был страстно предан отцу и тщательно просматривал газеты, выискивая отчеты о его выступлениях. Он отказывался признавать, что способности Рандольфа угасают, что его дикция стала неразборчивой и в нем более не пылает ораторский огонь. Как-то в аудитории один из присутствовавших начал освистывать Рандольфа, и подросток Черчилль повернулся и зашипел: «Прекрати этот шум, ты, курносый радикал!»

Когда Черчиллю было двадцать, в его отношениях с отцом наступил последний золотой период. Уинстона стали приглашать на ланчи с великими и знаменитыми людьми, такими как Джозеф Чемберлен, Герберт Генри Асквит, лорд Розбери, где он достойно проявлял себя.

«Он стал много лучше себя вести, — заметил его отец, — и приобрел уравновешенность... Сандхерст сотворил с ним чудеса». По собственным словам Черчилля, он мечтал стать политически полезным отцу, присоединиться к нему в парламенте и отстаивать его

дело. Но Рандольф ушел, умер в сорок пять лет, до того, как у сына появился шанс.

И вот в «Видении» сын снова рядом с отцом, и настал момент объяснить гневному родителю, что вселенский директор школы написал на Уинстона новую характеристику, что он уже не бездельник и лентяй, а величайший из живущих англичан и спаситель страны. Но — дуновение ветра, и Рандольф снова исчезает, не успев услышать хорошие новости.

Сочинение завершается на меланхолической ноте. Черчилль слишком устал, чтобы продолжить рисование. Сигара догорела, а пепел от нее смешался с красками. На первый взгляд мы должны посочувствовать ему из-за сверхвикторианской отдаленности в отношениях с Рандольфом. Но я не могу отделаться от мысли, что в этом эссе есть также оттенок самодовольства.

Он не только ищет посмертного одобрения со стороны отца, он втайне хвастается перед Рандольфом и читателем, как бросил вызов заниженным ожиданиям и превзошел родителя практически во всех отношениях.

«Так-то вот! — как будто говорит Уинстон Черчилль исчезнувшей тени Рандольфа. — Вставь сигарету в мундштук и покури-ка, ты, демагог с глазами цвета крыжовника и усами как у моржа. Ты был не вправе так критиковать меня». В этом состоит заявление Рандольфу и подтекст эссе.

А чем занимался Черчилль в своей мастерской в Чартвелле, когда появился призрак отца? Он реставрировал старый портрет Рандольфа, написанный масляными красками, который был поврежден в одном из североирландских клубов. Черчилль использовал свои краски и умения, чтобы подправить изображение.

Конечно, эта метафора подытоживает сочинение в целом. Черчилль говорил, что он намеревался «реа-

билитировать» отца, но сделал еще лучше. Он привез потрепанный холст, весь в никотиновых пятнах, и приукрасил его.

Именно Рандольф начал семейную традицию зарабатывать деньги журналистикой. Черчилль отмечает в «Видении», что Рандольф поехал в Южную Африку как корреспондент Daily Graphic и зарабатывал гигантские суммы — 100 фунтов за статью. А как Черчилль сам являет себя миру?

Он отправляется в Южную Африку, помимо прочих мест, и становится наиболее высокооплачиваемым журналистом своего времени. Как и у Рандольфа, у него в привычку входит злить тех самых людей, которые покровительствуют его амбициям.

А какой урок преподавал Рандольф сыну в отношении того, как действовать в парламенте? Отец проявил шокирующую нелояльность к тори и основал группу под названием «Четвертая партия», главной целью которой было подвергать нападкам Гладстона и высмеивать руководство партии тори в лице сэра Стаффорда Норткота.

Рандольф и его приятели называли последнего «козлом», и через некоторое время «козел» был более не в силах терпеть и написал Рандольфу письмо, где умолял не быть таким пакостником. Рандольф с блаженной снисходительностью написал в ответ: «С тех пор как нахожусь в парламенте, я всегда действовал в собственных интересах, и намерен поступать так и далее».

Вот такую подсказку получил молодой Черчилль. Став парламентарием в 1900 г., он собрал вокруг себя группу бунтующих молодых тори, которые называли себя «хьюлиганами» в честь Хью Сесиля, одного из их числа. И Черчилль насмехался над верховным командованием тори с тем же жаром и дерзостью, как в свое время это делал Рандольф.

Отец привил сыну фундаментальное презрение к понятию преданности партии. Черчилль позднее пояснил, что Рандольф предпочитал такую стратегическую позицию, когда он мог «смотреть сверху вниз на передние скамьи по обе стороны и с безукоризненной беспристрастностью относиться ко всем партиям в палате общин».

И как же Черчилль обходился со своими политическими партиями? По его словам, сказанным с искренностью, которая была бы неприемлема в современной выхолащенной политической деятельности, выбирать политическую партию — все равно что выбирать лошадь. Нужно заскочить на ту, которая повезет тебя быстрее и дальше. Мы уже видели ранее: он выбрал коня и спрыгнул с него незадолго до того, как конь околел. Черчилль перебрался на либеральную лошадь, и, когда лошадь была близка к тому, чтобы испустить дух, он перепрыгнул обратно на нового жеребца тори. Ни у кого — до него или после — не было этой великолепной неверности, лишенной угрызений совести.

Черчилль быстро решил, что его политическая позиция не должна быть левой или правой, а обязана включать лучшие черты обеих сторон и тем самым воплощать волю нации в целом. Себя он видит гигантским замковым камнем арочного свода, и меньшие камни должны поддерживать его позицию. У него было что-то вроде собственной идеологии — левый консерватизм, империалистический, романтический, но стоящий на стороне рабочего человека.

Мы снова видим наследие Рандольфа, девизом которого была «консервативная демократия». Ее принципы были расплывчаты, и когда Рандольфа попросили дать ей определение, тот ответил, что это «главным образом оппортунизм». Но «консервативная демократия» гальванизировала и вдохновила партию тори в 80-е гг. XIX в.,

и эта идея в немалой степени способствовала карьере Рандольфа Черчилля.

Его сын подхватил тему. Рандольф боролся за право работников на получение компенсации при несчастном случае на предприятии. Уинстон проникся тем же духом и стал автором важных социальных реформ: снижения пенсионного возраста до 65 лет, организации бирж труда, предоставления рабочим перерыва на чаепитие и так далее, но при этом он всегда оставался непоколебимым сторонником свободного рынка.

Черчилль перенимает политическое позиционирование у Рандольфа, и прежде всего наследует его стиль, его самопроецирование. Рандольф стал самым знаменитым оратором своего времени, чайные комнаты мгновенно пустели, когда он выступал поблизости. Поклонники из рабочего класса называли его «маленький Ранди» и «дерзкий Ранди». «Задай им жару, Ранди!» — кричали они, когда оратор, похожий на креветку, выпучивал глаза и входил в раж обличения. Он был рычащим вариантом Гасси Финк-Ноттля (персонажа П. Г. Вудхауза), который произнес знаменитую речь на церемонии награждения питомцев гимназии Маркет-Снодсбери.

Слова Рандольфа повторялись другими. Он прозвал Гладстона «суетливым стариком», а говоря о привычке того рубить для релаксации лес возле замка Хаварден, заметил: «Леса покрываются слезами, чтобы мистер Гладстон мог покрыться потом». Черчилль перенимает у него методику подготовки выступлений — сначала вся речь пишется без пропусков, далее ее нужно по возможности запомнить и выступать с ней, опираясь на память, — и становится самым прославленным политическим оратором не только своего времени, а, возможно, всех времен.

Но вы вправе спросить: у кого перенимал все это Рандольф? В ком он черпал вдохновение?

Оба Черчилля откровенно следуют традиции величайшего из всех консервативных чародеев и оппортунистов — Бенджамина Дизраэли. Рандольф был учеником Дизраэли и его заместителем на Земле. Когда Дизраэли умер, Рандольф способствовал созданию в его память «Лиги подснежника», ведь подснежник был любимым цветком викторианского лидера и денди.

Как Рандольф говорит своему сыну в «Видении»: «Я всегда верил в Диззи, этого старого еврея. Он предвидел будущее и понимал, что надо выдвинуть британского рабочего человека на передний план». И отец, и сын, по выражению Уинстона, «несли мантию Илии», были наследниками Дизраэли.

Преимущество поразительная, и она проявляется не только в заинтересованности в социальных реформах. Дизраэли и Черчиллей объединяет занятие журналистикой (а в случае Уинстона и написание романов), любовь к театральности и риторическим украшениям, чувство истории, империализм, монархизм, налет экстравагантности и неискоренимый оппортунизм.

Похоже, что в наши дни Дизраэли рискует лишиться былой славы. Дуглас Херд написал замечательную биографию, но он как будто слегка грозит пальцем, желая понять, чего же Дизраэли достиг по сравнению с «эффективными» тружениками вроде Пия.

Это несправедливо по отношению не только к Дизраэли, но и к ключевой традиции в современной британской политической деятельности. Не будь Дизраэли, не появилось бы и Рандольфа Черчилля. А не будь примера и образца, заданного Рандольфом, у нас бы никогда не было Уинстона Черчилля. Вспомните о восторженной реакции Черчилля, когда премьер-министр Стэнли Болдуин назначил его канцлером казначейства: «Меня облачат в мантию отца!»

Я ни в коей мере не утверждаю, что Черчилль был идентичен отцу, являлся его молодым дубликатом. Во

Рандольф
с призраком Дизраэли

Черчилль выступает
в палате общин, за ним
призрак Рандольфа

многих важных отношениях он сильно отличался от него в значительно лучшую сторону.

Рандольф был настоящим волокитой, а Черчилль был далек от подобного поведения. Невозможно представить, чтобы Уинстон подхватил сифилис. Оба его родителя, если использовать выражение Мюриэл Спарк, «прославились своим сексом», а Черчилль не мог похвастаться сходной славой.

Нельзя вообразить Черчилля, охваченного гневом до такой степени, что он набрасывается на своего слугу, как делал Рандольф; немыслимо, чтобы Черчилль писал настолько чудовищные письма своим детям. Уинстон не вел бы себя так безумно, как Рандольф в 1873 г., когда тот пытался шантажировать принца Уэльского¹ и будущий монарх вызвал его на дуэль.

Эта эксцентричная и отталкивающая история теперь удалась в пыльные закоулки библиотек, но, когда Уинстон Черчилль только начинал карьеру, многие помнили о ней и с неизбежностью интересовались, насколько далеко яблоко упало от яблони.

Все началось с того, что старший брат Рандольфа маркиз Блэндфорд вступил во внебрачную связь с женщиной, которую звали леди Эдит Эйлсфорд. Если судить по фотографии, нос этой Эдит был несколько длинноват, но она наверняка была секс-бомбой. Ведь ею одновременно были увлечены Блэндфорд, ее муж и Берти — тучный и недостаточно загруженный наследник трона. Видимо, в то время так было принято.

Эдит вознамерилась развестись с мужем, лордом Эйлсфордом, и сойтись с Блэндфордом. По причинам, которые не до конца ясны, Рандольф решил, что его старший брат не должен участвовать в такой комбинации. Он говорил, что семья навлечет на себя позор, если ее член будет втянут в дело о разводе.

¹ Альберт Эдуард, впоследствии король Эдуард VII.

Ему в голову пришла идея вынудить принца Уэльского, задававшего моральный стандарт в обществе, запретить развод. Он нашел несколько писем от принца Берти к Эдит. Они непристойны, говорил Рандольф. Они намекают на интимные отношения между принцем и леди Эдит, разоблачение любовников означало бы, что Берти никогда не сможет сесть на трон!

Рандольф грозился опубликовать письма. Назревал грандиозный скандал. О происходящем доложили королеве, вынужден был вмешаться и премьер-министр Дизраэли. Взбешенный Берти вызвал Рандольфа на дуэль. Но тот фигурально послал принца подальше под тем предлогом, что подданный не может ставить под угрозу жизнь будущего монарха.

В конце концов всей семье Черчилль пришлось поехать в ссылку в Ирландию. Герцог Мальборо отправился туда в статусе вице-короля, а Рандольф служил его личным секретарем. Вот почему Уинстон с двух до шести лет жил в Дублине.

Я раскопал эту несчастную историю, чтобы засвидетельствовать то свойство Рандольфа, которое унаследовал Уинстон. Я говорю не о прохиндействе, а об отчаянности, точнее, готовности идти на риск. Со стороны Рандольфа было безумием предполагать, что он может остановить развод брата, шантажируя принца Уэльского.

Он опять просчитался в конце карьеры, когда решил, что никто не может заменить его на посту канцлера казначейства и можно безбоязненно сыпать угрозами подать в отставку. «Я забыл про Гошену», — сказал он, когда вместо него назначили Гошену. На самом деле Джордж Гошен, 1-й виконт Гошен, памятен только тем, что про него забыл Рандольф. Но важным оказалось то, что отец передал сыну темперамент игрока.

Когда в мае 1940 г. Уинстон Черчилль пришел к власти, многие были изумлены, многие повергнуты

в ужас, но еще больше оказалось тех, кто считал этот приход неизбежным. В 1936 г., когда Стэнли Болдуин не стал включать его в свой кабинет министров, он заметил, что Черчилля нужно держать в резерве, чтобы тот смог быть премьер-министром военного времени.

В 1939 г. в Лондоне висели многочисленные плакаты с вопросом: «Как насчет Черчилля?» Кандидаты участвовали в дополнительных выборах, призывая к его возвращению во власть. В мае 1940 г., незадолго до норвежских дебатов, последователь Черчилля Гарольд Макмиллан подошел к нему в вестибюле и сказал: «Нам нужен новый премьер-министр, и им должны быть вы».

Черчилль сказал о том моменте, когда он наконец принял на себя руководство: «Я чувствовал, что меня вела судьба. Вся моя жизнь была подготовкой к этому часу и этому испытанию». Не только Черчиллю, но и другим казалось, что ему предначертано занять этот пост.

Ни у кого не было такого долгого опыта сражений, как политических, так и военных. Никто не мог сравниться с Черчиллем масштабом или прийти вровень с предстоящими тяжелейшими испытаниями. И была еще одна причина, по которой столь многим представлялось разумеющимся, что настал его час.

Они знали, что всю свою жизнь, полную удивительных взлетов и падений, он следовал примеру Рандольфа не из-за герцогского презрения к партийной дисциплине или гомерической жажды славы, а из-за того, что, стремясь поддержать себя и свои идеи, он шел на риск, не приемлемый ни для кого другого.

В мирное время такое поведение может быть пагубным. Но нельзя выиграть войну, не идя на риск, а на риск пойдет лишь тот, в ком есть храбрость. Это качество Черчилля чувствовалось всеми, вот почему многие

желали увидеть его во главе власти в 1940 г. вопреки издевкам влиятельных тори и сторонников политики умиротворения.

Вся его предшествующая карьера была свидетельством этой изначальной добродетели, которая, как подчеркивал он сам, делает возможными все другие добродетели. Не может быть никакого сомнения в огромном мужестве Черчилля, как личном, так и в принятии политических решений.

ГЛАВА 5

Нет поступка слишком отважного или слишком благородного

18 июля 1919 г. в Кройдоне стоял великолепный вечер. Война была закончена, и Черчилль уже полгода работал в правительстве, восстановившись после позора Галлиполи. У него как военного министра и министра авиации был утомительный день, и он страстно желал будоражащей практики. Наступало время одного из его летних занятий.

Оставалось несколько часов до заката, и он поехал на аэродром к югу от Лондона. Вместе со своим инструктором капитаном Джеком Скоттом они забрались в биплан Airco DH.4 (сконструированный де Хэвиллендом), у которого были превосходный деревянный пропеллер и латунная арматура. Скотт сел на переднее сиденье самолета с двойным управлением, Черчилль расположился позади. Хотя у него не было официальной лицензии пилота, он обладал достаточным опытом, чтобы самому совершить взлет.

Некоторое время все шло как по учебнику. Самолет протарахтел вдоль поля, тяга двигателя была хорошей, и они поднялись на высоту 20–25 метров. К ним были обращены лица наземной команды. Вид, наверное, был впечатляющим — один из самых знаменитых британских государственных деятелей, большая голова которого прикрыта кожаным летным шлемом и защитными очками, взмывает вверх на передовом образце британ-

ской техники. Черчилль был одним из первых людей после Икара, кто покорил небо и бросил вызов гравитации, используя аппарат тяжелее воздуха.

Но, когда они поднялись над землей на смертельную высоту, что-то пошло наперекосяк.

В те дни кройдонский аэродром окаймляли заросли высоких вязов. Чтобы избежать столкновения с деревьями, пилот при наборе высоты должен был сделать два поворота с креном — первый направо, а второй налево. Черчилль сделал первый поворот — никаких проблем. Ветер пел, играя с распорками. Спидометр показывал 110 км/ч, вполне достаточно, чтобы избежать падения из-за низкой скорости.

Черчилль повернул налево, изящные стабилизаторы и элероны подчинились его управлению. Медленно и мягко, как его учили, он перевел ручку управления самолетом в среднее положение, чтобы вывести его из крена. При этом ему пришлось переместить ручку управления из предыдущего положения примерно на 30 см. Он заметил что-то странное.

Угол крена по-прежнему составлял 45 градусов. Машина совершенно не слушалась его команд. Напротив, она стала крениться еще больше, показание спидометра стремительно уменьшалось. Уинстон Черчилль моментально понял, что он и капитан Скотт попали в беду.

«Управление не работает!» — крикнул Черчилль Скотту, способному человеку с большим опытом, который уже пережил одно тяжелое крушение, о чем свидетельствовали его ранения. Скотт мгновенно перенял контроль над ручкой управления и педалями, он дергал и толкал их, пытаясь совершить единственно возможный в этой ситуации маневр — направить нос самолета вниз, чтобы набрать достаточную скорость для выхода из скольжения на крыло. Будь они выше, это могло получиться. Но самолет был лишь в тридцати метрах от земли. Крушение было близко.

Они снижались в неуправляемой машине, и Черчилль увидел под собой залитый солнцем аэродром. Ему показалось, что все вокруг охвачено зловещим желтоватым сиянием. В мгновение ока — а у него оставалось не более того — ему подумалось: «Очень похоже, это конец». Весьма вероятно, так оно и было.

Но давайте оставим на одну-две секунды нашего героя, который стремительно мчится вниз к утрамбованной земле Кройдона. Давайте оглянемся на те риски, которым он уже подвергался. Рассмотрим, как он в ущерб себе наливал свинцом статистические игральные кости — не только в своей карьере авиатора, но и в своей эксгибиционистской жажде всяческой славы.

Одержимость Черчилля полетами началась до Первой мировой войны, когда он еще был первым лордом адмиралтейства. В начале 1913 г. он посетил находившийся в ведении военно-морских сил аэродром Истчерч на острове Шеппи. Его очаровала царившая там атмосфера: молодцы, напоминавшие Бигглза¹, бесстрашно штурмовали небеса, испытывая первые в мире гидросамолеты (авторство этого слова приписывают Черчиллю). Если бы не их усы, все это крайне напоминало бы обстановку ранних дней американской космической программы: повсюду уверенность и воодушевленность.

Черчилль моментально заметил потенциал их дела. Он решил, что у авиаторов должно быть собственное подразделение со своей идентичностью и кастовым духом, — так было положено начало тому, что впоследствии стало Королевскими ВВС. «Пока у авиации время Стефенсона, — провозгласил он, имея в виду изобретателя паровоза, — и наши машины еще ненадежны. Но придет день, когда они будут безотказны и крайне значимы для нашей страны». Черчилль был так взволнован,

¹ Бигглз — пилот, герой приключенческих романов У. Е. Джонса.

что захотел побывать в воздухе сам — и даже научиться летному делу.

Чтобы понять, насколько он был чокнутым, вспомните, что прошло лишь десять лет, как мир увидел зарю самолетостроения. В 1903 г. Орвилл и Уилбур Райты наконец взлетели на своем странном устройстве в городе Китти-Хок. И вот Черчилль, в возрасте 39 лет, без особой подготовки, желает взять уроки, чтобы управлять этими предметами, которые на современный взгляд почти не напоминают самолеты. Это скорее причудливые гигантские воздушные змеи из брезента с прикрепленным мотором от газонокосилки, которые установлены на колеса от детской коляски. Их конструкция перетянута тросами или кожаными ремнями.

Они кажутся смертоубийственными. Такими они и были. Подсчитано, что в 1912 г. один полет из пяти тысяч заканчивался летальным исходом. По современным стандартам это безумно опасно. Сравните с другим способом передвижения — на велосипеде по Лондону, — который несколько иррационально считается рискованным. При этом к смерти приводит одна поездка из 14 миллионов. Теперь вы понимаете, какой опасности подвергался Черчилль.

В наши дни на таком самолете не позволят взлететь никому, не говоря уже о старшем министре правительства. Одним из первых инструкторов Черчилля был двадцатитрехлетний аристократический отпрыск Спенсер Грей. Но спустя некоторое время Спенсеру пришлось выйти из игры: у него была аварийная посадка, в которой он получил травмы, изменившие его уклад жизни.

Друзья умоляли Черчилля остановиться. Его кузен Санни, герцог Мальборо, сказал: «Я не думаю, что у меня будет возможность написать тебе еще много писем, если ты продолжишь свои путешествия в воздухе. И я всерьез полагаю, что твои обязанности перед женой,

семьей и друзьями должны заставить тебя воздержаться от подобной практики или развлечения — как бы ты ее ни называл, — которая сопряжена со столь большой опасностью для жизни. Ты действительно не прав». Ф. Е. Смит заявил ему, что он ведет себя «по-дурацки» и «несправедливо по отношению к семье».

Его кузина леди Лондондерри сказала, что он был «злым». Жена Черчилля Клементина была крайне обеспокоена его увлечением, и порою он уходил тайком, ничего не сказав ей. «Сегодня я плохо вел себя и полетал», — признался он 29 ноября 1913 г., словно он пробрался в кладовую и съел пудинг, приготовленный для детей.

Затем его инструктором был другой молодой и лихой капитан Гилберт Уайлдмен-Лашингтон. Черчилль провел с Лашингтоном весь свой день рождения, 30 ноября, причем немалую его часть в воздухе. Капитан написал своей невесте мисс Эйрли Хайнс о неудержимом ученике: «Мы с Уинстоном взлетели по его распоряжению в 12:15, и он был настолько захвачен, что не представлялось возможным вывести из машины. За исключением $\frac{3}{4}$ часа на ланч, мы были в машине до 3:30. Он подает большие надежды и снова приедет сюда для обучения и практики».

Быстрый ланч прошел в домике Лашингтона, где Черчилль заметил фотографию молодой женщины и спросил о дате свадьбы. Капитан Лашингтон пояснил, что он копит на нее. Можно предположить, что обучение Черчилля было важным источником дополнительного дохода. Увы, свадьба так и не состоялась. Три дня спустя Лашингтон погиб из-за скольжения на крыло именно того самолета, в котором проходило обучение.

До нас дошло леденящее душу письмо Черчилля Лашингтону, отправленное, по-видимому, вечером того дня, который они провели вместе. Он спрашивает, почему его не слушается руль направления, отчего тот

так неповоротлив. «Может, объяснение состоит в том, что я чересчур толкаю на себя», — загадочно добавляет Черчилль. Лашингтон написал ответ, подтверждая, что, скорее всего, причина в этом. Он опробовал руль направления, и тот работал превосходно. «Вы чересчур толкаете на себя», — соглашается Лашингтон и отправляется в свой последний роковой полет.

Мы можем спросить, что значили эти слова о чрезмерном толкании. Понимал ли Черчилль, что на самом деле происходит с этими примитивными закрылками и рычагами? Понимал ли это хоть кто-нибудь?

После смерти Лашингтона Черчилль поклялся Клементине, что прекратит полеты. Впоследствии, в 1914 г., Черчилль снова дал такую клятву. Тогда он пригласил британского воздушного аса Густава Хэмела выступить перед Королевским летным корпусом. Хэмел получил новую машину под Парижем, взлетел оттуда и пропал над Ла-Маншем.

Тем не менее, как мы видели, Черчилль продолжал управлять самолетом. Он неоднократно долетал до Франции, блаженствуя подобно жаворонку в небесах. Черчилль постоянно восхищался скоростью и удобством воздушного сообщения. В 1919 г. он снова сидел в кабине пилота, и в преддверии ключевого эпизода в Кройдоне судьба уже давала ему всяческие предупреждения.

Как-то он полностью заблудился во время шторма над севером Франции. Ему пришлось снизиться, он увидел железнодорожный путь и по нему сумел проложить свой курс. За месяц до кройдонского случая у него уже была серьезная авария на аэродроме Бюк вблизи Парижа. Длинная трава замедлила его разгон, и шасси зацепилось за препятствие в конце взлетной полосы.

Самолет кувыркнулся, словно подстреленный кролик, говорил Черчилль. Тогда он повис вниз головой на ремнях безопасности. А теперь ему предстояло жестоко и принудительно соединиться с землей Кройдона.

Если перед ним промелькнула его жизнь, ему, наверное, подумалось, насколько он был безрассуден все эти годы.

Когда мы размышляем о непомерной храбрости в начале его военной карьеры, мы можем прийти к заключению, что он нарочито навлекал на себя опасность. Подобно Ахиллесу или рыцарю короля Артура, он жаждал не только оказаться в гуще битвы, но, прежде всего, быть увиденным в этой гуще.

Его подвиги начались на Кубе, когда ему было двадцать. Там он, как и с успехом впоследствии, оказался в несколько двусмысленном положении, будучи одновременно офицером британской армии и репортером с линии фронта. До того он удовлетворительно завершил обучение в Сандхерсте: по успеваемости был двадцатым из 130 человек своего выпуска, также стал бесстрашным и искусным наездником. Вскоре он завербовался корнетом в 4-й ее королевского величества гусарский полк. Служба в армии была накладной, и в журналистике Черчилль видел хитроумный способ увеличить свой доход и лично навести глянец на собственную репутацию.

Когда кубинцы взбунтовались против испанских колонизаторов, Черчилль присоединился к испанской армии. Официально он должен был писать сообщения для Daily Graphic, но сам он хотел, чтобы как можно ближе к нему просвистела неприятельская пуля, при этом не задев его.

Ему повезло. В свой двадцать первый день рождения он оказался в джунглях, и там прогремели выстрелы. Лошадь позади него поймала пулю, красное пятно расплылось по гнедой шкуре, она испустила дух. Сообщение Черчилля дрожит от возбуждения, когда он описывает, как пуля пролетела «в тридцати сантиметрах от моей головы». На следующий день он купался в реке, и снова раздались выстрелы. «Пули со свистом

проносились над нашими головами», — говорил он с гордостью.

В каком-то смысле это было блистательно, но все же никоим образом не могло сравниться с полномасштабным сражением. Черчилль стремился к боевой службе в британской армии. Он сам хотел пострелять — и желательно по врагам ее величества. Благодаря искусному лоббированию со стороны его матери (про нее говорили, что она использовала все ресурсы женского очарования, чтобы добиться требуемого от генералов) через два года Черчилль получил назначение в Малакандский полевой корпус, которым командовал сэр Биндон Блад.

Перед этим пышноусым империалистом была поставлена задача сделать тяжелой жизнь бунтовщикам-пуштунам — мусульманскому племенному объединению на северо-западном индийском рубеже. Пуштуны поднялись на восстание против Британской империи там, где теперь находится пограничная территория между Афганистаном и Пакистаном. И в наши дни здесь находят прибежище самые закоренелые фанатики и террористы. И тогда, и сегодня операция не была приятным пикником.

Пуштуны давали свирепый отпор. Мечта Черчилля о боевых действиях осуществилась, и в какой мере! От чтения его рассказов о сражениях волосы встают дыбом: люди рядом с ним изрублены на куски; бунтовщики несутся на него, пока их не изрешетят пули; британские пехотинцы бегут в панике, бросив раненого офицера, и тот вскоре будет зарезан на носилках фанатиками-пуштунами. Час за часом Черчилль был под огнем.

Как-то он вел стрельбу из пистолета, затем бросил его и схватил винтовку. Позднее он написал в сообщении: «Я потратил сорок патронов в непосредственном соприкосновении с неприятелем, что привело к неко-

торому воздействию. В этом я не уверен, но мне показалось, что я застрелил четырех человек. Во всяком случае, они упали». Порою он определенно бахвалится тем, как подвергает себя вражескому огню: «Я ехал на серой лошади вдоль линии перестрелки, в то время как все остальные лежали в укрытии. Наверное, это глупо, но я веду игру с высокими ставками, а для здешней публики нет поступка слишком отважного или слишком благородного».

Он вел себя с тем самоубийственным мужеством, которое демонстрировали представители некоторых племен в Северной Кении в 80-е гг. XX в. Последние полагали, что сумеют предотвратить попадание пуль, если намажутся ореховым маслом. Подвиги Черчилля в Малаканде заслужили бы современному солдату Крест Виктории или другую серьезную награду. А Черчилль впоследствии повторял и превосходил их.

В сражении 1898 г. при Омдурмане в Судане он был участником последней полномасштабной кавалерийской атаки британской армии. Снова Черчилль был в роли колониального притеснителя, он помогал подавить бунт суданских мусульман, которых возмущало британское правление, в том числе попытка Лондона упразднить рабство чернокожих африканцев. Дженни опять поспособствовала тому, чтобы он отправился туда как гибрид солдата и репортера — к сильному неудовольствию армейского командования. Черчилль стал более влиятельным игроком, он побывал в кавалерийском дозоре и лично доложил еще более пышноусому генералу Китченеру о расположении суданской исламской армии.

Целью операции было разгромить войска мусульманского правителя и отомстить за потрясшую викторианский мир смерть генерала Чарльза Гордона, чья отрубленная голова была насажена на копье в Хартуме

13 лет назад. 2 сентября 1898 г. в 8:40 утра Черчилль пустился вскачь к шестидесятитысячной армии дервишей. Целый час до того ее обстреливали британские пушки. Черчилль и его эскадрон думали, что они атакуют группу из 150 местных копьеносцев, но оказалось, что те вооружены винтовками.

Внезапно дервиши открыли стрельбу с колена по отряду улан. Что же делать? Удирать или ударить по врагу? Британские кавалеристы продолжили нападение. Черчилль проскакал около ста метров по направлению к дервишам, когда понял, что сейчас окажется в ложбине, «набитой копьеносцами», которые стояли в двенадцать шеренг.

Как он поступил? Он атаковал дальше. Была ужасная свалка, дервиши разлетались, как сбитые кегли. Черчилль расстрелял десять патронов из магазина своего маузера и прорвался через ложбину. Ни он, ни его конь не получили даже царапины. Затем он пустил коня рысью по месту сражения, где рубились британцы и дервиши.

Он подъезжал к отдельным противникам и «стрелял из пистолета им в лицо, убив нескольких: троих — наверняка, двоих — возможно и еще одного — крайне сомнительно». От этих слов может сложиться впечатление, что сражения были несколько односторонними. Все же у нас был пулемет «Максим», а у них — нет.

Но подобное суждение совершенно недооценивает риск. Из 310 человек, участвовавших в кавалерийской атаке, 21 был убит и 49 ранены. Позднее Черчилль выразился так: «Это были самые опасные две минуты, которые мне предстояло и предстоит увидеть».

На самом деле? Впоследствии он сражался в Англо-бурской войне и многократно попадал под огонь крутых голландских фермеров, которые превосходили в меткости стрельбы и вооружении пуштунов и дервишей.

Здесь не хватит места, чтобы повторить целиком драму о Черчилле и бурах. Этому посвящены отдельные книги, особо отметим две из них, написанные самим Черчиллем.

Если изложить вкратце, то он поехал двадцатичетырехлетним репортером на эту злосчастную войну, в которой бородатые и косноязычные персонажи, словно сошедшие со страниц романов о вельде Уилбура Смита, нанесли ощутимый удар по могущественной Британской империи. В 1900 г. Черчилль попал в грандиозную переделку, из-за которой он наконец-то оказался на первых страницах газет.

Он ехал на поезде к городку Коленсо в Натале, когда на них напал из засады неприятель, и поезд сошел с рельсов. Находясь под огнем, Черчилль проявил большое хладнокровие и самоотверженность, сумев организовать сопротивление. Как обычно, в него стреляли и он чудом уцелел. Черчилля схватили, но он убежал из тюрьмы, запрыгнул на товарный поезд, скрывался в перелеске, где его напугал гриф, прятался в угольной шахте, добрался до города Лоренсу-Маркиш (в нынешнем Мозамбике), там его встретили как героя.

Позднее он разъезжал по Трансваалю и Оранжевой республике, несмотря на награду, назначенную за его голову. В него снова стреляли и чуть не убили в местечке Деветсдорп, он выказал «очевидную доблесть» в битве у горы Даймонд-Хилл... Надеюсь, что мне удастся донести до вас мою мысль.

Я мог бы продолжить: в 1915 г., после Галлиполи, он присоединился к действующей армии, служил в войсках на Западном фронте, 36 раз побывал на «ничьей земле» и порою подходил к немецким окопам так близко, что слышал разговоры вражеских солдат. Я мог бы рассказать о его безразличии к пулям и снарядам — но, полагаю, читателю и так понятно.

С юного возраста и на протяжении всей своей жизни Черчилль проявлял мужество льва. Сколько пуль и прочих снарядов было выпущено в его направлении? Тысяча? Скольких человек он собственноручно убил? Дюжину? Возможно, и больше. Никакой другой премьер-министр со времен Веллингтона не участвовал настолько активно в боевых действиях или в такой же мере лично не нес погибель тем жителям развивающегося мира, которые угрожали ему насилием.

У него как премьер-министра был уникальный знак отличия — в него стреляли на четырех континентах. На этой стадии восприимчивый читатель, наверное, готов согласиться с этим неоспоримым свидетельством храбрости Черчилля, но может задаться вопросом о лежащей в ее основе психологии. Почему он был таков?

Отчего его пружина была на таком взводе? Одно из удовольствий при изучении характера Черчилля — а также одна из причин его душевной устойчивости — то, что он способен быть предельно честным, говоря о своих мотивах. Он понимает, что играет на зрителя, и рассказывает об этом матери, когда объясняет свое поведение в Малаканде. Ему нужна публика для отважных и благородных поступков, поскольку ему надо кое-что доказать.

Он признает: «Во многом я трус, особенно это проявлялось в школе, и мое самое заветное желание — завоевать репутацию мужественного человека». «Кто есть дитя? Отец мужчины»¹ — а рыжий и вспыльчивый Черчилль был низкорослым ребенком.

Его не взяли в команду школы Харроу по футболу, а там уделяли особенное внимание этой жесткой и энергичной игре. Даже в крикет Черчилль играл совсем немного, был неприятный случай, когда другие мальчики

¹ Уильям Вордсворт. «Займется сердце, чуть замечу». Перевод А. Ларина.

кидали в него крикетные мячи, — он убежал и спрятался в лесу. Это отложилось у него в памяти, ему казалось, что он не выдержал испытания сверстников, подобно тому как не выдержал испытания Рандольфа.

Но, как мне думается, он ошибался, занимаясь такой самокритикой. В младшем школьном возрасте он не был трусом, а, напротив, был дьявольски храбр. Его отправили в школу, когда ему было семь, под опеку истязателя-садиста по имени Герберт Снейд-Киннерсли. Этот сторонник «Высокой церкви»¹ был старым извращенцем: за малейший проступок он наказывал виновного двадцатью ударами палкой — уже после третьего удара выступала кровь.

Хотя Черчилль был ужасно несчастен, он не жаловался на это варварство, и о нем не стало бы известно, не заметь семейный врач рубцы на его теле. Но знаете ли вы, что сделал молодой Черчилль?

Как-то Снейд-Киннерсли задал ему взбучку за то, что он взял немного сахара. После этого Черчилль нашел соломенную шляпу старикашки и изодрал ее в клочки. Я люблю его за это. Он вовсе не был трусом в школе, может быть, он не был слишком хорош в заляпанных грязью командных играх, но он становился победителем соревнований между школами по фехтованию. Он прославился тем, что столкнул старших мальчиков в бассейн, и, если вам требуется окончательное доказательство его абсолютного, неразбавленного мужества в подростковом возрасте, я расскажу вам случай, который приключился с ним, когда он играл в догонялки с братом и кузеном в Дорсете.

Они подловили Черчилля на мосту, подбежав к обоим его концам, под мостом был глубокий овраг. Черчилль заметил, что вблизи находится верхушка ели, и за секунду его изобретательный ум выработал план.

¹ «Высокая церковь» — направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму.

Ему надо прыгнуть на дерево и соскользнуть вниз, хватаясь за ветки, чтобы замедлить спуск. Замысел был хорош, но исполнение подкачало. Он пришел в сознание через три дня и еще три месяца провел в постели.

В этом эпизоде мы подмечаем многие составные части его характера: находчивость, браваду, умение принимать решение в мгновение ока. Храбрость Черчилля не была напускной, не была некой личиной, которую ему приходилось надевать. Так он был устроен. Удадь была у него в крови, струилась по венам, подобно топливу с более высоким, чем у остальных людей, октановым числом.

Ничто не могло остановить его, даже крушение в Кройдоне. Мы вернулись туда как раз в тот момент, когда падающий самолет врезался во взлетно-посадочную полосу со скоростью 80 км/ч. Первым ударилось левое крыло, оно разлетелось на куски, а пропеллер ушел глубоко в землю.

Черчилля бросило вперед, его сдавило, и тяжесть казалась невыносимой. Струи топлива пронеслись рядом с ним, и он снова подумал, что сейчас умрет. Но оказалось, что славный капитан Скотт успел разомкнуть электрическую цепь до того, как потерял сознание.

Черчилль выбрался и поклялся, что никогда больше не будет управлять самолетом. Он был верен этой клятве вплоть до середины Второй мировой войны, когда ему снова потребовалось показать, из чего он сделан, и когда его готовность пойти на риск и сесть в самолет была жизненно необходима для британского сопротивления.

Конечно, он любил покрасоваться — не только перед матерью, прессой или публикой, а прежде всего перед тем, кто записывал его деяния с любовью и наиболее точно: перед самим собой. Что бы ни сказал, что бы ни

сделал Черчилль, он, подобно Юлию Цезарю, оценивая, как это можно описать.

Но это никоим образом не умаляло его львиное сердце. Именно то, что он был безусловно и бесспорно отважен, давало ему право с 1940 г. требовать такой же храбрости и от других. Разумеется, воевал не только он, но и Эттли, и Иден, тем не менее их репутации были несопоставимы.

Общество могло с уверенностью сказать о Черчилле: он не потребует от британских вооруженных сил того, чего не сделал бы сам.

Наконец, у Черчилля было еще одно преимущество перед другими. Он побуждал не только личным примером и военной карьерой. У него был словесный дар, позволявший ему воодушевить людей и вдохнуть в них собственное мужество.

ГЛАВА 6

Великий диктатор

Ага, думаю я, когда наконец-то стою в кабинете Уинстона Черчилля. Вот как он делал это. По особому разрешению зрителей Чартвелла я подошел к письменному столу — за веревочное ограждение. Я гляжу на круглые черные очки в стиле Джона Леннона, приобретенные на Бонд-стрит¹. А там — дыроколы. Я вижу бюст Наполеона, он заметно больше бюста Нельсона, а рядом пресс-папье, которые встречаются на нескольких фотографиях.

Когда я наклоняюсь, чтобы получше разглядеть сильно истертый правый подлокотник рабочего кресла — напоминание о странной привычке Черчилля крепко держаться за него, возможно из-за вывихнутого плеча, — меня вежливо просят отойти. Видимо, они испугались, что я решил испытать это кресло собственным весом.

Я беспрекословно подчиняюсь. Увиденного мной достаточно.

Это не характерный английский загородный дом с потрясающим видом на кентский уилд², зарыбленными прудами, лужайкой для игры в крокет, кинотеатром,

¹ *Бонд-стрит* — одна из главных торговых улиц Лондона.

² *Уилд* — некогда лесистая местность в Южной Англии, необработанная земля.

художественной мастерской и всеми цивилизованными удобствами, о которых может помыслить праздный джентльмен. Нет-нет, эта усадьба елизаветинской поры, претерпевшая сильные изменения, не место для отдыха. Это машина.

Неудивительно, что дизайн дома был разработан тем самым плодовитым мозгом, который помог изобрести танк и гидросамолет, а также предвидел создание атомного оружия. Усадьба Чартвелл, Вестерхем, графство Кент, была одним из первых в мире текстовых процессоров. Весь дом — это гигантская машина для генерации текста.

Внизу находится комната с подвешенными к потолку зелеными лампами, картами на стене и телефонным коммутатором: здесь он держал своих исследователей, обычно их было шесть одновременно, — младшие оксфордские преподаватели, научные сотрудники, некоторых из них ждал академический успех. Там они исполняли черновую работу: препарировали и обрабатывали, рылись в книгах и документах в поисках нужной информации.

Они были его нибелунгами, его эльфами, карликами, звякающими в кузнице Гефеста. Или, если воспользоваться современным эквивалентом, они были личным поисковиком Уинстона Черчилля — его Google. Если им требовались дополнительные книги, они могли пройти по коридору в библиотеку — там было более 60 000 томов, в основном в кожаных переплетах. Это был его банк данных. И когда Черчиллю был нужен какой-либо факт или текст, он, образно говоря, нажимал клавишу «выполнить» и вызывал их. Они шли наверх и заходили по одному в его кабинет, где он занимался сочинительством.

Одна из многих причин испытывать пиетет к Черчиллю — то, что днем (и не только) он был занят своими министерскими обязанностями. Потом у него был

превосходный обед с шампанским, вином и бренди. И уже после этого, около 10 вечера, подкрепившийся и радостный, он начинал писать.

Я это знаю и говорю за многих журналистов, да и не только за них, что довольно легко писать после ланча, даже если (или в особенности если) он сопровождался вином. Но делать это после обеда с выпивкой просто невозможно. Я не слышал ни о ком другом, кто после долгого дня и хмельного обеда был бы способен выдавать первоклассные тексты.

Наверное, было что-то особенное в его метаболических путях, еще более поразительно то, что обычно он вовсе не писал — он диктовал. Черчилль, овеванный табаком и алкоголем, частенько надевавший шлепанцы с монограммой и своеобразный светло-лиловый костюм «сирена»¹ (сшитый для него Turnbull & Asser), собирал свои мысли, расхаживая по деревянным доскам, и с рычанием произносил сложившиеся предложения. Так система по обработке текста запускалась в действие.

Машинистки вовсю старались не отставать, а он рокотал и рокотал, даже глубоко за полночь, облизывая и жуя свою незажженную сигару. Иногда он брал их с собой в небольшую и аскетичную спальную комнату. Они смущались и пищали, а он раздевался, погружался в заглубленную ванну Shanks и возобновлял сочинительство. Машинистки сидели на полу и постукивали по специально приглушенным клавиатурам, которые он предпочитал.

Через некоторое время Черчилль перечитывал ворох напечатанных страниц и вносил правку от руки —

¹ Костюм «сирена» — теплый комбинезон, который во время Второй мировой войны надевали при воздушной тревоге, прежде чем спуститься в бомбоубежище.

сохранилось огромное количество его заметок на полях, выполненных синими чернилами, — затем производился набор текста, и он приобретал тот вид, который будет в книге. Но и это было не все.

В кабинете Черчилля я подхожу к конторке с наклонной поверхностью, которая приставлена к стене и походит на стойку для чтения газет в клубе. За ней он производил окончательную обработку текста, тот ритуал, с которым нам позволяют легко справиться программы от Microsoft. Черчилль играл с предложениями, представляя их части для большей выразительности, он заменял один эпитет на другой и всецело наслаждался этим процессом полировки своей работы. Затем все снова отправлялось в набор.

Это фантастически дорогой способ работы, тем не менее он позволил Черчиллю не только выдать больше слов, чем Диккенс или Шекспир, — а больше Диккенса и Шекспира, вместе взятых. Зайдите в дом респектабельного английского семейства из среднего класса, предпочтительнее старшего поколения, — и вы наверняка увидите, как на книжных полках рядом с Британской энциклопедией громоздятся его работы: «Мировой кризис», «История англоязычных народов», «Вторая мировая война», «Мальборо — его жизнь и время» и многие другие. Можно задаться вопросом, какие из них в действительности читались.

У некоторых людей, пораженных этим огромным объемом текста, возникает соблазн преуменьшить или вовсе отвергнуть виртуозность Черчилля как писателя. И у него всегда находились очернители. Ивлин Во, заядлый ненавистник Черчилля, сказал, что тот был «мастером псевдоклассической прозы», без «какого-либо литературного таланта, но с даром прозрачного самовыражения». Прочитав книгу Черчилля об отце, Во с пренебрежением заявил, что это «аргументация изворотливого адвоката, но никак не литературный труд».

В конце 60-х гг. исторические способности Черчилля подвергались жестокой критике Джоном Пламбом, кембриджским профессором, заложившим основы «социальной истории». Пламб выражает недовольство «Историей англоязычных народов» из-за того, что там «отсутствует обсуждение трудящихся классов и промышленных технологий», отмечая, что у автора «невежество потрясающих размеров в экономической, социальной, интеллектуальной истории». Стиль его изложения «необычно старомоден и несколько неуместен, вроде собора Святого Патрика на Пятой авеню»¹.

Его поразительное достижение — присуждение Нобелевской премии по литературе — рассматривалось многими как анекдот, неуклюжая попытка шведов извиниться за свой нейтралитет во время войны. Даже относительно симпатизирующие ему историки вроде Питера Кларка считают, что премия была дана не по заслугам. «Редкие произведения авторов удосууживаются меньшего внимания, чем те, которые были написаны лауреатом Нобелевской премии по литературе 1953 г.», — говорит он. Это не только высокомерно, но и совершенно неверно.

Посмотрите на список последних нобелевских лауреатов: авангардные японские драматурги, марксистско-феминистские латиноамериканцы, польские мастера стихографии. Каждый из них по-своему заслуживает награды, но многих читают меньше, чем Черчилля.

Почему Ивлин Во насмехался над произведениями Черчилля? Заметьте, что Во пытался подражать Черчиллю в 30-х гг., добившись, чтобы его послали освещать войну в Абиссинии. Конечно, Во написал «Сенсацию», один из величайших стилистических шедевров XX в. Но у его репортажей вовсе не было того журналистского воздействия, как у репортажей Черчилля.

¹ *Пятая авеню* — улица в центре Манхэттена.

Не ревновал ли Во самую малость? Я так полагаю, и причина была не только в том, что Черчилль к своим 25 годам добился значительно большей известности, чем Во к тому же возрасту, но и в том, что своими произведениями Черчилль зарабатывал непостижимые деньги. Увы, для многих журналистов это воистину чувствительный пункт при сравнении.

К 1900 г. наш герой не только написал пять книг — а некоторые из них были бестселлерами, — но и стал самым высокооплачиваемым журналистом в Британии. За освещение Англо-бурской войны он получал 250 фунтов в месяц, что равноценно нынешним 10 000 фунтов. Он получил заказ на написание книги об отце в 1903 г., и ему дали ошеломительные 8000 фунтов. Чтобы вы лучше понимали масштаб этих богатств, замечу, что в стране был лишь миллион человек с привилегией заплатить подоходный налог — оттого что они заработали за год больше 160 фунтов.

Издатели щедро вознаграждали Черчилля вовсе не потому, что им нравились его голубые глаза. Они платили ему такие деньги, поскольку его любил читатель и Черчилль способствовал увеличению тиражей, а причиной его популярности было то, что его тексты были хорошо написаны и легко читались, в них была интенсивность и живость. Он был превосходным репортером. Оцените фрагмент его рассказа, опубликованного *Morning Post* в апреле 1900 г.

Начнем с того момента, когда Черчилль вместе с конными разведчиками пытается опередить буров, чтобы завладеть кóпье — каменистым холмом на равнине, образовавшимся из-за выхода пород на поверхность.

С самого начала это были скачки, и обе стороны понимали, что идет состязание. Когда мы сблизились, я увидел пятерых передовых буров. Они лучше сидели в седле, чем их товарищи, и мчались быстрее других, полные отчаянной

решимости захватить выгодную позицию. Я сказал: «Нам не удастся», но никто не желал признавать поражение или оставлять дело нерешенным. Прочее крайне просто.

Мы приблизились к проволочному ограждению в 100, а точнее, в 120 ярдах¹ от верхушки копье, спешили и начали резать проволоку, надеясь захватить драгоценные камни. И тут — как это уже было со мной в железнодорожной выемке у деревни Фрер — появились суровые, волосатые, страшные головы и плечи дюжины буров. А сколько еще было за ними?

Последовала странная, почти необъяснимая пауза, может, это вовсе не было паузой, но я сумел запомнить столь многое вокруг. Буров — одного с длинной, повислой черной бородой, в куртке шоколадного цвета, другого с красным шарфом вокруг шеи. Двух разведчиков, глупо режущих проволоку. Какого-то человека, целящегося из-за своей лошади. А затем — довольно спокойный голос Макнилла: «Слишком поздно, назад, к другому копье. Галоп!»

С грохотом начался ружейный огонь, воздух наполнился «фьюить» и «тью! тью!» пролетающих пуль. Я всунул ногу в стремя. Жеребец, испуганный стрельбой, бросился вперед. Я попытался заскочить в седло, но оно повернулось и оказалось под животом коня. Он вырвался и бешеным галопом поскакал прочь. Большинство разведчиков уже были в 200 ярдах. Я был один, пеший, на близком расстоянии от стрелков, а до ближайшего укрытия было не меньше мили².

Единственное утешение — у меня был пистолет. Я не стану безоружной добычей, как случилось однажды. Но лучшим исходом для меня было бы тяжелое ранение. Я повернулся и во второй раз за эту войну побежал от бургских снайперов, надеясь спастись. «Наконец-то получу пулю», — подумал я. Неожиданно на бегу я увидел разведчика. Он приближался ко мне слева — высокий человек со значком, на котором были череп и кости, верхом на бледном коне. Смерть из Апокалипсиса, но жизнь для меня.

Когда он поравнялся со мной, я закричал: «Дай мне стремя!» К моему удивлению, он мгновенно остановился

¹ 91 м и 110 м соответственно.

² 200 ярдов ≈ 180 м, 1 миля = 1,6 км.

и коротко сказал: «Да». Я подбежал, сумел недурно заскочить на лошадь и в мгновение ока сидел за всадником.

Мы поскакали. Я обхватил его руками, чтобы держаться за гриву. Мои руки покрылись кровью. Лошадь была тяжело ранена, но благородное животное мчалось вперед, напрягая последние силы. Пущенные в нас пули пели и свистели, но проносились мимо нас, ведь расстояние до стрелков увеличивалось.

«Не бойся, — сказал мой спаситель, — они в тебя не попадут». Я промолчал, и он продолжил: «Моя лошадь, моя бедная лошадь. Ранена разрывной пулей. Черти! Но их час придет. О моя бедная лошадь!»

Я заметил: «Зато ты спас мне жизнь». — «Да, — сказал он в ответ, — но я думаю именно о лошади». На этом наш разговор закончился.

Я стал реже слышать посвист пуль, в нас уже не могли попасть, когда мы удалились на 500 ярдов¹. Ведь лошадь на полном скаку — трудная цель, кроме того, буры запыхались и были возбуждены. Тем не менее я заехал за укрытие другого копы с большим облегчением. Снова на моих игральных костях выпали две шестерки.

Это не Гиббон² и не псевдоклассицизм, а скорее напоминает что-то сошедшее со страниц викторианского автора приключенческих романов Генри Райдера Хаггарда: четкое, лаконичное, полное стремительных действий повествование, благодаря чему читатель движется по тексту дальше и дальше. Черчилль умел описывать сражения лучше, чем многие из величайших современных мастеров, и у него имелось бесценное преимущество — он был вправе использовать первое лицо.

Черчилль мог бы писать для *Boy's Own*³. Его проза звучала, когда он того хотел, подобно отрывку из «Уди-

¹ 500 ярдов ≈ 460 м.

² Гиббон Эдуард (1737–1794) — знаменитый английский историк.

³ *Boy's Own* — британская газета для детей, в которой часто публиковались приключенческие рассказы. Выходила с 1879 по 1967 г.

вительной книги героических поступков»¹. Но у Черчилля было много других снарядов в его журналистском арсенале. Он мог предаваться и глубоким размышлениям: о вреде исламского фундаментализма или об ужасах войны. Иногда он был зол — и зол на своих.

Его описание последствий сражения при Омдурмане, где он участвовал в знаменитой кавалеристской атаке, — то, что памятно глазу и носу: сраженные пулеметным огнем лежат в три ряда, раненые гниют заживо, умирающие от жажды предпринимают жалкие попытки добраться до Нила. Вот одноногий — он проковылял полтора километра за три дня, а вот безногий — он проползает триста метров в день.

Издавна — еще со времен древних римлян — скорбные страдания побежденных народов были излюбленной темой имперских произведений. Тем блистательнее выглядел триумф завоевателей. Но Черчилль идет дальше, он резко обвиняет британские власти и их успокаивающие заверения. Он писал: «Заявление, что „с ранеными дервишами обходились с деликатностью и вниманием“, настолько лишено правды, что оно становится фарсом».

Черчилль публично поносит Китченера за его ведение войны и дает ему нагоняй за осквернение мавзолея Махди Суданского, за то, что Китченер сохранил голову Махди как трофей — якобы в емкости с керосином. Критика Черчилля была оправданна, однако возмутительна и надменна.

Китченер был его главнокомандующим, которому Черчилль лично оказывал содействие утром перед сражением (впрочем, могут быть сомнения, понимал ли Китченер, что офицер, с которым он разговаривал, был

¹ «Удивительная книга героических поступков» — сборник под редакцией Гарри Голдинга, опубликованный издательством Ward Lock & Co.

пресловутым Черчиллем). Генерал не был калифом на час: впоследствии, во время Первой мировой войны, он станет британским военным министром.

И вот он подвергается оскорблениям какого-то молодого офицера-выскочки из его же армии. Черчилль приводил генералов в ярость, им казалось, что он был и за тех и за других. Он пользовался статусом военно-служащего, чтобы попасть в зону боевых действий, а затем охаивал свое начальство. Но Китченер должен был хорошо это понимать. Черчилль поступал так до того, и все знали об этом.

Вот как он отплатил сэру Биндону Бладу за доброту, за то, что тот взял его в Малакандский полевой корпус. Черчилль в письме к матери проклинал эту экспедицию, говоря, что «финансово она разорительна, в военном отношении остается нерешенным вопросом, а политически она — грубый просчет». Похожим образом он характеризовал ее публично. Он закончил свою последнюю статью для Daily Telegraph, которая была отправлена из Наушеры 16 октября 1897 г., следующим мрачным анализом: «Я должен с сожалением отметить, что не вижу никаких перспектив у соглашений, заключенных с племенами. Они наказаны, но не покорены, они ожесточились, а не стали безобидными. Мы не поколебали их фанатизм и не искоренили варварство».

И как это должно было подбодрить читателя Daily Telegraph? Бывало, Черчилль проявлял энтузиазм в отношении военных кампаний, но неудивительно, что старшие офицеры никогда не представляли его к награждению Крестом Виктории — несмотря на его очевидную и порою безрассудную храбрость. Понятно, почему у Китченера были сомнения, брать ли его в Судан. Генерал уступил лишь в 1898 г., когда кто-то из друзей Дженни сообщил ему в письме: «Надеюсь, ты возьмешь Черчилля: гарантирую, что он не будет писать». Ха! Надо же такое придумать!

Неизвестно, какие бесстыдные обещания Дженни дала автору письма или своим друзьям среди британских военных, но ее сын прошел первый и самый главный экзамен журналиста. Превыше всего он ставил интересы читателя.

Черчилль рассказывал историю такой, какой он ее видел. Он открывал свое сердце. Конечно, он не был каким-то антиимпериалистом, антизападным демонстрантом — предтечей репортеров с войны во Вьетнаме, прославившихся своими страданиями. Он страстно верил в империю. Но это не значило, что он мог закрывать глаза на то, что замечал сам: превосходный боевой дух и искусство стрельбы буров или зло, наносимое пулеметом «Максим».

Никто не смог поставить под сомнение неотъемлемую честность его сообщений. Гарольд Никольсон¹ позже сказал о нем по другому поводу, что среди его многочисленных достоинств то, что «он действительно не способен лгать». Этот вердикт нуждается в некотором пояснении: в военное время он, бывало, допускал натяжки. Но в основе его журналистики была неподдельная решимость добраться до сути вещей.

И я скажу: к черту его снобствующих очернителей! Когда Ивлин Во написал сообщение, хотя бы наполовину столь же хорошее, как репортажи Черчилля из Малаканда или Судана? Причина, по которой помнят Черчилля, а его фразы до сих пор на устах, — то, что он использовал многообразие стилей: не только псевдогиббоновскую цветистость, но и англосаксонскую сердцевину.

Цыпленок не по зубам, да и шею ему не свернуть. Сражаться с ними на побережье. Кровь, тяжелый труд, слезы и пот. Никогда еще в истории человеческих

¹ *Никольсон Гарольд* — английский дипломат, политик и историк.

конфликтов не были столь многие так сильно обязаны столь немногим.

Часто он высокопарен и академичен, но фразы, за которые его помнят, — шедевры краткости. Он любил новые слова так же, как новые машины. Например, он пришел в восторг, услышав в первый раз слово «трюк» (stunt), завезенное из Америки. «Трюк, трюк», — повторял он, перекаывая это слово во рту, а позднее известил, что использует его при первой возможности.

Он был одним из великих лингвистических новаторов недавнего времени. Когда мировые лидеры собираются вместе из-за какого-нибудь кризиса, может оказаться, что они проводят «саммит», чтобы обсудить «Ближний Восток» или опасность того, что Россия опустит новый «железный занавес». Все три неологизма либо были изобретены Черчиллем, либо он способствовал их распространению. Иногда он писал, как Гиббон, иногда он вел себя вызывающе, как гиббон, но всегда был плодовит и быстр.

Это началось довольно рано. Один из мифов о Черчилле состоит в том, что он всегда плохо учился. Но в брайтонской начальной школе он стал первым по классическим языкам в 1884 г. А возьмите его первое сочинение, написанное в Харроу, о Палестине во времена Иоанна Крестителя. Вот его рассуждения о фарисеях: «У них много прегрешений. Но у кого их мало? И если тот, у кого есть преимущество христианской веры, станет заявлять, что они порочнее его, он совершит ту же провинность, за которую сам порицает их».

В этом весь Черчилль. Фарисеи были знамениты своими беспощадными осуждениями других, но, если мы судим их слишком строго, мы сами фарисействуем! Парадокс! Даже в возрасте двенадцати-тринадцати лет он пытался писать эпиграммы. Задолго до того, как он

отправился в Индию, где проводил долгие вечера, читая Гиббона и Маколея¹, он запомнил 1200 строк «Песен Древнего Рима»².

Все ритмы английского языка были запечатлены в его оперативной памяти вместе со словарем, который оценивается в 65 000 слов, — а большинству людей хватает половины или трети этого количества, — у него был превосходный инструмент, чтобы славно послужить его взаимосвязанным целям и амбициям.

Это был способ драматизировать свою деятельность и привлечь к ней всеобщее внимание, он мог руководить освещением, чтобы прожектор был направлен на него. В отличие от любого другого молодого гусара он был уверен, что о его храбрости будет написано длинное и увлекательное донесение, ведь он сам предоставит его. Подобно отцу, Черчилль мог использовать свой словесный навык, чтобы разобраться с финансовым положением, которое часто оказывалось шатким.

Черчилли не были бедны. Такое утверждение было бы абсурдным. Но по сравнению с другими герцогскими семьями наличные средства были невелики — их состояние было законсервировано в Бленхеймском дворце. Несмотря на внушительный список поклонников Дженни (число покоренных ею сердец оценивалось в 200, хотя Рой Дженкинс считает это число «подозрительно круглым»), она не слишком-то успешно превращала их ухаживания в наличность. И как-то Черчилль был даже вынужден обратиться в суд с иском против матери, чтобы та прекратила растранижировать наследство его и брата Джека.

¹ *Маколей Томас* (1800–1859) — британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик.

² «*Песни Древнего Рима*» — сборник стихотворений Т. Маколея.

Конечно, доход Уинстона от литературных произведений был огромен. Первоначальный успех получил продолжение: средний годовой заработок Черчилля между 1929 и 1937 гг. составлял 12 883 фунта, а это в 10–12 раз больше того, на что мог рассчитывать преуспевающий специалист. Но и его расходы были грандиозны.

Счет от одного виноторговца в три раза превышал заработок рабочего того времени. Черчиллю нужно было также оплачивать содержание Чартвелла, в том числе круглый плавательный бассейн на открытом воздухе, сделанный с нероновским размахом. Круглый год в нем поддерживалась температура 24 градуса. Для нагрева воды применялся бойлер, работавший на коксе, близкий по размеру к тому, что стоит в палате общин.

Его отношение к жизни было замечательно щедрым: как-то он похвастался, что не припомнит случая, чтобы он оказался не в состоянии заказать бутылку шампанского для себя, а другую — для своего друга. Порою, однако, ему приходилось заниматься разного толка поденщиной, чтобы оплатить счета. Однажды газета *News of the World* поручила ему написать сжатое изложение ряда классических романов, объединенное заглавием «Великие сюжеты мира в пересказе».

Результат, по его собственному признанию, не был «высокохудожественным». Ну и пусть: главное, ему платили 333 фунта за обработку каждой книги, точнее, он получал 333 фунта, а его многострадальный секретарь Эдди Марш, который в действительности писал пересказы, получал 25 фунтов. И сверх того, были ужасающе ограблены налоговики — благодаря исследованию Питера Кларка мы узнали об эффектном маневре.

Черчилль был вправе продолжать литературный труд, даже когда занимал министерский пост. Он это и делал, например работал дальше над «Мировым кризисом», став канцлером казначейства в 1924 г. Тем не

менее он решил (или это ему подсказал какой-то блестящий бухгалтер), что, надев мантию отца, который также был канцлером, он перестал быть «автором». И те гонорары, которые он получал, — а в сумме они составляли 20 000 фунтов — должны были квалифицироваться не как заработок, а как «прирост капитала».

Абсурдным следствием этого было то, что он не заплатил ни пенни налога! Всем — «Поль Роже»¹.

«Надо быть круглым идиотом, чтобы писать не ради денег», — часто говорил он, цитируя Сэмюэля Джонсона, но, разумеется, в его случае это было далеко от истины. Он писал, поскольку этого требовал его темперамент.

Креативно-депрессивное устройство его личности означало, что сочинительство (или живопись, или кладка кирпича) было способом удержать «черного пса» депрессии на привязи. Он писал ради того чувства облегчения, которое приходит, когда уложены 200 кирпичей или за день написаны 2000 слов.

Главным образом он занимался журналистикой, историей, писал биографии, потому что литературный труд для Уинстона Черчилля был — если подправить слова Клаузевица о войне — продолжением политики иными средствами. Эти бурные писательские усилия были его самым мощным оружием в различных кампаниях — против индийской независимости или против самоуспокоенности в отношении Гитлера.

Он мог драматизировать события и персонажей так, как удавалось мало кому из политиков, добавляя эмоции и краски, чтобы это послужило его делу. Невилл Чемберлен произнес фатальные слова, что Чехословакия — далекая страна, о которой мы мало знаем. А у Черчилля было литературное и творческое мастер-

¹ «Поль Роже» (Pol Roger) — марка шампанского, которую предпочитал У. Черчилль.

ство, чтобы сделать эту трагедию близкой, довести ее до сознания многих — даже тех, кто никогда не задумывался о Чехословакии.

К тому времени, когда он пришел на Даунинг-стрит, в мае 1940 г., он настолько много написал и прочитал об истории, что у него выработалось исключительное понимание событий, он видел их в контексте и осознавал, что должна делать Англия. Дж. Г. Пламб издевался над тем, что ему представлялось черчиллевским упрощенным восприятием и самодовольной верой в британское величие.

«Эхо либеральной галиматши долгим гулом разносится от главы к главе», — говорил он и тем самым атаковал главную идею, которой руководствовался Черчилль всю свою жизнь: тем, что есть что-то особенное в подъеме Англии и становлении свободы в ней, в пути отвоения вольностей у короны, в укреплении независимого и демократического парламента.

Ха, сказал Дж. Г. Пламб. По его словам, «прошлое — это бессмысленное зрелище, оно ни на что не указывает и не предвосхищает будущего». Что же, когда я вижу мир сегодня, я думаю, что Пламб не прав. Посмотрите на окраины бывшего Советского Союза, на события во время Арабской весны — большинство людей сочтут, что за эти идеалы по-прежнему сражаются и что за них стоит сражаться.

Нашей стране и миру сильно повезло, что Черчилль был в состоянии выразить свое видение с такой уверенностью. Он знал, что Англия, при всех ее недостатках, дала миру, — и это вселяло в него уверенность в конечной победе.

И кое-что еще в его литературных упражнениях выдвинуло Черчилля на первый план в 1940 г. Даже Пламб признает, что в исследовании жизни Мальборо Черчилль проявляет дирижерскую способность размещать и координировать материал, переходя от Голлан-

дии к Парижу, а затем к Лондону и морским просторам. Он инстинктивно чувствовал, какой аспект и в какой момент нуждается во внимании, в то время как главное повествование движется вперед. Примерно так же он руководил страной во время войны.

Наконец снова вернемся к фигуре, которая расхаживает вперед-назад по кабинету в Чартвелле и диктует миссис Пирмен или Эдди Маршу. Ведь требуются непомерные умственные усилия, чтобы подобрать правильные слова в голове и загрузить их на конвейерную ленту языка, чтобы они предстали в виде, пригодном для печати.

Разумеется, эта бесконечно повторяемая тренировка в устной речи совершенствовала Черчилля не только как писателя, но и как оратора. Сегодня мы, возможно, маловато читаем его книги, но помним, как его речи гальванизировали нацию.

Как мы сейчас увидим, величайший оратор нашей эры не всегда говорил гладко и хорошо.

ГЛАВА 7

Он мобилизовал английский язык

Давайте присоединимся к нашему герою, когда он стоит в палате общин. Он ритмично гвоздит оппонентов речью, которую никогда не забудет. Этот случай запечатлется в его памяти как новый способ заставить слушателей затаить дыхание и остолбенеть.

На календаре 22 апреля 1904 г., и молодой карьерист ведет игру на пределе своего мастерства. Ему двадцать девять, он розовощек, и пышная копна каштаново-рыжих волос еще крепко держится на его голове. Его распирает от возбуждения. Только в этом году он выступал десятки раз, он чуть ли не подпрыгивал на месте, чтобы привлечь внимание спикера, и поучаствовал в дебатах по самым разнообразным темам: армейский бюджет, Брюссельская сахарная конвенция, использование китайской рабочей силы. Он начал создавать себе репутацию.

Его портреты с восхищенными комментариями регулярно появляются в газетах. Вот он ударяет кулаком себя по ладони, а вот стоит, уперев руки в бока, или делает рубящий жест. Его дерзкие нападки на собственную партию, в то время как консерваторов, по всей видимости, затягивает водоворотом на электоральное дно, прибавляют ему очков. Либералы готовы найти ему местечко, он, кажется, чувствует запах кожи министерского портфеля...

И он бичует тори, сидящих на скамьях перед ним, подобно энергичному пешему туристу, вознамерившемуся исхлестать тростью разросшийся чертополох. Тори «фальшивы», говорит он; они забыли заповеди «консервативной демократии», заявляет он Бальфуру, который уже выступил в дебатах. Можно вообразить, как слушает Бальфур, непроницаемо глядя из-под полуопущенных век.

Тори вокруг шикают и шаркают ногами, судорожно стараясь сбить его. Только скамьи оппозиции подбадривают Черчилля — и неудивительно, если учесть, о чем он говорит.

Это вовсе не то, что сегодня признали бы консерватизмом, а Маргарет Тэтчер от этого пришла бы в исступление. И даже современное лейбористское правительство никогда не согласилось бы с тем, что отстаивал Черчилль. Он защищал право больших групп бастующих рабочих приходить в дома к тем, кто не участвует в забастовках, и фактически заставлял тех присоединиться. Он хотел, чтобы профсоюзы были защищены от судебных исков и на них нельзя было бы наложить штраф, даже если некоторые их члены нарушат закон в ходе агитации.

Это скорее не социализм, а неоанархо-синдикализм, однако, прежде чем кто-то из современных тори придет в большое расстройство, нужно вспомнить контекст: Черчилль произносил свою речь в то время, когда бедность была чрезмерна, когда рабочего человека все еще угнетали его хозяева в степени, немыслимой сегодня. Черчилль говорил уже сорок пять минут, и говорил хорошо.

Он подошел к кульминации своего выступления и начал разносить палату общин за вопиющее отсутствие должного представительства всех классов. «Где у нас рабочие?» — вопрошает отпрыск Бленхейма. «Посмотрите на то влияние, которое оказывают директора

компаний, образованные специалисты, военнослужащие, на то, как представлены интересы железнодорожных обществ, землевладельцев и виноторговцев», — говорит он, и мы представляем, как его герцогская рука описывает круг, чтобы охватить недобро глядящих тори.

Должно признать, говорит он, что влияние трудящихся классов смехотворно мало. «И это зависит от тех, кто...» — произносит он и останавливается.

Многие глаза вопрошающе смотрят на него. От кого зависит? Что зависит? Что сделали «те, кто...»? Палата ждет.

Проходит секунда. Черчилль делает вторую попытку: «Это зависит от тех, кто...» Становится понятно — приключилось что-то странное.

Похоже, он стал жертвой мозгового саботажа, какой-то внезапной забастовки в его памяти, сколь иронично это ни звучит.

В обширном трюме его головы отказываются работать грузчики. Конвейерная лента языка движется вхолостую. Не выходит ни слова. Черчилль пытается снова, но безрезультатно. Хоть убей, он не может вспомнить, что собирался сказать.

Целых три минуты он стоит, в то время как тори громко хохочут, а скамьи оппозиции пытаются выразить сочувствие разнообразными возгласами. Три минуты! Палата общин и в лучшие времена — не прощающая ошибок экосистема: потеряйте нить выступления хоть на несколько секунд, и вас окатят презрением. А Черчилль не мог произнести ни слова дольше, чем вы читаете эту главу.

Это катастрофа, а он — живой труп. Окружающие начинают шептаться и отводят взгляды. То же самое случилось с Рандольфом, говорят они, бедный малый идет по отцовскому пути — его настигла ужасная преждевременная старость. Наконец Черчилль садится. «Я благо-

дарю собравшихся за то, что выслушали меня», — в отчаянии говорит он и закрывает голову руками.

На следующий день газеты были наполнены рассказами о провале Черчилля, известному специалисту по нервным болезням предложили поставить диагноз. Это случай, заявил доктор, «дефекта мозговой деятельности». Что ж, в мире не найдется человека, который в те или иные моменты не страдал бы от дефектов мозговой деятельности, название этого расстройства звучит очень удобно, — но не эта беда потрясла с Уинстоном Черчиллем в тот день.

Если вы захотите спонтанно дать ему неопровержимую характеристику, вы скажете, что он — величайший оратор последнего столетия. Во всяком случае, величайший оратор Британии, который поспорит с Мартином Лютером Кингом за первое место в мире. Он — единственный политик, чьи речи и манера выступления до сих пор пародируются людьми всех возрастов.

Ах, Черчилль, говорим мы, выпячиваем подбородок и, рыча нараспев, декламируем знакомые слова, например что будем сражаться на побережье. В отношении ораторского искусства он подобен Уильяму Шекспиру в отношении драматургии: он — наилучший исполнитель, синтез Перикла и Авраама Линкольна с небольшой, но несомненной частичкой Леса Доусона¹.

Мы полагаем, что он был сверхъестественно одарен: как будто произошел от союза Зевса и Полигимнии, музы риторики. Но, боюсь, мы правы лишь отчасти.

Верно, что по-своему он был гением, но не от природы. Он не был Ллойд Джорджем или Лютером Кингом — он не умел импровизировать, как это могут прирожденные ораторы; когда он говорил, его речь не лилась из сердца щедрым потоком спонтанного искусства.

¹ Доусон Лесли «Лес» (1931–1993) — английский актер и сценарист.

Речи Черчилля были триумфом подготовительной работы. Он придавал фразам окончательную форму, перерабатывая и вылизывая их, словно медведица своих медвежат. Всегда перед ним блуждающим огнем призрачно мерцала репутация отца, и по мере взросления Черчилля мы замечаем, как упорно и страстно он подражает Рандольфу.

Учась в Харроу, он громко отстаивал свои взгляды в дебатах со старшими школьниками. Будучи младшим офицером в Сандхерсте, выступил со страстной защитой права проституток заходить в бар театра-варьете «Империя» на Лестер-сквер. «Леди империи, — заявил девятнадцатилетний девственник, забравшись на барный стул в компании гогочущих товарищей, — я поддерживаю свободу!»

Не сразу понятно, отчего эта тема — право проституток заниматься своим делом — подтолкнула величайшего государственного деятеля Британии к первому публичному выступлению.

Нет никаких свидетельств, что его вмешательство было как-то вознаграждено, плотским или иным способом. Оно было лишь шуткой, но он хотел привлечь внимание к себе — и преуспел. О речи сообщили в газетах.

Когда ему было двадцать три, он уже считал себя достаточно искусственным оратором, чтобы написать эссе по данному предмету, озаглавленное «Строительные леса риторики» (*The Scaffolding of Rhetoric*). Этот восхитительно высокопарный и самоуверенный документ не был опубликован при его жизни. В нем он анализирует то, что, очевидно, считает своим успехом. «Иногда небольшое и терпимое заикание или другой дефект речи помогает овладеть вниманием аудитории», — замечает он, что, наверное, вызвано его шепелявостью. Ее он объясняет препятствующей связкой своего языка,

которой нет в анатомическом строении других человеческих существ.

Далее он описывает воздействие предписанных методик на толпу людей. «Возгласы одобрения становятся громче и чаще, энтузиазм стремительно нарастает, слушателей охватывают безотчетные эмоции, их сотрясает от страстей, полностью покоривших их». Конечно, некоторые ораторы могли исполнить этот трюк. Рок наделил этим умением его величайшего врага — немецкого диктатора, против которого Черчилль должен будет вести риторическую войну с 1940 г.

Но было ли это мастерство у Черчилля? Тряслись ли его слушатели как осины? Охватывали ли их неконтролируемые эмоции? Считается, что его первая речь в палате общин была успешна, но по крайней мере один наблюдатель счел, что он выглядел слабовато — «академично и вяло». Люди неизбежно проводили сравнение с Рандольфом, и не всегда они были добры.

«Мистер Черчилль не унаследовал голос отца — за исключением небольшой шепелявости — или его манеру выступления. Произношение, речь, внешность не играют на него», — говорилось в одном отчете. Другой журналист, написавший, по существу, доброжелательный отзыв, заметил, что «мистер Черчилль и ораторское искусство пока не друзья. И думаю, вряд ли ими станут».

Вероятно, такая критика была обескураживающей для Черчилля. Он чрезвычайно гордился своими выступлениями, и в романе «Саврола», написанном в Индии, Черчилль рисует яркую картину, полную самовозвеличивания, о своих (или Савролы) приемах составления речей.

Что ему следовало сказать? Он механически выкуривал сигарету за сигаретой. В облаке дыма ему представилась заключительная часть выступления, которая должна

глубоко врезаться в сердца людей в толпе. Высокая мысль, изящное сравнение, переданные с помощью ясного языка, понятного даже неграмотным, будут взывать к самому простому, что оторвет их от материальных забот о жизни и пробудит чувства. Идеи стали облекаться в слова, слова группировались в предложения, он нашептывал их и, подчинившись ритму собственной речи, начал искать аллитерации. Одна идея сменяла другую подобно скоротечному потоку, на волнах которого играет солнце. Он схватил листок бумаги и стал лихорадочно делать заметки карандашом. Вот важная мысль, не стоит ли ее усилить посредством тавтологии? Он нацарапал сырое предложение, перечеркнул его, обработал и написал снова. Оно будет приятно их слуху, их чувства улучшатся, а разум обострится. Какая превосходная игра! В его голове были карты для нее, а ставки были так высоки.

Он работал час за часом. Экономка, которая принесла ланч, застала его молчаливым и погруженным в работу. Она уже видела его таким и не решилась отвлекать. Нетронутая пища стыла на столе, стрелки часов медленно двигались, отмечая размеренный ход времени. Но вот он встал и, находясь под влиянием собственных мыслей и слов, начал рассказывать по комнате быстрыми, короткими шагами. При этом он выразительно проговаривал предложения низким голосом. Внезапно он остановился, и его рука с силой ударила по столу. Речь была завершена...

Дюжина листов почтовой бумаги, покрытых фразами, фактами, числами, была результатом его утренней работы. Они были скреплены и лежали на столе, безобидные и пустяковые бумажные страницы. Но для Антонио Молары, президента Республики Лаурания, они были страшнее бомбы. А ведь Молара не был ни глупцом, ни трусом.

Мне нравится этот отрывок, поскольку, как я уверен, он характеризует раннюю методику Черчилля при составлении речей. Мы видим, что первостепенное значение он придает языку. Значимы именно слова и то удовольствие, которое получаешь, собирая их в единое целое, чтобы достичь желаемого ритма и воздействия. Мелодия речи значительнее логики содержания. Шипение важнее котлеты.

В том и состояло обвинение против него — суровое предположение, что он сам не верит собственным словам. Есть простое объяснение тому, что Черчилль потерпел фиаско и сгорел в тот апрельский день 1904 г. Он не говорил от сердца, он не говорил, опираясь на глубокое и непосредственное знание предмета, которое приобретается за многие годы взаимодействия с профсоюзами.

Он говорил по памяти. Подобно Савроле, он написал речь и выучил ее, как попугай, слово за словом. После сорока пяти минут оскорблений со стороны тори он просто забыл, что должно идти следом. А может быть, он капитулировал перед подсознательным отвращением к тем социалистическим идеям, которые выражал.

Больше он не повторил этой ошибки. Он брал скрепленную пачку машинописных листов и не стыдился подглядывать в нее через очки в черной роговой оправе. Речи Черчилля были цицероновскими, литературными по своей сущности, они были декламацией текста.

У него случались великие триумфы в палате общин — посмотрите его речи в бытность канцлером казначейства, сжатые и ясные изложения экономической ситуации, как он ее понимал, — и все же его слушателям на протяжении почти всей его карьеры казалось, что чего-то не хватает. Да, он был хорош в вербальной пиротехнике, но где чувство, где правда, где аутентичность? Ллойд Джордж сказал в 1936 г., что Черчилль был «ритором, а не оратором. Он задумывался только о том, как звучит его фраза, но не о том, как она воздействует на массы». В 1909 г. парламентарий от Либеральной партии Эдвин Монтегю написал Асквиту: «Уинстон еще не премьер-министр, но и будь им, он не станет тяжелой артиллерией. Он восхищает и веселит, даже приводит слушателей в восторг, но с его уходом исчезает и память о том, что он говорил».

Даже самые пылкие его сторонники видели этот структурный изъян. Лорд Бивербрук был одним из тех, кто способствовал продвижению Черчилля к власти в 1940 г., но в 1936 г. он заметил, что «ему не хватает должной нотки искренности, которую хочет услышать страна».

Как это часто бывало, Черчилль охотно признавал собственные недостатки. Он знал, что бывает слишком увлечен словами, и однажды сказал: «Я скорее заинтересован не в принципах, которые я отстаиваю, а в том, какое впечатление производят мои слова».

Таким он мог бы и остаться в памяти — старомодным знатоком гипербола и напыщенности, оратором, которому кажется остроумным назвать неправду «терминологической неточностью» или бездумно и предвзято сказать такое, от чего у присутствующих отвисают челюсти: «Индусы — это подлая раса, спасаемая лишь своим быстрым размножением от гибели, которую она заслужила».

Его могли бы считать человеком, у которого любовь к роскошному языку перевешивает здравый смысл, лишенным необходимой ноты искренности и оттого неспособным убедить.

Все это изменилось в 1940 г., когда сами события подошли к гиперболической кульминации. Острота кризиса, с которым столкнулась Британия, достигла экзальтированного уровня речей Черчилля. И его стиль уже не казался избыточным и архаичным, потому что ему требовалось пробудить древний инстинкт — всеохватное желание островитян отбить натиск захватчика. Опасность была столь велика и столь очевидна, что не могло быть никаких сомнений в его искренности.

Черчилль ответил на вызов истории самыми совершенными речами, которые он когда-либо произнес. Они не обязательно были шедеврами риторического театра. Сопоставьте Гитлера и Черчилля, посмотрите записи

Military ^{or misadventure} defeat can be redeemed. The fortunes of war are fickle and changing. But an act of shame would ^{rob} the vitals of our strength and deprive us of the respect which we now enjoy throughout the world, ~~and~~ would especially rob us of ~~the immense potent hold~~ ^{the enormous loss that a future will} we have, gained by our behaviour, upon the sentiments of the people of the United States. In that great Republic across the Atlantic Ocean, now in great stress of ^{spirit}, it is customary to use all the many solid arguments ^{of the} affecting American interests and American safety which ~~are involved in~~ ^{are involved in} the destruction of Hitler and ~~of Hitlerism~~ ^{even} his foul gang and fouler doctrines. But in the long run, believe me, for I know, the action of the United States will be dictated not by methodical calculations of ^{profit} ~~product~~ and loss but by moral sentiment and by that gleaming flash of resolve which lifts the hearts of men and nations and springs from the spiritual foundation of human ^{life itself} ~~actions~~. Thus it seemed to me ~~and to all my colleagues in our War Government, that~~

Машинописный текст радиообращения Черчилля
27 апреля 1941 г.

их выступлений на YouTube — и станет ясно, что по демагогическому воздействию нацистский лидер далеко впереди.

Верно, что Гитлер использовал Геббельса для первоначального разогрева публики, и та доходила до анти-семитского безумия, он также применял постановочные приемы: прожекторы, музыку, факелы — для того, чтобы усилить настрой. Но это не было секретом. Посмотрите на Гитлера, если сумеете вынести его вид, и вы заметите его гипнотические способности. Сначала долгая, мучительная пауза, потом он плавно начинает говорить со сложенными руками, и вот он разнимает их, а его голос постепенно повышается, за этим следует устрашающая пластика решительных жестов, которые в совершенстве синхронизированы с крещендо его речи.

Перед ним на столе лежат какие-то бумаги, но он почти не обращается к ним. Похоже, он произносит речи, не пользуясь заметками. Посмотрите на его воздействие на собравшихся: светящиеся счастьем лица молодых женщин, крики мужчин, единый салют рук, вздымающийся подобно щетине какого-то гигантского подводного существа.

Послушайте, как он подводит их всех к коллективному экстазу: короткими безглагольными фразами — грамматически неверными, но полными суггестивного воздействия. Этот высокоэффективный прием развивался впоследствии, среди тех, кто пользовался им, был и Тони Блэр.

И теперь сравните Гитлера со стариной Черчиллем. Вот он стоит — с заметками в руке, организованными подобно последовательности хайку на странице, а каждая из них представляет полное и грамматически правильное предложение, снабженное основным глаголом. Его жесты в сопоставлении кажутся одеревенелыми и слегка несвоевременными: его рука то и дело приподнимается вне связи с речью.

Что же касается манеры произнесения, то, к большому сожалению, у нас нет его выступлений в палате общин, мы вынуждены ограничиваться теми записями, которые были сделаны для радиотрансляций. Хотя в них есть рычание — но Черчилль, разумеется, не кричит и не безумствует, даже наоборот, некоторые его фразы эмоционально понижаются, становясь спокойными. Его выступления в парламенте, возможно, отличались большей напористостью, но нетрудно понять, почему отзывы на его речи не всегда были благожелательны.

В сущности, как недавно показал Ричард Тойе в превосходном обзоре «Рык льва» (*The Roar of the Lion*), утверждение, что страна «сплачивалась вокруг Черчилля», является несколько мифотворческим. Наш старый приятель Ивлин Во воспользовался смертью Черчилля в 1965 г., чтобы снова пнуть его: «Сплачивал нацию, вот еще! Я был военнотружущим в 1940-м. С каким презрением мы относились к его обращениям!»

Черчилль был «радиоперсонажем», пережившим свою лучшую пору, изрек Во. Некоторые жаловались, что он был пьяным, либо уставшим, либо слишком старым, либо что он слишком стремился к внешним эффектам. Тойе раскопал суждение А. Н. Джеррарда, клерка из Манчестера, согласно которому Черчилль, «когда он говорит, производит впечатление человека, решившего, что от него ожидают „доставки товаров“, того, что его речи будут переданы в будущее. Поэтому он тшится, чтобы его выступления были того же качества, как, к примеру, Геттисбергская речь Линкольна. На мой взгляд, он при этом садится в лужу».

Тойе нашел свидетельство о солдатах, слушающих его в больничных палатах и кричащих «лжец!», «чушь!», только, естественно, гораздо грубее. В конце его радиотружущения тетушка М. А. Пратта, ведшего дневник, сказала: «Он не оратор, верно?»

Некоторые не любили Черчилля за то, что он слишком антикоммунистичен, или слишком консервативен, или слишком воинствен. Свое мнение они свободно выражали финансируемой правительством Mass-Observation, организации, изучающей общественное мнение. И если хорошенько подумать об этих диссидентах, безнаказанно нападающих на великого лидера военного времени в час, когда над страной нависла жестокая угроза, возникает желание перелицевать их аргументацию.

Конечно, репутация Черчилля не умаляется разящей критикой заметной части британского общества. Из-за чего, согласно доводам Черчилля, была война? За что мы сражались?

Главный его посыл нации был в том, что мы сражались за ряд старых английских свобод, и не последнее в их числе право говорить все, что вы думаете, о правительстве, не опасаясь произвольного и внесудебного ареста. Конечно, были те, кого раздражали некоторые выступления Черчилля. Но то же справедливо и в отношении всех когда-либо произнесенных великих речей.

Кто-нибудь мог напомнить язвительному А. Н. Джеррарду, который неблагосклонно сравнивал Черчилля с Линкольном, что написала The Times в 1863 г.: «Церемония в Геттисберге стала нелепой из-за незадачливых острот бедного президента Линкольна».

Действительность такова, что придиры и ненавистников всегда предостаточно, в количествах, которых не потерпели бы нацисты. Но посмотрите на статистику в конце книги Тойе: огромные аудитории его радиотрансляций, стратосферные рейтинги одобрения. То, что он говорил, ободряло людей, объединяло их, наполняло энергией.

Они чувствовали, как у них бегут мурашки и подступают слезы. Когда Вита Сэквилл-Уэст услышала Черчилля ночью по радио, по ее телу прошла дрожь — не

из-за отвращения или неловкости, но из-за душевного волнения и понимания, что он прав.

Во время войны он находил слова, которые брали людей за душу, — так, как это не удавалось ему в предшествующей карьере. Порою, однако, он не вполне придерживался правды. Гарольд Никольсон отметил, что однажды его оценка величины британского флота включала пароходы на канадских озерах.

Капитан А. Г. Тальбот отвечал за борьбу с немецкими подводными лодками. Когда ему хватило нахальства поставить под сомнение статистику Черчилля о потопленных субмаринах, он получил следующий ответ: «В этой войне, Тальбот, два человека топят подводные лодки. Вы их топите в Атлантике, а я — в парламенте. Беда в том, что вы топите их в два раза реже, чем я». Но в целом люди понимали, что он честен с ними и, разумеется, искренне говорит о вызове, стоящем перед страной.

Им нравились его шутки, ведь смех избавлял от жизненных тревог. Парламентарий-консерватор Чипс Ченнон был среди тех, кто считал, что «несерьезность» неуместна, — но большинство получало удовольствие, когда он называл нацистов «нарциссами», Гитлера — «герром Шикльгрубером», а Петэна — «Питейном». Главное, он говорил на языке, который был моментально понятен. Гарольд Никольсон резюмировал это в 1943 г.: «Выигрышной формулой была комбинация высоких полетов риторики с неожиданными снижениями к доверительной беседе. Из всех его приемов — этот никогда не подводил».

Черчилль возвращается к одному из ключевых предписаний своего эссе 1897 г. «Строительные леса риторики» — использованию коротких слов. Мы слышим, как юный Черчилль подсказывает старому лидеру военного времени, шепчет на ухо своему шестидесятипятилетнему аватару: «Публика предпочитает короткие

родные слова общего употребления. Более короткие слова в языке, как правило, более древние. Их значение глубже проникло в национальный характер, и они более притягательны для неискушенного разума, чем слова, позднее заимствованные из латинского и греческого».

Этот урок вдохновляет великие речи военного времени. Если вы присмотритесь к рукописи речи «Их звездный час»¹, то обнаружите, что он вычеркнул *liberated* и поставил взамен *freed*².

Чтобы увидеть совершенный пример комбинации, упомянутой Никольсоном, — снижения от горного к дольному, — взгляните на бессмертную строчку о Битве за Британию. На календаре 20 августа 1940 г., и война за небеса достигла зенита. Действительно, настал тот час, когда у Британии нет резервов, практически все воздушные суда в небе — они пытаются отразить атаку немцев.

Генерал Гастингс «Паг» Исмей, секретарь Черчилля по военным вопросам, описал, как он провел с ним послеполуденные часы, наблюдая за сражением из бункера Королевских ВВС в Аксбридже: «Страх был тошнотворен. Когда наступил вечер, бой стих, и мы поехали на машине в Чекерс³. Первыми словами Черчилля были: „Не говорите со мной. Я никогда не был так взволнован“. Приблизительно через пять минут он наклонился вперед и сказал: „Никогда еще в истории человеческих конфликтов не были столь многие так сильно обязаны столь немногим“».

Черчилль просил о тишине не для того, чтобы просто предаться эмоциям. Как и любой другой хороший

¹ «Их звездный час» (Their finest hour) — речь Черчилля, произнесенная в палате общин 18 июня 1940 г.

² Оба слова в переводе с *англ.* означают «освобождены». Первое из них образовано от *лат. libertas* — «свобода».

³ Чекерс — загородная резиденция британских премьер-министров.

журналист в таких обстоятельствах, он хотел облечь свои чувства в слова и тем самым четко выразить их.

Начнем с возвышенного сочетания «человеческие конфликты» — это помпезное и типично черчиллевское иносказание обозначает войну. Затем мы переходим к коротким англосаксонским созвучиям. Давайте разберемся, какую смысловую нагрузку несут эти шесть слов.

«Столь многие». Кто эти многие? Имеется в виду страна в целом и те вне ее пределов, чье выживание зависит от Англии: покоренные французы, американцы и все, кто надеется, что Гитлер не победит.

«Так сильно». Какова мера нашего долга и чем он может быть отплачен? Черчилль подразумевает, что благодарностью: за защиту Англии, за пригороды, сельский крикет, теплое пиво, демократию, общественные библиотеки — все то, что делает страну особенной и чему угрожало гибелью люфтваффе.

«Столь немногие». Еще в древние времена возникло представление об исключительности героизма тех, кто малым числом сражается с превосходящим противником. «Мы немногие, мы счастливые немногие» (*We few, we happy few*), — восклицает шекспировский Генрих V. И в оперативной памяти Черчилля были также 1200 строк из «Песен Древнего Рима» Маколея, включая речь Горация Коклеса, сдержавшего полчища этрусков. «На том узком пути и трое могут тысячу остановить», — вскричал он.

Всем понятно, что в этом случае Черчилль отсылает к пилотам Королевских ВВС — их число было малым по сравнению с миллионами людей, находившихся в то время под ружьем, — к тем, кто поднимался в небо и часто не возвращался, определив тем не менее ход войны.

Это изречение превосходно — едва услышав, вы тут же запоминаете его, оно необыкновенно сжато и ритмически совершенно. Если пояснить, используя рито-

рические термины, оно представляет собой классический нисходящий триколон¹ с анафорой, то есть повторением ключевых слов. Каждый речевой отрезок, или колон, короче предыдущего.

(NEVER IN THE FIELD OF HUMAN CONFLICT HAS)

So much been owed by
So many to
So few.

(НИКОГДА ЕЩЕ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ)

Не были столь многие
Так сильно обязаны
Столь немногим.

Если вам интересен классический восходящий триколон, полюбуйте на бесподобное черчиллевское высказывание по случаю победы под Эль-Аламейном в 1942 г.:

Now this is not the end.
It is not even the beginning of the end.
But it is, perhaps, the end of the beginning.

Это не конец.
И даже не начало конца,
Но, возможно, конец начала.

Когда он откупорил этот триколон на банкете лорда-мэра, присутствовавшие рассмеялись от удовольствия и удивления. Ведь в этом случае последний колон для разнообразия дополнен хиазмом — он переставил местами «начало» и «конец», — что заставляет задуматься и способствует тому, что высказывание мгновенно становится цитируемым афоризмом. При этом по своей этимологии оно полностью англосаксонское.

¹ Триколон — в риторике: период из трех членов.

Я останавливаюсь на этих риторических приемах, поскольку важно понять, что все великие речи в некоторой степени зависят от них. Но со времен софиста Горгия были те, кто утверждал, что риторические украшения сомнительны, так как они усиливают слабый аргумент и сбивают с толку слушателей.

Если вы послушаете Гитлера на YouTube, то обнаружите, что одна из его речей удручающе походит — по теме и структуре — на выступление Черчилля «Мы будем сражаться с ними на побережье»¹. «Мы никогда не ослабеем, никогда не устанем, никогда не падем духом» и так далее. Но если сравнить внимательнее, сходство рассеивается.

Чего хочет Гитлер? Завоевания и мести. Какие эмоции пробуждают его речи? Паранойю и ненависть. Чего хочет Черчилль? Что же, это хороший вопрос — ведь, исключая тему выживания Британии в войне, он восхитительно расплывчат в своей телеологии, сколь бы возвышенна она ни была.

Он хочет «широких пространств и славных дней» или «широких, залитых солнцем высот». Ему нравится идея «определенно бóльших периодов». Большой период — что это? Все звучит так, будто связано с ожирением. И что он подразумевает под «широкими пространствами»? Норфолк?²

Я думаю, что он сам не вполне понимал, чего хочет (эта проблема обострилась политически по окончании войны), кроме общего пожелания доброты, счастья, мира и сохранения того уклада, при котором он вырос. Кто касается эмоций, пробуждаемых его речами, — они были совершенно здоровыми.

¹ «Мы будем сражаться с ними на побережье» (Fight them on the beaches) — выступление в палате общин 4 июня 1940 г.

² Автор намекает на the Broads («ширь») — район рек и озер в Норфолке и Суффолке.

Да, было много скептиков. Но для миллионов людей — искушенных и неискушенных — он использовал свое ораторское мастерство, чтобы наполнить сердца мужеством и вселить уверенность, что они смогут отразить самую смертоносную из известных им угроз.

Гитлер показал, какое зло способно нанести искусство риторики. Черчилль показал, как оно помогает спасти человечество. Уже отмечалось, чем отличались речи Гитлера и Черчилля: Гитлер убеждал вас, что он может все, Черчилль — что вы можете все.

Миру повезло: рык был услышан. Речи Черчилля заслужили ему бессмертную репутацию и бессмертную популярность. Конечно, ему нравились аплодисменты, в каком-то смысле составление речей было для него сродни привычному поиску будоражащих приключений.

Он хотел риска, непосредственного контакта, адреналина — и восторженного приема. Многие люди так устроены, многие исполнители живут только ради своей публики. Их любят миллионы, но зачастую они оказываются чудовищами в личной жизни.

В случае Черчилля это было решительно не так. Он не только увлекал за собой широкую публику, но и заслужил беззаветную преданность тех, кто был ему наиболее близок.

Настоящее человеческое сердце

94 процента времени в Лондоне не идет дождь. Увы, сейчас не то время. Я промок. Мой синий костюм стал черным, он блестит от воды, а ботинки издают чмокающие звуки, когда я слезаю с велосипеда и прохожу впечатляющие ворота из портлендского камня.

Всю дорогу по Ромфорд-роуд я ехал на велосипеде, проезжая окрестности, несколько изменившиеся с той поры, когда здесь был Черчилль, — мимо мечетей и магазинов, продающих сари и кебабы, а также все связанное с мобильными телефонами. Я приехал на кладбище лондонского Сити, находящееся в районе Уонстед.

«Я ищу могилу», — говорю я у ворот. Меня заверяют, что здесь неплохой выбор. «Тут похоронена дама Анна Нигл, — любезно говорит парень в фуражке, — и сэр Бобби Мур, и две жертвы Джека-потрошителя». А также тысячи других.

Куда ни глянь, надгробия и памятники Викторианской эпохи из мрамора, порфира и гранита. Некоторые имена размыты временем и кислотным дождем, и несколько минут я тревожусь, что мне предстоит кошмар, как на парковке в аэропорту, — буду часами ходить по ухоженным дорожкам и все сильнее промокать.

И вдруг я вижу ее — могилу, точно отвечающую описанию. Я шлепаю к ней по траве и убеждаюсь — это она. Простой крест на квадратном постаменте, а перед ним

прямоугольник свежевозделанной земли с несколькими луковицами цветов. Я понимаю, что за могилой приглядывают. Наклонившись, читаю надпись у подножия постамента. И вижу имя Уинстона Спенсера-Черчилля.

Но тело Черчилля, разумеется, погребено не здесь. Оно в другом месте — в Блейдоне, графство Оксфордшир. А я — у места упокоения той, кого он очень нежно любил.

Какое-то время я стою неподвижно. Дождь прекратился, но капли продолжают падать на меня с каштановых деревьев. Я размышляю о женщине под ними, ее страстных отношениях с Черчиллем и его чувствах к ней.

Я здесь, чтобы найти ответ на важный вопрос, применимый к каждой известной личности, да и, пожалуй, его можно назвать ключевым в отношении любого человека. В случае Черчилля у этого вопроса особое значение, ведь столь многие люди (а не только журналисты и писатели) явно или тайно рассматривают Черчилля как образец для подражания, ищут в его жизни вдохновение для своей. Вот почему нам необходимо разобраться в сущности Черчилля.

Однажды вечером я рассказывал о нем друзьям и говорил о его храбрости, языковой гениальности, неукротимой энергии. «Да, — сказал один из друзей, медленно откидываясь назад, — но каково было бы познакомиться с ним? Точнее, он был хорошим человеком?»

Что же, я могу об этом рассказать, потому что за несколько месяцев до того я действительно познакомился с ним.

Войдя в архив Черчилля в Кембридже, я с трудом сдержал возглас испуга. Директор Аллен Паквуд приветствовал меня и протянул искусственную руку.

Разумеется, хорошие манеры возобладали, и я пожал протез, после чего понял, что он сделан из бронзы.

«Вы только что пожали руку Уинстона Черчилля», — сказал директор. Я рассмотрел отливку и поразился, насколько она изящна. Пальцы отличались хорошей формой, но они не были ни длинными, ни большими. Эта рука яростно размахивала клюшками для игры в поло вплоть до пятидесяти двух лет, стреляла из маузеров, управляла гидросамолетами, разрезала колючую проволоку на «ничьей земле».

Единой подписью руки великий уничтожен город, пять властных пальцев обрекли режим на смерть¹. «У него были небольшие руки», — согласился Аллен. По-моему, они примерно такого же размера, что у его матери, — если не верите, взгляните на слепок кисти Дженни в экспозиции Чартвелла. Руки Черчилля даже более красивы.

«Еще они были розовыми, — сказал Аллен, — потому что он так любил принимать ванны». Не только руки у него были небольшими, но и рост в целом. Мы все знаем статую на Парламент-сквер, где Черчилль стоит, наклонившись вперед и опираясь на палку. Складывается впечатление, что он колосс с бизоньими плечами и хваткими руками. Но, как считает Мартин Гилберт, его рост был 173 см, а другие признанные специалисты — Уильям Манчестер, Норман Роуз — утверждают, что в лучшем случае 169.

На фотографиях, где он идет по площади перед конногвардейцами, в брюках как у дворецкого, одна нога приподнята — и, клянусь, он схож с Томом Крузом в том, что касается толщины подошв. Когда я сказал Эндрю Робертсу, самому знаменитому исследователю Черчилля, что у того невыдающаяся статья, мой собесед-

¹ Автор обыгрывает стихотворение Дилана Томаса «The hand that signed the paper felled a city».

ник не был удивлен. «Я знал, что мы сойдемся во мнении!» — воскликнул он.

Кто еще был ростом 168 см или ниже? Некоторые из величайших тиранов и мерзавцев мировой истории — Октавиан Август, Наполеон, Муссолини — все по 168 см, крохотный Сталин с его 163 см. Рост Гитлера был лишь 173 см. Всех этих личностей так или иначе связывают со сверхкомпенсаторной агрессией, которую иногда называют «синдромом невысокого мужчины». Есть некоторые свидетельства того, что по внешним признакам и Черчилль был подвержен этому синдрому.

Он, разумеется, бывал резок с людьми. Робертс смело заметил, что, если сравнивать двух противников, Гитлер, вероятно, был мягче со своим персоналом и заботливее к нему. Черчилль не только не давал помощникам спать, когда диктовал ночью, но и сильно раздражался, если что-нибудь шло не так. «Где вы получили образование? — кричал он. — Почему вы не читаете книг?»

Заметьте, что он кричал не только на мелкую сошку. У нас есть сделанное в 20-е гг. описание того, как он расхаживал по кабинету Болдуина во время спора с Невиллом Чемберленом, бранился и грозил кулаком. Давайте соберем все улики против него. Последуем примеру самовлюбленного окружного прокурора и сделаем рагу (составим коллаж) из инсинуационных свидетельств — тривиальных и не очень.

Обвинение против него состоит в том, что он был не только величайшим человеком современной британской истории, но и взбалмошным самодуром в обращении с другими.

Вот что считали его враги (а порою и друзья) и причины, по которым они так считали. Они говорили, что Черчилль ведет себя как избалованный ребенок, и мы вынуждены признать, что он научился настаивать на своем с самого раннего возраста. Вспомните его тошно-

творные и манипулятивные письма матери, написанные, когда ему было двенадцать лет. Он умоляет позволить ему посетить шоу Буффало Билла:

...Я хочу увидеть Буффало Билла и представление, как ты мне обещала. И я буду очень разочарован, и даже не разочарован, а крайне несчастен, после того как ты пообещала мне, и еще, я не буду больше верить твоим обещаниям. Но я знаю, что мамочка любит своего Уини слишком сильно, чтобы...

И далее в том же ключе. Это письмо было первым из трех о Буффало Билле, и мы видим, что у его автора присутствует не только железная решимость, но и ощущение, что у него есть право требовать. Когда ему было четырнадцать, он уговорил одного из своих школьных приятелей — по фамилии Милбанк — записывать то, что он диктовал, лежа в ванне. Впоследствии бедный Милбанк погиб на Галлипольском полуострове, но он был первым из многих секретарей у ванны Черчилля.

Как выразилась его свояченица леди Гвендолин «Гуни» Берти, у него имелась склонность к «ориентализму», самыми счастливыми для него были те мгновения, когда слуга надевал на него носки. Он мог демонстрировать выдающуюся храбрость, когда был в окопах, но при этом окружал себя поразительной роскошью.

Черчилль поехал на фронт с личной ванной, большими полотенцами, грелками, продуктовыми наборами из Fortnum & Mason¹, громадными кусками отварной солонины, сырами стилтон, сливками, ветчиной, сардинами, сушеными фруктами, огромным мясным пирогом, не говоря уже о персиковом бренди и прочих ликерах. «Вы должны помнить, — однажды сказала жена Черчилля его врачу, — он ничего не знает о жизни простых людей».

¹ *Fortnum & Mason* — универсальный магазин в центре Лондона.

Она добавила, что он никогда не ездил на автобусе и лишь однажды был в лондонском метро. Это техническое новшество было одним из немногих, не подчинившихся ему. Он заблудился, ему потребовалась помощь, чтобы найти выход.

Леди и джентльмены жюри присяжных, найдутся и те, кто скажет, что он был не только несдержанным и избалованным, но также и задирой. Вспомните темную историю в Сандхерсте, как молодые офицеры сговорились против младшего офицера Брюса и вынудили его уйти.

Нет никаких свидетельств, что Черчилль проявил христианское милосердие и пытался приободрить встревоженного Брюса. Напротив, некоторые утверждали, что Черчилль был заводилой травли.

Кто может быть хуже вспыльчивого и избалованного задиры? А как насчет распространенного обвинения в том, что у него не было настоящих друзей, а были лишь те, кого он «использовал» для собственного продвижения? В недавней документальной драме «Надвигающаяся буря» (The Gathering Storm) мы видели, как молодого сотрудника Форин-офиса Ральфа Виграма уговорили поехать в Чартвелл и проинформировать Черчилля о действительности немецкого перевооружения. Эти сведения Черчилль безжалостно и эффективно использовал в нападениях на правительство Стэнли Болдуина.

Когда он вынес документы из Уайтхолла, Виграм поставил на карту свою карьеру. В конечном счете его заподозрили в утечке информации и ее передаче Черчиллю, Виграма перевели на второстепенную должность в Форин-офисе. В телевизионной драме мы видим, какой урон был нанесен семье Виграма, как ему угрожали начальники и затем он совершил самоубийство. Бедняга — так говорит драма — был принесен в жертву во имя амбиций Черчилля.

Или возьмем другое обвинение — «он бросил друзей на произвол судьбы», в глазах многих людей это самое ужасное преступление. Когда он совершил свой знаменитый побег из бурской тюрьмы в Претории, двое других заключенных — Холдейн и Броки — должны были бежать вместе с ним. Звучало предположение, что Черчилль нарушил уговор и удрал в одиночку.

Агрессивный, избалованный, задиристый, вероломный обманщик — что еще мы можем добавить? Последнее обвинение состоит в том, что им двигали только собственные интересы, он был слишком очарован собой, чтобы быть человечным.

Предположим, что вы — молодая женщина, пришедшая на званый обед, и вас посадили рядом с великим человеком. Утверждение состоит в том, что Черчилль будет заинтересован только одним субъектом — Уинстоном Черчиллем. Как выразилась Марго Асквит: «Уинстон, как все эгоцентрики, в конечном счете надоедает другим людям». В этом состоит суть дела с позиции обвинения, ваша честь.

Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль обвиняется в том, что он избалованный, задиристый, вероломный, эгоцентричный зануда и совершенный грубиян. Давайте теперь выслушаем его адвоката — я с радостью готов сыграть и эту роль, чтобы обсуждение было всесторонним.

Начнем с утверждения, что он тиранил свой персонал. Да, он заставлял людей много работать, и верно, что он почти свел с ума несчастного Алана Брука, своего военного советника, — тот время от времени молча ломал карандаши, чтобы совладать со своими чувствами. Но вспомните, какое напряжение ощущал сам Черчилль, ему нужно было руководить страной во время войны, и не было никаких признаков того, что в ней можно победить.

Нельзя сказать, что Черчилль не догадывался, как воспринимается его поведение. «Я удивляюсь, что мно-

гие мои коллеги еще разговаривают со мной», — признался он. Он иногда прерывал свои марафонские сеансы диктовки, если понимал, что помощники замерзли, и сам разводил огонь в камине.

Когда умерла Виолетта Пирмен, его верный, вечно загруженный работой секретарь, он послал ее дочери собственные деньги. Он также помог деньгами жене своего врача, когда та оказалась в затруднительном положении. Когда его друг был ранен в суданской кампании, Черчилль закатал рукав и предоставил кусок кожи для пересадки — без анестезии.

Так ли поступает себялюбивый самодур? «Только познакомившись с Уинстоном, вы сразу видите его недостатки, — говорила Памела Плоуден, — но всю последующую жизнь вы будете открывать его достоинства».

Обратимся теперь к заявлениям о его роскошествах среди запустения окопов — намеках, что он всячески помышлял своим батальоном. Какая ерунда!

Верно, что его прибытие в часть в январе 1916 г. сопровождалось определенным возмущением. «Кто этот политик? — ворчали шотландские фузилеры. — Почему он не мог найти себе другой батальон?» Черчилль начал со свирепой риторической атаки на вошь — *Rediculus humanus*. Он поделился с изумленными слушателями своими изысканиями о происхождении этого насекомого, его основных свойствах, среде обитания, об оказанном им влиянии на войны, древние и современные.

Затем он организовал доставку неиспользуемых пивоваренных чанов в Моленакр для коллективного избавления от вредных насекомых — и это сработало. Уважение к Черчиллю росло. Он уменьшил наказания. Он делился роскошью со всеми, кто садился за общий стол. Почитайте книгу «На фронте с Уинстоном Черчиллем» (*With Winston Churchill at the Front*), написанную «капитаном Х» (в действительности Эндрю Девором-

Гиббом), который видел все происходившее своими глазами.

Если кто-то вставал из-за стола «без большой сигары, освещавшей его смягчившееся лицо, это означало, что он не курил, и вовсе не было промахом полковника Черчилля». Так же он поступал с персиковым и абрикосовым бренди. Да, была ванна, которую Девор-Гибб называет подобием длинной мыльницы, но ею пользовались и многие другие. Окопное царство Черчилля было и демократичным, и домашним. Вот как Девор-Гибб рисует картину отдыха батальона: Черчилль сидит, наклонившись на расшатанном стуле, и читает карманное издание Шекспира, отбивая такт граммофону, в то время как другие офицеры наслаждаются праздностью или читают на солнце.

Помните, что у них были ужасные потери: немецкие (а порою и британские) снаряды взрывались вокруг них каждый день. Но под влиянием Черчилля они стали петь эстрадные песни — некоторые из них были «грубоваты», на вкус капитана Девора-Гибба. Черчилль побуждал их смеяться при всякой возможности. Один молодой офицер, Джок Макдэвид, позднее вспоминал: «За короткий период ему удалось поднять дух офицеров и солдат до невероятного уровня, и все благодаря собственной личности».

И я настаиваю, что таково поведение лидера, человека, который должным образом заботится о своих подчиненных. Задира поступает иначе, и мы можем также отместить старые сплетни о том, как обходились с бедным Брюсом, младшим офицером в Сандхерсте.

Почти все обвинения распространялись радикальным журналистом, парламентарием (и океаническим подонком) по имени Генри Лабушер, который не только был неистовым антисемитом, но и пытался провести через парламент ужасную поправку, которая криминализовала все, связанное с гомосексуализмом. У обви-

нений нет никакого основания. Адвокаты Черчилля с легкостью отвергли беспочвенные заявления, что он «предавался утехам в духе Оскара Уайльда», Черчиллю была присуждена внушительная компенсация.

На самом ли деле он «использовал» молодого Ральфа Виграма и бездумно загубил его карьеру? Неясно, совершил ли Виграм самоубийство, но в любом случае сотрудник Форин-офиса передал информацию Черчиллю, так как хотел разоблачить ужас происходящего в Германии и самоуспокоенность правительства.

Он сделал это из чувства долга — не из-за того, что ему заморочил голову Черчилль. После похорон Черчилль устроил для скорбящих поминки в Чартвелле, он проявил большую заботу о жене Ральфа, Аве. Многие годы впоследствии Черчилль поддерживал с ней контакт.

Не нужно упрекать Черчилля и за его обхождение с Холдейном и Броки, которые собирались бежать с ним из тюрьмы в Претории. Из дневников и писем совершенно понятно, что ночью, в последний момент, они просто трусили.

Черчилль пошел в уборную, перепрыгнул через стену и затем полтора часа ждал их в саду, рискуя быть замеченным. Но они так и не пришли, а Черчилля нельзя винить за это! Впоследствии он послал золотые часы всем, кто помог ему бежать. Он с трудом мог позволить себе такой подарок. Сделал ли Черчилль его из чувства некоторой вины? Напротив, он так поступил из-за присущих ему импульсивности и щедрости.

Давайте в конце разберемся с довольно общим обвинением в себялюбии: что он не проявлял интереса к другим людям и был невыразителен на приемах — за исключением тех моментов, когда хвастался о себе. Конечно, он был эгоцентричен и подвержен нарциссизму, что он сам с готовностью признает. Но это не означает, что он не интересовался другими людьми и не заботился о них.

Почитайте его письма Клементине, в них он беспокоится о том, не будет ли ребенок слизывать краску с животных Ноева ковчега. Подумайте о доброте к матери, которая, по сути, лишила его 200 000 фунтов наследства, как он обнял ее в день, когда она выходила замуж за Джорджа Корнуоллиса-Уэста, и сказал, что ее счастье — единственное, что имеет значение.

Отметьте его бесконечную щедрость к младшему брату Джеку, который жил с Черчиллем на Даунинг-стрит во время войны. Все эти свидетельства подтверждают, что Черчилль был добросердечным человеком и порою совершенно сентиментальным. Он хорошо обходился со своим зверинцем в Чартвелле (что, конечно, не является определяющим аргументом: Гитлер любил свою немецкую овчарку Блонди, но любовь Черчилля распространялась дальше царства животных).

Его легко было растрогать. Он льет слезы, услышав новости, что в период бомбардировок Лондона жители города выстраиваются в очереди, чтобы купить корм для своих канареек. Он плачет, когда рассказывает исступленной палате общин, что судьба вынудила его взорвать французский флот. Он рыдает от фильма Александра Корды «Леди Гамильтон». Черчилль посмотрел этот фильм семнадцать раз. Ему нравилась легкая музыка, сохранилось много эпизодов с Черчиллем, напевающим любимые мелодии. Он не был человеком, портящим другим веселье.

Он открыто проявлял эмоции, принадлежа к классу и обществу, в котором следовало быть невозмутимым. И — что совсем необычно для британского политика — он никогда не держал зла. Люди отвечали на его сердечность, и, хотя работа с ним изнуряла, коллеги были безгранично преданы и привержены ему.

Когда в 1932 г. он вернулся из Нью-Йорка, где чуть не погиб под колесами автомобиля, ему подарили «даймлер». Это было организовано Бренданом Брэкенем,

а средства на машину собрали 140 друзей и поклонников.

Вы можете представить, чтобы у современного британского политика нашлось достаточно друзей и поклонников, чтобы ему подарили новый «ниссан-микра», не говоря уже о «даймлере»? Справедливости ради надо сказать, что жена Черчилля не всегда одобряла его друзей: Ф. Е. Смит был пьяницей, про Бивербрука говорили, что его сделки слишком подозрительны, а Брендан Брэкен, который подыгрывал нелепым слухам, что он незаконный сын Черчилля, был безусловно странным.

Брэкен лгал о своем возрасте, даже снова пошел в школу, чтобы сфальсифицировать его. Он отрицал свое ирландское происхождение, уверяя, что он австралиец. Вы можете подумать, что за прекрасный человек стал министром информации. Но Черчилль придерживался их, а они его.

Читая рассказ Девора-Гибба о Черчилле в окопах, я поразился благожелательному упоминанию лорда Фишера — великого флотоводца, который столь впечатляюще пребывал в нерешительности в отношении Дарданелл в 1915 г. и чья непоследовательность сильно поспособствовала задержке и грядущей катастрофе.

«Полковник Черчилль немало забавлял нас частыми рассказами о лорде Фишере, перед которым он, по-видимому, испытывал огромное восхищение», — вспоминает капитан Девор-Гибб. Это является свидетельством великого благородства его души, ведь безумное поведение Фишера едва не погубило политическую карьеру Черчилля.

Покинув окопы на пару дней, он выступил в палате общин, призывая вернуть Фишера в адмиралтейство, — это предложение многие посчитали свидетельством того, что Черчилль окончательно потерял нить событий. Ему не нужно было защищать Фишера, который вел

себя предательски. Так, Фишер сообщил Клементине (скорее всего, ложно), что Черчилль часто бывал в Париже, чтобы навестить подружку.

Если мыслить рационально, у Черчилля были все причины сбросить старика со своего корабля. Но Черчилль был не таков: ему нравился Фишер, он восхищался им и стремился выразить это.

У Черчилля было то, что древние греки называли *μεγαλοψυχία* — величие души. Он не был воцерковленным христианином. Он никогда не верил в побудительную метафизику Нового Завета. Как-то один прелат доброжелательно назвал его «столпом Церкви», но у Черчилля хватило честности, чтобы моментально возразить. Он сказал, что скорее является аркбутаном¹.

Его этика по существу была дохристианской, наверное даже гомеровской. Он неизменно стремился к славе и престижу — как для себя, так и для Британской империи. Но у него было глубоко укоренившееся чувство, подсказывавшее ему, как надлежит поступать, как быть справедливым, — помните, что внутренний повествователь зорко следил за ним и постоянно оценивал.

Вот почему я здесь — на сыром кладбище в Восточном Лондоне. Леди, которая покоится здесь, разумеется, няня Черчилля. Надпись на памятнике гласит: «Воздвигнут в память Элизабет Энн Эверест, которая умерла 3 июля 1895 г. в возрасте 62 лет, Уинстоном Спенсером-Черчиллем и Джоном² Спенсером-Черчиллем».

По сравнению с другими надгробиями это посвящение немногословно. Не упоминается любовь или

¹ *Аркбутан* — наружная каменная полуарка, передающая распор свода главного нефа внешним опорным столбам — контрфорсам.

² Родители называли брата Черчилля Джеком, и он более известен под этим именем.

поющие ангелы, возможно, этот крест в шестьдесят сантиметров — самый маленький и простой из тех, что я вижу вокруг. Рассказ, как он тут оказался, в чем-то ужасен, но памятник также является физическим доказательством основополагающей доброты характера Черчилля.

Как мы уже видели, мать Черчилля Дженни была далека и пленительна, она быстро подходила к мальчику вечером, двигаясь как пантера в своей облегающей одежде для верховой езды, чтобы поцеловать и пожелать спокойной ночи. Во все прочее она не была особо вовлечена. Именно миссис Эверест, крупная женщина средних лет из Медуэя, оказывала ему безграничную любовь, которой он страстно желал. В большинстве биографий Черчилля с полным на то основанием содержится ее превосходное изображение. На нем она слегка походит на приземистую королеву Викторию: белый кружевной чепец, большой турнюр и нижняя юбка, так что ее силуэт кажется пирамидальным, как у самого Эвереста.

«Няня была моей наперсницей, — сказал Черчилль. — Миссис Эверест заботилась обо мне и потакала прихотям. С ней я делился своими многочисленными бедами». Он называл ее «Вум» или «Вумени», до нас дошли многие ее восхитительные письма к Черчиллю: она советует ему принять героин при зубной боли, быть на чеку из-за восточного ветра, не запрыгивать на движущиеся поезда, избегать жаркой погоды, долгов и плохой компании.

Был известный случай, когда ни один из его родителей не удосужился прийти на церемонию по окончании учебного года в Харроу, поэтому приехала миссис Эверест, и другие мальчики хихикали, когда он гордо шел с ней по городу, рука об руку. Это было подтверждением морального мужества, а позже появились и другие свидетельства.

Когда Черчиллю было семнадцать, а Джеку одиннадцать, было решено, что няня больше не нужна. И хотя во многих английских аристократических семьях жили на иждивении престарелые няни, мать Черчилля никак не позаботилась о будущем миссис Эверест. Она была вышвырнута.

Черчилль пришел в ярость. Он протестовал, ссылаясь на интересы своего брата, и для нее была найдена компромиссная работа в лондонском доме его бабушки, герцогини. Но два года спустя закончилась и эта работа. Снова Черчилль был разгневан тем, как обошлись с миссис Эверест — ее проинформировали письмом об увольнении! Он обвинил мать в «жестокости и подлости».

Все было бесполезно. Миссис Эверест переехала жить в Крауч-энд¹, и Черчилль помогал ей из своего сравнительно скудного дохода. Она продолжала писать ему и, когда он учился в Сандхерсте, наставляла его следующим образом: «Занимайся побольше упражнениями на открытом воздухе, и тебе не потребуются лекарства... Будь хорошим джентльменом, порядочным, честным, справедливым, добрым и отличным во всем. Мой милый и дорогой, как же я тебя люблю. Будь хорошим, ради меня».

В 1895 г. здоровье миссис Эверест ухудшилось, и 2 июля Черчилль получил в казарме телеграмму, что ее состояние «критическое». Когда Черчилль приехал в Крауч-энд, он обнаружил, что она беспокоилась только о нем: по пути он сильно промок. «Пришлось снять и как следует высушить пиджак, прежде чем она успокоилась».

Черчилль нашел врача и сиделку, после чего ему пришлось спешить обратно в Олдершот, где утром должен был пройти парад. Он вернулся на север Лондона,

¹ Крауч-энд — район на севере Лондона.

как только парад закончился. Миссис Эверест впала в кому и умерла ночью в 2:15. Черчилль был рядом.

Невозможно знать наверняка, чем мир обязан няне Уинстона Черчилля. Но если кто-то учил его быть хорошим, добрым и стараться говорить правду, то, несомненно, это была она. Я полагаю, что именно миссис Эверест способствовала становлению его всеохватного и благородного морального чувства.

Однажды, когда ему было семь лет, он гулял с няней в парке Бленхейма. «Мы увидели, как змея ползет по траве, — написал он отцу, — я хотел убить ее, но няня не позволила мне». Снимаю шляпу, миссис Эверест.

Возможно, Черчилль пришел в отчаяние, когда она умерла, он думал, что больше не найдет настолько надежной и преданной женщины. Но он ошибался. Настало время обсудить его замечательное решение жениться на Клементине, а также вечную загадку взаимоотношений Уинстона Черчилля с женщинами.

ГЛАВА 9

Моя дорогая Клементина

А сейчас давайте задержимся у храма Артемиды и перейдем на свистящий шепот, как надлежит натуралисту во время телесъемки на природе. Мы пришли в разгар августа в обширный холмистый парк Бленхеймского дворца, в этот известный питомник английской аристократии. Идет умеренный летний дождь. Сейчас позднее утро. Внутри этого небольшого элегантного храма с ионическим портиком наступила кульминация освященного веками ритуала спаривания — по крайней мере в теории.

На дальней скамье сидят тридцатитрехлетний Уинстон Черчилль, министр торговли, и привлекательная девушка с большими темными глазами по имени Клементина Хозье. Заметьте, как тщательно мужчина подобрал место: дворец демонстрирует богатство и могущество семьи, а также имеющиеся гены, вид на озеро должен пробудить романтические чувства, а хрустящая гравиевая дорожка с обеих сторон сумеет предупредить их о чьем-либо приближении.

В любую минуту он может произнести те самые слова. Конечно, Клементина понимает символику храма: Артемида была девственной богиней охоты и здесь девственница была загнана в угол.

Давайте подкрадемся по мху сзади здания и постараемся услышать, что они говорят. Тсс!

Оказывается, Черчилль треплет и треплет языком. Девушка все еще ждет с опущенными глазами. Она глядит даже не на вдохновенное лицо мужчины, а на жука на полу. Она смотрит, как жук медленно перебирается от одного стыка между плитами к другому, — и в искреннем недоумении гадает, дойдет ли Черчилль до сути дела. Клементина находится в храме в полном расстройстве Черчилля уже полчаса, а он так и не набрался мужества, чтобы выпалить предложение.

Любой биолог при изучении романтической жизни Уинстона Черчилля может заключить, что по сравнению с ней ухаживание большой панды будет выглядеть безусловно поспешным и порывистым. Он впервые встретился с Клементиной четыре года назад и произвел не особенно благоприятное впечатление. Не так давно они встретились снова, и все пошло как по маслу. Он послал ей несколько писем, из которых стали очевидными его планы в отношении ее. Он проложил свой курс, как часто делал в жизни.

Пять дней назад, 7 августа 1908 г., он пригласил ее письмом в Бленхейм и сделал намек, который невозможно было пропустить: «Я так хочу показать тебе этот прекрасный дворец, в его садах мы найдем множество мест, подходящих для бесед, а нам с тобой есть о чем поговорить». На следующий день он написал еще одно письмо, в котором объяснялось, на какой поезд нужно сесть, и еще говорилось о «странной таинственности ее глаз, чей секрет он так усердно пытался понять».

С тактическим самоуничижением он предупредил ее, что ему нелегко с девушками, что он «бестолков и неловок в этом отношении, привык быть самодостаточным и полагаться лишь на себя». Он признает, что, идя по этому пути, он «пришел к одиночеству»... НАМЕК! НАМЕК! Черчилль явно дал понять Клементине — соблюдая все формальности и условности эдвардианской Англии, где добрачный секс для порядочных

девушек был абсолютно исключен, — что он собирается сделать ей предложение.

Итак, она была в Бленхейме три дня, и ничего не произошло. Черчилль не ринулся к ней, не набросился на нее, а когда они сидели на диване, он даже не приобнял ее красивые плечи вслед за предупредительным покашливанием. Бедняжка, думаем мы, — наверное, она решила, что провалила какой-то негласный экзамен. А утром того дня, когда она должна была уехать, Черчилль даже не встал с кровати. На поверку (хотя Клементина не знала об этом) его кузен, сам герцог Мальборо, должен был пойти в комнату Черчилля, поднять братца и решительно заявить, что, если он собирается сделать предложение этой девушке, ему лучше встать и начать действовать.

Наконец в 11 утра Черчилль нашел ее, и они прошли английский парк с его аккуратно подстриженными кустами и обнаженными греческими статуями, повернули налево и прошествовали мимо лодочного сарая, где волны мелодично плескались под дамбой. Они миновали разнообразие тенистых уголков и поросших лесом мест, которые, казалось, были специально предназначены для предложения руки и сердца.

И вот они, уединившись в этом храме, провели там, как показалось молодой женщине, мучительно долгое время — и по-прежнему никакого действия. Позднее она описывала, как наблюдала за жуком, который продвигался так же медленно, как сам Черчилль: «Я подумала, что если жук доползет до того стыка, а Уинстон не сделает предложения, значит он и не собирается его делать». Многие люди поставили бы деньги на жука.

Если вы сегодня зайдете за храм Дианы (или Артемиды), вы увидите там граффити, оставленные теми, кто недавно наслаждался его спокойствием. Кто-то выцарапал свастику, но есть и несколько любовных сердечек. Бьюсь об заклад, что «Дэйв» не просиживал пол-

часа, прежде чем выразить чувства «Саре». Зная нас, британцев, я полагаю, что это местечко использовалось для многих прелюбодеяний на свежем воздухе, — и те счастливые греховодники были бы слегка озадачены, услышь они о подходе Черчилля.

Некоторые люди заходят довольно далеко и утверждают об отсутствии каких-либо свидетельств того, что к тридцати трем годам Черчилль потерял невинность. Это, по их мнению, может объяснить его застенчивость в храме. Долгое время существовало широко распространенное мнение, что женщины или, по крайней мере, сексуальные отношения с ними были для Черчилля не так важны, как для некоторых других мировых лидеров. На столбике его кровати было меньше зарубок, чем можно ожидать от человека, чьи аппетиты — к похвале, в еде, питье, сигарах, развлечении и так далее — были столь титаническими. Перед помолвкой в одной из газет он уже был назван «убежденным холостяком», что не имело коннотации сегодняшних дней, а просто отражало то, как он воспринимался другими.

«Я постоянно слышу, что Уинстона нельзя связать с какой-то определенной леди, — написала одна знакомая Ллойд Джорджу. — Общее мнение сводится к тому, что “он не кавалер”... и он довольно необычно смотрит на женщин. Уинстон стал бы в миллион раз популярнее, если бы допускалось подумать, что он настолько заботится об одной из женщин, что готов слегка рискнуть комфортом ради нее. Возможно, это придет, но я сомневаюсь».

Был ли он сексистом? Одна группа женщин определенно чувствовала, что Черчилль смотрит на них необычно. Я имею в виду суфражисток. «Вы животное! — кричала Тереза Гарнетт, когда напала на него с собачьим хлыстом. — Почему вы не обращаетесь с женщинами должным образом?» Суфражистки не могли простить его исходное неприятие их дела. Они колотили Черчилля

кулаками, сбивали с ног, безжалостно перебивали и прерывали его речи. Временами они звонили в колокольчики, когда он приближался к заключению.

Черчилль неизменно реагировал с вежливостью, большинство людей теперь признаёт, что с ним обошлись слишком сурово. Его первоначальные сомнения не были мотивированы мужским шовинизмом, а стали следствием прямого расчета: ведь опросы подтверждали, что женщины будут скорее голосовать за тори. Как бы то ни было, он в конечном счете поменял позицию и в 1917 г. поддержал расширение избирательного права на всех женщин старше тридцати.

Большинство историков также не соглашались, когда Черчилля представляют асексуальным типом вроде Эдварда Хита. Это было бы сущей ерундой. Всю свою жизнь он любил компанию женщин, разыскивал понравившихся, ценил красоту, любил порисоваться. Даже когда ему было за семьдесят, он был способен кувыряться в море на юге Франции, надеясь впечатлить голливудскую старлетку, — к небольшому раздражению Клементины.

Для человека, который якобы не особо интересовался противоположным полом, у него был длинный список юношеских увлечений и романов того или иного вида. Вот ему восемнадцать, и он рядом с «красавицей Полли Хакет». Они гуляют по парку, и он дарит ей пакетик засахаренных слив — неужели это не романтично?

Потом он преследует танцовщицу с неопределенной репутацией по имени Мейбл Лав, хотя история стыдливо умалчивает, что случилось между ними. Он по уши влюбляется в Памелу Плоуден, дочь британского резидента в Хайдарабаде, и заявляет, что она «самая прекрасная девушка из тех, которых он когда-либо видел». Он катает ее на слоне, делает все необходимое, — и нет вины Черчилля, что его отвергают.

У него случилась небольшая интрижка с замужней женщиной Этти Гренфелл. Он оказывает знаки расположения Этель Берримор, представительнице знаменитой актерской династии. Он приударяет за некой Мюриель Вильсон, и целую неделю они вместе катаются по Франции. За этим следует роман с Виолеттой Асквит. Похоже, она влюбилась в него и ее чувства были настолько сильны, что ему потребовалось поехать к ней в замок Слэйнс в Шотландии и умиловить ее всего лишь за две недели до женитьбы на Клементине. Возможно, он опасался, что его плохое обращение с Виолеттой будет иметь политические последствия; в конце концов, его продвижение зависело от ее отца.

Некоторые полагают, что его отношения с Виолеттой были более значительными и близкими, чем дозволялось в прежнее время. Кто знает, что на самом деле случилось между ними? Или между Черчиллем и другими женщинами, чьих имен мы даже не знаем? И честно говоря, кому какое дело?

Есть множество причин, по которым современники не считали Черчилля Казановой их века, но самая очевидная из них — то, что он был чертовски занят. Внешне по своим привычкам он напоминал Берти Вустера¹ — вставал поздно, жил в квартире, без семьи, курил сигары с закадычными друзьями в клубах, был окружен гибкими и интеллигентными девушками, которых нельзя было считать подружками, а его преданный секретарь Эдди Марш сновал вокруг него подобно Дживсу. Но по трудолюбию и отдаче они были полярными противоположностями (вспомните, ведь репутация Берти Вустера как журналиста основывалась на единственной статье «Что носит хорошо одетый мужчина», опубликованной в периодическом издании его тетушки Далии «Будуар миледи»).

¹ *Берти Вустер, Дживс* — герои цикла юмористических произведений П. Г. Вудхауза.

Черчилль написал пять книг, стал парламентарием, был репортером в нескольких зонах боевых действий и подготовил множество статей, ему хорошо платили за чтение лекций — и все это, когда ему было лишь двадцать пять. Он входил в полудюжину самых молодых людей, в то или иное время ставших министрами. Когда он сидел на той скамье рядом с Клементиной, он уже был автором миллионов опубликованных слов, многие его произведения заслужили популярность и похвалу критиков. Чудо уже то, что он находил время встречаться с девушками.

Почитайте его переписку, и вы обнаружите разнообразие провоцирующих намеков на его раннюю романтическую карьеру. Что имела в виду Памела Плоуден, поздравляя его в 1940 г. с назначением на пост премьер-министра, когда она нежно вспоминала их «дни в кебах»? Был ли он небезопасен в такси?¹ Но в конечном счете подобные домыслы не только грубы, они не относятся к делу. А имеет значение только то, что Черчилль опередил жука, сделал предложение Клементине и они, по его выражению, «стали счастливо жить-поживать».

Клементине было двадцать три, она происходила из обедневшей семьи, и ее происхождение отличалось некоторой неопределенностью: у ее матери леди Бланш Хозье насчитывалось так много внебрачных романов, что Клементина не была вполне уверена, кто ее отец. До того Клементина была три раза обручена, и, хотя многие газеты отмечали ее красоту, ее соперница Виолетта Асквит готовилась проявить впечатляющую стервозность в отношении прочих свойств невеселы Черчилля.

¹ Выражение Not Safe in Taxis, породившее акроним NSIT, обозначает молодых людей, с которыми девушкам ездить не рекомендуется.

Вот что кипящая Виолетта пишет подруге о предстоящем бракосочетании:

Его жена никогда не станет для него более чем декоративным сервантом. И, как я уже часто говорила, она настолько нетребовательна, что не будет желать большего. Я не знаю, сумеет ли он долго вытерпеть то обстоятельство, что она глупа, как *сова*. Есть опасность, что и нет. Но на какое-то время ее жизнь станет легче — ведь не надо будет самой шить одежду, а он, я полагаю, *слегка* влюблен. Отец [премьер-министр] считает, что им обоим уготована катастрофа.

Это говорит уязвленное самолюбие молодой женщины. Клементина не была сервантом, она была мудра, как дерево, полное сов, а их брак стал не катастрофой, а триумфом. Она была поразительно предана Черчиллю и оказывала ему всяческую поддержку, способствуя его достижениям.

В наши дни мы, слава богу, избавились от понятия «политической жены» — женщины, которая является соратницей мужа, приспособлением для проецирования его амбиций. Но Клементина не только верила в своего мужа и бесконечно говорила с ним о политике. Она верила в него так горячо, что была готова идти за него в бой, иногда и физически.

Когда суфражистка попыталась толкнуть его под поезд, Клементина подскочила к женщине и огрела ее зонтиком. Когда Черчилль слег с аппендицитом во время избирательной кампании ноября 1922 г., она поехала в Данди, чтобы вести кампанию от его имени. Она храбро сообщила скептически настроенной публике, что ее муж не разжигатель войны. Хотя та кампания провалилась (как выразился Черчилль, он оказался «без кабинета, без места, без партии и без аппендикса»), Клементина вскоре снова агитирует за мужа в Западном Лестере. Опять она утверждает: «Многие думают, что он настроен воинственно, но я знаю его очень хорошо

Secret till Sat.

41579

12 Aug 1908

12, BOLTON STREET,
W.

Pamela. I am going to
marry Clementine & I
say to you as you said
to me when you married
Niles - you must always
be our best friend.

Ever yours

L.

Письмо Черчилля Памеле, графине Литтон

и понимаю, что он вовсе не таков. В действительности один из его величайших талантов — это талант миротворчества».

Несомненно, это было хорошо обдуманым призывом ко всем мужчинам и женщинам в аудитории, которые понимали важность искусства миротворчества не только за границей, но и на кухне или в спальне. Если Черчилль начал и закончил карьеру как тори (да и по своей сущности он был консерватором), то Клементина по происхождению и темпераменту была убежденным либералом. Она не имела никакого отношения к его переходу в Либеральную партию — это произошло задолго до их женитьбы, но ей оправданно ставят в заслугу то, что она смягчила и умерила природную агрессию своего мужа.

В 1921 г. она написала ему, предупреждая, что «меня всегда расстраивает и разочаровывает, когда я вижу, что ты склонен считать разумеющим торжество гуннского подхода железного кулака». Она заботилась о нем, наблюдала за ним — и пользовалась его большим уважением, так что была способна написать следующее великолепное письмо. Идет 1940 год, Битва за Британию в разгаре, чувство тревоги наверняка ужасающее — и это начинает сказываться на поведении Черчилля.

*Даунинг-стрит, 10,
Уайтхолл
27 июня 1940 г.*

Мой дорогой,
надеюсь, ты простишь меня, если я сообщу тебе то, что, на мой взгляд, ты должен знать.

Один человек из твоего окружения (преданный друг) навестил меня и рассказал о возникшей опасности, что тебя невзлюбят коллеги и подчиненные из-за твоих грубых, саркастических и властных манер. Похоже, твои помощники договорились вести себя подобно школьникам и «получать то, что им причитается», а затем, когда они уходят от тебя, пожимают плечами, — ведь ты начальник. Если

кто-либо высказывает мысль (например, на конференции), ты, как правило, встречаешь ее с таким презрением, что твои сотрудники зареклись их высказывать, будь они хорошими или плохими. Я была поражена и расстроена, ведь за все эти годы я привыкла, что те, кто работает с тобой и под твоим началом, любят тебя. «Вне сомнения, сказывается напряжение», — предположила я и услышала то же самое в ответ.

Мой дорогой Уинстон, должна признаться, что заметила ухудшение в твоём поведении, ты уже не такой добрый, каким был раньше.

Да, именно ты должен отдавать приказы, и, если они плохо выполняются, ты вправе уволить всех и каждого — за исключением короля, архиепископа Кентерберийского и спикера. Но эту страшную власть ты должен сочетать с вежливостью, добротой и по возможности олимпийским спокойствием. Ты имел обыкновение повторять: «On ne règne sur les âmes que par le calme»¹, и я не в силах вынести мысль, что те, кто служит Стране и тебе, не будут тебя любить, восхищаться и уважать.

Кроме того, ты не достигнешь лучших результатов раздражительностью и грубостью. Они породят либо неприязнь, либо рабскую ментальность (мятеж во время войны, разумеется, исключен).

Пожалуйста, прости твою любящую, преданную и наблюдательную

Клемми

Я написала это письмо в Чекерсе в прошлое воскресенье, порвала его, но вот оно снова.

Она закончила письмо небольшим рисунком кошки — это был намек на ласкательные имена, используемые ими друг для друга. Она была «кошечкой», а он — «мопсом» или «свинкой», соответственно он завершал свои послания изображением свиньи. А когда Черчилль открывал дверь в Чартвелле, они часто приветствовали друг друга милыми звуками животных: он — «гав-гав», а она — «мяу-мяу».

¹ Только будучи спокойным, можно править душами (фр.).

У нас складывается впечатление о женщине, совершенно неотделимой от жизни и карьеры ее мужа, которая не только любит супруга, но и способна брать на абордаж его очернителей. Как-то в 30-е гг. она ехала в железнодорожном вагоне с группой друзей, и кто-то по радио пренебрежительно высказался о Черчилле. Среди путешественников была дама из высшего общества, отдававшая предпочтение политике умиротворения. Она пробормотала: «Да, да». Клементина тут же вышла из вагона и отказывалась вернуться, пока ей не были принесены извинения. В 1953 г. она была на приеме вместе с лордом Галифаксом, который высказал мягкое порицание в адрес состояния партии консерваторов. «Если бы вы правили страной, — сказала Клементина, ударяя старого умиротворителя кувалдой своих слов, — мы бы проиграли войну».

Клементина Черчилль заплатила немалую цену за приверженность жизни Черчилля, и она понимала это. Как-то она заметила, что на ее могиле была бы уместна такая эпитафия: «Здесь покоится женщина, бывшая вечно усталой. Жила она в мире, взыскавшем усилий немало». Она призналась своей дочери Мэри, что была обделена счастьем самой растить четырех детей (пятый ребенок, девочка по имени Маригольд, умерла в младенчестве).

Почти все время она отдавала Уинстону, интересы которого — по словам Мэри — «стояли на первом, втором и третьем месте». Это, несомненно, было жертвой. Можно утверждать, что и Клементина, и ее дети страдали оттого, что ощущали себя малыми небесными телами, которым суждено вечно вращаться вокруг Roi-Soleil¹ Чартвелла. Муж был слишком занят, и иногда она чувствовала себя покинутой.

¹ Король-солнце (*фр.*).

Порою он писал ей с очевидной пылкостью (например, в одном письме высказано желание вытащить ее голый из ванны), но в марте 1916 г., когда он был в окопах, Клементина написала ему заунывное послание: «Мы еще молоды, но время бежит, лишая нас любви, и остается лишь дружба. Она спокойна, однако не слишком вдохновляет и пылает жаром». Ой-ой.

Был по крайней мере один случай, когда Клементина бросила Черчиллю в голову тарелкой со шпинатом. Принимая во внимание его поразительную склонность к самолюбованию, многие, наверное, одобрили бы этот поступок (но и были бы благодарны, что она промагнулась). Родители обоих супругов отличались методичной неверностью, они оба выросли в семьях, которые так или иначе были несчастны. Возникало ли у Черчилля или Клементины когда-либо за пятьдесят шесть лет их брака искушение пойти налево?

Каковы бы ни были некоторые слухи, я немало удивлюсь, если обнаружится, что Черчилль был неверен. Он не только хранил преданность Клементине, но и по своему характеру не был способен на такой шаг. Упоминается история о Дейзи Феллоуз, которую описывают как «стильную, шикарную особу с бессердечной красотой». Она случайно встретилась с Черчиллем на Парижской мирной конференции в 1919 г. Дейзи пригласила его на чай, чтобы «посмотреть на ее маленькое дитя». Когда Черчилль заявился на чаепитие, он обнаружил не маленького ребенка, а шезлонг, покрытый тигровой шкурой, на тигровой шкуре расположилась хозяйка. На ней не было одежды. Он убежал.

Что касается самой Клементины, то обычно придают большое значение истории с балийским голубем. Стресс совместной жизни с Черчиллем был таков, что она время от времени уезжала на длительный отдых — на юг Франции, в Альпы или Вест-Индию. В 1934 г. она

отправилась в настоящую одиссею — 50 000 километров по южным морям на роскошной моторной яхте, принадлежавшей наследнику Гиннеса лорду Мойну. Клементина побывала на Борнео, Сулавеси, Молуккских островах, в Новой Каледонии, на Новых Гебридах и Бали, откуда написала мужу: «Это чарующий остров. Красивые храмы, покрытые буйной растительностью, в каждой деревне. Красивые танцоры. Жители ведут райскую жизнь. Они работают примерно два часа в день — а в прочее время играют на музыкальных инструментах, танцуют, приносят дары в храмах богов и занимаются любовью! Превосходно, не так ли?»

В это время Черчилль вел рукопашный бой с правительством из-за Акта об управлении Индией, после долгих прений он возвращался домой изможденным, понятно, что та жизнь, которую он мог предложить Клементине дома, не всегда была райской. Да и, наверное, ежедневному занятию любовью не отводилось важного места в распорядке Чартвелла, как это было у счастливых племен Бали. Клементина привезла множество сувениров в багаже, сбросила вес и выглядела отлично.

У нее были морские раковины, которые приобрели желто-зеленый цвет, ими украсили декоративные пруды. Но ее главным трофеем был балийский голубь. Ее дочь Мэри описывала его как прелестную розово-бежевую маленькую птицу с коралловым клювом и лапками. «Он жил в красивой плетеной клетке, напоминавшей ловушку для омаров. Он ворковал и кланялся с изысканной восточной вежливостью людям, которые нравились ему». Голубь был подарком другого пассажира яхты. Его звали Теренс Филип, и он был торговцем произведениями искусства.

Мы можем предположить, какие чувства этот человек пробудил в Клементине. Ведь, когда голубь отворковал, она сама сделала эскиз надписи на его погреб-

бальную стелу, которая установлена в солнечных часах в розарии Чартвелла.

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ БАЛИЙСКИЙ ГОЛУБЬ

Негоже безрассудным
От здравых улетать.
Но там есть остров чудный,
Моим мечтам под стать.

It does not do wander
Too far from sober men.
But there's an island yonder.
I think of it again.

Строки она придумала не сама, а по совету Фрей Старк, писавшей книги о путешествиях, заимствовала их у литературного критика XIX в. У. П. Кера. Некоторые говорят, что подразумеваемое совершенно очевидно.

Черчилль — это тот здоровый человек, от которого улетела Клемми. Она признает свою неправоту, но голубь — птица Венеры, символ любви — напоминание об иной жизни, к которой она почти приобщилась на тропическом острове на другом конце Земли. Голубь заслужил столь церемониального погребения не потому, что он был веселой маленькой птицей, а потому, что он будил в памяти те дни, когда она сама ворковала и ласкалась. Он — символ ее увлечения, первого, последнего и единственного.

Правда ли это? Был ли у нее роман с торговцем произведениями искусства? Да, я думаю, это допустимо, хотя другие указывают на предполагаемые гомосексуальные наклонности Теренса Филипа. За два последних года, как известно, он несколько раз приезжал в Чартвелл, но то, что когда-то было между ними, умерло подобно голубю. И сам Теренс Филип умер во время войны, когда работал на галериста Вильденштейна в Нью-Йорке.

Было ли между Клемми и этим обходительным господином нечто большее, чем флирт, или нет, но есть два соображения, относящиеся к этой истории с балийским голубем. Во-первых, что бы ни символизировала эта птица, Черчилль знал об этом, но смог понять и простить. А как иначе он позволил бы воздвигнуть гробницу отпускному роману в своем саду?

Во-вторых, что бы Теренс Филип ни сделал для Клемми — какие бы чувства он ни пробудил, — это никак не сказалось на ее любовных отношениях с мужем. Вот что она пишет ему с яхты, когда направляется домой: «Мой дорогой Уинстон, я пользуюсь оказией авиапочты, чтобы попросить тебя, подобно Иоанну Предтече, подготовить мой путь, и также хочу сказать, что люблю тебя и страстно желаю оказаться в твоих объятиях». Так ли пишет женщина, охваченная жаркой страстью к другому мужчине? Возможно, но я думаю, что в случае Клементины маловероятно.

А вот что Черчилль пишет в ответ:

Я много думаю о тебе, моя дорогая Кошечка... и ликую, что мы проводим нашу жизнь вместе, а также что нас ждет еще несколько лет в этой долине радости. В последнее время я находился в некоторой депрессии из-за политики и хотел твоего утешения. Но я чувствую, что поездка была для тебя новым опытом и огромным приключением, ты побывала в ином окружении и видела бóльшие пространства. Поэтому я не испытываю недовольства из-за твоей долгой экскурсии и хочу, чтобы ты поскорее вернулась.

Из этого письма можно почувствовать, что Черчилль знает, насколько тяжелы его требования к жене. Мы также понимаем, как несладко пришлось ему в ее отсутствие и он сильно нуждается, чтобы она была рядом. Почему Черчилль простил ей флирт с Теренсом Филипом, если и было что-то требовавшее прощения? Потому что он любил ее, вот почему. Мир находится у нее в большом долгу — и это признало британское правительство

после смерти Черчилля, присвоив ей титул леди по происхождению.

Без нее не были бы возможны его свершения. Она дала его жизни домашний фундамент, покоившийся на крепких сваях, и не только тем, что руководила хозяйством Чартвелла, где были девять слуг и два садовника, и тем, что удовлетворяла эмоциональные и бытовые запросы четверых детей. В этом также ее труды можно считать успехом.

Было нелегко вырастить их четырех — Диану, Рандольфа, Сару и Мэри, — и, хотя не все из них были счастливы в дальнейшей жизни, все стали замечательными и мужественными личностями. Это можно поставить в заслугу Черчиллю (он был любящим отцом, когда позволяло время), но прежде всего — Клементине.

Она обуздала крайности Черчилля, она научила его больше думать о других людях и быть не столь эгоцентричным, она способствовала проявлению и укреплению тех свойств его характера, за которые можно любить и восхищаться. Это было важно в 1940 г. Страна нуждалась в лидере, которого мог понять народ, в лидере, который был привлекателен, казался «крепко стоящим на земле» и неподдельным.

Если Черчиллю было суждено руководить страной во время войны, ему необходимо было уметь находить контакт с людьми, а им была необходима возможность контакта с ним. В случае Черчилля этому немало способствовало то, что была выполнена сверхзадача — люди могли отождествлять себя и свою страну с его личностью.

Становление Джона Буля

Конец июля 1940 г. Положение Британии совершенно отчаянное. Последние соединения британского экспедиционного корпуса уже давно унесли ноги из Франции. Немцы методично пытаются уничтожить Королевские ВВС. Черчилль инспектирует оборонительные порядки в Хартлпуле — городе, получившем известность из-за обстрела немецкими кораблями во время Первой мировой войны.

Он останавливается перед британским солдатом, вооруженным пистолетом-пулеметом Томпсона М1928 американского производства. Черчилль, взявшись за ствол, забирает оружие у солдата. Черчилль держит пистолет-пулемет так, что дуло обращено вперед и вниз, — как будто он патрулирует британское побережье. Он поворачивается лицом к фотоаппаратам — и получившийся снимок станет одним из самых замечательных изображений его непоколебимой воли к сопротивлению.

Фотография настолько выразительна и так приковывает внимание, что стала хитом пропаганды обеих сторон. Геббельс тут же напечатал листовки с Черчиллем и пистолетом-пулеметом, в которых он назывался военным преступником и гангстером — ведь ему понравилось размахивать тем же самым смертоносным оружием, которое предпочитал Аль Капоне.

Британцы также использовали снимок, вырезав, правда, солдат в касках, — но в британском случае посыл пропаганды был совершенно другой. Да, свидетельствует изображение (которое в наши дни растиражировано на всевозможных кружках, кухонных полотенцах и плакатах), нашими военными устремлениями руководит гражданский человек в годах, у которого настолько нелепый стиль одежды, что он до сих пор носит высокую шляпу-котелок подобно кембриджскому вахтеру. Он приобрел ее в 1919 г. на улице Сент-Джеймс у торговцев шляпами Lock & Co — о чем у них сохранилась запись, — но котелок вышел из моды годы назад.

Да, у него тот же вкус в отношении головных уборов, что и у Стэна Лорела¹, да, он носит галстуки-бабочки в горошек и костюмы в тонкую полоску и походит на провинциального адвоката. Но я скажу вам, что плакат убедительно сообщает зрителю: этот человек стрелял много раз. Черчилль знает, как ставить оружие на боевой взвод и заряжать его.

Черчилль хорошо понимает, как обращаться с пистолетом-пулеметом, и умеет стрелять. Если использовать слово, употребляющееся слишком часто, в этом изображении есть что-то от иконы. Ведь в 1940 г. Черчилль становился ею — почти буквально.

Самым непостижимым образом он превращался в дух нации, символ сопротивления. Посмотрите на это круглощекое лицо, на приподнятую губу, намекающую на веселье, на его искренний взгляд. Черчилль стал подобием того дородного джентльмена, который более двух веков олицетворял грубый, но жизнерадостный ответ британцев на всякую значительную угрозу с континента. Он стал Джоном Булем и разделял много очевидных общих свойств с этим воплощением Англии,

¹ Лорел Стэн (1890–1965) — английский комедийный актер, сценарист и режиссер.

которое относится к XVIII в. Они хорошо знакомы благодаря прессе и пропаганде наполеоновской эры.

Он толстый, веселый, живущий на широкую ногу, буйный — и патриотичный в такой степени, которая многим всегда казалась чрезмерной и необязательной, но теперь, в условиях нынешнего кризиса, она кажется совершенно оправданной. Невозможно представить, чтобы кто-либо из его соперников был способен на такой поступок: ни Галифакс, ни Чемберлен, ни Стаффорд Криппс, ни Иден, ни Эттли — никто из них.

Никакой другой ведущий британский политик того времени не мог бы поддержать пистолет-пулемет так, чтобы это сошло ему с рук (и до сих пор это золотое правило всех политических фотооппортунистов, об этом шипят имиджмейкеры: «Никогда не прикасайтесь к оружию!»). Ни у кого из них не было необходимой самоуверенности, яркости, склада, харизмы, непосредственности, сопоставимой с черчиллевской.

Чтобы руководить страной во время войны, объединять людей в годину мучительных тревог, необходимо «контактировать» с ними — если использовать современный политический жаргон — на глубинном и эмоциональном уровне. Было недостаточно взывать к логике сопротивления. Он не мог просто убеждать их проявлять храбрость.

Ему требовалось привлечь их внимание, подбодрить и воодушевить их; при необходимости даже развеселить, а лучше всего было бы посмеяться над врагом. Чтобы воздействовать на британцев, ему было необходимо на каком-то уровне отождествлять себя с ними — с теми особенностями характера, который и он, и они считали изначально присущими народной душе.

Каковы же ключевые отличительные черты британцев — хотя бы по нашему, не вполне скромному мнению? Что ж, мы полагаем, что у нас хорошо развито чувство юмора, в отличие от других народов, которые можно

было бы упомянуть. Со времен Шекспира, вложившего шовинистическую застольную песню в уста Яго и Кассио, мы гордимся тем, что «англичанин совсем не пьян, когда датчанин уже с ног свалится, когда немец тоже лежит как мертвый, а голландца рвет»¹. Британцы склонны с некоторым подозрением относиться к слишком худым (теперь мы вторые в рейтинге толстых наций Земли). И вообще говоря, мы считаем Британию подходящим отечеством для эксцентриков, чудаков и индивидуалистов.

Черчилль объединил все эти четыре особенности под вместительным котелком своей личности. Но, когда мы исследуем его роль в 1940 г., возникает интересный вопрос: насколько он способствовал созданию этой идентичности? Случилось ли это само собой, с абсолютной и неосознанной спонтанностью? Или же он был самым выдающимся собственным имиджмейкером и спин-доктором?

Многие утверждали, что блестящая личность Черчилля, как она воспринималась обществом, была результатом определенного мифотворчества — как его самого, так и других. Одно из тех свойств Черчилля, в котором мы уверены и сегодня, — то, что он был настоящим Джоном Булем в своей непочтительности, в использовании остроумия, зачастую колючего остроумия.

Бессчетное количество анекдотов иллюстрирует его грубовато-добродушный, веселый и насмешливый нрав. Они прилипают к нему как репей. Увы, многие из них возможно, а некоторые наверняка не имеют отношения к Уинстону Черчиллю.

Возьмите, к примеру, ту историю, когда он сидит рядом с благочестивым методистским епископом — на каком-то приеме, якобы в Канаде, — и привлекательная официантка подходит к ним с подносом, на котором

¹ «Отелло». Перевод П. Вейнберга.

стоят стаканчики с хересом. Черчилль взял один, а епископ сказал: «Девушка, я скорее совершу адюльтер, чем дотронусь до хмельного напитка».

Услышав это, Черчилль обратился к официантке: «Вернитесь, милочка, я не знал, что у нас есть выбор». Возможно, я не прав, но мне кажется, что это скорее не подлинный случай, а послеобеденный анекдот со страниц юмористического журнала, приписываемый Черчиллю в надежде, что он станет смешнее.

Такие рассказы представляют интерес из-за того, что они проливают свет на его восприятие другими, на тот факт, что Черчилля считают подходящим персонажем для подобных историй. Есть и те, героем которых может быть только он, и все же они сомнительны. Вспомните байку о чехах, которые должны были прикрывать дула винтовок британских военнослужащих, отправляющихся в Арктику. За их изготовление взялся производитель презервативов, при этом длина изделия составляла 27 см. Говорят, что Черчилль проинспектировал партию и распорядился сменить наклейки: «Я хочу, чтобы на каждом ящике, каждой коробке, каждой упаковке было напечатано: британские, размер — средний. Если они когда-либо попадут в руки нацистов, те поймут, кто есть высшая раса». Я извиняюсь за пересказ анекдота такого толка — есть множество других в том же духе.

Недавние исследования сумели отвергнуть притязания Черчилля на отцовство, даже в нескольких случаях, которые продолжительное время считались правдой. Многие годы я дорожил историей, связанной с Нэнси Астор, леди, родившейся в Виргинии, первой женщиной, ставшей депутатом палаты общин. В 30-е гг. она довольно долго упорствовала в заявлении, что Гитлер разносторонний и надежный человек.

«Уинстон, — якобы сказала она Черчиллю, — если бы я была вашей женой, то подсыпала бы вам яд в кофе».

«Нэнси, — как говорят, ответил ей Черчилль, — а если бы я был вашим мужем, то выпил бы его». Увы, Черчилль почти наверняка не сделал этого замечания, а если и сделал, то воспользовался чужими словами.

Мартин Гилберт приписывал эту остроту не Черчиллю, а его большому другу Ф. Е. Смиту. Дальнейшие исследования полностью испортили обедню, поскольку был обнаружен выпуск *Chicago Tribune* за 1900 г., в котором это высказывание красовалось в колонке шуток дня. Могло ли быть так, что молодой Черчилль заметил его в том году, когда побывал в Америке, и пополнил свои запасы, чтобы в дальнейшем применить к Нэнси Астор? Сомневаюсь в этом. А мог кто-то просто вернуть шутку в оборот и, чтобы сделать ее по-настоящему смешной, вложить ее правдоподобным образом в уста известных людей? Скорее всего, так и было.

Еще я всегда полагал — и, как мне кажется, слышал об этом от родителей, — что Черчилль однажды дал отпор напыщенному чиновнику, который возражал против использования предлогов в конце предложений. «Мне никогда не смириться с этим видом английского»¹, — заявил он.

Но только Черчилль этого не говорил. Оказывается, эта шутка была напечатана в журнале *Strand* и не приписывалась кому-либо. Но она была так хороша, что оказалась вложенной в уста Черчилля. Также он не утверждал: «В будущем фашисты назовут себя антифашистами». Несомненно, это глубокое замечание, если оно сообразуется с вашими политическими представлениями, но опять-таки не принадлежит Черчиллю.

Также — и я чуть не зарыдал, когда узнал, что это неправда, — он никогда не говорил о своих отношениях

¹ В оригинале «This is the kind of English up with which I will not put», что из-за перестановки предлогов звучит примерно как «Смириться с английского видом этим никогда мне не».

с утомительным и почти невыносимым де Голлем: «Самый тяжелый крест, который мне довелось нести, был лотарингским¹». На самом деле эти слова произнес генерал Спирс, посланник Черчилля во Франции. Но кто-нибудь помнит генерала Спирса?

Еще была замечательная колкость в адрес Дж. Б. Шоу, который послал ему два билета на первый показ одной из своих пьес со словами: «Возьмите друга, если у вас есть хоть один». Черчилль отразил мяч, сказав, что не может прийти на первый показ, но придет на второй, если там будет «хоть один зритель».

Но и этого он не говорил. Всезнающий Аллен Паквуд из Кембриджа нашел письма и Шоу, и Черчилля, единодушно отрицающие упомянутую пикировку.

Подобно гипергравитационному звездному телу, Черчилль волшебным образом притягивал шутки, заявлял права на них, как оказалось, и тогда, когда вовсе не произносил их. И кое-кто даже стал сомневаться — ошибочно, на мой взгляд, — был ли он так плодовит по части юмора.

Если вы желаете, то можете и дальше идти по пути отрицания и заметить, что его привычки были не вполне фальстафовскими². Он на самом деле пил виски с водой с раннего утра, но его дочь однажды сказала, что это был очень сильно разбавленный виски: несколько капель «Джонни Уокера» на дно стакана, скорее «жидкость для полоскания рта», как выражался он, а не алкогольный напиток.

В отношении сигар его камердинер да и многие другие свидетельствовали, что он редко выкуривал их до конца — обычно оставлял в пепельнице не менее трети, а то и половину. Он превосходно понимал, что

¹ Лотарингский крест — символ «Свободной Франции».

² Джон Фальстаф — комический персонаж ряда произведений Шекспира, толстый, хвастливый и трусливый пьяница.

это не просто табак — сигары были частью его имиджа. Когда в 1946 г. он подъезжал к Фултону, штат Миссури, где собирался произнести речь, Черчилль велел остановить машину. Он похлопал себя по карманам, вытащил сигару и сунул, не зажигая, себе в рот.

«Никогда не забывайте ваш товарный знак», — прорычал он присущим ему образом. Он был далек от беспутства Тоби Белча¹ и по-своему демонстрировал замечательную личную дисциплину. Он упражнялся с гантелями. А занимаясь делами, он был феноменально трудолюбив — вы вряд ли встречали настолько усердных людей. Все это опять наводит на мысль, что, возможно, избыточные черты его характера содержали в себе элемент просчитанного преувеличения. Наверное, они были в какой-то мере заимствованы, подобно тому как он взял у оккупированной Европы V для обозначения знака победы. Там антифашисты рисовали его на зданиях, и он означал *vrijheid* — свободу.

Был ли Черчилль позером? Нет, хотя каждый в некоторой мере действует, исходя из приписываемой самому себе индивидуальности. А в случае Черчилля крайне удивительно то, что его публичный образ — его имидж — находился в потрясающем соответствии с действительностью.

Он, быть может, умыкнул знак победы с континента, но только Черчилль мог озорно повернуть его вокруг, как он часто и делал, в результате жест означал не только победу, но и «отвали»². И как бы вы ни посмотрели на его возлияния, они были грандиозны. За день он выпивал около полулитра шампанского «Поль Роже» и также сопровождал ланч белым вином, а обед — крас-

¹ Тоби Белч — персонаж комедии Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно».

² Грубый жест получится, если человек, показывающий знак победы, обратит ладонь к себе.

ным, после чего мог употребить портвейн или бренди. В 1936 г. он на пари отказался от крепких напитков, что никак не помешало поглощению алкоголя в других формах и в таких количествах, которые — по словам его личного секретаря — вывели бы из строя человеческое существо меньшего калибра.

А сигарами он размахивал не для эффекта, не из тщеславия, для него они не были каким-то фрейдистским внешним атрибутом мужества. По словам его секретаря, Черчилль выкуривал от 8 до 10 больших кубинских сигар в день. Даже если он не завершал несколько дюймов — а окурки собирались, и садовник в Чартвелле набивал их табаком свою трубку, — все равно сигар набралось огромное количество: по оценкам, около 3000 в год, или 250 000 за его жизнь.

Несмотря на все это, он сумел разменять девятый десяток с кровяным давлением 140/80. Как будто его тело символизировало способность нации поглощать наказания и преодолевать их. Поговорим о его фальстафовском поведении: интервьюер, побывавший в Чартвелле, написал увлекательный отчет о своих наблюдениях за Черчиллем, евшим у себя дома. Он хотел всего и сразу, без какого-либо упорядочения. Он подцеплял вилкой мясной пирог вслед за бифштексом, затягивался сигарой, проглатывал шоколадку, выпивал бренди, затем снова тянулся вилкой за бифштексом — и при этом говорил почти без остановок.

Поговорим теперь о его чувстве юмора и остроумных замечаниях: все же удивительно, насколько много событий оказывается совершенной правдой. Вот почему изобилие апокрифических рассказов приписывается Черчиллю — ведь жемчуг украшений формируется вокруг зерен истины, да и эти зерна можно сложить в глыбу.

Используя множество действительных случаев, искусные поддельщики добавляют свои фальшивки, пони-

мая, что будет невозможно отличить одно от другого. Совершенно верно, что в 1946 г. он встретился с Бесси Брэддок, убежденным лейбористским парламентарием внушительных размеров, которая однажды призвала расстрелять из пулемета нескольких консервативных членов местных советов. При их встрече Черчилль был несколько «уставшим и эмоциональным».

«Уинстон, — ошетибилась Бесси, — вы пьяны». — «Мадам, — ответил он, — а вы уродливы, я же к утру протрезвею». На наш взгляд, это почти непростительная грубость, но Бесси получила поделом за личный выпад. Да и нельзя сказать, что Черчилль сильно перебрал, — по словам его телохранителя Рона Голдинга, подтвердившего всю историю, он лишь чуть «пошатывался». Замечательно и то, что ответ был мгновенным.

Ф. Е. Смит однажды сказал: «Черчилль провел лучшие годы жизни в подготовке к своим экспромтам». Эта спонтанная реплика Черчилля оказалась на первом месте в рейтинге самых забавных оскорблений в истории, составленном Daily Express.

Подлинной является и шутка про Лорда — хранителя печати. Последний пришел к Черчиллю, когда тот был в уборной. «Скажите Лорду — хранителю печати, которому я нужен, что я запечатан в своем нужнике и мне хватает моего дерьма», — зарычал Черчилль (*«Tell the Lord Privy Seal that I am sealed in the privy, and can only deal with one shit at a time»*). Даже если он не произнес всю фразу целиком, он придумал главную шутку — Privy Seal/sealed in privy¹.

Мы снова видим пример его любви к хиазмам, неожиданным перестановкам слов: вспомните «начало конца/конец начала» или «Я готов встретиться со своим Создателем, готов ли Создатель к тяжкому испытанию встречи со мной — это другой вопрос»; «Мы придаем

¹ Хранитель печати/запечатан в туалете (англ.).

форму зданию, а потом здания формируют нас»; «Я взял от алкоголя больше, чем алкоголь забрал у меня» и множество других высказываний.

Иногда у меня возникало искушение отвергнуть какую-то историю как безусловно апокрифическую, но на поверку она оказывалась истинной. Он на самом деле так говорил. Вспомните байку о том, как он выступал с лекциями в Америке. После одной из них он подошел к буфету и попросил положить ему куриную грудку.

«Мистер Черчилль, — сказала леди, организовывавшая выступление, — в этой стране мы говорим „белое мясо“ или „темное мясо“». На следующий день ей доставили замечательную орхидею от почетного гостя, а сопроводительная карточка гласила: «Я буду очень признателен, если вы прикрепите этот цветок к вашему белому мясу».

Я с убежденностью включил этот рассказ в свой список подделок — но затем внучка Черчилля Селия Сандис подтвердила его подлинность. «Где вы слышали его?» — спросил я. «Из первых уст», — ответила она. Что же, с этим не поспоришь.

Юмор Черчилля как концептуален, так и вербален. Он не только использовал свой гигантский английский лексикон, но и придумал одно из самых ярких высказываний на «франглийском». Ему ставят в заслугу превосходную угрозу, адресованную де Голлю: «Et marquez mes mots, mon ami, si vous me double-crosserez, je vous liquiderai»¹ («И заметьте мои слова, мой друг, если вы меня обманете, я вас ликвидирую»).

Даже если он не произносил этого предложения целиком, он точно сказал «je vous liquiderai». У всех этих замечаний общим является то, что они не только

¹ Черчилль проспрягал чисто английский глагол «double-cross» на французский манер.

забавны, но и поразительно грубы. Так, Джеймс Рамсей Макдональд, лидер лейбористов, был не только «овцой в овечьей шкуре». Однажды Черчилль довольно далеко зашел в своих нападках на него и выдал тираду, которая заметно выделяется даже в славной традиции парламентских инвектив, — оскорбление, которым мог бы гордиться его отец Рандольф.

Помню, когда я был ребенком, меня привели в знаменитый цирк Барнума, где была выставка уродов и чудовищ, но из всех экспонатов мне больше всего хотелось увидеть «Чудо без костей». Однако родители рассудили, что это зрелище было бы слишком деморализующим и отталкивающим для детских глаз. И мне пришлось ждать пятьдесят лет, чтобы увидеть, как «Чудо без костей» сидит на правительственной скамье.

Когда Черчилль увидел Стаффорда Криппса — сурового лейбориста, который во время войны по непостижимым причинам расценивался как его соперник, — он сказал: «Вот идет бог, только без милости божьей». Черчилль мог быть груб и со своими коллегами. Он сказал, что новые консервативные парламентарии, группирующиеся в 1945 г. вокруг Ричарда Батлера, были «стаей розовых петухов». А когда ему доложили, что Иден и Батлер ждут встречи с ним рядом с кабинетом, он повернулся к личному секретарю Энтони Монтегю Брауну: «Скажи им пойти и поиметь друг друга».

Поскольку ожидающие явно слышали это, Черчилль закричал вслед уходящему Брауну: «Но им не нужно выполнять инструкцию буквально!» Я привел лишь несколько из сотен блестящих анекдотов о Черчилле, но они иллюстрируют ключевую особенность его политической личности: у него была буйная драчливость бульдога или же самого Джона Буля. Не всем и не всегда эти истории оказывались по вкусу, но в военное время нужен тот, кто безнадежно жизнерадостен и сло-

весно находчив, чтобы как следует послать нацистов, а точнее, капрала Шикльгрубера и нарциссов.

Чтобы мобилизовать демократическую страну во время войны, нужно быть близким к народу, а Черчилль мог быть таковым лучше, чем кто-либо из его современников. Он любил каламбуры и игру слов так, как ее любят журналисты, придумывающие заголовки для газеты Sun. Социалистическую утопию он называл «утопией бесконечных очередей»¹, а когда он построил курятник, то назвал его Чикенгемским дворцом. Если дальше развивать тему цыплят, нужно вспомнить его поездку в Оттаву в декабре 1941 г., где Черчилль рассказал о перебранке с Петэном и нерешительной Францией. «Когда я предупредил, что Британия будет сражаться в одиночку, что бы они ни делали, их генералы сказали премьер-министру и его разобщенному кабинету: „Через три недели Англии свернут шею, как цыпленку“. Однако какой цыпленок! И какая шея!»

Слушатели рассмеялись, потому что он не только умело приспособил свою речь к североамериканской аудитории (*some chicken* вместо более привычного британского варианта *what a chicken*), но еще и намекал на толщину шеи, то есть нахальство и дерзость.

И есть заключительный аргумент в пользу того, что Черчилль олицетворял существенные свойства британского характера: его непрерывная и беззастенчивая эксцентричность в речи и во всем остальном. Он придумывал новые слова, чтобы угодить своему вкусу. Черчилль окрестил Маунтбеттена «трифибией», поскольку тот мог вести действия на земле, море и в воздухе. Программу ленд-лиза он называл «непостыдной», а соответствующее английское слово *unsordid* не встречается ни до него, ни после. У Черчилля было отвращение к скрепкам и скобкам, он предпочитал, чтобы доку-

¹ В оригинале «*queueutopia*» = *queue* + *utopia*.

менты были скреплены завязками, которые он именовал «клопами».

«Дайте мне клопа! — рывкал он. — Когда я говорю „клоп“, мисс Ширберн, значит мне нужен клоп». Был знаменитый случай, когда новый секретарь Кэтлин Хилл принесла, чтобы выполнить эту просьбу, пятнадцатитомник «Падения дома Стюартов» (Der Fall des Hauses Stuart), автором которого был немецкий историк Онно Клопп (1822–1903). «Господи всемогущий», — сказал Черчилль.

Он не только носил излюбленные шляпы Лорела и Харди¹, отвергнутые всеми остальными, но и поражал людей, когда появлялся в одежде собственного дизайнера — в этих голубых или светло-вишневых бархатных комбинезонах, в них он напоминал переросшего младенца.

Есть замечательная фотография Черчилля, представшего перед вашингтонской прессой, в одном из этих странных облачений. На его лице ухмылка, делающая его похожим на Хью Хефнера, собирающегося навестить свой гарем. Если Черчилль не надевал котелок, он мог воспользоваться огромным разнообразием головных уборов. Говорили, что не было шляпы, которая не понравилась бы Черчиллю. Это не совсем верно: когда он был в окопах, то примерил гленгарри, традиционную шотландскую шапку, посмотрел на себя в зеркало, ужаснулся и больше не надевал ее.

Но он носил цилиндры, морские фуражки, шлемы пожарных, огромные шапки из белого каракуля, кепи, фетровые шляпы, строительные каски, тропические шлемы, сомбреро. Черчилль был Имельдой Маркос шляп. Остается только найти его изображение в головном уборе индейцев, и он смог бы заменить весь состав амери-

¹ Харди Оливер (1892–1957) — американский комедийный актер, выступавший в дуэте с Лорелом.

канской диско-группы Village People. На протяжении своей жизни он был шоуменом, экстравертом, актером, комиком: сохранился снимок Черчилля, подготовившегося к балу-маскараду в Сандхерсте, — с тщательно нанесенным гримом, лицо покрыто белой краской, он предстает в образе клоуна Пьеро.

Он знал, как проецировать свою личность, а во время войны был нужен тот, кто сумеет создать собственный публичный образ — боевой, решительный, но также жизнерадостный и обнадеживающий. Только Черчилль мог выполнить эту задачу, поскольку в значительной мере он таким и был.

И есть определенный смысл в том, что его эксцентричность и юмор помогли выразить, за что сражалась Британия. Своими нелепыми шляпами, комбинезонами, сигарами, чрезмерными алкогольными возлияниями он сумел телесно представить главную идею своей политической философии: неотъемлемое право британцев жить свободно и делать, что им нравится.

Стоит взглянуть на Черчилля, и вы сразу заметите существенное отличие между его образом жизни и жуткой серьезностью, однообразием, напыщенностью нацистов. Не забывайте: Гитлер был трезвенником, эта патология послужила причиной многих невзгод.

Своим индивидуализмом и оптимистичной эксцентричностью Черчилль содействовал определению смысла битвы. Из-за них он зашел слишком далеко на выборах 1945 г., когда совершил безусловную ошибку, сравнив бюрократов лейбористского правительства с гестаповцами. Но во время войны эти свойства были необходимы.

В конце марта 1944 г. снова был сделан снимок Черчилля с пистолетом-пулеметом, он инспектировал вместе с Эйзенхауэром войска, готовящиеся к высадке в Нормандии. На этот раз Черчилль прицеливается, приклад упирается в его плечо, а ствол направлен в сторону

Франции. На Черчилле такой же костюм в светлую полоску и такая же шляпа-котелок. Сомневаюсь, что это совпадение. Черчилль как будто напоминает о фотографии четырехлетней давности и говорит: «Я же сказал, что мы сможем сделать это».

Характерные черты Черчилля позволили ему олицетворять нацию. Для фактора Черчилля крайне важно и то, что в глазах большинства он был наиболее самостоятельным из всех политиков: Черчилль, подобно Протею, мог выбраться из смиренной рубашки партийной дисциплины.

Одной из причин, благодаря которым его призыв слышали и левые, и правые, было то, что он начал свою карьеру как социальный реформатор, политик, чьей заслугой можно считать многие свершения на благо трудящихся людей.

ГЛАВА 11

«Самый передовой политик своего времени»

Адольф Гитлер был настолько впечатлен фотографиями отеля Midland в Манчестере, что считал его самым подходящим местом для размещения штаба нацистов в Британии — после того как Британия будет поставлена на колени, а правящий класс будет либо расстрелян, либо брошен в застенки. На самом деле это превосходное заведение: просторная фантазия на темы эдвардианской готики из темно-красного кирпича, в котором 312 номеров, ваннные комнаты, примыкающие к спальням, рестораны, усеянные звездами Мишлен, чайные машины, фитнес-центр. Я сам останавливался там несколько раз и в преддверные часы пользовался отличным обслуживанием номеров. Плотный английский завтрак позволяет сохранить бодрость на протяжении всего дня.

Этот отель был когда-то временным пристанищем Уинстона Черчилля. Сюда он прибыл в 1906 г., во время предвыборной борьбы по округу Северо-Западный Манчестер, и здесь разместился. В те дни у парламентариев не было морального долга проживать в своем избирательном округе, и тогда — наверное, особенно тогда — Midland был *non plus ultra*¹ роскоши. Прошло три года, как завершилось его строительство, оно обошлось

¹ Вершина (лат.).

в 1 миллион фунтов. В отеле даже был собственный зрительный зал, и он представлял разительный контраст с некоторыми кварталами Манчестера, которые тридцатиднолетний Черчилль намеревался представлять в парламенте.

В один холодный зимний вечер он решил прогуляться в компании своего верного секретаря Эдди Марша. Неподалеку от Midland они оказались в трущобах, и Черчилль, оглядываясь вокруг, поделился таким наблюдением: «Воображаю, как живу на одной из таких улиц, никогда не вижу ничего красивого, никогда не ем ничего аппетитного... никогда не говорю ничего умного!»

Многих людей покорило это замечание. Они сочли его свидетельством высокомерного отношения Черчилля к бедным. Он кажется настолько оторванным от реального мира, что не может даже представить, как люди с низкими доходами произносят слова, заслуживающие внимания, либо могут предложить ему что-либо, достойное желудка.

Мы не знаем буквального высказывания Черчилля, но Эдди Марш вряд ли придумал его. И это цитирование, безусловно, способствовало укреплению мнения, что Черчилль был реакционером и закоренелым сторонником элитизма.

Этот человек, в конце концов, верил в евгенику, был социальным дарвинистом, который порою призывал к исправительным колониям для бродяг и к стерилизации недееспособных. Он говорил о разделении человечества на качественно различные «расы» — сегодня подобные высказывания сочли бы крайне сомнительными — и для описания иностранцев употреблял слова, которые были стандартными в то время, но табуированы в наше.

В письме Клементине он хвастался, что дети работают «как негры», подготавливая Чартвелл к ее приезду; он не придавал значения Японо-китайской войне

30-х гг., говоря, что ему «неинтересны ссоры желтых людей».

Он хотел «закидать бомбами или расстрелять из пулемета» Шинн Фейн, а представителей этой организации ныне чествуют на банкетах в Виндзорском замке. Он называл большевиков «бабуинами» и сравнивал коммунизм с «болезнью ума и души в ужасной форме». Однажды он с иронией заметил, что «можно легализовать содомию, а попутно и признать большевиков». Сейчас это наблюдение приводит в определенное замешательство.

В современной Британии никто не назначил бы Черчилля на государственный пост, не сбавь он тон. Он говорил, что делать уступки Махатме Ганди (которого сегодня почитают как отца современной Индии) — все равно что «кормить тигра мясом кошки» (особенно неуместно, ведь Ганди-джи был убежденным вегетарианцем).

Насколько можно быть праворадикальным? Попробуйте оценить следующее: лейбористы утверждали, что в 1910 г., будучи министром внутренних дел, Черчилль послал вооруженные войска против бастующих шахтеров в валлийский город Тонипенди. Доподлинно известно, что в 1911 г. он позволил войскам стрелять по бастующим докерам в Ливерпуле. Во время Всеобщей стачки 1926 г. он нанял батальон штрейкбрехеров — печатников и журналистов, чтобы заниматься вдохновляющим делом правительственной пропаганды, выпускать *The British Gazette*. Он предлагал закрыть Би-би-си на время стачки, говорил, что «небольшое кровопролитие не повредит», и хотел «взять за горло» работников транспорта. Его подход «с душком картечи» осуждался лейбористами, профсоюзами и однопартийцами-либералами.

Объедините все это вместе и спросите себя: похож ли этот человек на леволиберального сентименталиста?

Запретить Би-би-си? Стрелять по бастующим докерам лишь за массовые беспорядки и битье окон? Кое-какие аспекты делают Черчилля похожим на малого, который перебрал в баре гольф-клуба. Тем не менее именно Черчилль был инициатором некоторых из числа наиболее прогрессивных законов за последние 200 лет. Вместе с Ллойд Джорджем он заслуживает звания основателя «государства всеобщего благосостояния».

Его достижения периода Второй мировой войны настолько известны, что они почти полностью затмевают его успехи как социального реформатора. А эти успехи, придав им блеск, стоило бы прославлять и сегодня. На него сильно повлиял Ллойд Джордж, и, пожалуй, валлийский адвокат был одним из очень немногих людей, с мнением которых Черчилль считался. Но принятые меры были его собственными действиями, подгоняемыми неумной энергией Черчилля.

Он начал в 1908 г. с закона о комиссии по вопросам заработной платы. Его цель была помочь низкооплачиваемым рабочим — в основном женщинам, — которые трудились в тяжелых условиях, получая гроши. Они шили одежду в лондонском Ист-Энде, Лидсе, Манчестере. Оплату их труда сбивали иммигранты, в основном из Восточной Европы (много не меняется в нашем мире), и образованные комиссии должны были вмешаться, чтобы установить по закону обязательный минимум заработной платы для определенных видов работ. Эта концепция была чужеродна теориям классических либералов, а сторонников Гладстона еще хватало в правительстве. Но Черчилль и Ллойд Джордж были «новыми либералами», или «радикалами».

Объясняя, почему эти меры необходимы, Черчилль сказал:

Это настоящее национальное бедствие, что большие группы подданных его величества получают менее прожиточного минимума в вознаграждение своих предельных

усилий. Когда мы имеем дело с так называемым низкооплачиваемым трудом, мы не видим организации, равноправных переговорных позиций. Цены хорошего работодателя сбивает плохой, его, в свою очередь, теснит тот, кто еще хуже. Работник, все жизнеобеспечение которого зависит от индустрии, вынужден конкурировать с теми, кто решил временно заняться данным трудом и согласен на низкую оплату... там, где торжествуют такие порядки, возникают условия не для прогресса, а для прогрессирующей дегенерации.

Эти и другие аргументы в пользу минимальной заработной платы выдвигаются и сегодня. В борьбу с безработицей (а тогда она составляла около 8 процентов, причем без какой-либо поддержки ее жертвам) внесло немалый вклад создание первых бирж труда, к началу 1910 г. Черчилль и Клементина посетили семнадцать из них. И подумайте, когда вы в следующий раз увидите центр занятости: Уинстон Черчилль дал им начало.

Он был первым, кто нанял Уильяма Бевериджа, а тот способствовал дальнейшему развитию и построению послевоенного государства всеобщего благосостояния в 40-е гг. Беверидж воздал должное напору, с которым Черчилль пробивал реформы на их раннем этапе. Высказываясь о первых биржах труда, Беверидж отметил, что они были «поразительной иллюстрацией того, насколько сильно личность министра может изменить ход социального законодательства за несколько критических месяцев».

Далее, Черчилль был основоположником страхования по безработице — предшественника пособия по безработице. Оно осуществлялось путем уплаты взносов, при этом работник платил 2,5 пенса в неделю, наниматель — также 2,5 пенса в неделю, а налогоплательщик с большими доходами — 3 пенса в неделю. Подразумевалось, что если вы оказывались безработным или заболели, то в случае уплаты страхового взноса вы получали в пересчете на современные деньги около

20 фунтов в неделю. Конечно, это немного, но все же какое-то подспорье. «Страхование использует чудо перераспределения для спасения народных масс», — говорил Черчилль.

В долгосрочной перспективе, конечно, это перераспределение не оказалось таким уж чудом. Налогоплательщик в наши дни с большой неохотой дает деньги на пособия. Принцип взносов более или менее забыт, но сегодняшние выплаты лицам, признанным безработными по закону, являются прямым наследием схемы Черчилля.

Эти меры вызывали много споров и порядочно злили консерваторов, но они были мелочью по сравнению с великой бюджетной войной 1909 и 1910 гг. «Народный бюджет» Дэвида Ллойд Джорджа был поворотным событием современной британской истории. Он был неприкрытой попыткой перераспределить богатство. Он был атакой на неравенство и с неизбежностью представлялся атакой на герцогов и тот класс землевладельцев, из которого вышел сам Черчилль. Ллойд Джордж хотел получить средства на различные схемы социальной поддержки, разработанные либералами, путем увеличения налогообложения самых богатых, и прежде всего увеличения земельных налогов. Он намеревался ввести двадцатипроцентный налог на прирост стоимости земли при ее продаже.

Тори были крайне враждебны, консервативные члены палаты лордов грозили заблокировать бюджет. Черчилль всецело поддерживал его — он и Ллойд Джордж объединились и вместе ездили по стране, выступая подобно водевильному дуэту.

Известно, что в 1909 г. Черчилль сетовал на несправедливость распределения земли в Британии. Он говорил об очевидной необходимости земельного налога. Он недавно побывал в Германии (чтобы проинспектировать маневры немецкой армии и повстречаться с кай-

зером). Его поразило, насколько менее по сравнению с Британией там были выражены классовые различия: он видел неисчислимые маленькие немецкие фермы — и никаких стен вокруг владений богачей. Он противопоставляет свои наблюдения порядку вещей в Британии: «Вся эта картина заставляет глубже понять, с каким ужасным упадком и гнетом вынуждены мириться наши бедняки — с парками и дворцами наследственной аристократии, которые почти соприкасаются друг с другом и душат деревни и промышленность...»

Огромные парки, подавляющие бедные деревни! Огромные дворцы! Не перебор ли это со стороны отпрыска Бленхейма? Так считали многие, и, когда Черчилль предупредил, что неравенство может привести к классовой войне, король заставил своего личного секретаря написать протест в *The Times*. Но Черчилль не унимался. Когда палата лордов попыталась отклонить бюджет, он направил свой гнев на это учреждение, в котором было порядочное количество его родственников. К январю 1910 г. бюджетный кризис все еще не был преодолен, и Черчилль характеризовал палату лордов как «пережиток феодального соглашения, совершенно лишившийся своего первоначального значения, давно потерявший действенность, который требует сокрушительного удара со стороны избирателей, чтобы навсегда уничтожить его».

Прошло более века с того времени, когда Черчилль обличил этот позор — людей, заседающих в парламенте по праву наследства, — а в палате лордов по-прежнему есть наследственные пэры. Это показывает, что либо он был чудовищно радикален, либо он слишком опережал свое время.

Бюджет все же был утвержден после потрясающей конституционной конфронтации. Король согласился при необходимости утвердить достаточное количество либеральных пэров, чтобы протаранить скамьи палаты

лордов и победить большинством голосов консервативных реакционеров. Тогда пэры-землевладельцы уступили. Ллойд Джордж и Черчилль добились своего. Британия вступила в столетие перераспределения богатства.

Он был в не меньшей степени леваком — по крайней мере в глазах тори, — когда пришел в Министерство внутренних дел. Он снижал сроки тюремного заключения, в то время как большинство его предшественников на этом посту стремились удлинить их. Он уменьшил использование одиночного заключения. Он создал в британских тюрьмах различие между политическими заключенными и обычными уголовниками — это различие и сегодня стоит поперек горла многим людям правых взглядов. Он мог жестко высказываться и о большевизме, и о содомии, но, когда дело доходило до применения закона, Черчилль был само милосердие. На протяжении своей жизни Черчилль выказывал добродушное безразличие к сексуальным предпочтениям людей (в действительности Эдди Марш был геем, о чем Черчилль наверняка знал), и он старался уменьшить наказания за действия, которые в то время считались уголовным преступлением. Когда ему сказали, что один мужчина был приговорен к десяти годам каторжных работ за содомию, он написал должностным лицам: «У заключенного уже было два ужасных приговора семилетних каторжных работ, один — за воровство сока из плодов лайма, другой — за воровство яблок. Вполне возможно, что он перенял неестественные привычки в заключении». Это письмо говорит о природной склонности Черчилля к милосердию — и о варварской природе правосудия в эдвардианской Англии.

Когда тори заявили, что Черчилль слишком мягок к молодым преступникам, он даже разыграл антибуллингдонскую¹ карту. Лорд Уинтертон, тори правых взгля-

¹ Буллингдон — клуб для состоятельных студентов Оксфордского университета, известный своими буйными ритуалами.

дов, резко критиковал Черчилля в палате общин за отказ лишать свободы некоторых молодых нарушителей. Черчилль ответил: «Я хочу привлечь внимание страны... к настоящему бедствию, когда 7000 юношей бедных классов ежегодно посылаются в тюрьму за те проступки, при совершении которых благородный лорд в университете не претерпевает даже малейшего неудобства». Можно представить, как кипели от ярости некоторые парламентарии, что их студенческие проделки, совершенные под воздействием шампанского, ставили в один ряд с обычной преступностью, — и это делал человек, даже не учившийся в университете и тем более не удостоившийся чести избрания в Буллингдон. Более здравомыслящие люди, разумеется, полностью согласились бы с Черчиллем.

То, как Черчилль управлялся с забастовками и восстаниями, предшествовавшими Первой мировой войне, подверглось вопиющим наговорам со стороны современной Лейбористской партии. В 1978 г. лейбористский премьер-министр Джеймс Каллаган сказал, что у семьи Черчилль была «вендетта» против шахтеров Тонипенди. Совсем недавно, в 2010 г., муниципалитет в Южном Уэльсе попытался избавиться от его имени в названии местного военного лагеря, и по-прежнему некоторые лейбористские парламентарии готовы заявить вам, что в 1910 г. Черчилль послал армию на жестокое подавление безоружных рабочих. Это все вздор.

Документы явно свидетельствуют, что войска в Тонипенди проявляли сдержанность. Более того, тори критиковали Черчилля за то, что он действует слишком нерешительно и держит войска в резерве. Верно, что он послал армию для противодействия докерам, громившим Ливерпуль в 1911 г., и верно, что был открыт огонь. Но нанесенный ущерб был огромен, требовалось установить контроль над положением, и при этом личные симпатии Черчилля были на стороне бастовавших, как

до того в Тонипенди — на стороне шахтеров. «Они крайне бедны, их труд скудно оплачивается, и теперь они страдают от голода», — говорил он. О докерах, бастовавших в Лондоне, он доложил королю, что их «недовольство бесспорно, и гарантированное заметное увеличение зарплат должно способствовать улучшению здоровья и повышению удовлетворенности класса рабочих, подвергаемого чрезмерному напряжению. А от него существенно зависит работа организма нашей цивилизации».

То и дело Черчилль не может вытерпеть неговорчивость хозяев и становится на сторону профсоюзов. Когда он был министром вооружений, то столкнулся в 1917 г. с забастовкой рабочих военной промышленности в районе реки Клайд. Он пригласил их представителей на чаепитие с пирожными в свое министерство. Черчилль решил проблему, дав надбавку в 12 процентов. Он внес законопроект о вооружениях, чтобы уменьшить недовольство рабочих, и сказал: «Никакой рабочий не может быть наказан за принадлежность к профсоюзу либо за участие в трудовом споре».

Что касается Всеобщей стачки 1926 г., то Черчилль, разумеется, прилагал все усилия, чтобы преодолеть кризис, но скорее принадлежал к примиренческому крылу в своем подходе к деталям спора. На протяжении лета и осени он пытался убедить владельцев шахт согласиться на минимальную заработную плату для их обнищавшей рабочей силы, но потом заявил, что капиталисты проявили «упорство» и «безрассудство». Тори снова окатили его презрением, — на их взгляд, он пытался воспрепятствовать праву менеджмента на руководство.

Есть и многое другое. Если мы хотим оправдать включение Черчилля в великий пантеон законодателей левого фланга, мы можем припомнить снижение им пенсионного возраста с 70 лет до 65 (сегодня мы вынуждены аннулировать эту избыточную щедрость), или его

неоднократные призывы к национализации железных дорог, или его предложение о конфискационном налоге для спекулянтов военного времени, или его внедрение в британскую промышленность перерыва на чаепитие, который так полюбили строптивые профсоюзные уполномоченные 70-х.

Так каков же он? Пришло время Уинстону Черчиллю показать себя в истинном свете. К какой части политического спектра он относится? На эту тему у Гилберта и Салливана¹ есть строчки: «Любой ребенок, что в мир попал, / Политик, пусть мелковатый. / Один из них — уже либерал, / Другой — скорей консерватор».

Фабианцы Сидней и Беатриса Вебб превозносили Черчилля как самого прогрессивного политика своего времени. Но его коллега, либеральный парламентарий Чарльз Мастерман, почти одновременно с Веббами заявил, что Черчилль — «исконный и неизменный тори». Наверняка кто-то из них заблуждался.

Конечно, и сейчас, и в прошлом многие люди объясняли эту тайну просто — тем, что Черчилль был флюгером, он говорил множество разных вещей в разное время, в результате чего, по словам Бивербрука, стал вмещать все мнения по всем вопросам. Или, как выразился Асквит, «у Уинстона нет убеждений».

Я не уверен, что нужно придавать большой вес критике слабого Асквита, — этот человек неоднократно обманывал Черчилля, а во время заседаний кабинета писал патетические любовные письма Венеции Стэнли. Он частенько напивался и посылал за Черчиллем, чтобы тот брал на себя его обязанности. Карьера Черчилля покрывает огромный отрезок британской истории. Он занимал высокий государственный пост почти непрерывно с 1905 по 1922 г. — семнадцатилетний промежу-

¹ Либреттист Уильям Гилберт (1836–1911) и композитор Артур Салливан (1842–1900) — соавторы 14 комических опер.

ток, который с легкостью затмевает сроки большинства современных политиков. И это был лишь его начальный период — до того, как он стал канцлером казначейства, не говоря уже о назначении на пост премьер-министра.

Да, порою он говорил вещи, которые, казалось, не соответствовали его же словам в ответ на другие проблемы другого времени. Но те, кто обвиняет Черчилля в политической непоследовательности, недооценивают глубину и тонкость его политической мысли. На мой взгляд, у Черчилля была четкая политическая идентичность и неизменный набор принципов.

Он был и реакционером, и либералом, потому что по своей сущности являлся викторианским вигом — авантюристом. Он верил в величие Британии, в империю, в необходимость сохранения тех порядков страны, при которых он вырос. Он также верил в науку, технический прогресс и в то, что правительство может и обязано вмешиваться, чтобы улучшить условия жизни людей.

Прежде всего он верил во взаимосвязь этих двух целей — поддержки Британской империи, ее защиты и содействия благополучию людей, как и в то, что достижение второй цели будет немало способствовать первой. В этом был смысл его либерального консерватизма.

Подумайте, какую жизнь он мог увидеть, когда гулял той ночью по зимнему Манчестеру. В 1902 г. он прочитал труд Сибоба Раунтри об участии бедных в Йорке и сказал, что у него «волосы встали дыбом». Стремительный рост численности населения означал, что в 1906 г. нищета манчестерских трущоб была еще страшнее.

Он и Марш видели дома без проточной воды и канализационных систем, где семьи жили по десять человек в комнате. Здесь шанс новорожденного прожить год не превосходил одного к четырем. В этих трущобах Черчилль увидел людей, которые не просто были сравнительно бедны (и претерпевали нужду в нашем пони-

мании этого слова), а бедны абсолютно: сокрушительно, мучительно, безнадежно. Они были лишены целых категорий вещей, которые нами считаются разумеющимися.

Сибом Раунтри очень строго определил, кого надо считать бедным. Вы будете бедняком, только если не можете позволить себе поездки на каком-либо транспорте и ходите пешком, чтобы навестить родственников или выбраться за город. Чтобы относиться к беднякам, у вас не должно быть средств для оплаты почтовых марок, для приобретения табака и какого-либо алкоголя, вы не можете покупать игрушки и конфеты для своих детей, у вас нет денег на покупку одежды, кроме самой необходимой. Вы считаетесь бедняком, если не в состоянии пропустить даже один день работы. Таковы были городские неимущие, когда Черчилль начинал свою политическую карьеру, — жившие в грязи и нищете, которые немыслимы сегодня. Они составляли 25 процентов населения.

Когда Черчилль сделал то замечание об их жизни, он выразил свое потрясение безмерностью пропасти между ними и собой. Он попытался, насколько это было возможно, поставить себя на их место.

У него были всевозможные причины заботиться об этих людях, желать помочь им. Некоторые из этих причин были эгоистичными, а другие, по видимости, нет. В том и состоит прелесть и загадка изучения мотивов любого политика, что необходимо решать, где идеализм, а где своекорыстие. И часто нам приходится заключить, что ответ состоит в их смешении.

Черчилль хотел как-то изменить положение бедных, потому что, как я говорил, он верил в Британию и в империю. Он видел, какие результаты давала немецкая система, основанная на паритете — сотрудничестве между хозяевами и рабочими. Подобно другим представителям британского правящего класса, он видел рас-

тушую индустриальную мощь Германии. Он понимал, что, для того чтобы Британия в целом могла конкурировать, ее экономика нуждалась в подготовленной, здоровой и мотивированной рабочей силе.

Он сражался в Англо-бурской войне и знал, как в 1899 г. поражались офицеры в призывных пунктах, что 50 процентов добровольцев из числа рабочего класса не были годны к армейской службе — из-за болезней, перенесенных в детстве, или недоедания. А Черчилль хотел, чтобы армия была физически способна стоять на страже империи.

Более того, он хотел улучшить условия жизни бедняков в виде меры политической предосторожности, ведь он понимал, что, если нуждающихся будут и дальше так унижать, их терпение может лопнуть. Начало XX в. было тревожным периодом политической нестабильности. Число забастовок было огромным, многие из них сопровождались насилием и спорадическими столкновениями рабочих с полицией.

Ленин писал, что в 1910–1914 гг. Англия была охвачена революционным подъемом. Ленин был прав, а Черчилль являлся полной противоположностью революционера. Он видел, насколько шатким было положение меньшинства, к которому он принадлежал. «Это был мир немногих, — сказал он об обществе, в котором вырос, — и их было крайне мало». Или он мог бы выразиться так: «Никогда еще в истории социальных конфликтов не были столь немногие так сильно обязаны столь многим».

Он был радикален именно потому, что был консервативен. Он понимал вместе со всеми здравомыслящими тори, что единственный способ сохранить существующий порядок вещей — это изменить его, или, как выразился Эдмунд Бёрк¹, «государство, неспособное

¹ Бёрк Эдмунд (1729–1797) — английский государственный деятель и политический мыслитель.

видоизменяться, не способно и сохраниться». Черчилль усвоил это. Он видел, что можно быть успешным и эффективным реакционером, только если стать либералом, причем более чем на чуточку. Как заявил Чарльз Мастерман: «Он стремился к такому положению вещей в Британии, когда милостивые высшие слои общества предоставляют блага добропорядочному и признательному рабочему классу». Что, кстати, и сегодня является неписанным принципом многих добросердечных столичных либералов.

Заключительная причина, по которой Черчилль поддерживал социальные реформы, состояла не в том, что они были в интересах экономики, армии, империи и, разумеется, самих бедных. Он поддерживал их потому, что они были в интересах Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля. С самого начала своей политической карьеры он занимался «триангуляцией» — искал центристскую позицию, которая обеспечила бы ему самую широкую поддержку. В 1902 г. он написал, что ответом на политические проблемы страны стало бы создание большой центристской партии, «одновременно свободной как от постыдного себялюбия и черствости консерватизма, так и от слепых appetitов радикальных масс». Он заметил по другому случаю, что важно быть «консерватором умом, но либералом сердцем».

Вот как он воспринимал мир и как стремился позиционировать себя. Он представлял себя олицетворением коалиции, колоссом с широко расставленными ногами, стоящими по обеим сторонам входа в гавань. Он мечтал об этой роли с самого начала. Вторая мировая война позволила ему стать тем колоссом.

Было бы несправедливо по отношению к Черчиллю сказать, что он вращался вместе с ветром. Он выказывал большую последовательность, чем сама Консервативная партия. То, что он написал в знаменитом, но неотправленном письме Хью Сесилу от 1904 г. о своей ненависти

к Консервативной партии, ее руководству и методам, было в значительной мере обусловлено отказом тори от принципов свободной торговли. А беспощадная торговля была в то время крайне важна, чтобы городские бедняки могли купить продовольствие по низкой цене. Тори отказались от концепции «консервативной демократии», предложенной его отцом Рандольфом, которая подразумевала образование коалиции между богатыми классами и трудящимся населением.

Черчилль был непоколебимым сторонником свободной торговли (исключая некоторое шатание в 1931 г. и незначительные протекционистские жесты вроде налога на импортируемые американские фильмы). Он вернулся в Консервативную партию только тогда, когда сами тори вернулись к свободной торговле. Черчилль также был капиталистом. Он сказал в 1924 г.: «Существующая капиталистическая система является основанием нашей цивилизации и единственным способом обеспечить жизненно необходимые потребности современного растущего населения». Он неоднократно высказывался против бессмысленного преследования богатых. Но он верил в капитализм с человеческим лицом, или сочувствующий консерватизм.

В начале карьеры он предстает как человек, который полон решимости умерить страдания, вызываемые свободным рынком и капитализмом. Да, он был жестким противником бунтовщиков и забастовщиков, но он также был известным миротворцем, использовавшим свое очарование и знание деталей для заключения соглашений.

В 50-е гг. эта гибкость, возможно, была менее желательна. Страна стала богаче по сравнению с тем временем, когда Черчилль начинал политическую деятельность, разрыв между бедными и богатыми заметно уменьшился. Некоторые утверждают, что Черчилль слишком мягко относился к доминированию профсоюзов,

когда во второй раз стал премьер-министром, и тем самым способствовал застою 60-х и 70-х.

Но, если мы мысленно возвращаемся к тому состоянию, в котором была страна в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, мы можем понять правоту интуиции Черчилля. Посмотрите на европейский хаос в 20-е и 30-е годы: кровавая коммунистическая революция в России, другие коммунистические восстания в Центральной Европе, а позднее россыпь фашистских диктаторов по всему континенту.

Почти все страны претерпели какие-либо серьезные потрясения или конституционные злоупотребления. В Италии был Муссолини, в Португалии — Салазар, в Польше — Пилсудский, в Австрии — Дольфус, в Германии — Гитлер, а в Британии был славный и добродушный Стэнли Болдуин, наминавший управляющего банком в небольшом городке.

Разнообразие факторов воспрепятствовало тому, чтобы Британия повторила судьбу континентальных стран. Почти тысячелетие остров не испытывал военного вторжения. Общественные институты Британии глубже укоренились, а парламентская демократия насчитывала больший срок. Англичане придумали крикет и так далее. Но, разумеется, важным компонентом этой смеси была мудрость и прозорливость молодого Уинстона Черчилля и его друга Ллойд Джорджа. Они видели, что пришло время смягчить недовольство, утихомирить гнев обездоленных, способствовать предотвращению бунта посредством финансируемого государством ответа на очевидную социальную несправедливость.

В этом смысле можно пытаться доказать, что Черчилль помог спасти Британию от фашизма не однажды, а дважды. И та прогулка по манчестерским трущобам в 1906 г. была немаловажной. Зайдите сегодня в те места, и вы увидите шикарные небольшие бары, стильных мо-

лодых людей в модной одежде, которые, по всей видимости, задействованы в разрастающемся секторе высоких технологий. Спросите их о политических предпочтениях, и вы, скорее всего, услышите о том или ином варианте капитализма с человеческим лицом.

Черчилль принял на вооружение эту стратегию не только потому, что это было правильно для империи, или для экономики, или для него как политика, а еще и потому, что он умел искренне сострадать. Вопреки лейбористскому мифу, он не был жесток.

И есть еще одна особенность его духа, которую нам необходимо прояснить, — этот вопрос является стержневым в дебатах о Черчилле, не утихающих до сегодняшних дней. Мы должны быть абсолютно уверены в чистоте его помыслов, когда он брался за руководство страной в 1940 г.

Нам нужно знать, что он чувствовал и думал об изначальном действии, возможно приведшем к возникновению человечества, но совершенно чуждом большинству моего изнеженного поколения. Некоторые (а возможно, и многие) заявляют, что ключевым аспектом фактора Черчилля было его явное желание повоевать.

В кровопролитии нет славы

Война — отец всего, говорил Гераклит. Да, война породила героического Черчилля. Но был ли сам Черчилль отцом войн, неистово и ликующе чадолюбивым, как предполагают некоторые?

Давайте вернемся назад, в конец войны, которая должна была закончить войны. На календаре 9 августа 1918 г., и, хотя тогда это было неочевидно, у самого позорного конфликта в истории начались последние конвульсии кровопролития. Днем ранее британский экспедиционный корпус при поддержке 600 танков добился впечатляющего продвижения при Амьене, прорвавшись через колючую проволоку, преодолевая грязь и перемалывая трупы. Достигнутый рубеж находился, можете себе представить, в двенадцати километрах от исходных позиций. Тысячи немцев были убиты, тысячи захвачены в плен.

Как это часто случалось в то время, Черчилль находился во Франции, остановившись в замке Вершок. У него имелся убедительный повод для пребывания там, ведь он был министром вооружений и мог лично следить за их распределением. Но скорее всего, он просто не мог находиться вдалеке от центра событий. Он направлялся в штаб 4-й армии и проехал мимо пяти тысяч пленных немцев: их взгляды были отсутствующими из-за потрясения, головы поникшими, их кожа все еще

в копоти взрывчатых веществ. Черчилль заметил, что он «не мог воздержаться от сочувствия им в их незавидном положении. Они прошли многие мили через поле сражения без пищи и отдыха, а до того им пришлось пережить все ужасы боя».

Эта жалость несколько удивляет. Да, британские успехи были замечательными, но тогда, в августе 1918-го, никто не мог сказать, что у них будет решающее значение. Ранее Черчилль мрачно воспринимал перспективы войны и предсказывал, что она не закончится до 1919 г. Немцы все еще могли наносить ощутимые удары по британским войскам. Действительно, они этим и занимались вплоть до финального свистка.

Так что вид множества побежденных и плененных вражеских солдат должен был наполнить Черчилля приятным возбуждением, свирепым удовольствием от того, что бошам приходится драпать. Но он, наоборот, сочувствовал их несчастью. Вскоре стало понятно, что надежды британцев не обмануты, Германия действительно проигрывала войну. И также стало ясно, что Черчилль заметно отличался от многих политиков меньшего масштаба.

Черчилль был радикально немстителен. Когда они были мелочны, он был великодушен; когда они требовали возмездия, он был миролюбив. В ноябре 1918 г., в одиннадцатый день одиннадцатого месяца, немцы подписали соглашение о прекращении военных действий. В их стране воцарился хаос. Кайзер бежал, свирепствовала эпидемия гриппа, коммунистические восстания парализовывали города — и огромные массы населения голодали, в том числе из-за британской блокады немецких портов.

Одним ноябрьским вечером Черчилль обедал в Лондоне вместе с друзьями — генеральным атторнеем Ф. Е. Смитом и премьер-министром Ллойд Джорджем. До них дошли вести о голоде у немцев. Ллойд Джордж

хотел, чтобы бывший неприятель страдал, а Черчилль заявил, что нужно немедленно послать двенадцать кораблей с продовольствием.

Ллойд Джордж сказал, что следует расстрелять кайзера. Черчилль был против этого. Четыре месяца спустя, в 1919 г., положение в Германии стало еще хуже — и Черчилль выразил негодование в палате общин из-за того, что голод стал оружием против женщин, детей и стариков. Он хотел, чтобы блокада была снята как можно скорее и чтобы с Германией был заключен мир.

Наконец условия Версальского договора были согласованы, и Германия оказалась под бременем огромных репараций, которые она была не в состоянии выплатить. Черчилль считал творившееся безрассудством и решительно не сходилась в этом вопросе с Ллойд Джорджем и с американским президентом Вудро Вильсоном. Условия договора были слишком жесткими. Позднее Черчилль сказал: «Экономические статьи Версальского договора были зловредны и глупы до такой степени, что они стали явно бесполезными». Это не только свидетельствует о даре предвидения Черчилля, но и немало говорит нам о его характере.

В предисловии к своей истории Второй мировой войны Черчилль делится собственным знаменитым принципом, который гласит, что нация должна выказывать «в войне — решимость, в поражении — вызов, в победе — великодушие, в мире — благожелательность». Это не просто слова. Он действительно был таким. Одно из самых заметных клеветнических обвинений, направленных против Черчилля, состоит в том, что он был слишком воинствен, агрессивен, *va-t-en guerre*¹, что он почти буквально фыркал, с шумом втягивал воздух,

¹ Слова из народной французской песни «*Marlbrough s'en va-t-en guerre*» («Мальбрук в поход собрался»), Мальбрук — это предок Черчилля 1-й герцог Мальборо.

вращал глазами, бил по земле подобно ретивому коню всякий раз, когда появлялся шанс заварушки.

Довольно легко понять, почему делается такое обвинение. Зажмурьте глаза и окиньте мысленным взором по-настоящему крупные события первой половины XX в. — это время можно было бы назвать эпохой Черчилля. В ней доминировали Первая и Вторая мировые войны, самые постыдные и разрушительные конфликты, в которые ввязалось человечество. Первая мировая война унесла жизни 37 миллионов человек по всей Земле, включая около миллиона британцев. Поколение талантливых молодых людей было уничтожено на полях Фландрии — многие из них превратились в пыль, останки других покоятся в гигантских оссуариях наподобие верденского.

Во Второй мировой войне было убито еще больше — 60 миллионов, Британия потеряла полмиллиона человек. Страна была физически и эмоционально контужена. Национальное богатство уменьшилось на четверть. Глядя на масштаб этих катастроф, вы сразу же спрашиваете себя, кто тогда стоял у штурвала. Это был Черчилль, причем он влиял на управление страной не только во время одного конфликта, но во время обоих. Многие в наши дни уже не помнят, насколько всеобъемлющим было его влияние. События тех лет все дальше отступают в прошлое, и порою кажется, что две войны сливаются в одну, ведь они совпадали в пространстве, протекали схожим образом, были вызваны родственными причинами, и — в случае Британии — на вершине власти оказывалась одна и та же личность. На протяжении одиннадцати лет бойни Черчилль формировал политический и военный интеллект нации, которая начала столетие как ведущая военная держава, но завершила Вторую мировую войну с безжалостным преуменьшением почти всего, за исключением репутации премьер-министра. Черчилль был тем, кто подготавливал флот

к Первой мировой войне, он дал начало и способствовал дальнейшему развитию единственного оригинального стратегического вклада Британии (который привел к последующей катастрофе). Мера его личного руководства боевыми действиями во время Второй мировой войны кажется немыслимой в наши дни.

Он был военачальником, и упрек состоит в том, что он также являлся разжигателем войны — тем, кто настолько наслаждался войной, что умышленно спровоцировал конфликт, сделавший его знаменитым. Таким подозрением поделилась жена одного из консерваторов, когда написала, что он был другим Герингом, движимым жаждой крови. В этом же состояло опасение консервативного парламентария, который написал в 1934 г., что он был исключительной личностью — «человеком с таким влиянием, что он представляет определенную угрозу для мирного решения многих проблем, стоящих перед страной».

Сегодня мы считаем его олицетворением моральной правоты — человеком, у которого было достаточно мужества, чтобы противостоять тирании и при этом оставаться благодушным, человечным, демократичным, румяным, добросердечным, а также избегать крайностей, как должно англичанину. В общих чертах это правильно, но в преддверии войны многим казалось, что он источал темную харизму, сатанинский оптимизм, связанный с возможностями насилия, и даже сегодня есть те, кто полагает, что под его доброжелательным внешним обликом скрывалась отметина Дарта Вейдера — и, возможно, даже самого императора Палпатина.

Не так давно в списке бестселлеров The New York Times фигурировала любопытная диатриба Патрика Бьюкенена, в которой он обвинял Черчилля в «жажде войны» в 1914 г. и аргументировал (если можно употребить это слово), что Британии в 1939 г. следовало стоять

в стороне и просто наблюдать, как Германия поработщает континентальную Европу. Бьюкенен заявил, что Черчилль превосходил в милитаризме кайзера и любого из его щелкающих каблуками юнкеров, добавив (наверное, правильно), что к 1914 г. «Черчилль видел больше войн, чем любой солдат немецкой армии».

Или ознакомьтесь с воззрениями другого палеоконсерватора, сэра Перегрин Ворсторна, бывшего редактора *The Sunday Telegraph*, который недавно написал: «Не так часто бывают государственные деятели, столь же умелые в восхвалении войны и столь же непристойно рвущиеся повоевать, как Уинстон Черчилль. Все его работы наполнены любовью к войне, в них приукрашивается ее слава и преуменьшаются ее ужасы». Сэр Перегрин достоин уважения, он сражался во время Второй мировой войны. Но, боюсь, его взгляды не соответствуют действительности или сложности характера Черчилля.

Соглашусь, его возбуждала война. У него была естественная эмоциональная и романтическая реакция на драму, масштабность событий. Во время выступления сэра Эдуарда Грея в палате общин 3 августа 1914 г. — накануне Первой мировой войны, когда «по всей Европе гасли огни», — Черчилль рыдал. Премьер-министр Асквит заметил его настроение с некоторым неодобрением: «Уинстон Черчилль уже нанес боевую раскраску и стремится к морским сражениям... все это переполняет меня печалью». Жена Асквита Марго была чуть снисходительнее: «Уинстон, мечтая о войне, страстно желает оказаться в окопах, он вдохновлен, бодр и даже счастлив. Он прирожденный солдат». Черчилль даже проговорился Марго, что находит войну «восхитительной», но тут же попросил ее не повторять этого замечания. Еще он сказал, что мир — последнее, за что надо молиться. Многие другие отмечали его энергию, оживленность, целеустремленный блеск в глазах.

Бесспорно, что Черчилль любил войну в том разумеющемся смысле, что без нее не могло быть славы, без войны он не видел ни единого шанса состязаться с Наполеоном, Нельсоном или собственным предком Мальборо. Он знал, как война и ее риски возвеличивали людей, покрывали их поступки славой. Вот отчего в молодом возрасте он кидался в битву очертя голову, но краем глаза постоянно следил за газетными сообщениями. Война приводила его к мощному выбросу адреналина из желез. Когда он сражался и к лицу прилиwała кровь, он стремился нанести врагу удар потяжелее. Судьи фехтовальных поединков в Харроу отмечали его стремительные атаки. Черчилль правильно полагал, что, если ввязываешься в сражение, необходимо дать понять неприятелю, используя все доступные средства, что тот проиграет. Черчилль был беспощаден в применении насилия.

Недавно прошли благородные международные дебаты об использовании химического оружия в современной Сирии, и было высказано единодушное отвращение к этой практике. Вряд ли кто-то во время обсуждения стремился упомянуть, как наш национальный герой поддерживал использование отравляющего газа во время Первой мировой войны. Он желал газовой атаки против турок в Галлиполи. Одно из его основных свершений на посту министра вооружений состояло в том, что за один месяц в 1918 г. было предоставлено достаточное количество иприта, чтобы его содержала треть снарядов, выпущенных британскими пушками. Черчилль был одержим ипритом, и британским генералам пришлось буквально сдерживать премьер-министра, чтобы предотвратить применение отравляющего вещества и во Второй мировой войне.

Черчилль послал тысячи на смерть в Галлиполи («Твой отец убил моего при Дарданеллах», — сказал один уче-

ник Итона сыну Черчилля Рандольфу, когда тот приехал в школу). Он приказал уничтожить французский флот в 1940 г., позднее развязал ковровые бомбардировки Германии — он принимал решения, которые современный политик счел бы немыслимыми, а Черчилль действовал с пылом и самоуверенностью. И все же очевидно огромное различие между тем, кто ожесточенно бьется при нападении на него, и тем, кто настолько агрессивен, что сам является причиной конфликта. Есть разница между агрессией и сопротивлением или, по крайней мере, между атакой и контратакой.

Конечно, Черчилль желал похвал в свой адрес во время поздневикторианских империалистических войн. Но это не означало, что он одобрял причины, из-за которых они велись. Вспомните его отвращение к тому, как Китченер обошелся с мавзолеем Махди, или критику Черчиллем «преступной и трусливой» войны на северо-западной индийской границе. Он ненавидел неспровоцированную империалистическую агрессию и шовинизм. Он не верил в справедливость войн только ради колониального расширения. Черчилль перенес эти либеральные взгляды с викторианских полей сражений в эдвардианское правительство.

В 1906 г., одним февральским утром, заместитель министра Черчилль работал в Министерстве по делам колоний, но его прервали. К нему пробивалась посетительница. Эдди Марш хотел ее отшить, но та ничего не желала слышать. Высокая и довольно красивая женщина по имени Флора Лугард была своего рода Боудиккой¹ Британской империи. Когда-то она работала редактором по делам колоний в *The Times* и придумала имя Нигерия, которым окрестили эту обширную страну. Крайне неуступчивая Флора впоследствии вышла

¹ *Боудикка* (Боадицея) — королева одного из племен бриттов, возглавившая в 61 г. антиримское восстание.

замуж за известного истребителя местных жителей сэра Фредерика Лугарда. Она пожаловала, чтобы растолковать юному «мальчику» (так она характеризовала Черчилля), как ему надлежит управлять Западной Африкой. Она рекомендовала, чтобы та стала сатрапией, возглавляемой ею с мужем, и чтобы они могли руководить, как им заблагорассудится: временами из Лондона, временами на месте, но всегда с щедрым использованием лучшего, самого современного и хорошо смазанного оружия.

Как оказалось, «мальчик» был превосходно осведомлен, кто она такая, и знал все о ее длинноусом муже и его методах: сожженных травяных хижинах, убитых пулями и снарядами тысячах беззащитных жителей племен. Еще до встречи с Флорой Черчилль писал, что это «хроническое кровопролитие» было «нелепым и тревожащим». «Данная кампания возглавляется людьми, неизвестными с имперской терминологией, они искажают ее, сводя к истреблению туземцев и захвату земли», — отмечал Черчилль. Он довольно вежливо сказал Флоре Лугард, что не одобряет ее позицию. Так началась их идеологическая вражда. Черчилль сокрушил план Лугардов стать царем и царицей «знойной России» в Западной Африке. Лугарда выслали в Гонконг. Флора выражала несогласие с Черчиллем всякий раз, когда кто-нибудь слушал ее, провозглашая, что источником власти может быть только дуло ружья и их подход был единственно правильным в таком месте, как Африка.

Черчилль не видел смысла в удержании огромных территорий в Нигерии и поддерживал вывод оттуда британцев. Несомненно, Черчилль верил в империю — и аннексировал кусочек Кении, когда был там в 1907 г. Но он сделал это с помощью карандаша, а не с помощью пулемета «Максим». Он не был сторонником завоевательных походов или агрессивных войн — невоз-

можно приписать такие цели британцам ни в 1914 г., ни в 1939-м.

Да, он несет ответственность за наращивание военно-морских сил в годы, непосредственно предшествующие Первой мировой войне, но у него были на то основания. Черчилль не пришел в политику как милитарист. В 1901 г. его первое выступление в парламенте вызвало заметное неодобрение тори, потому что казалось необычно пробурским. «Если бы я был буром на поле сражения, — сказал он, — а будь я буром, то, надеюсь, был бы на поле сражения...» Что же такое, наверное, думали тори на своих скамьях, закатывая глаза, неужели он хочет сражаться против нас?

С самого начала он пренебрежительно относился к избыточным военным расходам — так делал и его отец в свое время, — и в 1908 г. он выступал против дополнительных затрат на дредноуты, чтобы лучше поддержать социальные программы. Когда он пришел в адмиралтейство, то, конечно, запел на другой лад: как и перед остальными министрами, перед ним стояла необходимость укрепить свое ведомство, да и проблема немецкого экспансионизма стала очевидной к тому времени. Но именно Черчилль пытался замедлить гонку вооружений. Он предлагал ввести военно-морские «каникулы» — мораторий на строительство линкоров обеими сторонами.

Даже накануне войны он хотел съездить к командующему немецким флотом гроссадмиралу фон Тирпицу и уговорить его остановиться. Но Министерство иностранных дел не пустило Черчилля. Перед лицом катастрофы он предлагал европейским лидерам собраться на встречу — позднее он будет называть их саммитами, — чтобы уладить разногласия.

Черчилль не жаждал войны и не наслаждался кровопролитием. Увидев немыслимые ужасы, он вернулся

с линии фронта в 1916 г. и выступил в палате общин. Он был переполнен, подобно Уилфреду Оуэну¹ или Зигфриду Сассуну, отвращением к страшной окопной правде. Он видел запустение и пространства, усеянные наспех вырытыми могилами. В круг его обязанностей входило написание писем вдовам убитых. Он слышал ритм метронома смерти. «Что происходит, когда мы идем на обед либо отправляемся домой и ложимся спать? — спросил он коллег по парламенту. — Почти тысяча человек — англичан, британцев, людей нашего народа, — превращаются в мешки кровавых тряпок».

Черчилль никогда не хотел другой войны, увиденного было достаточно. В 1919 г., будучи военным министром, он пытался ограничить расходы, предлагая правило десяти лет: британское правительство должно исходить из того, что в Европе не будет войны в ближайшие десять лет. Когда он стал канцлером казначейства в 20-е гг., он снова призывал к сокращению оборонного бюджета, на сей раз у него были полномочия на урезание расходных статей. И сторонники Чемберлена в конце 30-х гг. даже пытались вменить ему в вину (несправедливо) недостаточную боеготовность страны.

В те годы он, конечно, сам призывал коллег тратить больше на оборону, видя усиление люфтваффе. Но его подход вряд ли можно назвать агрессивным, радостно предвкушающим войну и способствующим ей. Черчилль говорил, как Кассандра, заглянувшая в склеп будущего. Во время чехословацкого кризиса 1938 г., после того как Иден подал в отставку, Черчилль провел бессонную ночь: «Я смотрел, как дневной свет медленно вползает в окна, и перед моим мысленным взором встало видение смерти».

Историки и дальше будут спорить о причинах Первой мировой войны, и правда состоит в том, что ника-

¹ Оуэн Уилфред (1893–1918) и Сассун Зигфрид (1886–1967) — английские поэты, участники Первой мировой войны.

кая из европейских держав не предстает абсолютно невиновной в этой катастрофе. Но мы можем уверенно заявить, что Уинстон Черчилль не был в числе зачинщиков и что ответственность преимущественно лежит — хотя и не полностью — на Германии, немецком милитаризме и экспансионизме. Что бы ни случилось в Сараеве в 1914 г., это не может быть использовано для оправдания нападения кайзеровской армии на Бельгию и Францию. У Британии не оставалось иного выбора, как последовать пятисотлетним правилам внешней политики и воспрепятствовать тому, чтобы единственная держава доминировала на континенте.

Вторая мировая война была вызвана почти исключительно действиями безумного немецкого фюрера с его параноидальной жадой мести. Те полемисты, которые постулируют нравственную эквивалентность Черчилля и кайзера или Черчилля и Гитлера, пытаются опровергнуть очевидное. Черчилль стремился предотвратить войну. Он сражался против нее.

Одна из интересных и притягивающих особенностей его ума состоит в том, что он прилагал много усилий не только для предотвращения войны, но и для уменьшения ее последствий на тело человека, для чего он создавал инновации, технические и научные.

Война — отец всего, но в случае Черчилля сочувствие — мать изобретений.

Сухопутные корабли

Я хожу по лесу в послеполуденные часы и не могу отделаться от чувства неестественности — отчасти из-за того, что это столь легко. Ничто не может остановить меня. Я снял веревочную петлю, открыл непрочную калитку и теперь прогуливаюсь по роще, населенной призраками.

Сегодня птицы в голосе, а на деревьях идут в рост молодые листья. Поблизости никого. В лесу у местечка Плогестеер на юге Бельгии, недалеко от французской границы, я ступаю по мшистой земле и думаю, как эти места выглядели сто лет назад.

Этот лес был когда-то знаменит в Британии. Солдаты на Западном фронте называли его Плагстрит, и это имя было известно почти каждому читателю газет. Сто лет назад верхушки деревьев были обрублены артиллерийским огнем, ветви отломаны, почва заражена взрывчатыми веществами и токсинами. Не было и пения птиц. Здесь Уинстон Черчилль побывал во время ночной разведки и ужаснул остальных дозорных тем, что шумел, «как слоненок». Я вижу остатки окопов, по которым они, возможно, передвигались, приближаясь к передовой. Теперь траншеи заполнены черной, илистой водой. Обычно разведчики тихо подбирались к краю обезображенного леса, а иными ночами их командир шел

дальше — порою один, — на «ничью землю» и к самому краю немецких позиций.

С помощью карты я понял, где была «ничья земля», и гляжу на нее — несуразно узкую полоску, проходящую по полям с севера на юг. На ближней стороне я вижу знаменитых бельгийских голубых коров с двойной мускулатурой, из их толстого огузка — *dikbil* — получаются замечательные бифштексы. С дальней стороны — коричневый вельвет распаханного поля, засеянного тем, что Брюссель посчитал выгодным в этом году. Я вижу небольшую щебеночную дорогу поперек полосы — если верить моей карте, она ведет к немецким позициям. Я решил снова сесть в старенькую «тойоту».

Настало время военного маневра, для совершения этого подвига Черчиллю и британской армии понадобились пять ужасных лет. Я же собираюсь сделать это примерно за минуту. Я завожу минивэн, включаю передачу, успокаиваю нервы большим глотком «Стелла Артуа» — и мы медленно катимся вперед.

Сначала я трясусь по рытвинам, но вот мы на дороге, и скорость доходит до 25 км/ч, увеличивается до 30, затем до 40. Я преодолеваю траншеи и воронки, неудержимо прорываясь через колючую проволоку. Ничто — ни снаряды, ни пули — не остановит мчащуюся «тойоту» с ее 2,49-литровым двигателем.

С обеих передовых изнуренные, разбитые люди выглядывают из грязных окопов и теряются в догадках, затем издают возгласы изумления. И вот мы свершили задуманное, возможно, до того, как вы успели оценить достижение. Я на немецкой передовой, и пока неприятель силится отреагировать на это, я проношусь к его резервной оборонительной линии и госпитальным палаткам. Испуганные немцы выбегают из отхожих мест и в панике хватают винтовки.

Отметив триумф коротким автомобильным гудком, я беспрепятственно совершаю разворот и покидаю ар-

мию кайзера. Я еду назад с востока на запад, мне нужно проехать все те же патетические 500 метров к лесу Плагстрит. Но на обратном пути я останавливаюсь посередине. Я припарковался на обочине и иду по распаханному полю. На этом клочке земли ни одному человеку не удавалось выжить.

И вот почему. Я вижу один у себя под ногами, другой рядом и следующий чуть подальше — при каждой вспашке на поверхности оказываются тысячи проржавевших металлических фрагментов из прошлого.

Этот напоминает взрыватель — большой набалдашник, превращенный коррозией в месиво из ржавчины и железа, но по-прежнему удивительно тяжелый. А тот похож на снарядную гильзу, и поблизости еще одна. Хотя я и не разбираюсь в них, но эти находки красноречиво объясняют, почему ни одна из сторон не могла победить. Вне леса нет укрытия — только эти широкие поля под фламандским небом.

Сколь бы ни были мужественны, отважны и храбры молодые бойцы, их разрывало здесь на куски. В эволюции вооружений был момент асимметрии из-за недавнего изобретения множества снарядов, которые могли поражать человеческую плоть с расстояния, с огромной скоростью и большой взрывной силой. Но еще никто не придумал защиты. Три ужасных года это положение не менялось.

Можно представить досаду и отчаяние Черчилля, видевшего, как его солдаты умирают, а линия фронта не перемещается ни на шаг. Едва оказавшись там, Черчилль попытался узнать о судьбе своих предшественников проектов.

В ноябре 1915 г. он написал главнокомандующему сэру Джону Френчу длинную докладную записку, в которой поделился своими разнообразными тактическими соображениями. Некоторые из них, честно говоря, были несуразными. Так, он предлагал использовать

специальные щиты, сделанные из стали или композитного материала, которые защищали бы солдата от каски до колена. До пятнадцати человек должны были становиться в ряд на краю траншеи, смыкать щиты и идти вперед. Казалось, Черчилль не знал, что предлагает солдатам XX в. идти против пулеметов в оборонительном построении, хорошо известном греческим гоплитам.

Он рекомендовал экипировать сражающихся ацетилено-кислородными горелками — Черчилль видел, как подобными режут металл в доках, — чтобы можно было делать проход в колючей проволоке. Непонятно, что он думал о случае возможного попадания пули в емкость с газом. Но его главный интерес был в том, что он называл новым типом транспортного средства. Он описывал их как «передвижные купола с пулеметами, прорывающиеся через проволоку». Они также могли «преодолевать любое обычное препятствие, ров, бруствер или траншею». Черчилль сообщил генералу Френчу, что строилось около семидесяти таких экспериментальных машин.

Черчилль призывал сэра Джона пойти и посмотреть на них: «Чтобы убедиться, достаточно увидеть зрелище машин, режущих проволочные заграждения. Это чем-то походит на работу сноповязалки при жатве». Черчилль имел в виду примитивную версию того, что мы сейчас называем уборочным комбайном.

Увы, у сэра Джона не было возможности проинспектировать мутировавшую фермерскую технику. Асквит начал паниковать, что неудивительно, из-за отсутствия прогресса под командованием Френча и уволил его. Итак, в январе 1916 г. Черчилль предпринял еще одну попытку.

Он представил свои предложения, включая новый тип бронированного уборочного комбайна, преемнику Френча Дугласу Хейгу. Последнего традиционно обвиняют в параличе британской стратегии. Но Хейг заин-

тересовался. Вскоре Черчилля попросили приехать в британскую дивизию в Сент-Омере, чтобы пояснить свои идеи. Присутствовавший генерал сказал, что слышал от Хейга о новых приспособлениях, разрабатываемых адмиралтейством, которые могли использоваться в условиях окопной войны.

Знал ли Черчилль об этом? Разумеется. И можно понять его потрясение и изумление из-за продолжающейся медлительности армейского руководства в восприятии его идеи. Ведь более года назад, в декабре 1914 г. — тогда он еще был в адмиралтействе, — Черчилль осознал весь кошмар патовой ситуации, когда траншеи и колючая проволока тянулись непрерывно от Швейцарии до Ла-Манша.

Отчасти Черчилля вдохновила научная фантастика Герберта Уэллса, где описывались бронированные «сухопутные корабли». 5 января 1915 г. Черчилль написал Асквиту о необходимости определенного технического прорыва. Нам требовалась машина, которая умела бы справляться с траншеями, отмечал Черчилль, и, если мы не создадим ее, с этим наверняка справятся немцы. Несмотря на свою обычную неторопливость, Асквит ответил быстро. Он рекомендовал военному министерству подумать над этим.

Военные образовали комитет для изучения данного вопроса, где решили, что любая такая машина завязнет под весом собственной брони. Слишком непрактично, отклонить.

Докладная записка Черчилля могла и дальше оставаться без движения, последствия этого были бы невообразимы. Но Черчилль не дал делу заглотнуть, хотя и был в адмиралтействе. Он руководил кораблями, а не занимался армейской тактикой. Так что теоретически он лез не в свое дело. Но 18 января 1915 г. он письменно обратился к своим коллегам по адмиралтейству со

странной просьбой. Черчилль хотел, чтобы был проведен эксперимент.

Кто-то — Черчилль не уточнял кто — должен был соединить два паровых катка с помощью длинных стальных стержней так, чтобы «в сущности получился один каток шириной от 12 до 14 футов» (то есть от 3,5 до 4 м). Черчилль предполагал, что должностные лица найдут «удобное» место вблизи Лондона и обеспечат рытье сотен метров траншей, как это было во Франции. Конечной целью, по словам Черчилля, будет проверка машины-монстра: она проедет вдоль края траншей, с обеих сторон к ней будут прикреплены гигантские колеса. Замысел состоял в том, что «окопы будут полностью обрушены, а находящиеся там люди погребены».

В этом весь Черчилль на его головокружительной высоте. В его плане есть недостатки. Что, если два катка поедут на разных передачах или с разными скоростями? Ведь стержни должны сломаться или сорвать крепления. Он недоработал проект и не предусмотрел, что у машины должен быть один двигатель. Но вы почти явственно слышите скрежет гигантских шестерен его размышлений, когда он ухватился за задачу, включая проблему сцепления с поверхностью.

Он думает о грязи. Чертовых океанах грязи. Машина будет буксовать, ее начнет заносить, если не...

«Катки этих машин будут оснащены клинообразными ребрами или шипами, которые при необходимости выдвигаются за обычную поверхность колеса, чтобы обрушить почву с обеих сторон траншеи и улучшить процесс качения». Есть схожесть с разглядыванием через телескоп удаленной туманности: постепенно облака межзвездного газа редуют и, сжимаясь, становятся планетами.

Замысел начинал выкристаллизовываться. Возможно не осознавая этого, Черчилль описал гусеничный ход.

Он заключил, что требовалась лишь «пара достаточно больших паровых катков и надежный пуленепробиваемый панцирь для экипажа». Черчилль отдал восхитительно безапелляционное распоряжение, что все должно быть закончено в течение двух недель, и подписался: «УСЧ».

Вы можете представить реакцию флотских инженеров. Он хочет, чтобы мы скрепили два паровых катка? Да еще и испортили какой-нибудь парк множеством окопов?! Тем не менее они взялись за дело.

Так возник комитет по сухопутным кораблям, и можно понять, почему Черчиллю было удобно воспользоваться терминологией Герберта Уэллса. Не было никаких особых причин, чтобы этот проект находился в ведении адмиралтейства, если, конечно, не сделать вид, что обсуждается разновидность корабля. 22 февраля 1915 г. небольшая группа собралась в первый раз. Ею руководил один из нескольких героев этого рассказа, главный строитель флота Юстас Теннисон д'Эйнкорт. Он отчитывался перед Черчиллем.

Сначала они обсуждали тот самый вопрос, который поднял первый лорд адмиралтейства: как добиться, чтобы гигантский зверь не скользил по грязи. Они рассмотрели возможности колеса с накладками и колеса с башмаками — необычной конструкции, когда к ободу колеса крепилось множество небольших башмаков, которые по мере вращения колеса обеспечивали сцепление с землей один за другим. Два дня спустя Теннисон д'Эйнкорт написал Черчиллю новость: у них был заметный прогресс.

Разработчики предлагали сделать 25-тонную модель «оснащенного пулеметами трактора с несомненной военной полезностью, способного перевозить 50 человек и преодолевать вражеские окопы». Комитет двигался к цели. В тот же день Черчилль послал немногослов-

ный ответ: «Действуйте в соответствии с проектом и со всей быстротой. УСЧ».

К 3 марта были представлены две концепции: в одной предполагались большие задние колеса, а в другой — гусеничный ход. Пришло время денежных трат. Без санкции военного министерства и без консультации с коллегами по кабинету Черчилль поместил заказ на изготовление прототипов. Он не имел понятия, какой вариант предпочтительнее, поэтому решил сделать оба — дюжину экземпляров на гусеничном ходу и шесть с большими колесами. Надеясь пробудить дух соперничества, адмиралтейство задействовало двух подрядчиков. Ими были Foster и Foden, их уровень прибыли составлял 10 процентов. Общая стоимость заказа составляла 70 000 фунтов, или 5 миллионов фунтов в пересчете на нынешние деньги, — крайне недорого по стандартам современных оборонных закупок, особенно если учесть, что начиналась новая страница в военной истории.

Пока во Фландрии продолжалось истребление людей, Теннисон д'Эйнкорт и его команда корпели над задачей. Так что же лучше? Накладки или башмаки на колесе? И как решить основную проблему: обеспечить безопасность людей в транспортном средстве без чрезмерной брони, из-за которой танк может увязнуть в грязи? Находясь на своем наблюдательном пункте в адмиралтействе, Черчилль продолжал подгонять и подбадривать, но в мае 1915 г. произошла катастрофа.

Его карьера пошла под откос. Он оказался в канаве вверх колесами, без какой-либо надежды выбраться. Черчилль потерял свой пост из-за Галлиполи — его выжили тори, не пожелавшие работать с ним в правительстве. Он безуспешно пытался сохранить свою роль в проекте сухопутных кораблей. Черчилль осведомился у Бальфура, сменившего его в адмиралтействе, сможет

ли он продолжать руководить небольшим объединенным комитетом адмиралтейства и военного министерства. Из этого ничего не вышло.

Он привез своего наставника Ллойд Джорджа, ставшего министром вооружений, посмотреть лабораторию под открытым небом в Уормвуд-Скрабс, где ревущие, извергающие дым железные скарабеи с переменным успехом бросались на рвы и валы. Увы, он больше не был отцом проекта, не играл в нем никакой роли — ни формальной, ни неформальной. Без творческого напора Черчилля «Франкентрактор» зачах. На Западном фронте солдаты продолжали идти в атаку из траншей с ужасными последствиями. Военное начальство перечкнуло планы по созданию новой машины.

Осенью того же года он сам оказался на Западном фронте, чтобы искупить свою вину, участвуя в сражениях, а в начале следующего года подполковник Черчилль принял командование 6-м батальоном Королевских шотландских фузилеров. Он непосредственно видел ужасы и безысходность. Черчилль написал длинную докладную записку, и только после встречи с сэром Дугласом Хейгом, во время которой было заметно, что Хейг чего-то недоговаривает, стало понятно, что проект ожил.

14 февраля 1916 г. Теннисон д'Эйнкорт послал Черчиллю радостное письмо. Он сожалел, что понадобилось так много времени. Начинание увязло метафорически и физически. «Потеряв существенное преимущество вашего влияния, я с большим трудом управлял продвижением проекта, которому препятствовали бульжники неприятия и более коварные зыбучие пески безразличия».

Результат тем не менее был впечатляющим, сообщил д'Эйнкорт. Последний боевой вебрь был воистину атлетичен. Он легко мог преодолеть бруствер высотой в полтора метра и трехметровый ров. На вооружении

Private

1. Oct. 1916

41, CROMWELL ROAD,

S.W.

My dear Mr. Wells,

I passed a very pleasant
Sunday reading "Mr Britling"
& I congratulate you on
producing such a suggestive
& moving record of these
strange times.

You will have been
interested to see the
success with which your land
battleship idea was at
last - after many many
efforts - put into practice.

Yours sincerely,

Ernest Hemingway

были 6-фунтовые пушки в спонсонах — бортовых выступах, как на линкоре. Орудия могли стрелять как вбок, так и вперед. Автор письма хвастался, что машина прорывалась сквозь провололочные заграждения, «словно носорог через пшеничное поле... Она походит на огромное допотопное чудовище, особенно когда оказывается на топкой земле. Надеюсь, она напугает бошей».

В заключение Теннисон д'Эйнкорт неловко, но сердечно воздал дань уважения униженному Черчиллю: «Позвольте мне выразить поздравления по случаю успеха предложенного вами проекта, а также пожелать удачи в вашей работе на фронте».

Началось производство сухопутных кораблей. В интересах секретности заводским рабочим было приказано называть их «водяными танкерами», как будто это были гигантские цистерны для перевозки воды, которые предназначались для иссохших полей сражений в Месопотамии. Для краткости они именовались танками, так их до сих пор и называют, даже по-русски.

Танк занимает особое место в истории британских достижений. Британскими были не только ключевые идеи — что случалось довольно часто, — но и разработка вместе с практическим применением. Ведь к 1917 г. производились сотни танков — больше, чем в какой-либо из других воюющих стран.

И вскоре Черчиллю пришлось нести ответственность за их производство: в июле того года Ллойд Джордж снова взял его в правительство, назначив министром вооружений. Пресса сходила с ума. The Sunday Times утверждала, что такое назначение будет «серьезной угрозой для исполнительной власти и для империи в целом». The Morning Post предупреждала: «Опасная и крайне неопределенная переменная, мистер Уинстон Черчилль, — эта блуждающая почка политического организма, снова вернулась в Уайтхолл».

Нельзя настолько ошибаться. Черчилль был незаменим для успеха. Он одержимо работал, чтобы войска были оснащены новыми вооружениями — самолетами, химическими снарядами и танками. Он был уверен, что они помогут выйти из тупика, а тем временем кровопролитие усугублялось. Осенью того года излюбленная Хейгом стратегия лобового натиска достигла новых глубин безумия. Несмотря на опасения и Черчилля, и Ллойд Джорджа, генерал начал третью битву при Ипре — в ней погибнут 850 000 человек, включая 350 000 британских солдат. Это было побоище с доселе невиданным размахом — промышленный вариант битвы при Каннах.

Затем танки были наконец готовы — и в больших количествах. 400 из них 20 ноября 1917 г. участвовали в наступлении при Камбре, где было достигнуто существенное продвижение. У Черчилля началась лихорадочная активность. Он учредил танковый комитет и поставил задачу произвести 4459 единиц к апрелю 1919 г. Когда рабочие танкового завода заважничали, Черчилль угрожал послать их на фронт. Тем самым трудовой спор был разрешен. Потом произошло воодушевляющее событие: в сражении при Амьене 8 августа 1918 г. бронированные левиафаны сокрушили немцев.

Шестьсот британских танков прорвали оборону, преодолевая траншеи и крепко удерживаясь на пространствах грязи, вражеские пули расплющивались, попадая в их крепкую металлическую оболочку, — как это представлял себе Черчилль. Верно, что немцы вскоре научились преодолевать страх, подобно тому как римляне перестали бояться слонов Ганнибала. Через несколько недель немцы стали довольно эффективно уничтожать танки. Но урон их моральному духу уже был нанесен. Генерал Эрих Людендорф назвал первый день сражения при Амьене «черным днем» немецкой армии, и его можно считать началом конца.

Решающим в тот день было участие танков. Вспомните безутешных пленных солдат, которых Черчилль увидел 9-го числа. Они были разгромлены с помощью машин, соавтором изобретения которых был Черчилль. Где бы он ни находился в тот день, он видел следы этих монстров.

Все же давайте уточним, какова была его роль. Да, у него имелась выраженная природная склонность к изобретениям и импровизации — он любил подумать о различных вещах с практической и механической точки зрения: от «подпруги», придуманной им трубки из коричневой бумаги для предотвращения крошения сигар, до вопроса о том, как уменьшить раскачивание сборных морских портов «Малберри», использовавшихся при высадке в Нормандии. В детском возрасте он любил строить крепости, как-то он с братом Джеком смастерил катапульту и успешно стрелял из нее по корове яблоками.

Он любил живопись и кладку кирпича, ему нравилось создавать пруды и заниматься земляными работами. В своем поколении он не только был одним из инициаторов полетов на самолете, но и одним из первых, кто сел за руль автомобиля (его приятели «хьюлиганы» боялись лихачества Черчилля и отказывались быть пассажирами). Он пытался постичь возможности атомной бомбы и задумывался о том, что будет, если оснастить самолет торпедой. Его энтузиазм в отношении технических инноваций — с их содействием прогрессу человечества — был частью его виговской личности. У него была замечательная способность наглядно представить, четко выразить, разжечь в других воображение и укрепить их уверенность.

Конечно, он не был ученым, но его нескончаемо плодотворный и игривый интеллект узаконивал желание исследователей поэкспериментировать и угодить ему. Некоторые из идей, возникших в таком сотрудни-

честве в военное время, были замечательными, но нелепыми, вроде плана создать гигантские плавающие авианосцы, смешивая лед с опилками. Этот материал известен как пайкерит — в честь его изобретателя Джеффри Пайка из военно-морского флота. Известна история о том, как Маунтбеттен продемонстрировал его исключительную твердость Черчиллю и Рузвельту.

Маунтбеттен взял глыбу замерзшего пайкерита на Квебекскую конференцию 1943 г. и выстрелил в нее из своего служебного пистолета. Охранники, стоявшие снаружи, бросились внутрь комнаты, думая, что произошло покушение, а пуля отскочила от пайкерита и чуть не убила британского маршала авиации Чарльза Порта.

Таков путь научного эксперимента. Пайкерит мог быть триумфом, но не стал им. Танк мог оказаться провалом, но заработал с ошеломительным успехом. Этим успехом он обязан творческому напору Черчилля, его способности выдвинуть какую-то идею на передний план своей умственной деятельности и продолжать работать над ней, пока она не станет реальностью, подобно тому как мысленный образ проступает в красках на холсте.

Разумеется, интерес Черчилля к машинам был отчасти агрессивен: ему были нужны самолеты, танки, газ, бомбы, потому что он хотел победить, и как можно скорее. Но подоплекой тому было его сострадание, желание уменьшить увечья и несчастья, свидетелем которых он стал. «Машины сохраняют жизнь, — говорил он в начале 1917 г., еще до того, как танк оправдал себя. — Мощность машин — замечательная замена живой силе. Мозги берегут кровь. Маневр значительно уменьшает кровопролитие».

Вот почему он пошел на масштабную фланговую операцию в Галлиполи, вот почему выступал за ковровые бомбардировки уже во время Первой мировой войны, вот почему лично следил за производством огром-

ного количества иприта. Для этого же ему был нужен танк — чтобы снизить смертность среди людей, которым приходилось идти или бежать под градом металлических снарядов.

По полям рядом с Плоегстеером, вблизи проселков рассеяны кладбища с их бесконечными рядами белых каменных крестов. Они свидетели преступной расточительности и ущербности использованной тактики. Своим участием в разработке танка Черчилль не только сберег много жизней, но и содействовал укорочению Первой мировой войны, победе в ней. За это ему надо воздать должное.

И конечно, не только за танк. Окончательной капитуляции Германии немало поспособствовала морская блокада, организованная британским флотом. Это медленное удавье удушение растянулось на пять лет и привело немцев к голоду в 1918 г. Благодаря довоенной деятельности Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства флот, переведенный на нефтяное топливо, был готов в 1914 г. к решению таких задач. Мы обязаны ему кораблями как на суше, так и на море.

Я возвращаюсь к лесу, в котором он часто бывал, и, стоя с сигарой и почти пустой пивной банкой, общаюсь в некоем оцепенении с тенями погибших. Но моему раздумью пришел конец. Бельгийский фермер увидел машину, припаркованную вблизи леса, и направился ко мне с видом человека, собирающегося прогнать непрошеного гостя со своей земли.

Я собирался было сказать ему о многих британских солдатах, принявших ужасную смерть, чтобы защитить право бельгийских фермеров на эти леса, но передумал. Я спросил его, слышал ли он об Уинстоне Черчилле. Фермер задумался и поинтересовался, воевал ли тот. Я ответил утвердительно.

«Нужно всегда уважать тех, кто сражался в войне», — сказал фермер. Что же, я выпью за это. Опустошив банку, я покидаю призрачный лес. Ни у кого другого во время Первой мировой войны не было такого сочетания достижений, чтобы одновременно рисковать жизнью на фронте и способствовать развитию совершенно новых направлений в большой стратегии конфликта. Как ему удавалось это?

Есть причина, по которой Черчилль упорно продвигал новые технологии, и они не остались какими-то наметками в блокноте конструктора. К настоящему времени я прочитал большое количество его докладных записок и заметок и поражен не только его бюрократической выносливостью, но и его феноменальным вниманием к деталям.

Из политиков своего поколения Черчилль был не только лучшим оратором, лучшим писателем, лучшим шутником, самым мужественным, самым решительным и самым оригинальным. Ключевым для фактора Черчилля можно считать также и то, что он был самым кропотливым политиком из всех, которых вы когда-либо видели.

В этом — существенная особенность его управления в напряженное военное время. Конечно, он мог бы не концентрироваться на деталях, занимаясь картиной в целом, сосредоточиваясь на крупных вехах в истории. Но биографа Роя Дженкинса постоянно приводил в изумление один из аспектов характера Черчилля — его работоспособность.

Мыслительная машина в 100 лошадиных сил

«Пойдемте, девушка, — говорит дворецкий Инчес, — вы ему нужны, и он не любит посылать дважды». Дворецкий указывает вверх по лестнице, а вы чувствуете, как бьется ваше сердце.

Давайте договоримся, что вам чуть за двадцать. Вы хорошенькая девушка из прилегающего к Лондону графства, в туфлях на низком каблуке, в юбке благоразумной длины и не слишком усердствуете с ювелирными изделиями или косметикой. Вы не учились в университете, но хорошо владеете стенографией и умеете печатать как вихрь.

Вы одна из нескольких дюжин его секретарей или литературных помощников, впрочем, среди них встречаются и мужчины. Но все они на протяжении нескольких десятилетий стояли дрожа у подножия этой лестницы. Вы получили место в окружении великого человека, скажем, в двадцатых или тридцатых годах, не важно, когда именно.

Большой дом из красного кирпича становится местом необычайного оживления всякий раз, когда там останавливается Черчилль. А рядом с домом, похоже, находится зоопарк, в котором не завершено строительство. Там есть свиньи, козы, собаки, кошки, утки-мандаринки, гуси, черные и белые лебеди. В прудах плавают

гигантские декоративные золотые рыбки. Люди с лопатами заняты, судя по всему, возведением гидроэлектрического сооружения, на склоне холма виднеется несколько плотин.

Зайдя в дом, вы оказываетесь в первом акте «Женитьбы Фигаро». Кругом снуют люди: горничные, шоферы, лакеи, повара. Обходительные молодые мужчины с ученым видом несут вороха бумаг. Здесь же милый маленький ребенок с золотистыми волосами, по-видимому младший в семье.

Теперь вам необходимо подняться наверх и проявить внимание к нуждам ума, который приводит в движение все вокруг, в его отсутствие жизнь замирает, словно по щелчку выключателя.

«Поспешите», — говорит Инчес, и вы торопитесь по лестнице, покрытой синим линолеумом, с угловыми резиновыми накладками, вы стучите в дверь, которая, как вам было сказано, ведет в кабинет. Откуда-то изнутри раздается приглушенный крик, и кажется, что кричит пленник из чулана.

Вы входите в большую комнату с высоким потолком, в ее конце чернеет пустой камин, а над ним висит довольно мрачное изображение Бленхеймского дворца. Вы видите конторку у одной стены и стол для письма у другой, пол покрыт старым розоватым ковром. Чувствуется слабый запах сигары — но нет и следа Уинстона Черчилля.

«Сэр?» — трепещете вы.

«Я здесь!» — раздается возглас, и вы видите в углу маленькую дверь, за которой мог бы находиться сушильный шкаф или большой домашний бар. Вы проходите через нее. С трудом верится, что вы оказались в спальне одного из самых влиятельных людей Британии.

Кто-то нашептал, что миссис Черчилль предпочитает ночевать в другом помещении, потому что у супругов

совершенно разные биоритмы. Да, это не спальная комната для леди, а скорее монашеская келья.

На стене фотография цвета сепии с лордом Рандольфом Черчиллем, сбоку видна крошечная ванная комната, а на низкой кровати — устрашающее зрелище. Сэр завален книгами, газетами, чемоданчиками с правительственными документами, также рядом с ним большая хромированная плевательница с чем-то мерзким на дне.

На прикроватном столике стоит стакан с виски, который, похоже, сильно разведен содовой. На покрывале лежит оранжевая кошка, а хозяин в красном шелковом кимоно сидит в кровати со свирепым выражением лица, пряди его сидящих волос растрепаны. Он жует свою сигару и, по-видимому, что-то говорит вам.

«Прошу прощения, сэр», — произносите вы.

«Записывайте мои слова!» — вспыхивает он, и вы догадываетесь, что он уже начал диктовать.

Вы сумели быстро совладать с собой и, выхватив блокнот или писчую бумагу, начинаете записывать за ним. Но вот он резко останавливается и приобретает пугающе рассерженный вид, становясь похожим на быка, раздумывающего, не поддеть ли рогами пешего туриста в поблескивающем дождевике.

Его ноги елозят в постельном белье, он издает легкие свистящие звуки, как закипающий чайник или кастрюля с овсянкой.

Ваша ручка поднесена к бумаге, а голова опущена. Он заговаривает снова, и в его голосе появляются пугающе обольстительные и даже сладострастные интонации.

«Доррога-а-ая», — произносит он.

Вы в испуге вскидываете голову, но понимаете, что все в порядке: он ласкает кошку. Он продолжает, переключившись с оранжевой кошки Танго на вас, и вы замечаете, что возникла небольшая проблема.

У него во рту сигара, кроме того, он выговаривает «с» как «ш», и вам приходится переспрашивать его.

«Черт побери!» — восклицает он, и вас захлестывают эмоции. Это слишком. Вы не можете сдержаться.

Начинают течь слезы, и в мгновение ока он преобразается. Все его внимание сосредоточено на вашей персоне, он улыбается и успокаивающе глядит на вас веселыми голубыми глазами. «Не принимайте близко к сердцу, если я взрываюсь», — говорит он и поясняет, что вовсе не сердится на вас, просто он подбирает слова и ему не нравится, когда прерывают поток его мысли.

Вскоре он возобновляет диктовку. Его ноги ерзают, когда он обрабатывает предложения, чтобы модуляция была непринужденной, а звучание — ритмичным и музыкальным, и вот все закончено. Его рука с грохотом обрушивается вниз, словно у дирижера, делающего последний взмах в исполнении симфонии Бетховена.

«Дайте мне», — говорит он, и вы протягиваете ему служебную записку или письмо.

Он читает, достает авторучку и, держа ее необычно далеко от кончика, подписывает инициалами, вот и все. Вы свободны и уходите — но, как ни странно, через полчаса вас вызывают снова. Похоже, он придумал что-то еще.

На сей раз и кабинет, и спальня пусты, а из маленькой ванной комнаты доносится плеск. Ну и ну, думаете вы. В промежутках между намыливаниями и ополаскиваниями он дает вам инструкции, вы подвигаете маленький стул к двери, и он диктует другое письмо. Вы издаете приглушенный крик, когда он предстает перед вами, вокруг его пояса маленькое полотенце, которое, кажется, вдруг спадает, и в этот миг вы в испуге зажимаетесь...

Когда через некоторое время вы открываете глаза, он уже частично одет и диктует снова. Он заключает письмо акронимом «ПТ», означающим, как вы узнаете

позднее, «продолжайте трепыхаться». Это предписание он часто дает коллегам.

Так продолжается весь день, Черчилль наговаривает вереницу материалов своим разнополым помощникам. Он одновременно работает над несколькими книгами, не говоря уже о газетных статьях, речах и служебных записках.

После основательного ланча с выпивкой он отправляется на короткий сон, затем либо рисует, либо упражняется в кладке кирпича под руководством мистера Керна. Частенько играет в безик, он почти одержим этой карточной игрой. Затем объявляется, что ему нужно ехать в Лондон, и вы вдавлены в заднее сиденье его коричневого «даймлера», на ваших коленях бесшумная пишущая машинка, с одной стороны от вас чемоданчики с правительственными документами, с другой — рыжевато-коричневый пудель Руфус, его язык в вашем ухе. Вы также окутаны клубами дыма от сигары, направленной назад, в вашу сторону.

Следующие два часа он занимается прозой, и вы восхищаетесь роскошностью его языка, бесчисленностью синонимов, стилистическими приемами. Он посещает парламент, идет в казначейство, во второй половине дня и вечером он имеет дело с огромными объемами текста и выдает новые тысячи разнообразных слов, каждое из них бережно сохраняется его помощниками, которые подобны рабочим пчелам, обихаживающим пчелиную матку.

К этому времени вы начинаете ослабевать — но только не он. Он продолжает деятельность и после обеда, хотя вы уже в постели — вас сменил другой секретарь. Ваш работодатель жужжит и ночью, как будто в его батареях более совершенная смесь химикалий, неизвестная прочим людям. Его голова падает на подушку в лондонской квартире, когда уже три часа ночи, и завтра он собирается повторить все сначала. Вскоре вы

поймете, что разговоры о нем — правда: чем более вы узнаете Уинстона Черчилля, тем более убеждаетесь в его гениальности.

Было бы в корне неправильным считать Черчилля своего рода звучным вокалистом, полагать, что он не более чем импресарио идей, подобие Рональда Рейгана с сигарой. Хорошо известна шутка Рейгана о его подходе к жизни: «Говорят, тяжелая работа не убивает, но я считаю, не надо и рисковать».

Черчилль категорически не мог придерживаться такого правила. Это проявляется не только в его книгах — а он написал тридцать одну, причем четырнадцать были «настоящими», оригинальными публикациями, а не компиляциями уже опубликованных материалов. Посчитайте число его вхождений в «Хансард»¹: дюжины речей, реплик и вопросов каждый месяц на всем протяжении его парламентской карьеры, которая длилась почти без перерывов шестьдесят четыре года. Его опубликованные речи занимают 8700 страниц восемнадцати томов, его служебные записки и письма насчитывают миллион документов в 2500 коробках.

Он представил пять бюджетов как канцлер казначейства, его выступления при этом продолжались три-четыре часа (а современные канцлеры говорят не более часа). И у Черчилля не было никакого спичрайтера. Он подготавливал выступления сам, а когда не диктовал, не писал, не управлял каким-либо обсуждением, не рисовал, не клал кирпичи, он продолжал наращивать свою интеллектуальную мощь.

Прочитав по крайней мере пять тысяч книг, он доверил своей слоновьей памяти так много поэтических

¹ «Хансард» — официальный стенографический отчет о заседаниях британского парламента, впервые такие отчеты были напечатаны Л. Хансардом в 1809 г.

строк, что люди считали его проигрывателем-автоматом. Нужно лишь нажать кнопку и прослушать. Когда он останавливался у Франклина и Элеоноры Рузвельт в Шангри-Ла, то поразил американского президента воспроизведением бессмысленных рифм Эдварда Лира¹.

Затем Рузвельт процитировал знаменитые строки из патриотического американского стихотворения «Барбара Фретчи», написанного Джоном Гринлифом Уиттьером: «Стреляйте в седины моей головы, // Но флага отчизны не трогайте вы!»²

Черчилль ошеломил президентскую чету тем, что прочитал это произведение по памяти от начала до конца. Это удивительно, ведь стихотворение характерно американское, вряд ли такую поэзию он изучал в Харроу. Черчилль проявил искусную дипломатию, «вытащив» его из своего цилиндра. «Мы с мужем переглянулись, — вспоминала Элеонора Рузвельт. — Каждый из нас мог процитировать несколько строк, но произведение целиком было выше наших возможностей».

Схожее чувство испытывал и Ага-хан³, когда Черчилль долго цитировал Омара Хайяма. Что, Черчилль пытался впечатлить собеседника? Нет, просто стихи удержались в его памяти. Черчилль годами сберегал и хранил там литературные деликатесы, они как следует замариновались в омываемых алкоголем извилинах его мозга. Черчилль мог извлечь их в любой момент: «Песни Древнего Рима» — для кабинета министров, Шекспира — для детей. Даже когда ему было за восемьдесят, он мог внезапно процитировать сэру Джону Колвиллу малоизвестные строки Аристофана.

¹ *Лир Эдвард* (1812–1888) — английский художник и поэт, один из основоположников литературы абсурда.

² Перевод М. Зенкевича.

³ *Ага-хан III* (1877–1957) — религиозный глава исмаилитов, основатель и первый президент индийской мусульманской лиги.

Если у вас найдется пятнадцать минут, откройте на YouTube превосходные материалы, не вошедшие в телевизионное обращение Черчилля от имени партии накануне выборов 1951 г. Он сидит и свирепо смотрит в камеру, а для дублей его заставляют произносить текст снова и снова. Наконец он вырывается от мучающих его продюсеров и задает им перцу, цитируя длинный отрывок из Гиббона о распространении христианства.

Этот мнемонический дар важен — сведения из памяти Черчилль мог использовать для побед в дискуссиях с коллегами, возвышения над ними. В 1913 г. Асквит пожаловался предмету своей любви Венеции Стэнли, что на последнем трехчасовом заседании кабинета два часа с четвертью были заняты замечаниями Черчилля. Он был тем, к кому обращались для проведения сложных переговоров, отчасти из-за его обаяния и дружелюбия, но в основном из-за способности глубоко вникнуть в предмет, вследствие чего он мог использовать многообразие уловок и компромиссов. Он вел переговоры обо всем: разделение Ирландии, создание Израиля, окончание Всеобщей стачки. Причина, по которой он был настолько значим для этих влиятельных событий XX в., не в том, что он, расталкивая других, пробирался в центр сцены, но в том, что коллеги признавали «многоваттность» Черчилля, необходимую для достижения результата.

Он не отличался математическим или финансовым складом ума. Он сам признал во время спора о том, возвращаться или нет к золотому стандарту, что у него «ограниченное понимание этих крайне технических вопросов» (его отец, также канцлер казначейства, сходным образом жаловался на «проклятые десятичные запятые»). После совещания с большой группой банкиров Черчилль посетовал, что они «говорят по-персидски». Но за это его, разумеется, можно простить. История последних ста лет переполнена событиями, свидетель-

ствующими, что у банкиров нет ни малейшего представления о том, что они хотят сказать.

Но у Черчилля определенно имелись стойкость, энергия, абсолютный ментальный рык, как мог бы выразиться Джереми Кларксон¹. «Вот идет Уинстон Черчилль с его мышлением в сто лошадиных сил», — сказал кто-то перед Первой мировой войной, когда эта мощь была значительна.

У некоторых людей, одаренных быстрым аналитическим умом, нет выраженной энергии, интереса к работе. У других — напористость, но ограниченный талант. Понятно, что у большинства из нас умеренная доля того и другого. У Черчилля было все: феноменальная энергия, колоссальная память, острый аналитический ум и беспощадная журналистская способность рассортировать материал, поставив главное на первое место. Еще у него в голове была молниеподобная зигзагообразная жилка, способствующая креативности.

Его психологическое строение (необходимость показать себя перед отцом, частичная мегаломания и тому подобное) означало, что он **должен** был работать, он не мог бездействовать. Некоторые придают большое значение его предполагаемой депрессии, или «черному псу», как он называл ее, используя существовавшее в то время выражение. Другие полагают, что с этим перестарались, и я склонен с ними согласиться.

Конечно, у Черчилля было некоторое уныние в тридцатых годах, когда он лишился должности, но в целом он вполне освоился с тем, что для многих людей является творческим циклом: депрессия — напряжение — творчество — усиленная алкоголем эйфория — депрессия и так далее. Он просто проходил этот цикл быстрее, чем кто-либо другой, как будто у него было больше «об/

¹ Кларксон Джереми — английский телеведущий и журналист, специализирующийся на автомобильной тематике.

мин», и оттого его производительность была огромна. Подобно Сэмюэлю Джонсону, он налагал сам на себя громаднейшие требования, и супер-эго подстегивало его к дальнейшим свершениям. Он объяснял, каково это было: «Знаете, я ненавижу идти спать, чувствуя, что не сделал за день ничего полезного. Это все равно что не почистить зубы перед сном».

В некотором смысле его подход можно назвать архаичным — им двигала жажда славы и признания, а также страх публичного позора. Но в этой смеси была заметна и постхристианская вина. Каков бы ни был химический состав топлива, двигатель Черчилля был безупречно приспособлен к сложностям руководства. Он был воином Уайтхолла и любителем деталей, чем порою доводил до бешенства.

Работая в казначействе, он занимался такими мелочами, как стоимость телеграмм, посылаемых Форин-офисом. Когда он вернулся в адмиралтейство в 1939 г., то наводил справки о количестве шерстяных пальто, отпущенных отдельным кораблям. Ему вздумалось отдать распоряжение, что на судах Королевского флота надлежит играть в нарды, а не в карты.

Если вы хотите пример любимых им «рекомендаций» — посланий, посвященных работе правительства, которые он надиктовывал по несколько дюжин в день, — взгляните на этот поразительный документ, который висит в рамке на стене Чартвелла. Это сварливый ответ на довольно мягкое предложение Форин-офиса уважать те названия, которые жители дают своим городам.

Личная рекомендация премьер-министра
Серийный № М 387/5 А
Форин-офис

1. Правило «А» совершенно неприемлемо для меня. Я не считаю необходимым менять названия городов, известные нескольким поколениям англичан, чтобы потакать прихотям живущих там иностранцев.

Если у названия нет особого значения, нужно следовать местному обычаю. Однако ни в коем случае нельзя отказываться от Константинополя, а для тупых людей можно написать в скобках после него «Стамбул». Что же касается Ангоры, давно известной нам по ангорским кошкам, я буду всеми силами препятствовать ее деградации до Анкары.

2. Кстати, необходимо отметить, что тех людей, которые меняют названия своих городов, неизбежно преследует злой рок. Судьба воздаст по заслугам тем, кто порывает с традициями и обычаями прошлого. Пока мое слово что-то значит, Анкара недопустима, разве что в скобках и после. Если мы не будем это отстаивать, через несколько недель нас попросят, чтобы Леггорн стал Ливорно, а Би-би-си будет произносить «Париж» как «Пари». Иностранные названия созданы для англичан, а не англичане для иностранных названий. Я датирую эту рекомендацию днем святого Георгия.

УСЧ

23.4.45

Посмотрите на дату: немцы еще сражаются, британские солдаты еще гибнут — а он находит время, чтобы продиктовать юмористическую рекомендацию о названиях мест.

Впрочем, коллеги были порою признательны ему за это орлиное зрение. Когда ему показали фотографии макетов британских линкоров в Скапа-Флоу, он заметил странность: рядом с ними не было чаек. Немцы могли раскусить обман. Так что вокруг разбросали достаточно корма, чтобы привлечь птиц, — а немцы, по-видимому, были одурачены.

Эта неутомимость была совершенно необходима — в 1940 г. Черчилль определил судьбу нации. Он решил, что Британия должна сражаться, ему способствовали его харизма и сила личности. Но ему необходимо было продолжать тянуть машину в нужном направлении, он был тем силачом, который тащит «Боинг-747» по взлетной полосе, тем буксиром, который изменяет курс су-

пертанкера. Как сказал один из его помощников: «Зачатие идей, упорство в воплощении предложений, побуждение командиров к атакам — все это было проявлением той пылающей взрывной энергии, без которой громадная машина военного времени, как военная, так и гражданская, не могла бы столь неуклонно двигаться вперед, преодолевая множество неудач и трудностей».

Конечно, он не сделал бы этого без вас — я имею в виду вас, секретаря юных лет, — вы сейчас снова на посту и пишете под диктовку. Неотъемлемая составляющая триумфа Черчилля — его способность превратить окружающих людей в личный рой, его «фабрику», как выражался он. В целом фабрика была замечательным местом работы. Если он и бывал порою раздражителен и нетерпелив, он также мог быть добрым и любящим по отношению к тем, кто помогал ему, оказывая поддержку, когда они заболевали, и оплачивая счета врачей.

Эта фабрика была необходима ему для обработки огромного количества данных, она наделяла его знанием деталей. А владение деталями позволяло ему видеть большую картину. Причина, по которой он был столь заметен во время долгого и несчастного сползания в войну, состояла в его знании фактов. Он понимал реалии фашистской Германии и интуитивно предвидел угрозу человечеству со стороны нацизма.

Порою говорят, что его мнение в свое время не принималось во внимание, потому что он так часто был не прав в прошлом. Но мне кажется, что это утверждение надо оспорить. Да, он совершал ужасные ошибки, но, даже исследуя его деятельность до Второй мировой войны, можно высказать доводы, что Черчилль был в большей мере прав, чем не прав.

Играя в рулетку с историей

Мысль об этом невыносима. Уинстон Черчилль многократно оказывался в сложных положениях, из которых еле-еле уносил ноги, но, когда он согласился подождать в кафе мюнхенского отеля, он не имел ни малейшего представления о том, насколько это было рискованно. Еще чуть-чуть — и он мог попасть на inferнальный снимок: это рукопожатие оказалось бы губительным для его дальнейшей репутации.

В июле 1932 г. он приехал в Германию, чтобы побывать на месте сражения при Бленхейме, это добавило бы красок в его жизнеописание Мальборо. Он остановился в Regina Palast, одном из самых роскошных отелей города, — волею судеб там же разместится Невилл Чемберлен вместе со своей злосчастной делегацией, когда приедет на саммит 1938 г.

По улицам Мюнхена уже проходили парады фашистских юнцов, в том числе неподалеку от отеля. Вообразите коричневые кожаные шорты, колышущиеся бедра, ритмичные марширующие оркестры, красные флаги с черными свастиками, развевающиеся на ветру. Представьте сияющих девушек в дирндлях¹, разносящих пенное пиво в глиняных кружках по биргартену² при отеле,

¹ *Дирндль* — женский национальный костюм немецкоговорящих альпийских регионов.

² *Биргартен* (нем. Biergarten) — пивная на открытом воздухе.

их белокурые волосы завиты вокруг ушей в причудливые кондитерские формы.

А теперь добавьте Черчилля с его живыми глазами и озорным любопытством, он следит за всем из открытого окна, поглощает, пытается разобраться. Его сын Рандольф, журналист, также участвует в поездке, он хочет разузнать о нацистах и уже познакомил отца с любопытным малым по имени Эрнст «Путци» Ханфштенгль. Этот Путци был высоким неуклюжим предпринимателем, наполовину американцем, наполовину немцем, возрастом около сорока пяти. Он учился в Гарварде и отлично говорил по-английски. Как и Франклин Делано Рузвельт, он состоял в клубе «Заварной пудинг»¹, где развил свой музыкальный талант. Он был автором нескольких знаменитых гарвардских песен.

Путци был словоохотлив, сардоничен, любил пошутить, носил костюм из твида и галстук-селедку, который по моде того времени достигал лишь середины его рубашки. Он входил в нацистскую верхушку и был приближенным Адольфа Гитлера, являясь для него своего рода международным спин-доктором.

Как-то вечером Уинстон, Рандольф и Путци Ханфштенгль сгруппировались рядом с пианино. Неизвестно, подпевал ли Черчилль, энергично и немелодично по своему обыкновению, но ему наверняка понравилось, что Путци знал многие из его любимых мелодий. В заключение этого приятного концерта Путци завел рапсодию о Гитлере и его успехах по возрождению Германии.

Черчилль немедленно спросил об антисемитизме Гитлера. Путци постарался развеять опасения собеседника. Как позднее написал Ханфштенгль: «Я постарался выразиться как можно мягче, говоря, что проб-

¹ «Заварной пудинг» — театральное общество Гарвардского университета.

лема состояла в наплыве восточноевропейских евреев и в избыточном представительстве их единомышленников в ряде профессий».

Черчилль хмыкнул и сказал: «Передайте вашему боссу, что антисемитизм хорошо стартует, но не выдерживает темп». Это выражение применяется на скачках. Его употребление было вежливым, аристократическим способом заявить, что, избивая евреев, Гитлер ставит не на ту лошадь.

А почему бы Черчиллю не встретиться с Гитлером, предложил Путци. Это было бы легко организовать. Ведь Гитлер приходит в этот отель каждый день в 5 часов. Они могли бы установить личные отношения за парой кусков шварцвальдского торта. Путци был уверен, что Гитлеру будет «очень приятно» встретить компанию англичан.

Естественное журналистское любопытство Черчилля было разожжено — а Рандольф наверняка напрашивался на такую встречу. Впоследствии Черчилль написал в мемуарах: «В то время у меня не было национальных предрассудков против Гитлера. Я мало знал о его доктрине или биографии и ничего не знал о его характере».

Два дня Черчилль и Рандольф ждали, то в американском баре, то снаружи в биргартене. Становится жутковато от мысли, что нашему герою пришлось караулить, словно корреспонденту-стрингеру, в мюнхенском отеле, надеясь на аудиенцию человека, который был на четырнадцать лет его моложе, а в грядущем станет заклятым врагом.

Представьте, что они встретились. Черчилль пополнил бы обескураживающий список британских парламентариев и аристократов, запечатленных с лидером, ставшим универсальным олицетворением зла для будущих поколений. Галифакс, Чемберлен, Ллойд Джордж, Эдуард VIII — все они совершили этот промах.

(Единственным человеком, победоносно вышедшим из этой ситуации, был парламентский помощник Черчилля Боб Бутби. Услышав страдающее мегаломанией приветствие «Хайль Гитлер!», он ответил логически верным способом: «Хайль Бутби!»)

Приди Гитлер в то кафе при отеле или в бар, Черчиллю пришлось бы выказать себя если не радушным, то по крайней мере вежливым, — а как воспринималось бы это в 1940 г.?

Интересна причина, по которой Гитлер не пришел. Он встречался со множеством других людей в Мюнхене. Он, к примеру, околдовал Юнити Митфорд и даже оплатил ее чаепитие. Почему бы ему не пообщаться с человеком, известным всей Англии, занимавшим в разное время важные государственные посты, с тем, у кого была внушительная репутация по части международных отношений?

Перед тем как Путци ушел договариваться о важном знакомстве, он попросил Черчилля предложить что-нибудь для затравки. Были ли у англичанина вопросы, которые могли бы лечь в основу их дискуссии? Да, сказал Черчилль. Он вернулся к беспокоившему его пункту.

«Почему ваш начальник призывает к насилию над евреями? — спросил Черчилль Путци Ханфштенгля. — Я вполне могу понять, если кто-то злится на евреев, совершивших прегрешения или выступающих против страны, я могу понять сопротивление им, если они пытаются монополизировать какую-либо сферу деятельности, но какой смысл быть противником человека только из-за его рождения? Разве кто-нибудь может повлиять на свое рождение?»

С этими безукоризненно либеральными, гуманными и подлинно черчиллевскими чувствами в его памяти Путци пошел к фюреру и ничего не достиг.

«Какую роль играет Черчилль? — с издевкой спросил фюрер. — Он в оппозиции, и никто не обращает на него внимания».

На это Ханфштенгль возразил: «Но люди говорят то же самое и о вас».

Я полагаю, что Гитлер решил не встречаться с Черчиллем не только потому, что считал его выдохшимся, капут и финито. У Гитлера уже сложилось мнение, и ему не нравился этот шумный, самоуверенный англичанин, который был так ревностен в отношении демократии и непостижимо щепетилен в отношении антисемитизма.

Гитлер не появлялся в отеле Regina Palast, пока компания Черчилля не выехала оттуда. Во второй раз в истории эти двое были недалеко друг от друга, но так и не встретились — первый относится к 1916 г., когда оба находились в окопах, разделенные какими-то несчастными несколькими сотнями метров. Разумеется, впоследствии Гитлер неоднократно посылал предложения Черчиллю на публичную встречу, но она была бы выгодна нацистам, и Черчилль всегда отказывался.

С самого начала кошмара в Германии, еще до того, как Гитлер стал рейхсканцлером, Черчилль заметил зло в сердцевине нацистской идеологии. В формулировке вопроса, который он задает Путци, есть что-то просто-душное: «Какой смысл быть противником человека только из-за его рождения?» В последующие месяцы и годы недоумение Черчилля превратилось в негодование.

В то время как мода на нацизм упорно процветала в некоторых кругах британского общества, Черчилль все более резко выступал против жестокого обращения Гитлера с меньшинствами. Ему помогло то, что он побывал в Германии. Он впитал в себя атмосферу: он своими глазами видел колонны молодых мужчин и женщин, здоровых, загорелых, наполненных реваншистским возбуждением.

23 ноября 1932 г. Черчилль выступил с пророческой речью перед парламентом. Он отметил, что «крепкие тевтонские юнцы, отрядами марширующие по улицам и дорогам Германии, горящие желанием пострадать за фатерланд, стремятся вовсе не к положению в обществе. Они стремятся к оружию». А когда у них будет оружие, предсказывал Черчилль, они используют его для возврата утраченных территорий. Франция, Бельгия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия — все они под угрозой. «Военная ментальность» укоренялась по всей Европе. Черчилль объявил, что пришло время сказать британскому народу правду об опасности. Британцы сильные, крепкие люди, они выдержат это. Разумеется, другие называли Черчилля паникером и разжигателем войны.

Но шесть лет спустя с жестокой очевидностью стало ясно, что Черчилль был прав в своем анализе. Этим был в значительной мере обусловлен его авторитет в 1940 г. — с самого начала он принял верное решение о Гитлере. Черчилль поставил все на коня по кличке Антинацизм, он сделал ставку рано, когда жеребец не слишком нравился остальным, и она впечатляюще оправдалась.

В какой-то мере все политики — игроки на поле событий. Они стараются предугадать, что случится, хотя бы оказаться «на правильной стороне истории», стремятся представить свое суждение в выгодном свете. В 1902 г. Черчилль заметил, что политику необходимо «умение предсказать, что произойдет завтра, на следующей неделе, в следующем месяце, в следующем году. А потом им понадобится умение объяснить, почему это не произошло».

Черчилль любил ставить на карту свою репутацию так же, как он любил всякую рискованную деятельность — летать на самолете, ехать вдоль линии фронта в Малаканде, ползти по «ничьей земле». Это давало ему

возможность проверить свой эгоцентричный тезис, что он особенный, что каким-то образом пули просвистят мимо, что его ангел-хранитель или добрый дух парит рядом, что госпожа Удача на его стороне и безоглядно влюблена в него. Он делал ставки на игорных столах Довиля и Ле-Туке. Один из его секретарей описал, как Черчилль выпрыгнул из такси и устремился в казино Монте-Карло с развевающимся подолом рубашки — вскоре он вышел из игорного заведения, и денег лишь хватало, чтобы вернуться на поезде.

Никакой другой политик не оказывался так часто в крайне рискованных положениях, никакой другой политик не был вовлечен в такое множество провалов, чтобы при этом не только уцелеть и делиться воспоминаниями о них, но и преуспевать вопреки им. Удивительно, что к тому времени, когда он прохлаждался в мюнхенском отеле в 1932 г., у него оставалась хоть какая-то репутация, которой можно было рисковать.

Настало время посмотреть пристальнее на ужасную серию катастроф, которые по традиции считаются вехами в его карьере до 1940 г. Нам необходимо найти взаимосвязь между Черчиллем и этими событиями, степень его ответственности за них и то, насколько они в действительности были катастрофами. Первым в нашем списке стоит

«Антверпенский промах»

Иногда последующие поколения оказываются благосклоннее современников. В октябре 1914 г. немецкие армии поглощали страны Бенилюкса. Черчилль взял на себя обязанности по личному руководству обороной Антверпена — стратегического порта, настолько важного, что Наполеон однажды назвал его «пистолетом, нацеленным в сердце Англии». Позднее пресса испепе-

ляла Черчилля. The Morning Post заявила, что это был «дорогостоящий промах, за который мистер У. Черчилль должен нести ответственность». The Daily Mail писала о «вопиющем примере плохого управления, из-за которого было утрачено множество драгоценных жизней». А коллегам по кабинету министров казалось, что первый лорд адмиралтейства сошел с ума — он помчался в Антверпен и расхаживал там в плаще и морской фуражке, в то время как немцы бомбили все вокруг.

В один момент он обратился с просьбой рассмотреть возможность его выхода из кабинета министров и назначения на командующую должность. Он сказал Асквиту, что хочет быть генералом Черчиллем, — от этого предложения, по словам Асквита, его коллеги закатились неудержимым смехом.

В конечном счете Антверпен сдался, а тысячи британских военных попали в плен. Черчилль удрал в Лондон, где его ждал ледяной прием со стороны Клементины: он отсутствовал при рождении Сары, их третьего ребенка. Но была ли идея Черчилля настолько сумасшедшей?

Вспомните, что происходило осенью 1914 г. Немцы устремились к портам на Ла-Манше. Потеря Остенде и Дюнкерка обернулась бы катастрофой, ведь стало бы несоизмеримо сложнее организовать подкрепление войск во Фландрии. Цель антверпенской миссии была в том, чтобы убедить бельгийцев простоять около десяти дней, а выигранное время можно было бы использовать для защиты других портов.

На деле Черчилль продержался шесть дней. Но этого было достаточно. Другие порты были спасены. Давайте оценим «антверпенский промах» по десятибалльной шкале. Я бы сказал, что ФАКТОР ФИАСКО равнялся 2, так как в действительности имел место успех. А ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ был 9 из 10, ведь невозможно представить, что бельгийцы упорствовали бы без него.

Но теперь будет труднее подобрать слова защиты, ведь следующий пункт —

«Катастрофа в Галлиполи»

На первый взгляд одна из крупнейших неудач в войне, в которой было множество неудач. К концу 1914 г. траншеи простирались от Швейцарии до Ла-Манша. Черчилль пытался найти решение двух проблем: как использовать не задействованный в полной мере флот и как избежать бойни на Западном фронте. Куда же нанести удар? Сперва были размышления о Балтике, но там хозяйничали немцы. Затем он вспомнил о привлекавшей его концепции «мягкого подбрюшья». Черчилль захотел атаковать союзника Германии — Турцию.

Он решил использовать флот, чтобы протаранить Дарданеллы, узкий пролив между Средиземным и Черным морями, захватить Константинополь, вывести Турцию из войны, ослабить давление на Россию, привлечь Грецию, Болгарию и Румынию на сторону Антанты — и бинго! Мы можем даже представить, как палец Черчилля победоносно постукивает по карте, ведь Германии можно будет атаковать с двух сторон. Но дело не заладилось.

Операция завершилась в начале 1916 г. К тому времени потери Антанты составляли около 180 000 человек, при этом многие погибли от болезней на побережье Галлипольского полуострова, однако не было никакого продвижения к Константинополю.

В жертву было принесено столь много австралийцев и новозеландцев, что Галлиполи стал причиной глубокой народной обиды в этих странах, привел к их отчуждению от империи. Ирландским полкам был нанесен такой сильный урон, что это, по словам некоторых, подстегнуло борьбу за независимость. Черчилль был, по существу, уволен Асквитом в мае 1915 г. и находился в совершенном упадке.

«Я думала, что он умрет от горя», — говорила Клементина. «Со мной покончено», — стenal он. Неужели о Дарданелльской операции нельзя сказать ничего хорошего?

Что же, она была попыткой покончить с патовой ситуацией на Западном фронте. Черчилль сказал, что кто-нибудь должен был предложить альтернативу «жеванию колючей проволоки во Фландрии», — и в этом он был, конечно, прав.

Ему не повезло с адмиралами, ему не повезло с коллегами — особенно с лордом Фишером, пожилым первым морским лордом с лягушачьим лицом. Тот постоянно менял свое мнение, а потом пришел в неопишное негодование и прекратил несение службы в критический момент. Черчиллю не повезло, что он не мог контролировать выбор времени для операции или начать ее с необходимым напором.

Но, даже принимая в расчет невезение, мы вынуждены признать, что во всей концепции был изъян. Она исходила из ряда сильных предположений о том, что случится, если будет захвачен Константинополь, и о последствиях непредсказуемой балканской кампании. Черчиллю нужно поставить в вину его дикий сверхоптимизм.

На поверку корабли тонули, адмиралы были в смятении, люди умирали от пулеметного огня на побережье и от дизентерии, а Мустафа Кемаль стал героем турецкой нации за его роль в выпроваживании Британской империи. Нам не остается иного, как присудить Дарданелльской операции ФАКТОР ФИАСКО 10 и ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ 10, ведь без него она бы не началась. Она могла стать победоносной — если бы выпала длинная последовательность нужных карт, — но заволаживающая катастрофа убедила многих в том, что Черчилль не только склонен заблуждаться, но также совершенно неуравновешен в своем тщеславии, в желании лично поучаствовать в конфликте.

О бомбоустойчивости его это свидетельствует то, что в конце 1919 г. он занимался тем же, и этот эпизод его биографии известен как

«Русская халтура»

Черчилль доходил до совершенного неистовства в своей враждебности к коммунизму. Он считал его чумой, мором, духовным уродством. Он твердил о «мерзком бабуинстве» большевизма, и 26 ноября 1918 г., выступая перед своими избирателями в Данди, он сказал: «На громадных пространствах растоптана цивилизация, в то время как большевики прыгают и резвятся подобно полчищам свирепых бабуинов среди руин городов и трупов их врагов». Остается гадать, чем бабуины так не угодили Черчиллю.

Многие забыли, что первые два года после революции 1917 г. Ленин и Троцкий с трудом удерживали власть. Страна была наполнена контрреволюционерами, белогвардейцами, американцами, французами, японцами, чехами, сербами, греками и итальянцами, а также значительным количеством британских солдат — их бесшело подбадривал Черчилль из военного министерства.

После некоторой первоначальной осмотрительности он решил, что войну можно выиграть, и заверил крайне скептического Ллойд Джорджа в бегстве коммунистов. Опираясь на помощь британских офицеров, финансирование и содействие Черчилля, белогвардейцы брали новые рубежи. «Теперь ничто не может спасти большевизм или большевистский режим», — похвалялся Черчилль перед Ллойд Джорджем. Чтобы окончательно добить неприятеля, Черчилль намеревался снабдить британские войска свежей разновидностью — как вы правильно догадались — отравляющего газа. В октябре 1919 г. он был настолько переполнен энтузиазмом от продвижения антибольшевистских генералов, что чуть было сам не отправился в Россию.

Были куплены билеты, Черчилль намеревался приехать как реверс Ленина и возвестить о великолепии демократии. Однако затем, увы, все пошло не так. Троцкий организовал стремительное контрнаступление. «Я не допущу, чтобы меня побили бабуины!» — кричал Черчилль, но это и произошло.

Противники большевиков дали деру. Британские войска были позорно эвакуированы. Коммунистическая тирания началась всерьез. Бабуины ошалели.

Великий карикатурист Дэвид Лоу изобразил Черчилля как некомпетентного охотника на крупную дичь. «Он охотится на львов, но приносит домой лишь дохлых кошек», — гласила подпись. У четырех кошек были клички: Сидней-стрит, Антверпенский Промах, Катастрофа в Галлиполи и Русская Халтура.

Но применимо ли к работе Черчилля слово «халтура»? Он был так близок к успеху. Антибольшевистский генерал Юденич почти достиг Петрограда, Деникин шел походом на Москву. Если бы Черчилль мог обеспечить, как он намеревался, полнокровную поддержку военной операции, если бы Ллойд Джордж и министры не были так осторожны, он, возможно, и задушил бы коммунизм в зародыше. Тогда народы России и Восточной Европы избежали бы семидесяти лет тирании, не было бы ни ГУЛАГОВ, ни красного террора, ни убийств кулаков, ни массовых репрессий. Черчилль не добился успеха, но имел беспорное право на попытку.

Итак, русская экспедиция получает ФАКТОР ФИАСКО 5 и ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ 10. У него была правильная общая идея, чего не скажешь о следующем:

«Чанакский провал»

...чем он сумел свалить правительство, закончить политическую карьеру Ллойд Джорджа, принести в жертву Либеральную партию, к которой присоединился в 1904 г., и попутно потерять свое место.

В сентябре 1922 г. разгорелся кризис из-за того, что войска Мустафы Кемаля (Ататюрка) угрожали британскому и французскому гарнизонам на Галлипольском полуострове. Они были расположены в Чанаке, или Чанаккале, — городе, ближайшем к тому месту, где была древняя Троя. Премьер-министр Ллойд Джордж был противником турок и сторонником греков, он стремился развязать что-то вроде христианской войны против магометан. Он счел Чанаккале великолепным предложением, чтобы наподдать османам.

По не вполне понятным причинам Черчилль решил совершить разворот на 180 градусов: он заявил, что Ллойд Джордж прав. Это было странно, поскольку Черчилль, как и его отец, обычно поддерживал турок. Будет справедливо сказать, что Черчилль ни во внешней политике, ни в жизни не руководствовался какими-либо религиозными соображениями. Боюсь, все выглядит так, как будто истинной подоплекой желания сражаться с турками в Чанаккале было стремление отомстить за Дарданелльскую операцию, сгладить личный душевный шрам, что, конечно, не было хорошим мотивом.

К счастью, Ллойд Джордж и Черчилль умудрились все испортить, притом что момент был самый благоприятный. 15 сентября 1922 г. Черчилль выпустил зловеющий пресс-релиз, в котором заявил, что военные действия поддерживались Канадой, Австралией и Новой Зеландией, в действительности не уведомив правительства этих стран. Те были недовольны и не горели желанием послать еще людей, чтобы усугубить инспирированную Черчиллем бойню при Дарданеллах.

Пресса и общество были встревожены. Заголовок Daily Mail гласил: «Остановите новую войну!» — и он отражал преобладающее настроение. Терпение консерваторов в отношении Ллойда Джорджа и Черчилля по-

дошло к концу. Они встретились в клубе «Карлтон» и договорились лишить коалицию поддержки (тогда же был основан «Комитет 1922 года»). Эндрю Бонар Лоу заявил, что Британия не может быть мировым полицейским, Болдуин также поучаствовал в экзекуции.

Чанакский кризис был решен дипломатическим путем, но британское правительство пало, и Черчилль вылетел из него. Мы должны дать Чанаккале умеренный ФАКТОР ФИАСКО 4 и ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ 5, потому что он делил авторство с Ллойд Джорджем. Но политические последствия были сейсмическими.

Так что реабилитация Черчилля была удивительна вдвойне. Когда вы изучаете этот период — с 1922 г. по 1924-й, — вы чувствуете, что Черчилль был составной частью британской политики. Он был слишком значителен и не пошел ко дну вместе с крушением Либеральной партии, его нельзя было проигнорировать. Вскоре у него состоялось несколько бесед с Болдуином о возвращении в Консервативную партию, из которой Черчилль дезертировал двадцать лет назад. В ноябре 1924 г., едва заручившись поддержкой, Болдуин связался с сорокадевятилетним ренегатом и назначил его канцлером казначейства. Черчилль был совершенно ошеломлен, но согласился занять эту должность. «Труднее всего было убедить мою жену, что я не просто дразню ее», — говорил он.

Многие соглашались, что на канцлерство Черчилля — каковы бы ни были его достижения на этом посту — оказало пагубное воздействие

«Возвращение к золоту»

...по совершенно неправильному курсу. Теперь все признают, что эта ошибка была катастрофична. Стоимость фунта стерлингов была возвращена к довоенному уровню — 4,87 доллара, что означало переоценку.

Последствия этого для британской промышленности были фатальны. Экспортные товары стали слишком дороги, чтобы конкурировать на мировых рынках. Бизнес стремился снизить издержки, увольняя часть персонала или уменьшая заработную плату. Повсюду были забастовки, безработица, хаос, затем крах на выборах 1929 г. — но не было никакого спасения от изнуряющего режима золотого стандарта.

В конце концов пришлось отказаться от него и перейти на свободный курс фунта. Это случилось в 1931 г. после серии спекулятивных атак на международных валютных рынках — по тем же причинам фунт вышел из механизма валютных курсов (ERM) в 1992 г. Черчилль должен был отдуваться за катастрофу, и Джон Мейнард Кейнс написал обличение под названием «Экономические последствия мистера Черчилля». Да, это было его решение, и как канцлеру казначейства Черчиллю не избежать вины.

Мы только можем сделать несколько существенных смягчающих уточнений. Начнем с того, что сам Черчилль был инстинктивно против золотого стандарта. Он видел проблему, которую сильный фунт создавал британской торговле и промышленности. В феврале 1925 г. он высказался против плана: «Я бы предпочел видеть финансы менее гордыми, а промышленность более довольной». До того как принять решение, Черчилль разослал служебные записки своим чиновникам с просьбой разъяснить их поддержку золотого стандарта и был крайне недоволен расплывчатыми ответами.

Чиновники неопределенно говорили о «стабильности». Но как она могла помочь британским производителям, чьи товары не выдерживали ценовой конкуренции? Черчилль неоднократно цитировал слова Уильяма Дженнингса Брайана, которые тот использовал для

страстной критики золотого стандарта в 1896 г.: «Не возлагайте на голову Труда этот терновый венец, не распинайте человечество на золотом кресте».

Черчилль был совершенно прав. Беда заключалась в том, что его окружало множество умных людей, которые считали, что они разбираются в экономике, и находили золотой стандарт ужасно хорошей идеей. Наиболее самоуверенным из них был всегда тщательно одетый управляющий Банком Англии Монтегю Норман. Он говорил Черчиллю: «Я сделаю вас золотым канцлером». Норман не был одинок в своем заблуждении.

Его разделяли и Сити, и Лейбористская партия. Стэнли Болдуин сам полагал, что проще взять и перейти на золотой стандарт. Наконец Черчилль решил устроить званый обед в доме № 11 на Даунинг-стрит — это событие состоялось 17 марта 1925 г. и стало весьма знаменитым. Он пригласил на него Кейнса, чтобы тот изложил противоположную точку зрения. Увы, Кейнс простудился и был не в форме. Скептически настроенный Черчилль оказался в меньшинстве и нехотя уступил.

Речь идет о том, что он вернулся к золотому стандарту вопреки своему правильному мнению — а его мнение оказалось правильнее суждения всего воинства мнимых финансовых экспертов. Для тех, кто помнит недавнюю британскую монетарную историю, отмечу, что Маргарет Тэтчер оказалась в том же положении в 1989 г., когда она была сбита с толку (Найджелом Лоусоном и Джефффри Хау) и присоединилась к пагубному европейскому механизму валютных курсов.

И у Черчилля, и у Тэтчер были основания доверять интуиции в отношении монетарной смирительной рубашки фиксированных обменных курсов, однако они оба после долгого сопротивления уступили мнению «экспертов». Возвращение к золоту получает ФАКТОР ФИАСКО 10 ввиду последовавшего экономического

хаоса, но, разумеется, мы должны присвоить ФАКТОРУ ЧЕРЧИЛЛЯ не более чем 2, так как любой другой министр поступил бы так же без долгих размышлений. А размышления Черчилля были долгими.

Отчасти из-за экономической неразберихи, которой они поспособствовали, Черчилль и тори были снова изгнаны в 1929 г. Впервые лейбористы получили больше мест в парламенте, чем консерваторы. А Черчиллю предстояло провести более десяти лет «в глуши». Ему была нужна для преследования новая политическая лиса, ему требовалось сражаться за новое дело. И он вскоре придумал, как взбесить почти всех, включая руководство консерваторов во главе со Стэнли Болдуином. Из всех неверных позиций Черчилля наиболее плохо сегодня выглядит

«Неверная позиция по Индии»

Он поставил перед собой задачу противодействовать любым подвижкам к индийскому самоуправлению — сегодня его подход показался бы невообразимо покровительственным и реакционным.

У многих осталась в памяти его речь 1931 г., когда он осудил Ганди как «полуголого факира». Черчилль заявил, что это «тошнотворно», если зачинатель ненасильственного сопротивления одновременно вовлечен в организацию гражданского неповиновения и диалог с «представителем короля Великобритании и императора Индии» — то есть с лордом Ирвином (который впоследствии стал лордом Галифаксом и умиротворял Гитлера), как будто Ганди был неким террористом. Совершенно абсурдное замечание со стороны человека, который не стеснялся вести переговоры с вооруженными ирландскими националистами.

Черчилль предрекал кровопролитие. Он говорил, используя апокалиптические образы, о неспособности

индийцев к самоуправлению, о страданиях неприкасаемых и неизбежности межобщинных столкновений. Черчилль возглавил движение непримиримых империалистических романтиков — нестигаемых защитников британского господства в Индии и данного от Бога права каждого розовощекого англичанина сидеть на веранде и, прикладываясь к стаканчику, гордиться властью в этой стране.

Вежливая формулировка преобладающего мнения состояла в том, что Черчилль не вполне разбирался в происходящем. Все партии выступали за бóльшую индийскую независимость — такие настроения преобладали даже у тори. Чего же он добивался? Боюсь, его мотивы были не совсем чисты. Его, конечно, возмущала перспектива утраты Индии, что стало бы ударом по «prestижу» Британской империи, не говоря уже о потере экспортного рынка для ланкаширских тканей. В этом смысле его цели выглядели эгоистичными и шовинистическими.

Черчилль не был страстно влюблен в Индию — он не появлялся там с 1899 г., когда, будучи младшим офицером, он в основном занимался выращиванием роз, коллекционированием бабочек, игрой в поло и чтением Гиббона. Он не был особенным знатоком предмета. Выступая перед одним из комитетов палаты общин, он, как ни странно, ограничился общими местами, приукрашенными риторикой. Страшная правда состояла в том, что Черчилль был занят политическим позиционированием.

Он хотел сменить Стэнли Болдуина во главе Консервативной партии, заручившись для этого сдобренной карри поддержкой правого крыла консерваторов — а они не были высокого мнения о перебежчике и экс-либерале. Индия превосходно подходила для демонстрации сертификата реакционера. Он выступал

с длинными цветистыми речами на митингах, при этом — подобно нынешним сторонникам Партии независимости Соединенного Королевства — наслаждался тем, что его с единомышленниками считали полоумными маргиналами. «Мы — своего рода низшая раса, умственно неполноценная и преимущественно состоящая из полковников и других нежелательных лиц, сражавшихся за Британию», — похвалялся он.

Но стратегия провалилась. Акт об управлении Индией был принят. Лейбористское правительство с согласия консерваторов добилось предоставления большей независимости стране, которая сегодня считается крупнейшей демократией и локомотивом экономического развития. Черчилль был вытолкнут на периферию — события доказали его неправоту. Лучшее, что можно сказать, — то, что он принял поражение с характерным достоинством: в 1935 г. Черчилль в послании Ганди пожелал ему удачи: «Добивайтесь успеха, и, если это случится, я буду способствовать, чтобы у вас стало больше возможностей». Также необходимо помнить, что Черчилль не был полностью не прав в своих пророчествах: окончание британского правления в 1947 г. на самом деле сопровождалось ужасающим межобщинным насилием, при этом погибло около миллиона человек, а проблема кастовой системы сохраняется и сейчас.

Но это не может служить хорошим оправданием для политики, которая в наши дни представляется донкихотским ретроградством. Давайте дадим неверной позиции по Индии ФАКТОР ФИАСКО 5 и ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ 10.

В 1935 г. Стэнли Болдуин снова стал премьер-министром, однако Черчилль зашел слишком далеко в своей непокорности, особенно в отношении Индии, так что в кабинете министров ему места не нашлось. Но у Чер-

чилля по-прежнему оставались возможности для нанесения ущерба. Мог ли он найти другую кампанию, присоединиться к другому делу, чтобы снова очутиться в центре сцены? Мог ли он устроить еще один провал? Конечно мог!

«Кризис отречения короля»

Поздней осенью 1936 г. стало широко известно о том, что у короля Эдуарда VIII роман с разведенной американкой по имени Уоллис Симпсон. Сколь странным это ни покажется сегодня, такое поведение считалось непростительным. Набожный, попыхивающий трубкой Стэнли Болдуин был в тихом ужасе. Он решил, что король на самом деле может жениться на разведенке, но ему придется отречься.

Положение молодого монарха было отчаянным. Он чувствовал, как под ним трещит лед, что его царствованию может прийти конец. Ему был нужен тот, кто сумеет стать его проводником, у кого есть влияние и опыт в общественных делах. Он обратился — а к кому же еще? — к Черчиллю. Они были лично знакомы: король останавливался в Бленхейме, он и Черчилль хорошо ладили друг с другом, последний даже написал для него парочку речей.

Черчилль пообедал с королем в Виндзорском замке и впоследствии написал ему веселое письмо (возможно, будучи нетрезвым), в котором объяснялось, как уцелеть. В нем было также разумное замечание, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы покинуть страну. Черчилль стал неофициальным лидером «партии короля», и 8 декабря, отлично подзаправившись на какой-то англо-французской пирушке, он решил поделиться с палатой общин своими соображениями.

Сердцевиной дела, на его взгляд, были сердечные дела, а король все-таки был королем, и если у минист-

ров проблемы с миссис Симпсон, то уйти должны они, а не король. Увы, Черчилль неправильно истолковал настроение палаты общин. Его речь была заглушена криками возмущения: большинство парламентариев только что провели несколько дней, выслушивая сварливые пуританские бормотания своих избирателей.

Вопли стали настолько громкими, что в конечном счете Черчиллю пришлось сесть, недосказав подготовленные слова. Гарольд Никольсон заметил: «Вчера Уинстон потерпел крах в палате общин... За пять минут он уничтожил ту кропотливую восстановительную работу, которой занимался два года». Многие люди — даже его друзья — решили, что на этот раз с ним покончено. Давайте присудим кризису отречения ФАКТОР ФИАСКО 6 и ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ 10, хотя на современный взгляд победа в споре, разумеется, должна принадлежать Черчиллю.

Сегодняшнему электорату будет до лампочки, если их монарх решит жениться на разведенке (только подумайте, и престолонаследник, и его супруга ранее состояли в браке). Но тогда это воспринималось категорически не так. И снова Черчилль был списан: прогрессивный и сочувствующий образ мыслей был сочтен ультрамонархистским и подхалимским.

Ему исполнилось шестьдесят два, и он казался устаревшим, изнеможенным, большим эдвардианским морским существом, беспомощно колышущимся на гальке, извергающим что-то бессодержательное через свое дыхательное отверстие. Вряд ли кто-нибудь в этот момент допускал, что через три с половиной года он станет премьер-министром.

Давайте произведем обзор этого списка поражений — невероятно щедрого и впечатляющего для боевых заслуг любого политика. Что они говорят нам о

характере Уинстона Черчилля? Со всей очевидностью, у него было то, что называется характером. Любое из этих фиаско само по себе навсегда вывело бы из строя обычного политика. Но Черчилль не сдавался, и нужно отдать дань уважения его умению восстанавливаться. Он был словно покрыт кевларом, защищающим его это и боевой дух.

Ему помогало то, что он был экстравертом, имел врожденную склонность к самовыражению. Он не замыкался на своих неудачах и, за исключением Галлиполи, не терзал себя самобичеваниями. Он не позволил этим обильным и колоритным авариям повлиять на самовосприятие, да и можно сделать замечание о природной человеческой лени, благодаря которой люди судят вас, опираясь на вашу самооценку.

Он возвращался в строй так часто, потому что ему было во что верить. Некоторые раздражающие разговоры твердят, что, упусти Черчилль свой момент в 1940 г., он был бы записан в неудачники, стал человеком, достигшим немногого. Это нелепо.

Никакой современный политик не может сравниться с ним по свершениям: заложение основ государства всеобщего благосостояния, реформа тюрем, перевооружение флота, содействие победе в Первой мировой войне, труд на посту канцлера и так далее и так далее — при этом говорится только о периоде, когда он якобы был «неудачником», до Второй мировой войны. У него было множество инициатив и предприятий, неудивительно, что некоторые из них заканчивались крахом, но Черчилль возвращался в строй и после фиаско, ведь окружающие инстинктивно замечали глубинные основания, определяющие его поведение.

И дело не только в том, что часто можно указать на его правоту: в Дарданелльской операции был зародыш здоровой стратегии, советский коммунизм, несомненно, являлся варварством, золотой стандарт был навязан

вопреки его сопротивлению и так далее. Что вы можете заметить в классическом черчиллевском поражении, видите ли вы ключевое отличие от фиаско оканчивающего карьеру деятеля меньшего масштаба?

Вы догадались? Ни разу не возникало предположения — даже когда Черчилль выползал из-под дымящихся руин своей сдетонировавшей позиции, — что он был замешан в коррупции.

Не было ни малейшего намека на скандал. Никакая из катастроф не подвергла сомнению его порядочность. По всей видимости, он никогда не лгал, не обманывал, не был неискренним, не говоря уже о корыстной заинтересованности. Он вставал на свою позицию, потому что: а) находил ее правильной, б) полагал, что она поможет продвижению его карьеры. И не зазорно, что оба расчета совершались одновременно, ведь он думал, что его позиция политически полезна, поскольку она верна.

Он приходил к решениям не спонтанно, а после тщательных исследований и размышлений — и тот исключительный объем информации, который он пропускал через свои жабы, помогал ему плыть вверх по течению. В 1911 г., за три года до начала войны, он написал для комитета обороны империи длинный меморандум, в котором детально предсказал течение первых сорока дней конфликта — где и как отступят французы, на каком рубеже остановится продвижение немцев. Генерал Генри Вильсон сказал, что документ был «смехотворным и фантастическим — глупым меморандумом». Но каждое слово из него сбылось — с точностью до дня. Немцы потерпели поражение в битве на Марне на сорок первый день, после чего сложилась патовая ситуация. Черчилль не писал научную фантастику, пялясь в окно и грызя карандаш.

Он предсказал, что война продлится четыре года, в то время как другие заявляли, что она завершится до

Рождества. Впоследствии он отмечал недостатки Версальского договора. Черчилль правильно понимал положение вещей, потому что был информирован лучше других политиков. В середине тридцатых годов к нему приходили на секретные встречи, делясь сведениями, военные и чиновники, потрясенные политикой умиротворения, — Ральф Виграм и другие, — они отчаянно хотели, чтобы кто-нибудь забил тревогу о Германии.

Порою Черчилль знал больше, чем сам Болдуин, и один раз публично унизил премьер-министра своей лучшей осведомленностью о силе люфтваффе (Болдуин дал заниженную оценку количества самолетов у нацистов). Черчилль пристально следил за тем, что происходит в Германии. Начиная с 1932 г. он постоянно привлекал внимание парламента к преследованию евреев и предупреждал о порочности нацистской идеологии. Когда Гитлер получил 95 процентов голосов на референдуме в ноябре 1933 г., Черчилль сказал, что нацисты «объявляют войну славной» и «прививают детям такую жажду крови, которая беспрецедентна в образовании с варварских и языческих времен».

Все громче и громче бил он в набатный колокол, ведь он видел с ужасающей отчетливостью, что должно произойти. Он понимал, что представляет собой Гитлер, даже лучше, чем бедняга Путци Ханфштенгль, с которым Черчилль кутил в Мюнхене.

Поигрывающий на пианино спин-доктор поссорился с Геббельсом, Юнити Митфорд также донесла Гитлеру о его непатриотических замечаниях. В 1937 г. Путци получил испугавший его приказ: он должен был сесть на самолет и прыгнуть на парашюте над раздираемой гражданской войной Испанией. Далее ему следовало пробраться на территории, контролируемые республиканцами, и, работая там под прикрытием, помогать мятежникам генерала Франко.

Это походило на задание, с которого не суждено вернуться. Путци сделал, как было приказано, он предполагал, что будет расстрелян, если откажется. Самолет взлетел и отправился в Испанию, час за часом он та-рахтел в небе, а Ханфштенгль с парашютом сидел сзади, трясясь от страха.

Его пугал не только предстоящий прыжок. Даже при удачном приземлении его наверняка схватили бы испанские республиканцы — и разорвали бы на куски. Через некоторое время самолет приземлился из-за неполадки двигателя, и Путци обнаружил, что они по-прежнему в Германии. Они летали кругами.

Все это было жутким розыгрышем, организованным Гитлером и Геббельсом. Вполне понятно, что Путци решил навсегда порвать с нацизмом и сбежал в Англию, а потом перебрался в Америку. Черчилль сразу увидел то, чего личный спин-доктор Гитлера предпочитал не замечать, — фундаментальную жестокость режима.

Отличие Черчилля от других политиков в том, что он действовал, исходя из своего проникновения в суть явления. Он не только размышлял о происходящем, а старался повлиять на него. Многие просто следуют с потоком событий. Видят то, что кажется неизбежным, и пытаются сообразовываться с ним — а впоследствии селятся представить дела как можно лучше и поставить случившееся себе в заслугу.

У Черчилля было несколько непреложных идей о том, что **должно** произойти: сохранение Британской империи, укрепление демократии, поддержка британского «престижа» — и он использовал свою геркулесову силу для поворота потока событий, чтобы его направление соответствовало этим идеалам. Вспомните, как он чистил дно реки и строил плотину, чтобы найти часы, подаренные ему отцом.

козыри Звездных войн»¹. Он был лучшим по трудоспособности, риторическим навыкам, юмору, проницательности. Он превосходил их благодаря своей технической изобретательности и абсолютной отваге. Если вы когда-либо играли в эту замечательную игру, вы поймете, что я имею в виду, говоря о его самом высоком «факторе силы». Пришло время посмотреть, как Черчилль пользовался им в годы Второй мировой войны.

¹ «Главные козыри» (англ. Top Trumps) — карточная игра, появившаяся в 1968 г. Колоды этой игры были посвящены разным темам: машины, авиация, динозавры и так далее. На каждой карте был список числовых параметров, характеризующих ее.

Ледяная беспощадность

У французских моряков не было времени, чтобы разозлиться, — нескольких отпущенных им мгновений едва хватило бы, чтобы попрощаться с жизнью. Когда в 5:54 вечера 3 июля 1940 г. начался обстрел, из всех чувств преобладало полное неверие. Ведь это были британские корабли — те самые, появление которых утром они дружески приветствовали. Это были британские моряки, союзники — с ними вместе они были в отпуске на берегу в Гибралтаре и здорово там повеселились.

Ради всего святого, французы считали их друзьями, — но в течение десяти минут предполагаемые друзья осыпали их градом смерти: этот обстрел до сих пор считается одним из самых концентрированных в истории корабельной артиллерии. Первый залп был дан из 15-дюймовых орудий корабля Королевского флота «Худ» — в то время самого большого линкора. Снаряды весом в три четверти тонны, летя со скоростью 4000 км/ч, описали элегантные дуги в лазурном небе.

Освещение превосходное. Цели не двигаются. В целом условия идеальные. Затем к обстрелу присоединились другие британские корабли. Взрывы стали настолько оглушительными, что у французов хлынула кровь из ушей, — об этом потом рассказали выжившие. Линкоры Королевского флота «Вэлиент» и «Резолюшн» также стреляли из своих пушек.

Канониры тяжело трудились в опаляющей жаре, пот струился по их полуобнаженным телам, они вели и вели огонь, так что гигантские стальные стволы раскались докрасна. Артиллеристы быстро пристрелялись и начали метко попадать во французские суда. Поскольку незадолго до того британские самолеты сбросили у входа в гавань магнитные мины, французы ничего не могли поделать. Как вспоминал много лет спустя один британский матрос, «все походило на стрельбу по рыбе в бочке».

Очевидцы с французской стороны говорили о пелене пламени, об огненных шарах, падающих в море, о трупах без голов, о людях, настолько обожженных или изуродованных, что они обращались к своим товарищам с ужасающей мольбой «*Achève-moi!*» («Прикончи меня!»). Затем британский снаряд попал в артиллерийский погреб самого совершенного французского корабля «Бретань» — грохот мог сравниться с извержением Кракатау.

Грибовидное облако поднялось над гаванью, и через несколько минут супердредноут «Бретань» опрокинулся. Некоторые его моряки спрыгнули в злое море, пузырящееся как фритюрный жир, там они задерживали дыхание и плыли под водой, чтобы выбраться из-под горячей нефти. Большая часть экипажа утонула.

В тот безоблачный день 1940 г. британцы выпустили по укрепленной гавани Мерс-эль-Кебир рядом с алжирским городом Оран в общей сложности 150 снарядов. К тому моменту, когда их пушки смолкли, было сильно повреждено пять французских судов и одно уничтожено, погибли 1297 французских моряков. Произошло массовое убийство, и многие называли свершившееся военным преступлением.

Всю Францию охватило чувство негодования, нацистской пропагандистской машине почти не требовалось разжигать ненависть. В первый раз после битвы при

Ватерлоо британцы стреляли во французов с умыслом на убийство. Повсюду были плакаты с французским моряком, тонущим в огненной геенне, либо с британским лидером, предстающим в виде кровожадного Молоха. Отношения между Лондоном и новым режимом Виши были разорваны, и по сей день память о Мерсэль-Кебуре настолько токсична, что эта тема стала табу в британско-французских дискуссиях.

Адмирал Джеймс Сомервилл сказал, что если бы решение было за ним, то он никогда не отдал бы такой приказ. Британским морякам было невыносимо больно при виде того, что они сотворили, им не верилось, что предписания были именно такими. Поколениям французских школьников объяснялось, что распоряжение о массовом убийстве отдал один человек и смертоносный ультиматум написали его хлопотливые пальцы. Их учителя правы.

Когда на следующий день Черчилль пришел в палату общин, он ожидал, что будет атакован со всех сторон. Ведь он приказал использовать самую современную боевую технику против целей, беззащитных по существу, он велел открыть огонь по морякам, с которыми Британия не была в состоянии войны.

Как позднее признавался Черчилль, он «испытывал чувство стыда», когда поднялся для выступления перед заполненной до отказа палатой. Листки с его машинописными заметками дрожали в руке. Он дал полный отчет о событиях, которые привели к катастрофе. Он завершил речь словами о том, что предоставляет парламенту право вынести приговор его действиям: «Я выношу случившееся на суд нации и Соединенных Штатов, мира и истории».

После этого он сел, и произошло что-то необыкновенное. К его удивлению, не наступило осуждающей тишины, напротив, раздались возгласы поддержки. Члены парламента вскочили на ноги и размахивали листками

с повесткой дня, последовала сцена ликования, подобной которой палата общин не видела долгие годы.

Коллеги по кабинету сгрудились вокруг Черчилля и хлопали его по спине, что может показаться нам неестественным и бестактным откликом на смерть почти 1300 французов.

Среди этого ликования сидел Черчилль — сгорбленная фигура в черном пиджаке и серых брюках в полоску; он прикрыл подбородок руками, а по щекам текли слезы.

Чтобы осознать глубину трагедии, нужно понимать, насколько Черчилль любил Францию. Как однажды заметил его врач Чарльз Моран, «Франция — это цивилизация».

Черчилль вырос во время французской *belle époque*, его родители решили сочетаться браком в Париже, это был город огней и бесконечных развлечений, здесь он решил потратить свои выигранные деньги — на книги и «в прочих направлениях». Даже для англичанина, патриотичного в такой же степени, как и Уинстон Черчилль, не было ничего зазорного в признании превосходства французского качества жизни: вино, еда, элегантность замков, развлечения и стиль казино, удовольствие от купания на Лазурном Берегу и от попыток запечатлеть на холсте красоту природы. Французский был единственным иностранным языком, к изъяснению на котором Черчилль прилагал усилия. Впрочем, его чувства были глубже.

Черчилль верил в величие Франции, унижение ее армии было для него ужасным потрясением первых недель его премьерства — ведь когда-то ее полки вел в бой Наполеон, бюст которого покоился на столе Черчилля. Он сделал все от него зависящее, чтобы Франция продолжала воевать, он пытался пробудить мужество ее политиков и генералов. По мере того как новости становились все хуже и хуже, Черчилль четыре раза

слетал во Францию, он старался вдохнуть жизнь в унылое французское руководство с помощью своего решительного франглийского. Он рисковал жизнью, чтобы попасть туда.

Когда Черчилль возвращался из одной такой поездки, пилоту его самолета «Фламинго» пришлось резко изменить курс, чтобы избежать встречи с двумя немецкими самолетами, обстреливающими с бреющего полета рыболовные суда вблизи Гавра. Это было 12 июня, а через сутки с половиной французы снова позвонили и потребовали прибыть на срочную встречу в Тур. Черчилль приехал на аэродром Хендон, где ему сообщили, что взлет не может состояться из-за плохой погоды.

«К черту! — сказал шестидесятипятилетний авиатор. — Я полечу несмотря ни на что. Положение слишком серьезное, чтобы беспокоиться о погоде». Полетев в грозу, они в должное время прибыли в Тур — даже сегодня такое приключение было бы опасным, и Бивербрук с Галифаксом, которые сопровождали Черчилля в этой миссии, наверное, были сильно растрожены.

Взлетно-посадочная полоса была в воронках от недавней немецкой бомбардировки, а французская наземная команда не имела представления, кто к ним прилетел. Черчиллю пришлось объяснить, что он премьер-министр Соединенного Королевства и что ему необходим «voiture»¹.

Когда они добрались до префектуры, оказалось, что их там никто не ждет, они даже не были узнаны. Походив по коридорам, британская делегация отправилась в ближайший ресторан, чтобы подкрепиться холодным цыпленком и сыром. Бедный старина Галифакс: не думаю, что таков был его дипломатический стиль.

Наконец появился французский премьер-министр Поль Рейно, который с несчастным видом спросил, не

¹ Автомобиль (фр.).

освободит ли Британия Францию от обязательств и не позволит ли ей сдаться. Черчилль попытался в последний раз применить свою патентованную электросудорожную франглийскую терапию для поднятия морального духа распростертых французов. Ответной реакции не было.

Пациент испустил дух, и 14 июня немцы промаршировали по Елисейским Полям, высоко поднимая ноги. Во главе Вишистской Франции встал кривоzubый маршал Петен с ввалившимися глазами, абсолютный пораженец. Капитуляция была полной, французы упустили шанс продолжать сражаться в Северной Африке, и британцы с тревогой думали об их последующих шагах, в особенности о том, что случится с французским флотом.

Он был вторым по величине в Европе, уступая Королевскому флоту, но превосходя немецкие кригсмарине. Некоторые из французских кораблей отвечали самому передовому уровню и были лучше оснащены, чем британские суда. Окажись они в руках немцев, британским интересам был бы нанесен смертельный удар. И откровенно говоря, что могло помешать им оказаться у немцев? Все видели, с какой стремительностью гитлеровцы прорвали линию Мажино. Их танки могли угрожать повсюду.

Если Британия собиралась сражаться дальше, Черчиллю надлежало устранить риск, который представляли собой эти французские корабли. Имелось и дополнительное соображение. Если Британия твердо намерена сражаться, требуется показать всему миру, что у страны, возглавляемой Черчиллем, бойцовский характер, что Британия предпримет все необходимое для победы. Это было критично, ведь и дома, и за границей хватало скептиков.

Вспомните, сколь неустойчиво было его положение, как ему не доверяла Консервативная партия. Лидер

лейбористской оппозиции Джордж Лансбери подал в отставку, потому что был против войны. Схожих взглядов придерживались и многие другие по обе стороны палаты общин. Палата лордов была переполнена жующими стилтон капитулянтскими мартышками¹ — архиумиротворителями вроде лорда Брокета, маркиза Лондондерри, лорда Понсонби, графа Денби, а также герцога Вестминстерского по прозвищу Бендор. Последний, яркий и очаровательный персонаж, как-то заявил, что «война была частью еврейско-масонского заговора». В те дни премьер-министр от тори должен был обращать больше внимания на взгляды герцогов и графов.

Эти квазиквислинги были не одиноки. Ричард Батлер, в то время заместитель министра иностранных дел, сказал шведскому дипломату, что считает необходимым пойти на сделку — если Гитлер предложит подходящие условия. Даже предполагаемый союзник и приятель Черчилля Бивербрук был за переговоры для заключения мира. В столице, как всегда, находилось множество людей, предпочитающих делать деньги, а не идти на войну.

Были скептики и среди близких к Черчиллю должностных лиц, — наверное, это неудивительно, ведь многие из них до недавних пор работали под руководством Невилла Чемберлена. Личный секретарь Черчилля Эрик Сил брюзжал на своего начальника из-за его «проклятой риторики», он был одним из немногих людей, невосприимчивых к очарованию нового премьер-министра. «Позовите Сила², пусть он слезет со своих льдин», — бывало, говорил Черчилль.

Но хуже всего то, что сомневающимся хватало и в самой важной аудитории — в Белом доме и на Капито-

¹ Жующие сыр капитулянтские мартышки (cheese-eating surrender monkeys) — уничижительное прозвище французов, автор использует стилтон, английский вид сыра, для обозначения доморощенных пораженцев.

² Фамилия секретаря Seal буквально значит «тюлень».

лийском холме. Американские избиратели с подавляющим перевесом были против участия в войне — согласно опросу, в соотношении тринадцать к одному. Президент Рузвельт ранее обещал, что «не вовлечет» Америку в какой-либо европейский конфликт, он понимал, что если нарушит обещание, то поплатится за это на президентских выборах в ноябре 1940 г.

В наши дни многие консервативные американские политики ритуально обличают Невилла Чемберлена и его слабохарактерный отказ противостоять Гитлеру. Понятие умиротворения стало у них чем-то вроде бранного слова — с полным на то основанием. Но стоит вспомнить, что в мае и июне 1940 г., когда британцы в одиночку оказывали сопротивление режиму, со всей очевидностью являвшемуся расистской и антисемитской тиранией, некоторые сенаторы Соединенных Штатов не стремились прийти на помощь, по крайней мере не торопились с этим.

Американским военным министром был страстный изоляционист по имени Гарри Вудринг, который с 23 мая по 3 июня намеренно откладывал отправку морем в Великобританию военных материалов, списанных из-за переизбытка. Он настаивал, что эти товары нужно как следует разрекламировать, чтобы их мог купить кто угодно, прежде чем продавать их британцам. Как раз в тот момент британские солдаты умирали на побережье Дюнкерка, эта военная катастрофа была крупнейшей за век.

Сенатский комитет по иностранным делам блокировал продажу кораблей и самолетов, военное ведомство отказывалось передавать бомбы, за которые бедные французы уже заплатили, а сенатор по имени Дэвид Уолш сумел расстроить сделку, по которой британцы собирались купить двадцать торпедных катеров — они могли пригодиться ввиду угрозы морского вторжения нацистов.

Другие американцы, конечно, были полны сочувствия, среди них многие представители прессы и сам президент. Но Рузвельт был ограничен в действиях законами о нейтралитете и царившей в обществе атмосферой. Его нерешительность была также обусловлена понятной осторожностью. 15 мая — не прошло и недели, как он принял бразды правления, — Черчилль послал Рузвельту письмо, в котором просил о военной помощи в форме нескольких устаревших американских эсминцев.

Возможно, призыв был сформулирован недостаточно рассудительно. Черчилль просил, он умолял прислать эсминцы и завершил письмо скрытой угрозой: если Британия падет, то ничто не остановит Гитлера от конфискации всего британского флота и использования его против самих Соединенных Штатов. Отношения Черчилля и Рузвельта впоследствии стали ключевыми для хода войны, но при подготовке первого существенного послания за океан премьер-министр не предугадал, какотреагирует его корреспондент.

Рузвельт бегло прочитал сообщение и заключил из его упрощающего тона, сочетающегося с неистовым отчаянием, что Британия, возможно, идет по пути всех остальных европейских стран, а в таком случае зачем же посылать ей эсминцы, если их пушки могут быть обращены против США?

Черчилль непреднамеренно сыграл против себя, он усилил, а не ослабил обеспокоенность Вашингтона в отношении британского коллапса. И был еще один международный наблюдатель, известный своими сомнениями по поводу Британии и ее способности сражаться, — французский адмирал флота Франсуа Дарлан.

Этот Дарлан был вспыльчивым типом, он настолько разъярился от неадекватной, на его взгляд, помощи, которую Британия оказывала Франции, что стал безусловным англофобом. Как-то его пришлось долго успокаивать и напоминать, что он сражается с бошами, а не

с ростбифами¹. Он виделся с Черчиллем во время тех зловещих похоронных встреч в начале июня и заверял, что французский флот не достанется немцам. Но можно ли было верить слову Дарлана?

Даже если он был человеком чести и считал невозможным, что его корабли будут использоваться немцами, уже произошло множество событий, которые считались невозможными. Как только флот будет в досягаемости немцев, ничто не помешает им поднять на этих судах нацистский флаг. Черчилль не намеревался идти на такой риск.

Некоторые историки подвергли действия Черчилля резкой критике. В своем увлекательном исследовании Ричард Лэмб утверждал, что Черчилль был слишком жесток и порывист, что он должен был дать больше времени своим адмиралам для улаживания проблем с французами. По мнению Лэмба, Черчилль подчистил официальную историю после войны — воспользовавшись тем, что снова стал премьер-министром в 1951 г., — и, по существу, задушил критику своей «бойни».

Несомненно, Черчилль управлял всем процессом и словно бульдозер подталкивал события. Как только Франция пала, его стала преследовать мысль о риске, который представляли эти изящные по очертаниям, быстроходные и современные французские корабли. На заседании кабинета военного времени 22 июня Черчилль отмечал достоинства «Ришелье», «Жана Бара» и других судов. Он призывал разбомбить их или запереть в гаванях с помощью британских мин. Капитаны кораблей должны сдать, иначе будут считаться предателями.

Галифакс возглавил остальных членов кабинета и пытался успокоить Черчилля, заявляя: «Необходимо приложить усилия, чтобы переговоры привели к успеху». Но два дня спустя Черчилль снова взялся за старое.

¹ *Ростбиф* — французское прозвище англичан.

Вступило в силу перемирие между Германией и Францией, то есть последняя выбыла из войны. Как же поступить с этими проклятыми кораблями?

Но теперь и флотские начальники присоединились к кабинету, возражая против насилия по отношению к французам. Даже первый морской лорд сэра Дадли Паунд, обычно всецело поддерживающий Черчилля, сказал, что не может рекомендовать операцию против них.

Но Черчилль упорствовал словно бык, бодающий амбарные ворота. Британские адмиралы собрались на совещание в Гибралтаре, где также могли высказаться вице- и контр-адмиралы наряду с офицерами связи, прикомандированными к французским портам в Северной Африке. Хорошей ли была идея подготовки какой-либо операции против французского флота?

Нет, сказали эксперты, то есть люди, находившиеся непосредственно на месте событий. Даже угроза применения силы станет «катастрофичной» и, скорее всего, настроит французов против англичан. Но возражения были тщетными. Черчилль растоптал сомнения других с авторитарным безразличием. На данном этапе, как считает Лэмб, Черчилль поистине стал военным диктатором.

К 1 июля он заставил начальников штабов и министров разделять его точку зрения. Была начата операция «Катапульта» — по нейтрализации и, при необходимости, по затоплению французского флота. Черчилль полностью проигнорировал, что французы старались изо всех сил выполнить то, что считали своими обязательствами. Они затопили корабли и подводные лодки во французских портах, а оставшиеся вывели из немецкой зоны оккупации. «Ришелье» и еще 24 судна отплыли из Бреста в Марокко, «Жан Бар» покинул Сен-Назер, другие корабли вышли из Лорьяна.

Фактически ни одного французского судна не осталось в немецкой зоне оккупации, и все же Черчилль

считал, что «любой ценой, идя на все риски, так или иначе мы должны обеспечить, чтобы французский флот не оказался не в тех руках, не использовался для сокрушения нас и других».

До перемирия британцы заверяли французов, что будет достаточно, если французский флот уйдет в Северную Африку или в Тулон, который был вне немецкой зоны. Но теперь коварный Альбион снова отступался от своего слова.

3 июля британская эскадра под командованием Джеймса Сомервилла приблизилась к Мерс-эль-Кебиру, и французские матросы были заинтригованы — они решили, что вскоре вместе выйдут в открытое море и будут сражаться с немцами. Затем в небе появились британские самолеты и сбросили мины у входа в гавань. У французов появились подозрения.

На переговоры с французским адмиралом Марселем Жансулем был отправлен британский посланник. Сперва Жансуль отказывался встретиться с ним, полагая, что общение с простым капитаном было ниже его достоинства, но капитан Холланд по прозвищу Хуки все же сумел передать ультиматум Черчилля.

Французам предлагалось либо затопить корабли, либо отправиться на них в британские порты или в Вест-Индию, иначе им предстояло готовиться к последствиям. Время тянулось, а напряжение нарастало. Хуки Холланд раскачивался на катере в окружении французских судов. Наконец в 14:42 Жансуль дал знать, что готов принять британскую делегацию для «уважительного обсуждения». В 16:15 Холланд поднялся на борт французского флагмана «Дюнкерк», и дело сдвинулось с мертвой точки.

Жансуль показал приказы Дарлана, из которых следовало, что, если немцы попытаются захватить корабли, он должен либо отплыть в Америку, либо затопить их.

«Если бы мы знали об этом ранее, положение было бы совсем другим», — сказал Холланд. Жансиль выразил готовность пойти дальше и разоружить свои корабли, хотя это являлось бы выходом за рамки инструкций. Но было уже поздно.

Дарлан выслал морское подкрепление. Когда оно придет, было неизвестно. Открывалась перспектива полномасштабного сражения между британским и французским флотом. Черчилль послал короткую телеграмму: «Заканчивайте дело быстро». Судьба моряков была решена. Начался обстрел.

Как позднее сказал Черчилль: «Выбор был ужасен, он был подобен лишению жизни собственного ребенка ради спасения государства». Решение Черчилля, во всей его ледяной логике, было на 100 процентов правильным.

С какой стороны ни поглядеть, французы должны были признать, что они уступили свое право на корабли немцам. В лучшем случае флот стал бы дополнительным аргументом в переговорах с нацистами, но от него все равно пришлось бы отказаться. Лэмб утверждает, что немцы хотели лишь «контролировать» французский флот, придавая этому слову значение «проверять» или «наблюдать» — как в «Ausweiskontrolle»¹.

Это, конечно, неправдоподобно. Немцы захватили Париж, их сапог стоял на горле Франции. В конечном счете они заставили бы французов предоставить им право полного распоряжения этими кораблями. Французские гарантии ничего не стоили, и это надо понимать. Дарлану и его адмиралам следовало усмирить гордость, отказаться от притворной автономии и сделать то, что предлагал Черчилль, — отплыть в британские порты или к Карибским островам. Поступи так Дарлан, он стал бы героем.

¹ Проверка документов (нем.).

Обязанностью Черчилля как премьер-министра было устранение любой угрозы независимости страны. И он был прав, проявив беспощадность в Мерс-эль-Кебуре, потому что на следующей неделе началась Битва за Британию.

В то погожее лето британцы задирали головы и следили за одной из решающих битв в мировой истории. Самолеты сражались в небе над Южной Англией, и их конденсационные следы были теми знаками, которыми писалась судьба мира. Британцы видели закопченных немцев, ковыляющих по их садовым дорожкам, и находили обломки самолетов на пригородных улицах.

Они наблюдали за тем, как их защитники из Королевских ВВС демонстрировали чудеса высшего пилотажа, порою сбивая неприятеля, а порою терпя крушение — тогда со страшным взрывом самолет превращался в искореженную грудку металла. Так продолжалось неделя за неделей, и все понимали, что́ стоит на кону: воздушная атака была прелюдией к полномасштабному вторжению в Британию. Были все основания полагать, что эта цель станет очередной в гитлеровском маршруте завоеваний.

Некоторые склонны утверждать, что Черчилль преувеличивал угрозу вторжения, чтобы укрепить национальную сплоченность и получить поддержку страны. Я не думаю, что это так. Черчилль считал угрозу настолько реальной, что в июне 1940 г. он посещал стрельбище в Чекерсе, практикуясь со своим револьвером и винтовкой Манлихера. Он отслеживал приливы, чтобы понять, когда могут появиться немцы.

Deutsche Allgemeine Zeitung пророчествовала 14 июля, что Лондон повторит судьбу Варшавы и превратится в пепел. 19 июля Гитлер выступил в рейхстаге, предложив Британии выбор между миром и «бесконечными стра-

даниями и невзгодами». Он выработал план: десантная операция, названная им «Морской лев», предполагала морское вторжение на южное побережье по нескольким направлениям.

Если бы Гитлер завоевал господство в небе и на море, он, несомненно, начал бы эту операцию. У побережья Голландии было собрано 1918 барж, и, сумеет Гитлер переправить войска через Ла-Манш, неизвестно, оказывала ли бы Британия долгое сопротивление. Ее армия была разбита при Дюнкерке, в стране не было укреплений и резервных позиций.

На протяжении 900 лет никому не удавалось вторгнуться в Британию успешно. И Лондон был не только самым большим и раскинувшимся городом Европы (огромной толстой коровой, как говорил Черчилль), но и наименее защищенным. Единственные из уцелевших крепостных стен были построены римлянами и не очень-то хорошо сохранились.

По стратегическим соображениям Гитлеру настоятельно требовалось атаковать Британию — чтобы вывести ее из игры до похода на восток и нападения на Россию. Еще в июле 1940 г. очертания и динамика войны были понятны Уинстону Черчиллю — так же ранее он предсказал ход Первой мировой войны.

«Гитлер должен организовать вторжение или потерпеть неудачу. Если он потерпит неудачу, ему придется идти на восток, и его ждет крах», — сказал Черчилль в Чекерсе 14 июля. Безошибочное и четкое видение большой картины подсказывало ему: если Британия выдержит, если Британия будет упорствовать, Гитлер проиграет, потому что даже нацистская военная машина не могла вести войну на два фронта одновременно.

Благодаря Черчиллю — и в критические моменты благодаря ему одному — Британия упорствовала. Очевидно, было нечто магическое в его руководстве в то лето. Со своей поэтической, временами шекспировской

манерой выражаться он наполнял людей благородными и возвышенными помыслами, и они верили: то, что делается сейчас, важнее и лучше всего, что они делали когда-либо в прошлом.

Черчилль мысленно соединял идеи английской идентичности и свободы, хорошая погода способствовала ему, ведь нет ничего более привлекательного, чем Англия в июне. И возможно, эта мягкая красота обостряла те чувства, к которым взывал Черчилль: угроза должна быть отражена и ради этого острова стоит сражаться и умирать. Благодаря Черчиллю люди представляли себя небольшой группой героев — вроде горстки пилотов Королевских ВВС, — сражающейся против тирании вопреки всем трудностям. Это была история, идущая от Фермопил до Роркс-Дрифт¹, — вечная и вдохновляющая история противостояния немногих многим.

В состоянии подпитанного адреналином оживления британцы достигали удивительных свершений. Я сумел найти только один период за последние 120 лет, когда промышленное производство в Британии превзошло немецкое, — и это было летом 1940 г. Британия произвела больше самолетов, чем Германия, и к осени сумела выпроводить люфтваффе. Геринг сделал фатальную ошибку, направив основной удар своих истребителей и бомбардировщиков на города Британии, а не на аэродромы Даудинга².

Немцы так легко могли победить. Были вечера, когда все самолеты, имевшиеся в британском распоряжении, находились в воздухе, отчаянно стараясь сдерживать натиск неприятеля. Если бы Геринг господствовал в небесах, десантный флот смог бы спокойно пересечь Ла-Манш, и эта армада стала бы еще более угрожающей

¹ В сражении у Роркс-Дрифт 140 британцев вступили в бой с 4000 зулусов.

² *Даудинг Хью* (1882–1970) — главный маршал авиации, руководивший в 1936–1940 гг. истребительной авиацией Британии.

и смертоносной, а уверенность Гитлера возросшей — при добавлении тех самых французских военных кораблей.

Немецкий флот приобрел большой опыт в норвежской кампании. Увеличившись за счет французского, он мог стать непобедимым. То, что устроил Черчилль в Мерс-эль-Кебуре, на самом деле являлось бойней, но она была необходима. Это было страшное и просчитанное деяние военачальника из степей Средней Азии, насаживающего черепа на шесты.

Именно им и стал Черчилль — военачальником. Он руководил военными действиями и направлял их так, как это было бы немыслимо для современного демократического политика. Он делал для Франции все, что было в его силах, вплоть до капитуляции, прилагая усилия и после нее. Он заставлял своих генералов посылать туда людей и вооружения спустя долгое время после того, как стало очевидно, что игра окончена. Его даже обвиняют за бессмысленное растраниживание 51-й хайлендской дивизии, многие военнослужащие которой были убиты или захвачены в плен, за трату времени и энергии на попытку создать редут вроде астериксовского против нацистов в Бретани.

После того как Франция пала, Черчилль сделал единственно возможное логическое заключение. И настоящая трагедия состоит в том, что ни адмирал Жансульт, ни Дарлан не видели, как радикально изменился их мир. Мне кажется, я понимаю, почему палата общин была так воодушевлена этим гнетущим и во многом отвратительным кровопролитием.

Отчасти это было вызвано тем, что Британия наконец проявила воинственность после года смятения, хаоса и эвакуаций — от Норвегии до Дюнкерка. Британские вооруженные силы «выиграли» хоть что-то, не важно, сколь односторонним было состязание и как фальшива победа.

Гораздо важнее: члены парламента могли заключить из события, что человек, которому они неохотно доверили управление страной, как никто другой, обладает свойством боевой беспощадности. Ни у какого другого политика не хватило бы духу и уверенности сделать подобное. И парламентарии неожиданно увидели, как Британия может победить.

Вот почему они размахивали своими повестками дня. И послание, которое Черчилль посредством Мерсэль-Кебира отправил Вашингтону, все еще не желающему предоставить устаревшие эсминцы, состояло в следующем: Британия не собирается сдаваться и готова сделать все, что потребуется.

Черчилль заключил свою речь об Оране в палате общин словами о том, что он выносит случившееся «на суд нации и Соединенных Штатов», и вторая аудитория была ключевой. Сын Дженни Джером знал, что бессмысленно надеяться на окончательную победу, если он не вовлечет ради нее родину своей матери.

Обхаживание Америки

С самого начала своего премьерства он знал, что надо делать. Рандольф Черчилль засвидетельствовал, как 18 мая 1940 г. зашел в спальню отца в здании адмиралтейства. Премьер-министр стоял перед раковиной и брился старомодной бритвой Valet.

«Садись, дорогой мальчик, и почитай газеты, пока я не закончу бритье». Я так и сделал. Через две-три минуты кромсания он повернулся вполоборота и сказал: «Мне кажется, я знаю, как прорваться». Изумившись, я уточнил: «Ты имеешь в виду, что мы можем избежать поражения?» (это представлялось правдоподобным). «Или разбить ублюдков?» (это казалось невероятным).

Он бросил бритву Valet в раковину, развернулся и сказал: «Конечно же я считаю, что мы можем разбить их».

Я: «Что же, я всецело за, но не вижу, как ты можешь сделать это».

Тогда он вытер лицо, посмотрел на меня и энергично произнес: «Я втяну Соединенные Штаты».

Не обращайтесь внимания на речи, хотя они и были превосходны. Выделите его стратегические решения, не все из которых теперь выглядят безупречными. Если вы хотите понять, благодаря чему он победил в войне, присмотритесь, как Черчилль подольщался и упрашивал Вашингтон, как тонко, но со всей очевидностью он манипулировал приоритетами Соединенных Штатов.

Он использовал дипломатический прием, старомодный и непредсказуемый, словно сам Черчилль. Этот прием называется очарованием, и в нем заключался секрет успеха Черчилля. Пользоваться им было нелегко, порою казалось, что он вовсе не работает.

Давайте продвинемся на год вперед: к первой встрече Черчилля и Рузвельта во время войны. Эта встреча состоялась 10 августа 1941 г. в отдаленной и малонаселенной местности — в заливе Плацентия вблизи острова Ньюфаундленд. Два величественных боевых корабли сходятся друг с другом в краю скал, туманов и сосен. Ландшафт не изменился с тех времен, когда в Северную Америку прибыли первые европейцы. Это современный вариант «Поля золотой парчи»¹ — властители явились на переговоры.

На одном корабле — адмиралы и генералы, возглавляемые прикованным к инвалидной коляске президентом Соединенных Штатов. Они привезли в дар окорока, лимоны и другие деликатесы, недоступные в Лондоне военного времени.

На другом корабле — взволнованная компания британцев, руководимая Уинстоном Черчиллем. Они привезли в кладовых девяносто упитанных куропаток и лакомства из магазина Fortnum & Mason. Находясь в путешествии, Черчилль прочитал подряд три книги о Хорнблоуэре², — наверное, он был вправе так поступить, ведь его военные варианты были исчерпаны.

Британцы прибыли на место встречи слишком рано. Они забыли перевести часы на американское время, так что снялись с места и на небольшой скорости

¹ «Поле золотой парчи» — место мирных переговоров Генриха VIII Английского и Франциска I Французского в 1520 г.

² Хорнблоуэр — вымышленный персонаж книг С. С. Форестера, британский морской офицер эпохи Наполеоновских войн.

поплавали вокруг, прежде чем вернуться на randevу. И вот с британского линкора «Принц Уэльский» спускается катер.

Если мы посмотрим на дошедшую до нас хронику, мы увидим американцев, ждущих на палубе крейсера «Огаста». Вот Рузвельт, которому помогли принять вертикальное положение, и он кажется чрезвычайно высоким.

Внизу начинается движение — прибыли британцы. Они поднимаются по трапу, а вот и Черчилль. Как только он показывается на сцене, от него невозможно отвести взгляд.

На нем короткий двубортный китель и морская фуражка, надетая набекрень, из-за чего он слегка похож на подвыпившего автобусного кондуктора. Он единственный человек с сигарой во рту, его рост заметно меньше, чем у окружающих, — все прочие прямые и натянутые в своих галунах, он же кажется более плечистым.

Черчилль сразу начинает заправлять хореографией происходящего подобно подвижному боксеру или профессиональному бальному танцору. Он представляет одного другому, салютует, пожимает руки, снова салютует, приветливо улыбается. И вот настал момент, которого он ждал на протяжении томительного девятидневного пересечения Атлантики, — рукопожатие с Франклином Делано Рузвельтом, президентом Соединенных Штатов. Их предыдущая встреча была в 1918 г.

Черчилль еще раз салютует кистью, и затем, стоя на некотором удалении (так, что Рузвельту приходится наклониться вперед, чтобы произошло соприкосновение), он протягивает свою удивительно длинную руку. Черчилль понимает, как много стоит на кону.

Война, мягко говоря, складывается не очень удачно. Для британских сухопутных войск это была история одного унижения за другим. Они были побиты

в Норвегии, вышвырнуты из Франции, изгнаны из Греции — особенно им досадно из-за утраты Крита, который был захвачен уступавшими по численности нацистскими парашютистами. Немецкие массированные бомбардировки Британии уже унесли жизни более чем тридцати тысяч гражданских лиц. Подводные лодки кригсмарине наносят большой ущерб судоходству и рыскают вокруг британских кораблей даже здесь, у побережья Канады.

Недавно Гитлер нарушил свое слово — в который уже раз — и вторгся в Россию. А если падет Россия (это кажется возможным), появится перспектива, что немецкий диктатор станет непререкаемым хозяином континента от Атлантики до Урала. Если так случится, Черчилля вынудят отойти от власти, а Британия, так или иначе, придет к договоренности с фашизмом.

Так что, когда Черчилль протягивает свою элегантную белую руку, он пытается ухватиться за единственный спасательный трос. И все же он никоим образом не выдает своего мрачного положения. Напротив, на его лице внезапно появляется улыбка, ребяческая, неотражимая.

Рузвельт улыбается в ответ. Они очень долго жмут друг другу руки, и никто не хочет отвести ладонь первым. Два следующих дня Черчилль будет продолжать установление доверительных отношений. Мы не знаем в точности, о чем они говорили на этой первой Атлантической конференции — прямом предке НАТО, но Черчилль наверняка стущал краски. Его задачей было усилить понимание общности судеб и, опираясь на зерно естественной предрасположенности Рузвельта, превратить США из отдаленного симпатизанта в полноценного боевого союзника.

На пути в Канаду Черчилль уже пытался создать соответствующее настроение. Он радостно телеграфировал Рузвельту: «Мы только что отплыли. 27 лет назад

в этот день гунны вступили в предшествующую войну. Сейчас мы должны как следует постараться. Двух раз будет достаточно».

Что? Мы?

Два раза?

Эти слова должны были показаться Белому дому несколько бесцеремонными. Никто в Вашингтоне не давал обязательств о вступлении в новую мировую войну, не говоря уже об отправке американских войск.

Черчилль усердно развивает идею двух наций, объединенных языком, идеалами, культурой. Не стоит ли им также иметь общих неприятелей? Утром в воскресенье проходит богослужение. С намеком перемешанные экипажи двух кораблей поют отобранные Черчиллем гимны, которые подчеркивают общее наследие двух преимущественно протестантских наций, объединенных против отвратительного — и в первую очередь языческого — режима. Они исполняют «Вперед, Христовы воины»¹ и «О Господи, защита наша вовеки»². В заключение звучит традиционный призыв о Божьей милости для тех, кто выходит на кораблях в море: «Для тех, кто в опасности на море»³. Присутствующие британские моряки знают об опасности на море все.

Несколько месяцев назад они участвовали в преследовании немецких кораблей «Бисмарк» и «Принц Ойген». Люди, поющие сегодня, видели, как линкор «Худ» (тот самый, который начал стрельбу при Оране) взорвался, превратившись в гигантский огненный шар.

¹ «Вперед, Христовы воины» (Onward Christian Soldiers) — английский гимн XIX в., слова Сабины Баринг-Гоулд, музыка Артура Салливана.

² «О Господи, защита наша вовеки» (O God Our Help in Ages Past) — английский гимн XVII в., основанный на псалме 90, слова Исаака Уоттса, музыка Уильяма Крофта.

³ «Для тех, кто в опасности на море» (For Those in Peril on the Sea) — английский гимн XIX в., вдохновленный псалмом 106, слова Уильяма Уайтинга, музыка Джона Дайкса.

Они были так близко к месту катастрофы, что им пришлось плыть среди обломков крушения, унесшего жизни 1419 офицеров и матросов. В «Принца Уэльского» также попали снаряды, и были убиты несколько его моряков. На палубах, по которым тогда струилась кровь, теперь стоят столы с куропатками.

В том и состоит послание Британии Америке: мы сражаемся и умираем, но мы-то выдержим, а вы?

Из уважения к обездвиженности Рузвельта оба лидера сидят рядом для песнопения и молитвы, Черчилль надел очки в черной роговой оправе, помогающие ему читать. Сотни людей стоят под гигантскими 14-дюймовыми пушками обреченного судна. Многие чувствуют комок в горле и слезы на глазах. Репортеры говорят друг другу, что являются свидетелями истории.

Наконец саммит завершается. Было принято коммюнике, торжественно названное «Атлантической хартией». Черчилль плывет по беспокойному океану назад в Британию, с собой он везет... а, собственно говоря, что?

Ужасная правда — ее он мастерски пытается скрыть от парламента и общества — состоит в том, что, несмотря на всю его искусную драматургию, ему, по существу, нечего предъявить.

Британский кабинет быстро одобрил «Атлантическую хартию». А американский конгресс не удосужился поглядеть на документ, не говоря уже о его ратификации. Военный атташе Черчилля Ян Джейкоб так отразил настроение тихого уныния, охватившее британскую делегацию на их обратном пути по серой Атлантике: «Ни один американский офицер не проявил малейшей заинтересованности в том, чтобы принять участие в войне на нашей стороне. Все они очаровательные личности, которые, по всей видимости, живут в мире, отличном от нашего».

Эндрю Скивиал, британский чиновник из Стоктона, засвидетельствовал, что он как будто «остался в подвешенном состоянии после завершения всего, со смутным ощущением недовольства». Британцы получили лишь 150 000 старых винтовок для своей кампании, но никаких американских войск — даже намека на возможность этого шага.

Когда мы оглядываемся назад, то кажется невероятным, что США потребовалось так много времени — два года и четыре месяца, — чтобы присоединиться к Британии в войне против Гитлера. На завоеванном континенте уже происходили задержания и убийства евреев, цыган, гомосексуалистов и других неугодных, причем это становилось систематическим.

Нацистская политика расово мотивированных чисток еще не была так широко предана гласности, как впоследствии, но она уже не являлась секретом. Как же американцы могли оставаться в стороне при всей своей чести и совести?

Для ответа на этот вопрос нужно поглядеть на него с другой стороны. Эта война еще не угрожала насущным американским интересам, она велась на далеком континенте. А в памяти еще была жива предшествующая мировая война, ставшая кровавой бойней и позором человеческого рода. Был хоть один политик, который мог убедительно объяснить матерям Канзаса, что их долг — послать сыновей на смерть в Европу? Причем во второй раз?

Начиная с предписаний самого Джорджа Вашингтона, руководящим принципом политики США было невмешательство в международные спорные ситуации. Многие американцы все еще негодовали из-за того, что Вудро Вильсон втянул их в Первую мировую войну, немало было и испытывавших скептицизм в отношении Британии, даже враждебных к ней.

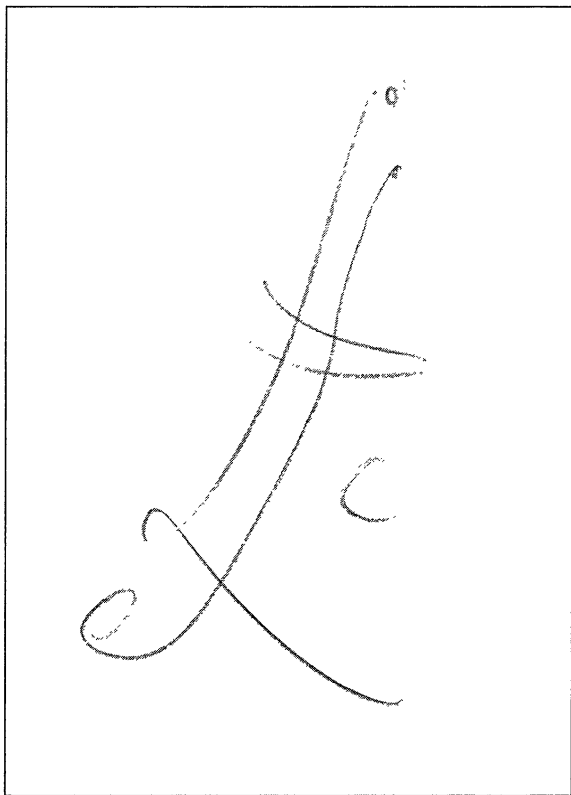
Сколь странным это ни покажется сегодня, многие считали британцев группой заносчивых империалистов, которые сожгли Белый дом в 1814 г. и обладали талантом убеждать других сражаться за них.

Кто же мог отстаивать противоположную точку зрения? Уж не тлетворный ли Джозеф Кеннеди, который был отозван в конце 1940 г., но успел нанести немалый урон репутации Британии? И явно не британский посол в Вашингтоне, которым стал не кто иной, как наш старый приятель лорд Галифакс, этот долговязый умиротворитель, охотившийся вместе с Герингом.

Галифакс был послан пробуждать лучшие чувства в Соединенных Штатах — и ему пришлось ужасно нелегко. Рассказывали, что в первое время после приезда он сажился в кресло и рыдал — в отчаянии из-за культурных различий. Он не мог понять неформальности американцев, их привычки говорить по телефону или неожиданно заходить для встреч.

В мае 1941 г. аристократический выпускник Итона испытал новые мучения, когда его привели на бейсбольный матч с участием клуба «Чикаго Уайт Сокс» и предложили съесть хот-дог. Он отказался. Впоследствии группа активисток под названием «Матери Америки» закидала его яйцами и помидорами, что выглядело ужасным наказанием даже для умиротворителя. Галифакс никоим образом не мог побудить американцев отвергнуть изоляционизм.

Это мог сделать только Черчилль. Во-первых, он был наполовину американцем, что, по мнению некоторых его английских современников, добавляло его характеру живость и, возможно, толику барышничества. Беатриса Вебб говорила, что он был скорее американским дельцом, чем английским аристократом. Во-вторых, он посещал Америку четыре раза до войны, и общая продолжительность его поездок составляла пять месяцев.

Предложенное Черчиллем
обозначение «товарного доллара»

Он познакомился со страной и стал глубоко уважать американцев, восхищаться ими.

Впервые он поехал туда в 1895 г. и остановился у друга своей матери по имени Бурк Кокран. Черчилль утверждал, что перенял у него риторический стиль. Черчилль снова побывал в Америке в 1900 г., когда выступал с лекциями об Англо-бурской войне. При этом ему пришлось столкнуться с трудностями, так как американцы посчитали его проповедником колонизаторской ментальности. Аудитории были разношерстными, и некоторые слушатели после рассказов Черчилля о собственном героизме выражали желание встать на сторону буров. Этот опыт мог повлиять на его подход 20-х гг., когда Черчилля приводили в ярость попытки Америки потеснить Британию как морскую державу, особенно в Карибском регионе. Когда Эдди Марш упрекнул его за империалистические взгляды, говоря, что он должен «поцеловать дядю Сэма в обе щеки», Черчилль ответил: «Да, но не во все же четыре»¹.

Его позиция стала настолько антиамериканской — как-то он даже высказывался о необходимости военного противостояния, — что, по словам Клементины, он лишил себя возможности стать министром иностранных дел. Третья поездка состоялась в 1929 г., когда он стал свидетелем биржевого краха (на его глазах один человек прыгнул с небоскреба). Понятно, что Черчилль был также огорошен сухим законом.

Один американский поборник воздержания заявил ему: «Хмельной напиток свирепствует и жалит, как змий». На что Черчилль ответил: «Я искал такой напиток всю свою жизнь».

Но решающая поездка состоялась в 1931 г., когда Черчилль лишился постов, а по политической принад-

¹ У английского слова cheek («щека») имеется и грубое значение — «ягодица».

лежности был сильно смещен к правому флангу. Он видел американский дух предпринимательства, то, как их лучшие люди идут в бизнес, а не в политику. Он осознал, что Америка близится к *il sorpasso* — обгону Британии и других европейских держав, становясь самой мощной экономикой. Черчилль понял, что мировое экономическое оздоровление зависит от американского развития и роста.

Антиамериканский Черчилль ушел в прошлое вместе с представлением о необходимости сдерживания конкурента. Теперь он начал формулировать новую доктрину — двух наций с общим прошлым и общими традициями, которые являются совладельцами патента на англосаксонские идеи демократии, свободы, равноправия перед законом и руководствуются этими идеями в своей жизни.

Так началась его неустанная поддержка «англизычных народов», а он, будучи англо-американцем, мог (естественно) быть олицетворением этого союза. Черчилль предложил единое гражданство. Он даже высказался за слияние фунта и доллара в одну валюту и придумал курьезный символ, объединяющий £ и \$.

Вот такой Черчилль начал добиваться благосклонности Америки в 1940 г. Тогда он находился в положении, хорошо известном каждому влюбленному представителю человеческого рода, которое мы могли бы назвать романтической асимметрией. Иначе говоря, взаимоотношения значили для него много больше, чем для Вашингтона.

Как позднее сказал Черчилль, никто не изучал прихоти возлюбленной так тщательно, как он изучал Франклина Рузвельта. Поскольку президент когда-то служил во флоте, Черчилль писал ему с использованием лестных выражений «как один бывший моряк другому». Он пользовался каждой возможностью, чтобы позвонить

в Белый дом. Черчилль начал привечать американских журналистов и приглашать их в Чекерс.

Он обращался в своих речах непосредственно к американской аудитории, ведь все больше жителей США слушали его по радио. Он закончил свою великую речь 4 июня 1940 г. прямым призывом:

Хотя значительные пространства Европы и многие старые и славные государства подпали или могут подпасть под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не падем духом и не покоримся. Мы пойдем до конца. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с укрепляющейся уверенностью и растущей мощью в воздухе, мы защитим наш остров, чего бы это ни стоило. Мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах высадки десанта, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, — мы не сдадимся никогда, и, даже если случится так — во что я ни на мгновение не верю, — что этот остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать от голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и охраняемая Британским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока в удобное Богу время Новый Свет, со всей его силой и мощью, не отправится для спасения и освобождения Старого.

Заметьте обращение Черчилля ко Всемогущему — и тогда, и сейчас Он является более значимым игроком в американской политике, чем в британской. Заключительные слова близки к формулировке, которую Черчилль использовал в концовке июльской речи об Оране: он выносит свои действия «на суд Соединенных Штатов».

Постепенно стал намечаться прогресс — но с большим трудом и издержками. Сначала была сделка «эсминцы взамен баз». Британия передала свои базы на Тринидаде, Бермудах, Ньюфаундленде и получила за них пятьдесят законсервированных эсминцев. Старые посудины

едва держались на плаву — в конце 1940 г. лишь девять из них находились в рабочем состоянии.

Затем американцы согласились продать некоторые вооружения, но условия законов о нейтралитете означали, что за это необходимо немедленно расплатиться наличными. В марте 1941 г. в Кейптаун был направлен американский крейсер, чтобы забрать последние имевшиеся у Британии 50 тонн золотых слитков, подобно тому как приставы забирают у должника телевизор с плоским экраном. Британские предприятия в Америке продавались по бросовым ценам. Когда Лондон начал протестовать, заявляя, что его резервы на исходе, американское правительство решило выяснить реальную платежеспособность Британии, что очень напоминает ситуацию, когда отдел социальных услуг обвиняет престарелого получателя льгот в сокрытии имеющихся средств.

Хотя Черчилль публично называл ленд-лиз, подразумевавший поставки взамен будущих платежей, «самым непостыдным деянием в истории», в частном порядке он говорил, что Британию ободрали как липку. По условиям соглашения американцы могли вмешиваться во внешнюю торговлю Британии, чем они и пользовались, прекратив импорт в Соединенное Королевство крайне необходимой консервированной говядины из Аргентины.

Закон о ленд-лизе продолжал препятствовать британскому праву самостоятельно регулировать коммерческую авиацию даже после окончания войны. Удивительно подумать, как этот якобы бескорыстный и непостыдный закон американского правительства повлек платежи, которые продолжались до — вы только представьте себе — 31 декабря 2006 г. В тот день мистер Эд Болс, который тогда был экономическим секретарем казначейства, выдал последний чек на 83,3 миллиона долларов (42,5 миллиона фунтов) и письмо с выраже-

нием благодарности правительству США. Была ли какая-нибудь другая страна столь безропотно скрупулезна в выплачивании военных долгов?

Порою утверждается: Америка забрала так много наличности из Британии на начальных стадиях Второй мировой войны, что эти ликвидные средства окончательно вывели США из депрессии. Заводные рукоятки американской военной машины первоначально раскручивались британским золотом, но, несмотря на множество выгодных для них условий, многие политики США в 1941 г., очевидно, считали, что сделка слишком щедра по отношению к британцам. Закон о ленд-лизе был принят в палате представителей 260 голосами против 165. О чем думали те 165 конгрессменов, которые отказывались бросить Британии дорогостоящий спасательный жилет? Хотели ли они наблюдать, как старая страна идет на дно? Правда в том, что некоторые из них чуть-чуть желали этого.

И Черчиллю было необходимо завоевать такую аудиторию. Но в конце того же года те же самые конгрессмены были готовы плясать под его дудку. 26 декабря 1941 г. конгрессмены и сенаторы переполнили зал заседаний, продолжительно приветствуя Черчилля до его выступления. Что заставило их передумать?

Всего лишь случилось нападение на Перл-Харбор, японская неспровоцированная агрессия, и сумасшедшее решение Гитлера объявить войну Америке несколькими днями позже. Это способствовало тому, что американский конгресс более тесно солидаризировался с Британией. Интересен также вопрос, почему фюрер решил пойти на то, что представляется колоссальной стратегической ошибкой. Почему он объявил войну Америке — ведь вполне можно было представить, что США воздержатся от вмешательства в европейский конфликт?

По-видимому, Гитлер решил, что Америка, по существу, уже принимает в нем участие на британской

стороне. К осени 1941 г. США помогали сопровождать конвои, их войска были размещены в Исландии, они занимались обучением и поставляли разнообразные материалы. Да, Черчиллю удалась та стратегическая миссия, которую он столь ясно объяснил Рандольфу восемнадцать месяцев назад. К концу 1941 г. Черчилль стал одним из самых популярных голосов американского радио, уступая только самому президенту. Хитростью, очарованием и откровенной лестью Америка была втянута в войну.

Через три дня после Перл-Харбора Черчиллю сообщили ужасные новости. Линкор «Принц Уэльский» был потоплен японскими торпедами у побережья Малайзии, погибли 327 человек. Были убиты почти все британские моряки, побывавшие в заливе Плацентия. Линейный крейсер «Рипалс» также затонул.

Именно Черчилль — и он один — принял решение, вопреки скептицизму флотского руководства, направить эти корабли на Дальний Восток. Никто не понимал цели задания, было непонятно, чего хотел достичь Черчилль с помощью «крепостей из стали», — возможно, правда состояла в том, что и не было никакой стратегической логики.

Черчилль, посылая британскую флотилию, похвалялся ее огневой мощью перед Рузвельтом: «Ни с чем не сравнимо обладание тем, что может схватить и убить все прочее». Корабли не могли схватить японские самолеты-торпедоносцы и погибли из-за бахвальства Черчилля. Цель была, несомненно, политической: снова показать американцам глубину британской решимости и размах области влияния. Но этот жест оказался сугубо бессмысленным: американцы уже участвовали в войне.

И все же Черчилль хотел гарантировать это со всей надежностью. Как только он услышал о Перл-Харборе, он позвонил Рузвельту и начал готовиться к поездке в Вашингтон. После встречи в заливе Плацентия Рузвельт

понял, что личность Черчилля чем-то схожа с детским аттракционом «надувной замок»: она постепенно расширяется и прижимает всех присутствующих к стенке. Президент предложил вместо Белого дома Бермуды, но Черчилль не хотел и слышать об этом.

На протяжении трех недель он был неугомонным личным гостем президента и миссис Рузвельт, за это время он умудрился предстать обнаженным перед хозяином Белого дома («британскому премьер-министру нечего скрывать от президента Соединенных Штатов»), перенести небольшой сердечный приступ и виртуозно разводить англо-американские сантименты. Кульминацией стало выступление перед обеими палатами конгресса.

Эта речь потрясающая. Он вызывает в памяти свою мать, цитирует псалмы, обращается к Богу, пародирует Муссолини, он бьет на эффект, используя восхитительные архаичные выражения. «Уверен я» говорит он вместо «я уверен», словно его устами вещает Йода¹. Черчилль протягивает руки, и слушающие встают. Он потрясает кулаками, ухватывается за свои лацканы, бросает огненные взгляды, сурово сдвигает брови, сжимает челюсти — делает все, на что надеялась аудитория.

«Немцы, японцы, итальянцы, — спрашивает Черчилль, — как они думают, что мы за народ?» Заметьте, что он говорит о едином народе американцев и британцев. «Сейчас мы вместе, — говорит он, — во второй раз за нашу жизнь длинная рука судьбы протянулась за Атлантику и выхватила США на передний край битвы». Только теперь длинная рука принадлежала не столько судьбе, сколько Черчиллю. Он осуществил трансатлантическое выхватывание.

Гарольд Макмиллан впоследствии написал: «Только он (и лишь используя исключительное терпение и мас-

¹ Йода — джедай из «Звездных войн».

терство) мог заманить американцев на участие в европейской войне».

Эти слова не кажутся мне чрезмерным преувеличением. Мир в основном обязан Франклину Рузвельту, который в конечном счете решил выделить американские деньги и кровь. Но я не вижу, как это могло случиться без Черчилля. Никакой другой британский лидер не поставил бы перед собой эту стратегическую цель — втянуть Америку — и не преследовал бы ее с таким неослабным рвением.

Тот, кто склонен критиковать Соединенные Штаты за столь длительную задержку их участия в войне, пусть придет на американские кладбища в секторе Омаха. Пусть он пройдет среди тысяч белых каменных крестов (и также встречающихся звезд Давида), которые с совершенной симметрией расположены на холмистых зеленых полях, и увидит имена павших и названия штатов: Пенсильвания, Огайо, Теннесси, Канзас, Техас — есть все штаты объединения. Сомневаюсь, что можно сдерживать слезы.

Я пишу спустя семьдесят лет после подвига самоотверженности этих солдат — его размах и отвага порою непостижимы для моего поколения. Они были правы, те американские конгрессмены, когда предупреждали о кровавых последствиях вовлечения в еще одну европейскую войну. Сомнения политиков были обоснованы, и именно Черчилль преодолел их.

Он позднее описал, как в ночь Перл-Харбора, «переполненный и насыщенный ощущениями и эмоциями, пошел спать и заснул сном спасенного и благодарного человека».

Он успешно достиг ключевой стратегической цели, но еще не одержал победы.

Гигант съездившегося острова

Король находился в состоянии возбуждения, граничащего с легкой паникой. Был поздний вечер пятницы, 11 часов, и по-прежнему никаких сообщений от его самого могущественного и в чем-то самого непокорного подданного. Король позвонил личному секретарю. Есть ли новости от Черчилля? Нет, совершенно ничего.

Приближалось 3 июня 1944 г., и до высадки в Нормандии теоретически оставалось два дня. Вся война зависела от этой десантной операции, самой большой и сложной в истории, судьба мира висела на волоске — а Черчилль был совершенно невозможен.

Шестидесятидевятилетний ветеран войн на четырех континентах настаивал еще на одной опрометчивой эскападе. Он собирался воспользоваться своим правом министра обороны, для того чтобы отправиться с кораблем Королевского флота «Белфаст» к побережью Нормандии и лично наблюдать за первыми обстрелами немецких позиций. Он не хотел находиться там на следующий день после вторжения или спустя два дня: Черчилль намеревался быть в первой волне кораблей и десанта, чтобы видеть, как вода взбаламучивается машинами и обагряется кровью, чтобы слышать, как взрываются снаряды.

Идея была сумасшедшей. Во всяком случае, так считал личный секретарь короля сэра Алан «Томми» Ласселс.

В первый раз он услышал о ней 30 мая, когда король вышел с завтрака, состоявшегося тет-а-тет с Черчиллем в Букингемском дворце. Премьер-министр сообщил о намерении сесть на британский легкий крейсер и наблюдать с него за происходящим. Король немедленно пожелал поступить так же, и Черчилль ничего не предпринял, чтобы его отговорить.

«Так не пойдет», — сказал Ласселс сам себе, но сначала пытался вести себя непринужденно. Он спросил у короля, будет ли это справедливо по отношению к королеве. Также потребуется дать совет молодой принцессе Елизавете по выбору премьер-министра — на тот вполне возможный случай, когда и глава британского государства, и глава правительства окажутся на дне Ла-Манша. А каково будет бедному капитану судна «Белфаст», добавил Ласселс, ведь ему придется беспокоиться о своих священных подопечных во время того, что наверняка будет inferнальной канонадой.

Гм, сказал король, ему не хотелось, чтобы его обвинили в такой эгоистичности. Он понял суть возражений. За несколько минут придворный сумел переубедить суверена. А как же Черчилль?

Ласселс быстро набросал письмо для короля, которое Георг VI послушно переписал собственной рукой и отослал на расположенную рядом Даунинг-стрит.

Мой дорогой Уинстон [обращается король (или Ласселс)],

я много думал о нашем вчерашнем разговоре и пришел к заключению, что будет неправильно ни для Вас, ни для меня присутствовать там, где мы собирались находиться в день начала операции. Полагаю, не нужно подчеркивать, что будет означать лично для меня и для всего дела союзников, если при этом случайная бомба, торпеда или даже мина устранил Вас с места событий; в равной степени смена суверена в этот момент была бы серьезным вопросом для страны и Империи. Я знаю, что мы оба должны страстно желать очутиться там, но я со всей серьезностью прошу

Вас пересмотреть свой план. Я предчувствую, что наше присутствие на корабле или кораблях будет в тягость сражающимся на них, что бы мы им ни сказали.

Итак, как я пояснил, вопреки своим желаниям я пришел к заключению, что для нас будет правильным оставаться дома и ждать, как обычно подобает тем, кто находится на вершине власти. Я очень надеюсь, что Вы также разделите мое понимание. Беспокойство предстоящих дней усугубится для меня, если я буду знать, что помимо всего существует риск, пусть и отдаленный, лишиться Вашего совета и помощи.

Верьте мне,
искренне Ваш,
*George R. I.*¹

Эlegantное королевское вето ничего не достигло. Черчилль продолжал ковать свои планы. На следующий день состоялось совещание в «комнате карт» правительственного бункера на улице Сторис-гейт. Адмирала сэра Бертрама Рамсея оторвали от дел и попросили объяснить королю и Черчиллю, как Черчилль мог бы поприсутствовать при высадке в Нормандии. Рамсей сделал все, что было в его силах, чтобы похоронить идею. Он сказал, что корабль подойдет к французскому берегу не ближе чем на 13 километров. Черчилль не сможет ничего увидеть и будет знать о происходящем меньше, чем те, кто остался в Лондоне.

Затем Рамсея попросили выйти из комнаты. Когда он вернулся, ему сообщили, что план изменился. Операция «УЧ» будет продолжена, причем вместе с королем. Рамсей взбесился, или, как выразился Ласселс в своем дневнике, «на это несчастный человек, что вполне естественно, отреагировал очень бурно».

К этому моменту Черчилль мог понять, что заполучить короля на борт будет очень трудно, поэтому решил

¹ R. I. — сокращение от Rex et Imperator, «король и император» (лат.).

отказаться от проигрышного дела. Он объявил «в своей самой пророческой манере», что ему потребуется одобрение кабинета министров на присутствие короля на крейсере «Белфаст», а он не может рекомендовать это. Черчилль продолжал брюзжать, и Ласселсу стало ясно, что премьер-министр по-прежнему намерен отправиться сам. Придворный не стал сдерживать ужас и неодобрение, отразившиеся на его лице.

Как выразился король: «Лицо Томми становится все длиннее и длиннее». Черчилль не обращал на это внимания, так что — с некоторыми затруднениями — Ласселс снова прервал разговор и обратился к королю:

«Я подумал, сэр, что вам не будет легче, если в разгар операции „Оверлорд“ придется искать нового премьер-министра».

«О, — сказал Черчилль, — об этом есть уже договоренности. Кроме того, я не считаю, что риск — сто к одному».

Затем Ласселс утверждал, что Черчилль поступает вопреки конституции: никакой королевский министр не имел права покидать страну без согласия суверена. Черчилль иезуитски возразил, что британский корабль «Белфаст» не мог считаться за границей, он был королевским крейсером. Ласселс сказал, что «Белфаст» выйдет далеко за пределы британских территориальных вод, но все было бесполезно. Это походило на попытку удержать слона за хвост.

Ласселс покинул встречу с ощущением, что «в этом случае его вздорность превратилась в полнейший эгоизм». Все были против: персонал на Даунинг-стрит, Паг Исмей, Клементина. Но Черчилля охватила абсолютная решимость: вдохнуть запах кордита, увидеть фонтаны соленой воды в море после взрывов снарядов и бомб вокруг него. Как поступить Ласселсу?

Он решил, что единственным возможным ответом было новое монаршее послание. Ласселс сел и напи-

сал черновик второго, более жесткого внушения короля Черчиллю.

Мой дорогой Уинстон,

я хочу обратиться к Вам еще с одним призывом не выходить в море в день начала операции. Пожалуйста, примите во внимание мое положение. Я моложе Вас, я моряк и как король руковожу всеми вооруженными силами. Ничего мне не хочется так, как быть на корабле, однако я согласился остаться дома; будет ли справедливо с Вашей стороны делать в точности то, что желал бы сделать я сам? Вчера днем Вы сказали, что будет замечательно, если король поведет свои войска в битву, как в старые времена. Но, если король не может так поступить, премьер-министру, наверное, не стоит занимать его место. Рассмотрите теперь Ваше собственное положение. Вы увидите мало, но пойдете на большой риск и будете недоступны в критическое время, когда, возможно, придется принимать важные решения. Кроме того, сколь бы Вы ни были малозаметны на борту, одно Ваше присутствие ляжет тяжелым грузом дополнительной ответственности на адмирала и капитана. Как я отметил в моем предыдущем письме, это безмерно усилит мое беспокойство, и Ваше отбытие без консультации с коллегами по кабинету поставит их в трудное положение, из-за чего они будут оправданно возмущаться.

Я прошу Вас самым серьезным образом рассмотреть этот вопрос со всех сторон, и пусть Ваши личные желания, которые я прекрасно понимаю, не приведут к тому, что Вы отойдете от собственного высокого стандарта долга перед государством.

Верьте мне,
Ваш искренний друг,
Георг R. I.

Спор теперь стал конституционным кризисом. Только один человек был в состоянии остановить Черчилля, и этим человеком был король. Для того чтобы настоять на своем, Георгу VI пришлось писать дважды и окончательно предупредить Черчилля, что он близок к нарушению всякого мыслимого кодекса верности: верности

BUCKINGHAM PALACE

June 2nd 1944

My dear Winston,

I want to make one more appeal to you not to go to sea on D day. Please consider my own position. I am a younger man than you, I am a sailor, & as King I am the head of all these Services. There is nothing I would like better than to go to sea but I have agreed to stay at home; is it fair that you should then do exactly what I should have liked to do myself? You said yesterday afternoon that it would be a fine thing for the King to lead his troops into battle, as in old days; if the King cannot do this, it does not seem

I ask you most earnestly to consider the whole question again, & not let your personal wishes, which I very well understand lead you to depart from your own high standard of duty to the State.

Believe me

Your very sincere friend
George R.I.

Письмо короля Георга VI Черчиллю

престолу, верности кабинету, верности вооруженным силам, верности самой Британии. Это сильные слова.

Наконец в субботу, 3 июня, Черчилль с ворчанием пошел на попятную. Он протестовал, что, как министр обороны, может отправиться на любое сражение по своему усмотрению и наблюдать за ним. Тем не менее он угрюмо согласился с ключевым пунктом Георга VI — что было несправедливо удержать монарха от поездки в Нормандию и затем отправиться туда самому, украв тем самым гром короля. «Разумеется, это сильный аргумент», — сказал Черчилль.

Данный эпизод проливает свет на нервную обстановку в правящих кругах накануне высадки в Нормандии, на непростые отношения между министрами и престолом — этот пример является одним из немногих в XX в., когда король явно пресек намерения премьер-министра. Посредством Томми Ласселса мы видим роль «их» — серых мандаринов и придворных, принимающих те решения, которые не способны принять политики (так продолжается и по сей день).

Но самый насущный вопрос состоит в том, почему Черчилль был так обеспокоен, отчего он был полон решимости оказаться на переднем крае битвы. Есть несколько очевидных ответов, и первый из них, разумеется, состоит в том, что Черчилль не был уверен в успехе высадки в Нормандии.

У нас есть преимущество последующего знания о том, что операции сопутствовала удача. Но в то время имелись определенные сомнения. Алан Брук полагал, что она может обернуться «самой жуткой катастрофой за всю войну». Роммель был в состоянии неожиданно укрепить район десантирования, с легкостью могла испортиться погода. Эйзенхауэр был полностью готов взять на себя ответственность за эвакуацию, если бы события обернулись против союзников.

К операции, сочетавшей воздушное и морское десантирование, союзники готовились несколько лет. Это была их попытка отвоевать назад континент. А у Черчилля был опыт рискованных десантных операций. Черчилль хотел находиться там, потому что его душу жгла память о Галлиполи, — а из всех угрызений совести тяжчайшим, обоснованно или нет, было то, что он не сумел лично присутствовать при Дарданеллах. Теперь у него появилась возможность изгнать тот позор, последовать примеру своего прославленного предка и лично повести свои войска в битву, показать всему миру, что он настоящий Мальборо, а не просто Мальборо лайт. Ему требовалось быть там, чтобы гарантировать, что войска не завязнут, как в Галлиполи и как это было на Западном фронте во время Первой мировой войны.

Далее, у него была еще одна причина взойти на тот корабль — этот мотив уже не удивит нас, и его определенно заметил Ласселс. Как написал личный секретарь короля, подытоживая историю в целом: «Король, по существу, пытался спасти Уинстона от самого себя, ведь действительными мотивами, вдохновляющими его выйти в море на корабле «Белфаст», была его неумная и крайне несвоевременная жажда приключений, а также, как это ни страшно подумать, его тщеславная, пусть и подсознательная, склонность к тому, чтобы сделать себя „материалом для первой полосы“».

В этом, я уверен, Ласселс воздал нашему герою должное. Черчилль заранее видел заголовки и фотографии — он стоит с невозмутимым видом на мостике, удерживает во рту влажную сигару и командует залпами 12-дюймовых пушек крейсера, словно дирижируя самой громкой и взрывной увертюрой в истории баллистики. Он знал, как это будет восприниматься, — человек, которому вверено рычать за британского льва, теперь исторгает артиллерийский рык, а не риторический.

Вот почему он сначала поддерживал идею, чтобы король стоял рядом на мостике, ведь это стало бы еще более захватывающей историей: британский монарх и премьер-министр, неустрашимые и не сломленные пятью годами войны, руководят отвоеванием материка. Это было тем «материалом для первой полосы», к которому он стремился, и в некоторой степени касалось не только Черчилля, его эго и достижений. Речь шла о Британии и ее положении в мире.

Во времена моей невинной юности я верил, что Британия «выиграла войну» не только с помощью русской самоотверженности и американских денег, но и благодаря героизму сражавшихся британцев. Я разглядывал комиксы «Коммандос», в которых мужчины в шерстяных шапках и с суперколоссальными предплечьями бросались на сжавшихся от ужаса немцев, из гигантских челюстей вылетал крик «Получи, фриц!», а из дул винтовок вырывались снопы огня.

Я прекрасно помню, как учился у утонченного преподавателя классической филологии, побывавшего в японском плену: он способствовал четкому представлению, что битва при Эль-Аламейне стала поворотным пунктом в войне. Монти¹ наподдал Роммелю, и с того времени Джерри² снова и снова получал взбучку. Поэтому я испытал определенное потрясение, когда спустя годы прочитал, что произошло на самом деле.

Оказалось, что битва при Эль-Аламейне в конце октября 1942 г. была не настолько поворотной для истории, как мне внушали. Более того, некоторые британские историки неучтиво называли ее «ненужным сражением».

¹ Имеется в виду Бернард Монтгомери, командовавший британскими войсками.

² Джерри — прозвище немцев.

Через несколько недель после нее должна была начаться операция «Факел» — десант союзных войск намеревался выгнать немцев из Северной Африки. По всей видимости, битва при Эль-Аламейне была не столько решающей военной победой, сколько необходимым политическим фиговым листком.

К осени 1942 г. послужной список Британии представлял фактически непрерывную последовательность ошибок, эвакуаций, катастроф и всесторонних поражений, которые часто наносились силами неприятеля, заметно уступающими по численности. Все выглядело так, словно страна начала выступать в премьер-лиге, имея репутацию «Манчестер Юнайтед», а играла как ФК «Танстолл»¹. «Я не могу добиться побед, — жаловался Черчилль, — именно побед добиться крайне трудно».

Это были не только Норвегия, Дюнкерк, Греция, Крит, где британские войска довели до совершенства маневр, который можно было бы назвать «заячьим» или стремительным бегством. 1942 г. был еще хуже, гнетущая серия фиаско началась на Дальнем Востоке, где были потоплены корабли «Принц Уэльский» и «Рипалс». Затем последовала капитуляция Сингапура, хотя Черчилль написал своим генералам четкое распоряжение сражаться до последнего человека и предпочесть смерть бесчестью.

Но они, подумав, решили проигнорировать совет Черчилля, бесчестье было заметно привлекательнее. Был оставлен Рангун. Рейды на Сен-Назер и Дьеп, прославленные в целях пропаганды, достигли не много и ценой больших потерь. Потом пал Тобрук — новость об этом была передана Черчиллю на розовом листке, когда он сидел рядом с Рузвельтом в Белом доме. Черчилль был крайне подавлен — ведь он снова лично

¹ Футбольный клуб «Танстолл» (Tunstall Town FC), выступая в низшем дивизионе, потерпел 143 поражения подряд.

отдал недвусмысленные указания, чтобы войска сражались до самого конца.

Опять британцы были наголову разбиты меньшими по численности немецкими войсками. Выдвигаются самые разнообразные объяснения этой не отвечавшей ожиданиям низкой эффективности Британии, ведь до того она считалась одной из самых свирепых и успешных военных держав, которые когда-либо видел мир. В своих замечательных размышлениях на эту тему Макс Гастингс не скупится на критику.

По мнению Гастингса, все генералы были на деле не бог весть что. Даже Монти не заслуживает места в ряду «величайших капитанов истории». Если военачальники не были попросту недалеки, они слишком часто были нерадивы и самодовольны. Они всячески избегали риска и испытывали сильную антипатию к кровопролитию. Отчасти это объяснимо, принимая во внимание память о Первой мировой войне, но заметно препятствует сражающейся стороне. А в широкой офицерской среде имелось предостаточно глупцов, которые пришли в вооруженные силы, считая их теплым местечком, способным обеспечить более легкую жизнь, чем у предпринимателя, ведущего собственное дело.

Уровень вооружения не отвечал стандарту, по крайней мере, оно уступало немецкому, а также существовало ужасное подозрение, что у британцев в целом нет того огня в груди, как у их неприятелей. Макс Гастингс выразился так: «Многие британские офицеры осознавали, что у их солдат из гражданских нет той воли и приверженности, которую ежечасно демонстрируют немцы и японцы». Или как довольно неприятно кричал Рандольф во время совещания на Даунинг-стрит в 1942 г.: «Отец, беда в том, что твои солдаты не хотят сражаться!»

Верно это или нет — а подобный вердикт находился в явном противоречии с бесчисленными героическими поступками британских военных, совершенными по

всему миру, — но важно то, что многие думали именно так. Отсутствие британских успехов стало причиной замешательства дома и насмешек за границей. В июле 1942 г. в Америке был проведен опрос общественного мнения о том, какая страна наиболее способствовала победе в войне: 37 процентов ответили — США, 30 процентов — Россия, 14 процентов — Китай, и лишь 6 процентов были высокого мнения о Британии и ее усилиях.

Разумеется, это было источником желчи и горечи для Черчилля, которому смысл государственной деятельности представлялся в укреплении престижа Британии и Британской империи. После капитуляции Сингапура Черчилль политически пребывал в низшей точке за все военное время, возможно, он даже задумывался об отставке. Его разочарование отразилось в словах, сказанных вслед за сингапурскими событиями: «У нас было много людей, так много людей. Мы должны были лучше проявить себя». Когда он услышал о падении Тобрука, то заявил: «Поражение — это одно, а позор — совсем другое».

Его это стало неразрывно связано с британскими военными успехами, идентифицировалось с ними — тем легче было соперникам изводить Черчилля. «Он выигрывает дебаты за дебатами, но проигрывает сражение за сражением», — жестоко сказал лейбористский парламентарий Эньюрин Бивен в палате общин. И в самом деле, общественная обеспокоенность усилилась настолько, что положение Черчилля у себя в стране стало довольно шатким.

Когда в августе 1942 г. Черчилль поехал в Москву на встречу со Сталиным, чтобы объяснить, что второй фронт не будет открыт в том году, советский лидер безжалостно насмехался: «Вы, британцы, боитесь сражаться. Вы не должны считать немцев сверхлюдьми. Рано или поздно вам придется воевать. Нельзя победить в войне, не сражаясь».

То, что эти слова говорил Сталин, было особенно отвратительно. Ведь именно он способствовал нацистской агрессии 1939 г., одобрив пакт Молотова — Риббентропа и поделив Польшу с Гитлером. Сталин был настолько потрясен и напуган последовавшим предательством Гитлера, начавшим операцию «Барбаросса» и вторгшимся в Россию, что на пять дней заперся на даче. Само собой разумеется, что Черчилль был гораздо более храбрый и великий человек. Все же такие слова ранили — и оскорбления становились более мучительными из-за содержавшейся в них частицы правды.

Когда она наконец пришла, победа под Эль-Аламейном, британская репутация была спасена и политическая угроза Черчиллю ослабла. Ему больше не нужно было опасаться — как это ни покажется невероятным сегодня, — что Стаффорд Криппс сменил его на посту премьер-министра. Терзающий сарказм Эньюрина Бивена был приглушен. Британское общество получило победу, которой оно страстно желало. Однако истина была несомненна: по мере продолжения войны Британия значила все меньше и меньше.

В 1940 г. нация была в одиночестве — окруженный паладин с поднятым знаменем свободы. Но в 1944 г. вклад Британии составлял лишь малую долю общих усилий союзников. Американцы давали деньги, а русские продолжали суровое дело умерщвления немцев — 750 000 только в Сталинградской битве. И Черчилль видел свое назначение в том, чтобы утвердить право Британии на уважение самыми разнообразными способами, подобно тому как в боксерскую перчатку подкладывается свинец для состязания в более тяжелой весовой категории.

Это объясняет его любовь к саммитам и поразительные маршруты во время Второй мировой войны. Сэр Мартин Гилберт подсчитал, что между сентябрем 1939 г. и ноябрем 1943 г. Черчилль пропутешествовал

178 000 километров, проведя 792 часа в море и 339 часов в воздухе, значительно превысив показатели любого другого лидера. Мы видим его необыкновенную энергию в этих поездках: человек почти семидесяти лет сидит на чемодане в холодные предрассветные часы на аэродроме в Северной Африке, в то время как его экипаж пытается разобраться, куда им лететь. Мы видим, как он подпрыгивает в негерметичных грузовых отсеках бомбардировщиков, его кислородная маска приспособлена для неизменной сигары. Бывало, что самолеты, на которых летал он, подбивались впоследствии на тех же самых маршрутах.

Утром 26 января 1943 г. он прибыл в британское посольство в Каире как раз к завтраку. К изумлению жены посла, он попросил стакан холодного белого вина. Алан Брук записал, что

«...был принесен бокал, который он осушил не отрываясь, затем облизал губы, повернулся к Жаклин и сказал: „Уф, хорошо, но вы знаете, я уже осилил два виски с содовой и две сигары этим утром!“ А время было чуть за 7:30. Мы путешествовали всю ночь в неудобных условиях, преодолев расстояние в 2300 миль в полете, продолжавшемся 11 часов, часть его прошла на высоте, превышающей 11 000 футов¹, а он был во всей красе, как новенький, выпив вина после двух предшествовавших виски и двух сигар!!»

В то время как Гитлер и Сталин были готовы прятаться в бункерах, Черчилль мог пойти на все, чтобы оказаться в центре событий. Вот почему он хотел заманить короля вместе с собой на тот корабль: показать всему миру — и в первую очередь американцам, — что с Британией и Британской империей по-прежнему нужно

¹ 2300 миль = 3700 км, 11 000 футов = 3,4 км.

считаться, потому что он и король, будучи воплощениями империи, лично отвоевывают континент. Руководствуясь тем же мотивом, он настаивал, чтобы британцы и канадцы составляли половину тех значительных сил вторжения, и хотя операция возглавлялась американцами, которые в основном и участвовали в боевых столкновениях, их союзники также не были обделены славой.

Когда он наконец оказался в Нормандии — на шестой день после начала операции и с согласия короля, — то настоял, чтобы его судно «всадило снаряд» в немцев. Капитан с радостью согласился, и должным образом был дан залп в направлении, где предположительно находились нацисты. Это действие являлось довольно абстрактным, но Черчилль пришел в радостное возбуждение. Он стал первым лордом адмиралтейства в 1911 г. — но еще не стрелял с корабля.

Казалось, что он стремился преувеличить военные достижения Британии, принимая в них личное участие, накачивая вклад страны собственным присутствием и авторитетом. В августе 1944 г. он отправился наблюдать за высадкой десанта в Сен-Тропе и в том же месяце очутился в Италии, где сам стрелял из гаубицы в направлении Пизы. Он участвовал в пикнике в итальянском замке, который обстреливали немцы, находившиеся на расстоянии 500 метров.

В декабре 1944 г. он начал личную миссию по спасению Греции от коммунизма — в чем преуспел — и дал пресс-конференцию в Афинах под звуки артиллерийского огня. Весной следующего года Черчилль был в Германии, чтобы наблюдать за продвижением союзников. В начале марта он подошел к линии Зигфрида — огромным драконьим зубам из бетона, зловещим и символическим стражникам фатерланда, которые должны были охранять непроходимую границу. Черчилль вниматель-

но осмотрел их, но этого было недостаточно. Ему требовалось выразить полный экстаз своего триумфа.

Он выстроил генералов: Брука, Монтгомери, Симпсона — всего около двадцати человек, — а также одного репортера из Stars and Stripes. «Давайте сделаем это на линию Зигфрида, — сказал Черчилль, после чего обратился к фотографам: — Это одна из операций, связанных с великой войной, которую не нужно воспроизводить наглядно».

Затем он расстегнул ширинку и оросил оборонительные сооружения Гитлера, так же поступили и его коллеги. Как позднее написал Алан Брук: «Я никогда не забуду ребяческую ухмылку глубокого удовольствия, которая расплылась по его лицу в этот момент». Тот, кто испытывает хоть малейшее неодобрение, пусть подумает, через что ему пришлось пройти. Если какой-то пес и был вправе пометить свою территорию, то им был Черчилль.

Несколькими неделями позже он настоял на том, чтобы прогуляться по стороне Рейна, еще удерживаемой немцами, вблизи местечка под названием Бюдерих. При этом он попал под обстрел, снаряды разорвались в воде примерно в сотне метров от него. Американский генерал Симпсон подошел к нему и сказал: «Премьер-министр, перед вами находятся снайперы, а артиллерия обстреливает мост с обеих сторон, теперь она начала обстреливать дорогу за вами. Я не могу взять ответственность за ваше пребывание здесь и должен попросить вас уйти».

Алан Брук наблюдал, как Черчилль обхватил руками согнутую балку на мосту. «Выражением лица Уинстон напоминал маленького мальчика, которого няня зовет прочь от песочных замков на пляже». Черчилль занимался тем, что, как мы видели, делал всю жизнь, с первого дня, когда попал под огонь на Кубе. Он старался

проложить себе дорогу в военную хронику, и на сей раз его цель была политической.

По людским ресурсам и боеспособности Британия сейчас казалась карликом, если сравнивать с Россией и Америкой. Как выразился Черчилль, маленький лев бродил между гигантским русским медведем и огромным американским слоном. Но он по-прежнему был там и входил в «большую тройку». Его способ вести войну был немыслим для какого-либо иного политического лидера. Никто из других предводителей военного времени — ни Рузвельт, ни Гитлер, ни Сталин, ни Муссолини — не обладал непреодолимым желанием очутиться на поле сражения и войти в отчет.

Благодаря лишь силе своей личности он утвердил право на равенство в залах конференций и вел борьбу со Сталиным из-за судьбы Восточной Европы. И пока Черчиллю оказывались честь и уважение, то же относилось к Британии и империи, по крайней мере, он так полагал. Разумеется, его приоритеты не совсем разделялись британским народом и даже британской армией.

Его понятия «славы» и «престижа» не представляли для них схожего интереса — и это, возможно, не было так уж плохо. О боевом духе британских войск делались всяческие некомплементарные высказывания, но ключевой пункт, несомненно, таков: они были гражданскими солдатами из зрелой демократии с долгой историей свободы слова. У них не было слепой веры в отдававшие им приказы, Первая мировая война положила этому конец.

Их не подстрекала к бою ужасающая идеология расового превосходства. За ними не было советских комиссаров с револьверами, готовых вышибить им мозги, прояви они колебания. Возможный парадокс в том, что те самые свободы, которыми они пользовались и за которые сражались, делали их менее свирепой боевой силой. Любопытно, не получают ли порою поносители

английских солдат извращенное удовольствие от преуменьшения их достижений, что походит на закоренелый национальный пессимизм в отношении сборной Англии по футболу, являющийся средством психологической самозащиты.

И военные достижения британцев были не настолько уж плохи. Случалось крайне редко, чтобы немцы были побеждены кем-то, уступающим им по численности, зачастую требовалось преимущество в два-три раза. Эль-Аламейн был значительным успехом, поскольку он облегчил десантирование в Северной Африке и заметно отвлек немецкую поддержку с воздуха от Сталинграда; в этой битве были и другие достижения: стало ясно, что сражение в целом продолжалось, ведь Британия с очевидностью одержала там победу.

Как кто-то сказал, англичане проигрывают все битвы, кроме последней. Возможно, им порою — хотя отнюдь не всегда — не хватало фанатической одержимости кровопролитием, доходящей до готовности к самопожертвованию, но, на мой взгляд, этот изъян нельзя назвать совершенно непривлекательным.

Слова Черчилля проникали в глубины человеческих душ, когда Британия была одна, когда страна сражалась за выживание, — он убеждал и обнадеживал людей, как не мог никакой другой оратор. Его язык — вдохновляющий и старомодный — отвечал духу времени. Но когда страна приближалась к завершению шести долгих изнурительных лет войны, народу стал нужен другой язык, новое видение для послевоенной Британии, чего не мог найти измученный Черчилль.

Накануне всеобщих выборов 1945 г. он сказал своему врачу лорду Морану: «У меня сильное ощущение, что моя работа выполнена. Теперь мне нечего сказать, а раньше было что. Я могу лишь повторять: „Сражай-

тес с проклятыми социалистами. Я не верю в их смелый новый мир». Утром 21 июля, за четыре дня до оглашения результатов выборов, он находился в Берлине на британском параде Победы.

Гитлер был мертв. Бункер фюрера превратился в руины, как и весь отвратительный аппарат нацистского господства. Европа могла глядеть с надеждой вперед, на новую эру мирной демократии, и каждый в глубине сердца понимал, что свершившееся являлось достижением Черчилля — без его железной решимости, проявлявшейся в самые критические моменты, оно было бы невозможно. Это он обещал и ради этого сражался.

Черчилль и Эттли ехали в разных джипах вдоль линии приветствующих их британских войск. Личный секретарь Черчилля Джон Пек заметил нечто необычное.

«Меня, а возможно, и других поразила несуразность того (хотя об этом и не говорилось), что Уинстон Черчилль, великий лидер военного времени, без которого мы не оказались бы в Берлине вообще, приветствовался не так громогласно, как мистер Эттли. Последний — сколь бы ни был велик его вклад в коалицию — до сих пор не оказал заметного личного воздействия на вооруженные силы».

Днем 25 июля Черчилль покинул Потсдамскую конференцию, на которой и Сталин, и Трумэн выражали уверенность (как публично, так и частным образом), что он вернется в статусе триумфально переизбранного премьер-министра. На следующее утро, когда подсчет голосов близился к завершению, он проснулся до рассвета от «острого приступа почти физической боли».

«До сих пор находившаяся в подсознании уверенность, что мы проиграли, вырвалась наружу и овладела моим разумом». Он был прав. Лейбористы получили колоссальное преимущество, завоевав на 146 мест больше, чем все прочие партии вместе. Черчилль и консер-

ваторы были разгромлены. Остальной мир пребывал в полном недоумении, и до сегодняшнего дня многим трудно понять, за что Черчилль получил такой нагоняй.

Конечно, это вовсе не удивительно. Выборы выигрываются не на основе былых достижений политика, а за счет того, что он обещает в будущем. Как раз Черчилль в одной из своих протеевых реинкарнаций сумел выработать основы государства всеобщего благосостояния, и в своих речах военного времени он очертил ключевые реформы, которыми занялось послевоенное лейбористское правительство. Но именно Эттли сумел заявить свои права на повестку дня.

В самый миг триумфа Черчилль поплатился за свой уникальный статус общенациональной фигуры, выходящей за рамки партии. В конце концов, он был настолько уверен в себе, что перебежал и пере-перебежал. Он не был равноположен Консервативной партии, и, следовательно, его успехи не передавались тори. Сработал предвыборный лозунг лейбористов: «Аплодисменты Черчиллю, голоса лейбористам».

Возможно, его видение в то время было несколько другим, но в определенном смысле его поражение стало триумфом. Он сражался за британскую демократию, и вот она была в действии, отторгнув великого военного героя и лидера не насилием, а миллионами небольших и малозаметных карандашных черточек.

Клементина назвала случившееся «неприятностью, обернувшейся благом».

«Но благо, — ответил Черчилль, — слишком хорошо запрятано».

Когда кто-то другой обвинил электорат в «неблагодарности», Черчилль возразил: «Я бы так не сказал. У них было очень тяжелое время». Вот что я называю его великодушием.

Он был унижен в час своей славы, но с окончанием войны завершился и переход в новое состояние. Бри-

тания была истощена, и ее глобальное значение уменьшилось. Черчилль также был истощен, но достиг глобального статуса, которого не было ни у какого другого британского политика, — нравственного гиганта. Не плохо для человека, которого журнал *Spectator* осудил в 1911 г. «как слабого и риторического, без каких-либо принципов или даже непротиворечивого воззрения на общественные дела».

Деятель меньшего калибра мог бы забросить все и отбыть в Чартвелл для занятий живописью. Но не Черчилль. Он никогда не сдавался, он никогда не уступал. Он сделал ряд вмешательств, которые определяют наш мир до сегодняшнего дня.

Как он победил в холодной войне

Мы уже побывали в комнате, в которой он родился. Теперь я покажу вам ту, в которой Черчилль провел свои последние дни в статусе премьер-министра военного времени. Это довольно унылое помещение, напоминающее душный холл в гольф-клубе или гостинице 20-х гг. прошлого века. Снаружи светит солнце, и на клумбах торжествуют флоксы и розы, но внутри этого гипертрофированного архитектурного этюда в псевдотюдоровском стиле сгустились стигийские тени.

В тусклом интерьере доминирует дуб — тяжелые дубовые стулья, камин с дубовой отделкой, дубовые баясины, ряды которых, извиваясь, поднимаются к мрачному внутреннему балкону. Я смотрю на стол, за которым сидели *они*, на три поникших и пыльных флажка посередине, и ощущаю атмосферу неловкости и притворства, окружавшую то событие.

Сюда, в потсдамский дворец Цецилиенхоф, он прибыл 17 июля 1945 г. Это здание — неуклюжая немецкая попытка построить английское поместье — предназначалось для кронпринца из династии Гогенцоллернов. Оно одно из немногих в Потсдаме не пострадало от авианалетов союзников. В нем прошла последняя и наименее удачная для Черчилля конференция военного времени. Он пытался провести встречу «большой тройки» в Британии, но так и не сумел убедить Рузвельта

нанести туда визит. Теперь участники саммита были в советской зоне оккупации Германии — в Потсдаме, резиденции королей и кайзеров.

Город был немецким Версалем, местом дворцов и павильонов, лужаек и озер, теперь он включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. А в 1945 г. бо́льшая часть города лежала в руинах.

14 апреля того года 500 бомбардировщиков «Ланкастер» Королевских ВВС сбросили на Потсдам 1780 тонн бомб. Авторство этой стратегии принадлежит Черчиллю, именно он настаивал на ковровых бомбардировках. Их специальное и открыто признанное предназначение было в том, чтобы затерроризировать гражданское население. Он продолжал воздушные бомбардировки, военная польза от которых была крайне сомнительна, в основном потому, что это был его единственный способ атаковать Германию.

Будучи не в состоянии открыть второй фронт, он только так мог выразить накопившуюся агрессию, продемонстрировать русским и американцам, что Британия также способна нанести ущерб неприятелю. Верно и то, что его терзали сомнения. «Не звери ли мы? Не зашли ли мы слишком далеко?» — сказал он как-то в Чартвелле, просмотрев съемку горящих немецких городов.

Он был встревожен неоднозначной реакцией на дрезденский огненный смерч, в котором погибли 25 000 человек — многие из них были полностью обуглены после британской ковровой бомбардировки. В засекреченном меморандуме он осуждает эту бомбардировку как «акт абсолютного террора и бессмысленного разрушения». Он пришел в ярость, когда узнал, что Королевские ВВС проявили культурное безразличие и атаковали дворцы Потсдама. Теперь ему предстояло увидеть результаты той политики, от которой он не мог дистанцироваться.

Только в Потсдаме погибли 1500 человек, а 24 000 стали бездомными. Когда Черчилль обходил развалины

Берлина, его переполнило характерное для него сострадание. «Моя ненависть умерла вместе с их капитуляцией, — написал он в мемуарах, — я был потрясен их изможденным видом и ветхой одеждой».

Черчилль воевал не с немецким народом, он стремился сокрушить нацизм. Но теперь, находясь в апогее успеха, он понимал, что перед ним предстал другой неприятель — тот, который внушал ему страх еще до рождения национал-социализма. Этот неприятель был так же свиреп, так же идеологически одержим, и битва с ним была гораздо труднее.

Диаметр круглого стола, который был изготовлен русскими столярами специально для Потсдамской конференции, составляет около трех метров. Массивный дуб покрыт, как и прежде, красной войлочной скатертью — наверное, в честь русских организаторов встречи, красный флаг которых развевался над Берлином. Стол выглядит как идеальное место для покера, и у одного из игроков «большой тройки» были на руках все карты.

Невероятно, что после четырех лет ожесточенных сражений, когда нацистская Германия и Советский Союз держали друг друга за горло, как пара бешеных псов, у Сталина было 6,4 миллиона человек на европейском театре военных действий. Россия потеряла 20 миллионов человек и тем не менее закончила войну, будучи самой могущественной военной державой Европы.

Сталин, тиран Советского Союза со сверкающими глазами, был беспощаден и абсолютно циничен. Мы уже видели, как он провоцировал Черчилля в 1942 г., насмехаясь над предполагаемой трусостью британской армии. Таков был его стиль: глумиться, льстить, лебезить, запугивать, убивать.

Сталин поднялся к вершине власти, ликвидируя своих врагов, и удерживал власть, систематически истребляя целые группы населения: царских офицеров, кулаков, контрреволюционеров, поляков — кто бы ни встал

на его пути. Еще до начала Второй мировой войны на его руках была кровь сотен тысяч человек. В Тегеране в ноябре 1943 г. Черчилль почувствовал смертоносную манию Сталина и необъяснимую готовность американцев потворствовать ей.

Когда «большая тройка» стала обсуждать послевоенное устройство Европы, Сталин вновь высказался о необходимости разделения Польши, причем значительная ее часть должна находиться под контролем России. Затем за обедом он обрисовал свои планы в отношении будущего Германии.

Сталин: «Пятьдесят тысяч немцев должны быть убиты. Необходимо уничтожить их Генштаб».

Черчилль: «Я не буду принимать участия в хладнокровном убийстве. То, что происходит в пылу сражения, — иное дело».

Сталин: «Пятьдесят тысяч ДОЛЖНЫ быть расстреляны».

Черчилль (*покраснев*): «Пусть лучше меня сейчас выведут и расстреляют, но я не буду позорить мою страну».

Франклин Делано Рузвельт: «У меня компромиссное предложение. Необходимо расстрелять не пятьдесят, а только сорок девять тысяч».

После этой остроты сын президента Элиот Рузвельт встал и сказал, что он всем сердцем поддерживает предложение Сталина, которое, несомненно, получит одобрение конгресса. Черчилль в бешенстве вышел из комнаты. Лишь с большим трудом его уговорили вернуться.

Американцы не понимали или не хотели понимать, что в словах Сталина была лишь доля шутки, а возможно, он вовсе не шутил. Он мог хладнокровно расстрелять 50 000 человек и сказать, что это не трагедия, а статистика.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин спокойно и неудержимо проталкивал свою программу

советского доминирования в Восточной Европе. К тому времени Рузвельт был безнадежно болен и периодически терял сознание, а у Черчилля не было военной мощи, чтобы противостоять советским притязаниям. Сталин был само очарование и потешал других своим ограниченным знанием английского языка. «Вы сказали это!» и «Туалет вон там» были среди немногих, но на удивление идиоматичных фраз из его лексикона. Главный посыл Сталина становился совершенно ясен: Россия должна сохранить все приобретения, обусловленные одиозным пактом Молотова — Риббентропа, а также распоряжаться в Восточной Европе и на Балканах, за исключением Греции. «Эту головню я выхватил из костра в рождественский день», — хвастливо говорил Черчилль.

Балтийские государства должны были отойти к России, Польша — попасть в сферу советского влияния, именно Польша, независимость и целостность которой стали причиной войны. Опять Польша была предана, разрезана и пожертвована в угоду тоталитарному режиму. Черчилль снова и снова оказывался в изоляции, а Рузвельт вставал на сторону советского диктатора.

Когда великий американский президент умер — это случилось 12 апреля 1945 г., — Черчилль принял ошеломительное решение не ехать на его похороны. Учитывая, что их взаимоотношения лежали в основе успеха союзников, этот шаг представляется поразительным, но только на первый взгляд: не стоит забывать о том отчуждении, которое постепенно нарастало между лидерами держав. Америка вела жесткий торг в отношении британских военных займов и была причиной раздражения по менее существенным поводам, таким как прекращение экспорта мяса в Британию. Но фундаментальное расхождение касалось именно Сталина, России и послевоенного устройства мира.

4 мая 1945 г. Черчилль написал Идену, что захват Польши «представляет событие в истории Европы, ко-

торому нет аналогов». 13 мая он телеграфировал новому президенту Трумэну о том, что «железный занавес» опустился на русском фронте. Черчилль употребил это выражение, вызвавшее впоследствии столько споров, за год до своей речи в Фултоне, штат Миссури. К концу того месяца Черчилль, крайне обеспокоенный перспективой полностью коммунистической Восточной Европы, предложил операцию, о которой стало известно лишь недавно благодаря историку Дэвиду Рейнольдсу. 24 мая он попросил британский штаб планирования подумать об операции, которую назвал «Немыслимое». В ходе ее британские и американские войска внезапно напали бы на русских и объединенными усилиями вытеснили бы их из Восточной Европы. Как они добились бы этого? Они привлекли бы на свою сторону самые эффективные вооруженные силы — вермахт.

Черчилль посоветовал Монтгомери хранить захваченное немецкое оружие так, чтобы его в любой момент легко можно было передать денацифицированным немецким войскам и те обратили бы его против Красной армии. Эти планы оставались в секрете до 1998 г., — пожалуй, и к лучшему, что до того о них не было известно.

Но даже если они и были оправданны, Черчилль никоим образом не мог убедить американцев присоединиться к ним. Чтобы понять американское потворство русским, необходимо вспомнить, как выглядел мир из Вашингтона в 1944-м и начале 1945 г. Война на Тихом океане не была закончена. Японцы оказывали яростное и самоубийственное сопротивление. Японское население было обучено методам партизанской войны, даже бою на копьях. Американцы понимали, что в конечном счете победа будет на их стороне, но опасались ужасных людских потерь (несмотря на обладание ядерным оружием). Они надеялись, что русские решительно выступят вместе с ними.

Но даже если бы Черчилль убедил американцев, оставался главный вопрос: как примут его собственная армия и британское общество приказ напасть на русских? Можно с уверенностью утверждать, что операция «Немыслимое» вызвала бы у людей изумление и гнев. Ведь они почти ничего не знали о сталинских чистках. В глазах многих британцев русские были героями, которые проявили такие мужество, силу духа и самоотверженность, что все прочие армии (включая их собственную) были посрамлены.

В народном воображении Сталин был не кровавым тираном, а «дядюшкой Джо» с трубкой и усами. И скажи британскому обществу в 1945 г., что пришло время нацелить орудия на Москву, я опасаясь, оно бы решило, что Черчилль сел на своего любимого конька антикоммунизма, что он не прав и заблуждается. Штаб планирования скептически отнесся к идее операции «Немыслимое» и отметил в своем докладе, что она потребует слишком большого количества немецких войск и американских ресурсов. Это заключение вряд ли оказалось сюрпризом для британского премьер-министра.

Его ум продолжал исследовать все возможности, оценивать разные логические варианты, какими бы сумасшедшими они ни казались. Эти размышления подчеркивают неослабевающий боевой дух Черчилля. Поразительно, что после шести мучительных, изматывающих лет он обдумывал подобную операцию. Сколь нереалистично ни было «Немыслимое», оно показывает глубину его обеспокоенности коммунистической угрозой; и по крайней мере в этом он был совершенно прав.

Когда Черчилль глядел на карту Европы, он видел Германию в руинах, Францию на коленях, Британию в истощении. Он понимал, что русские танки способны достичь Атлантического побережья, будь на то воля советских военачальников. Москва проявила готовность

поглощать восточноевропейские столицы и навязывать форму правления, которую он считал безнравственной. Что же сделать, как пресечь это? Таков был его стратегический вопрос, которым американцы на тот момент предпочитали не задаваться.

Черчилль покинул Потсдамскую конференцию 25 июля, на ней он не добился почти ничего. Он произнес в тусклом зале несколько блистательных фраз, которые с трудом поддавались переводу, и все же воочию наблюдал, как Британия продолжает съезживаться в тени двух сверхдержав.

Трумэн, представлявший американскую сторону, проинформировал, что у Вашингтона появилось атомное оружие. Он отказался делиться ядерными секретами с Британией, что выглядело как бесцеремонное обращение с союзником, который скрупулезно соблюдал условия англо-американского договора по обмену технологиями. Многие из первоначальных теоретических работ по расщеплению ядра были британскими, и они были преподнесены на блюдечке Америке наряду с радиолокацией и всем остальным. Впоследствии Трумэн единолично принял решение о бомбардировке Хиросимы, консультация с Британией была пустой формальностью.

С русской стороны Сталин продолжал свою расчетливую и умелую игру. Когда он говорил, то это было по делу. Он владел всеми необходимыми фактами (в отличие от Черчилля, который пользовался подсказками своих помощников). Когда советский тиран считал это уместным, он источал очарование. Он выразил Черчиллю сожаление, что ему не удалось публично и в полной мере высказать благодарность Британии за ее помощь России. Сталин устроил настоящее представление, собирая меня, и подошел к Черчиллю, чтобы получить его подпись. «Мне нравится этот человек, — якобы сказал Черчилль, — ведь я падок на лесть».

А между тем Медведь продолжал поглощать Восточную Европу, самодовольно улыбаясь и чавкая. Он добился в Потсдаме не просто репараций, а военных трофеев и увозил все, что могло понадобиться для того, чтобы «подкормить» русскую экономику. Перед участниками конференции предстало марионеточное польское правительство. Черчилль спросил, можно ли включить в его состав некоммунистов. «Нет», — ответили ему.

Затем, 26 июля, Черчилль вернулся в Лондон, чтобы получить «орден Пинка I степени» от британского общества. И тогда этот человек в полной мере показал, из какого материала он сделан; впрочем, и ранее не было никаких сомнений на этот счет.

Ему стукнуло семьдесят лет. Он вышел победителем из самого ожесточенного конфликта, который видело человечество. Ему было что написать в мемуарах. Он не наслаждался жизнью в Чартвелле во время войны: мебель была закрыта чехлами от пыли. Требовалось запустить рыбу в пруды и присмотреть за свиньями. Он мог вести общественную жизнь, сопровождаемую аплодисментами благодарной нации и мира, которые были у него в вечном долгу. Но не таков был его путь.

Верно, что ему оказалось трудно смириться с потерей своего статуса. Как отмечала его дочь Мэри, в воздухе витало ощущение нависшей черной тучи. Семья прилагала все усилия, чтобы приподнять ему настроение, исполняла его любимые песни, например «Беги, кролик, беги» (Run, rabbit, run). Но все было бесполезно. Он ссорился с Клементиной, которая говорила о «наших страданиях».

Тем не менее постепенно Черчилль взял себя в руки. Он отправился в отпуск в Италию для занятий живописью (как-то он бестактно стал рисовать разбомбленные здания и был освистан местными жителями). Он исполнял свои обязанности лидера оппозиции. Он

продолжал осуждать «большевизацию» Восточной Европы и говорил, что русские — «рептильные реалисты из семейства крокодиловых». В конце года он получил интересное приглашение от Трумэна выступить с речью в «замечательном» Винчестерском колледже города Фултона в его родном штате Миссури.

4 марта 1946 г. Черчилль и Трумэн покинули Белый дом и за двадцать четыре часа доехали на поезде до Миссури. Важно отметить, что основные положения речи вызревали уже долгое время и Черчилль не делал из них тайны. Он поделился ее сутью с Джеймсом Бирнсом, Госсекретарем США, и тому она «очень понравилась». Черчилль обсудил ее с Клементом Эттли, который написал ему 25 февраля: «Я уверен, что Ваша Фултонская речь будет хорошо воспринята». До того как сесть на поезд, он показал набросок речи адмиралу Лихи, начальнику личного штаба Трумэна. Лихи, по словам Черчилля, отнесся к ней «с энтузиазмом». Черчилль продолжал отшлифовывать ее, когда поезд с пыhtением двигался по Миссури, вблизи широкой реки, он удовлетворил любопытство хозяина и показал ему речь целиком. «Он сказал мне, что она замечательна», — вспоминал Черчилль. Так и есть.

Речь Черчилля нельзя сопоставить с каким-либо из современных политических выступлений. Она не была подготовлена на текстовом процессоре. Она не была составлена группой спичрайтеров. В ней почти пять тысяч слов, и в каждом предложении чувствуется авторство.

Черчилль внезапно переходит от поэтических пассажей в стиле Томаса Харди (так, будущее называется «грядущим») к бескомпромиссным и эксцентричным предложениям по оборонному сотрудничеству. Например, он призывает каждую нацию выделить эскадрилью для международных воздушных сил, которые будут подчиняться всемирной организации (эта идея была должным образом воплощена лишь в детской телевизионной

передаче 60-х «Громовержцы» — Thunderbirds). Он размышляет о тех идеях, которые объединяют Британию и Америку:

«Мы должны неослабно и бесстрашно провозглашать великие идеалы свободы и прав человека, которые являются общим наследием англоязычного мира. Они были заложены в Великой хартии вольностей, «Билле о правах», законе «О неприкосновенности личности», суде присяжных, английском общем праве и нашли свое самое знаменитое выражение в Декларации независимости США...

Все это означает, что у народа любой страны должно быть право и возможность путем конституционного действия, свободных и нестесненных выборов с тайным голосованием избрать или изменить форму правления, при которой он живет. Должна верховенствовать свобода слова и мысли, судебная власть не может зависеть от исполнительной, никакой политической партии недопустимо вмешиваться в правосудие. Оно должно основываться на законах, которые признаются большинством населения либо освящены временем и обычаем. Эти правоустанавливающие документы на свободу должны быть в каждом коттедже. В этом смысл послания британского и американского народов человечеству. Давайте же проповедовать то, что мы соблюдаем, и блюсти то, что мы проповедуем».

Большинство электората уже не живет в «коттеджах» (если у них нет одного-двух миллионов), но американские и британские демократы продолжают верить в эти идеалы. Ради них Черчилль сражался всю свою жизнь. Наконец он подходит к ключевому пункту, той бомбе, которую уже ожидала его аудитория. «Над безопасностью человечества, над Храмом Мира нависла угроза; и эту угрозу представляет Советский Союз». Политик настаивает, что у него нет враждебности к русскому народу и «товарищу военного времени маршалу Сталину».

«Мы понимаем, что России надо обезопасить свои западные рубежи и ликвидировать возможность немецкой агрессии. Мы приветствуем Россию на заслуженном ею

месте в кругу ведущих держав мира. Мы приветствуем ее флаг на морях. Прежде всего, надо способствовать постоянным, частым и растущим контактам русских людей с нашими народами по обеим сторонам Атлантики. Тем не менее моя обязанность перед вами состоит в том, чтобы представить факты нынешнего положения в Европе такими, какими их вижу я.

От Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». По ту сторону лежат все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София — все эти знаменитые города и народы вокруг них оказались в пределах того, что я должен назвать советской сферой. Все они подвержены в той или иной мере не только советскому влиянию, но заметному и усиливающемуся контролю Москвы. Лишь Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под пятой России, поощряется к огромным и преступным посягательствам на Германию, что приводит к прискорбному и неслыханному в своих масштабах изгнанию миллионов немцев. Коммунистические партии, бывшие столь немногочисленными в государствах Восточной Европы, сейчас непомерно гипертрофированы и стремятся повсеместно установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны руководятся полицейскими режимами, и пока в них, за исключением Чехословакии, нет подлинной демократии».

Черчилль продолжает свой панорамный обзор, отмечая практически все — от атомной бомбы до положения в Маньчжурии. Он призывает к «особым отношениям» между Британией и США, говорит о совместимости их вооружений и военных структур. Он делится мечтой о единой Европе и братстве людей, обращаясь к духовно великим Германии и Франции.

Эта великолепная речь наполнена вдохновляющими образами, но в заголовки новостей, разумеется, попало избиение коммунистов.

Черчилль был обвинен в паникерстве — также его в свое время обвиняли в преувеличении угрозы, исходящей от нацистской Германии. Лондонская The Times пренебрежительно отнеслась к подчеркиваемому им резкому контрасту между западными демократиями и коммунизмом, называя этот подход «прискорбным». «Две политические системы должны учиться друг у друга», — резонерствовала редакционная статья.

У нью-йоркского The Wall Street Journal вызвало отторжение предложение о новом тесном сотрудничестве с Британией. «Соединенным Штатам не нужен альянс или подобие альянса с каким-либо другим государством». Последовавшие два года опровергли критиков, но в то время их гвалт стал настолько громким, что Трумэн был вынужден дать пресс-конференцию. На ней он неубедительно отрицал, что Черчилль заранее показал ему свою речь.

Москва разразилась неизбежными осуждениями, Черчилль изображался бесноватым разжигателем войны, размахивающим гранатой. «Правда» заявляла, что с его зловещими расистскими теориями о превосходстве «англоязычных народов» Черчилль стал идеологическим наследником нацистов. Эта же точка зрения была явно отражена в интервью самого Сталина.

Зануды, которые представляли консерваторов в Вестминстере, например Ричард Батлер (вечный миротворец) и Питер Торникрофт (впоследствии ставший председателем партии), воспользовались суматохой для начала кампании против Черчилля. «Уинстон должен уйти», — зазвучало в кулуарах. Лейбористские члены парламента были настолько возмущены его охотой за «красными», что они потребовали от Эттли выступить с осуждением Фултонской речи. А когда Эттли с присущей ему принципиальностью отказался делать это, они начали сбор подписей под обращением, в котором речь Черчилля называлась «враждебной делу мира

во всем мире». Среди девяноста трех подписантов был и Джеймс Каллаган, ставший десятилетия спустя лейбористским премьер-министром.

Я не сумел найти каких-либо свидетельств сожаления Каллагана о той подписи, но в конечном счете он наверняка понял, что свалил дурака, а Черчилль снова был прав.

Через пару лет стало очевидно, что коммунизм в Восточной Европе на самом деле означал тиранию. Сталин отрезал свои владения от экономической интеграции с Западной Европой. Он организовал блокаду Западного Берлина и пытался взять его измором. Была создана новая общность — Восточный блок, в котором жестокие однопартийные государства следовали линии Москвы, и сотни тысяч несогласных из числа их граждан были либо убиты, либо вынуждены замолчать. Своей речью о «железном занавесе» Черчилль заложил моральные и стратегические устои того мира, в котором родился я. Это был, безусловно, не тот мир, которого желал Черчилль, а тот, который навязали коммунисты.

Отрекшись от Черчилля после Фултона, Трумэн постепенно понял, что тот был прав, — и принял свою знаменитую доктрину «сдерживания». Его преемник Дуайт Эйзенхауэр придерживался еще более жесткой линии в борьбе с коммунистами. В 1951 г. Черчилль снова стал премьер-министром, и к этому моменту он был настолько встревожен глобальной напряженностью и новой угрозой водородного оружия, что сам стал борцом за мир.

Он был одержим идеей саммита, на котором должен был пройти откровенный и прямой обмен мнениями между Америкой, Россией и Британией (олицетворяемой им). Он был убежден, что, соберись лидеры вместе, можно было бы избежать мировой войны.

К тому времени ему исполнилось 76. Он руководил страной пять военных лет и был лидером оппозиции

следующие шесть. Он героически провел предвыборную борьбу на парламентских выборах 1951 г. Он не спал ночами и вел дебаты. Эти ночи пролетали под блестящие лаконичные речи — речи, усеянные шутками и саркастическими ремарками. Завершением бдений был завтрак водителя-дальнобойщика: яйца, бекон, сосиски и кофе. Трапеза сопровождалась, как отмечал Гарольд Макмиллан, большой порцией виски с содовой и огромной сигарой.

Все это не прошло без последствий. Внутреннее стремление к политической власти не ослабло, но брэнная оболочка начала подводить его. Черчилля мучили артериальные спазмы и кожные высыпания. У него ухудшились зрение и слух, он не мог расслышать голоса детей и щебет птиц. Невропатолог сэр Рассел Брэйи (с воистину замечательным именем) считал, что «оцепенение» в плечах, которое испытывал Черчилль, было обусловлено омертвением тех клеток его мозга, которые отвечали за сенсорное восприятие плечевой области.

Черчилля в его последние годы у кормила власти нельзя уподобить гигантскому красному солнцу, которое медленно скрывается за горизонтом, уже не опалая жаром. Неуместно и сравнение с вулканом, извергающимся до самоуничтожения. Он все тот же Улисс Теннисона — борющийся, дерзающий и ищущий. У него неумная жажда деяний, невероятные мужество и воля, сочетаемые с хитроумием.

В марте 1953 г. умер Сталин. И Черчилль воспользовался этим, чтобы призвать к новому старту. Я знаю, о чем он говорил Эйзенхауэру: о саммите! С русскими! И пусть англо-американское партнерство будет основанием мира во всем мире. Но Эйзенхауэр не проявил заинтересованности.

5 июня 1953 г. Уинстон Черчилль перенес тяжелый инсульт. Его доктор считал, что он умрет, но Черчилль выжил и благодаря исключительной силе воли продол-

жил свое дело. Хотя у него перекосялся рот и с трудом двигалась левая рука, на следующий день он провел заседание кабинета министров. Его коллеги даже не поняли, что он болен, отметив лишь, что он спокоен и слегка бледен.

Еще через день ему стало заметно хуже: левую половину тела парализовало. Для выздоровления Черчилля отвезли в Чартвелл, а прессе разъяснили, что премьер-министру нужен «полный покой». Никто и не думал спрашивать почему. Спустя неделю он принял личного секретаря, Джока Колвилла, и секретаря кабинета министров, Нормана Брука. Черчилль был в кресле-каталке, после обеда он сказал, что хочет встать на ноги. Брук рассказывает подробности:

«Мы с Колвиллом призывали его воздержаться от этого, но он настаивал. Поэтому мы встали с обеих сторон от него, чтобы поймать в случае падения. Но он отмахнулся от нас своей палкой и велел отойти. Затем он поставил ноги на пол, схватился за ручки кресла и с гигантским усилием, так что пот покатился по его лицу, рывком встал на ноги и распрямился. Продемонстрировав свои возможности, Черчилль снова сел в кресло и взял сигару. Он намеревался выздороветь».

И так же решительно он намеревался провести встречу с Советским Союзом, саммит, посвященный ядерному оружию, на котором он снова мог бы утвердиться во главе мировых событий. Но и русские, и Эйзенхауэр были уклончивы. Да и среди коллег Черчилля по кабинету министров назревал мятеж. Одни из них открыто высказывались, другие втайне надеялись, что он оставит свой пост. И все же они боялись отказаться от своего талисмана — единственного британского политика, известного всему миру.

К 1954 г. он начал испытывать постоянное изощренное давление — его вынуждали уйти в отставку. И хотя он был способен к поразительным для человека, пере-

несшего insult, подвигам физического напряжения, он начинал ощущать себя, по собственным словам, «подобно самолету в конце полета, который ищет в сумерках место для безопасной посадки, а топливо на исходе». Тем не менее этот самолет пролетал еще год, уклоняясь и петляя под огнем неприятельской (а порою и союзнической) артиллерии. Наконец 5 апреля 1955 г., в возрасте восьмидесяти лет, он отправился во дворец и подал прошение об отставке.

«Человек — это дух», — сказал он на последнем собрании своего кабинета министров, а также посоветовал: «Никогда не отдаляйтесь от американцев».

Так называемый разжигатель войны провел последние годы на посту, прилагая бесплодные усилия организовать встречу великих держав и пытаясь способствовать «международной разрядке». Под ней он понимал уменьшение беспрецедентной угрозы, исходящей от термоядерного оружия. И все же через три месяца после его отставки саммит состоялся. Эйзенхауэр, Иден, Фор и Булганин встретились в Женеве.

Черчилль инстинктивно понимал, что не так с коммунизмом. Этот строй подавлял свободу, заменял возможность индивидуального выбора государственным контролем, он приводил к ограничению демократии и, следовательно, был тиранией. Черчилль знал, что только капитализм, при всех его недостатках, способен соответствовать людским устремлениям.

Я принадлежу к тому поколению, которое застало коммунизм в действии. Иногда нам удавалось путешествовать за «железным занавесом» в годы, предшествовавшие 1989 г. И мы видели, насколько Черчилль был прав в своей удивительно пророческой Фултонской речи, во всех ее частностях. Мы замечали страх, мы слышали шепот, мы читали нелепые пропагандистские лозунги разваливающейся системы, неспособной удовлетворить простейшие потребности населения, но

державшей его под контролем и лишавшей фундаментальной свободы перемещения.

Черчилль предвидел все это с необыкновенной ясностью, так же как до того он понял угрозу, исходившую от нацистской Германии. Он предсказывал, что когда-нибудь произойдет стремительный коллапс коммунистической системы. И здесь он оказался прав, а мы дожили до этого радостного момента.

Снаружи дворец Цецилиенхоф в Потсдаме залит ярким солнцем. Контраст особенно резок после сумрака конференц-зала. Мы садимся на велосипеды и колесим по лугам и садам рядом с озером Ванзее.

Я посмотрел на название дороги: «Mauerweg»¹. Ну конечно же! Именно здесь восточногерманский режим построил отвратительную стену, разделявшую город. Сколь великолепно было ее падение в 1989-м! Там, где когда-то стоял символ террора и угнетения, теперь проходит превосходная велосипедная дорожка.

Неожиданно мы подъехали к толпе немецких нудистов, нахально расположившихся под солнцем рядом с дорожкой. Пожилые мужчины с ореховым загаром делали физические упражнения, а парочки молодых женщин предавались мистическому общению с природой. Мне подумалось, насколько отличаются от нас немцы: это не та сцена, которую вы можете лицезреть в Гайд-парке воскресным днем, а ведь мы находились в его берлинском аналоге. И все же эти нагие и явно беззащитные люди были олицетворением пацифизма и мягкости современной Германии.

Ее жители голосуют за тех, кого предпочитают. Они говорят что хотят и делают пирсинг на теле там, где пожелают. Они верят в капитализм и свободный рынок.

¹ «Путь стены» (нем.).

Они не боятся ночного стука в дверь. Их мир изменился после падения Берлинской стены. И очевидно, встретившиеся нам солнцепоклонники являются наследниками идеологии Черчилля, а не Сталина.

Вспомните, кто расхаживал нагишом по Белому дому? Я заканчиваю изложение моих аргументов.

Именно его идеи восторжествовали, победило его видение свободы и демократии. Своей Фултонской речью он способствовал формированию архитектуры послевоенного мира, в том числе трансатлантического альянса, который в 1949 г. стал НАТО и внес определяющий вклад в поражение коммунизма в России и во всей Восточной Европе.

Он одним из первых провозгласил ту идею, которая стала краеугольной для нынешней системы безопасности, — идею примирившихся Франции и Германии в объединенной Европе. Сегодня эта концепция вызывает много споров, и возникает вопрос, что же Черчилль понимал под объединенной Европой, как она должна быть устроена и какую роль он отводил в ней Британии.

Европеец Черчилль

Отражением размаха пророческого дара Черчилля является то, что и сегодня многие обращаются к нему, словно к духу-покровителю, пытаясь сделать арбитром разнообразных современных политических дилемм. В его объемистых высказываниях может быть найдено утверждение, которое узаконивает определенное мнение или обосновывает определенный образ действия, — тогда этим утверждением размахивают в полурегиозном исступлении, как будто Черчилль, мудрый лидер военного времени, посмертно освятил проект.

Нет другого вопроса, по которому к его ушедшему духу взывают настолько систематически, как по неподатливому делу британских отношений с Европой. Эта полемика терзает всех его преемников на посту премьер-министра. В некоторых случаях данная проблема приводила к убийствам в политическом смысле или к попыткам таковых.

Вращаясь вокруг возвышенных предметов национального суверенитета, демократии и британской независимости перед лицом большого континентального альянса, диспут о «Европе» представляется в совершенстве черчиллевским: именно такое дело, как думается, может быть улажено апелляцией к выдающемуся герою 1940 г.

Беда в том, что права на него заявляют и те и другие. Обе фракции — и еврофилы, и евроскептики — верят в него и провозглашают своим пророком. Иногда дебаты о его намерениях и истинном значении слов доходят до неистовства религиозной схизмы.

Например, в ноябре 2013 г. Мануэл Баррозу, на тот момент председатель Европейской комиссии, выступил с речью, в которой аккуратно процитировал слова Черчилля, сказанные в 1948 г. (а также до того и попутно), о необходимости создания объединенной Европы. Это спровоцировало град оскорблений со стороны мириад евроскептических обитателей интернета.

Некоторые из них атаковали Черчилля, в одном случае он был назван «толстым лживым подонком». Но большинство защищали Черчилля и песочили сеньора Баррозу. Наверное, можно подытожить их общий настрой, процитировав анонимного корреспондента-евроскептика, который на веб-сайте одной из газет известен под позывным *stillpoliticallyincorrect*.

Нам не нужны советы этого второсортного, избранного и неподотчетного иностранного политика [говорит *stillpoliticallyincorrect* о Баррозу]. Чем скорее его повесят на брюссельском фонаре, тем лучше. Почему бы ему не убраться в свою страну и не перестать давать нам указания? Я ненавижу этого человека и надеюсь, что он скоро содохнет, вместе с остальными еврокомиссарами и большинством европарламентариев — включая всех иностранных депутатов! Тогда мы сможем вышвырнуть всех иностранцев-попрошак, у которых нет никакого права находиться здесь.

Не будем говорить о достоинствах его (держу пари, что это он) замечаний, в глаза бросается ярость — душающий переизбыток желчи — от самой мысли о том, что этот португальский тип взывает к памяти Уинстона Черчилля, чтобы оправдать программу европейской интеграции.

В представлении большинства таких людей Черчилль подобен неуступчивому английскому бульдогу и является воплощением независимости. Как на него могут посягать сторонники еврофедерации?

Чтобы увидеть истоки этой вражды, нам нужно исследовать взгляды самого Черчилля и понять, что он подразумевал под европейской интеграцией, чего хотел от нее и какую роль отводил Британии. Давайте обратимся к знаменитым дебатам, прошедшим в начале июня 1950 г., когда палата общин пыталась прийти к соглашению по плану Шумана — неожиданной и смелой инициативе французского министра иностранных дел.

Франция предложила Соединенному Королевству присоединиться к переговорам с Германией, Италией и Бенилюксом по созданию наднационального объединения, которое должно управлять общими европейскими рынками угля и стали. Предусматривалось, что у него будет высший руководящий орган — зародыш Европейской комиссии. Также предполагалась ассамблея национальных парламентариев и совет национальных министров — прелюдия к последовавшим Европейскому парламенту и Совету Европы. Подразумевалось и создание судебного органа — предтечи всемогущего Европейского суда в Люксембурге.

Итак, Британию, иначе говоря, попросили поспособствовать при самом рождении Европейского союза. Глина еще сыра, и слепок пока не затвердел. В этот момент Британия могла принять приглашение от Франции, решительно вмешаться — и совместно взяться за штурвал.

Вместо этого лейбористское правительство охвачено подозрениями, граничащими с враждебностью. Британия по-прежнему крупнейший производитель угля и стали в Европе — так зачем этим отраслям подчиняться какой-то загадочной системе европейского контроля?

«Даремским шахтерам это не понравится», — сказал один из лейбористских министров, так что правительство Эттли предложило французам удалиться.

Месье Шуману послали письмо, в котором его благодарили за интересные идеи, однако вежливо отказывались от участия в переговорах. На взгляд многих наблюдателей по обе стороны Ла-Манша, это критический поворотный момент в истории Британии и Европы. Именно тогда мы опоздали на европейский автобус, поезд, самолет, велосипед и так далее. Лишь спустя четверть века Британия наконец присоединилась к структурам Евросоюза — когда они уже сформировались неподходящим для Британии образом, их дух был чужд пуристским концепциям национального демократического суверенитета.

То, что Черчилль говорит в дебатах по плану Шумана — как лидер оппозиции, — безусловно, важно для понимания его внутренних убеждений. Первое, что бросается в глаза в его парламентских представлениях этого периода, — неуемная, кипучая энергия. Он по-прежнему охватывает весь мир своими масштабными, хорошо продуманными речами по геополитике. Он необычайно щедро делится воспоминаниями военного времени, не забывая, что вскоре он получит Нобелевскую премию по литературе.

Ему почти семьдесят пять, но тем не менее он вмешивается во все, выступая в парламенте практически каждый день по самым разнообразным темам: тарифы на железнодорожные грузоперевозки, Бирма, Корея, рыбная промышленность, эффективность микрофонов, только что установленных в палате общин.

Крайне увлекательно читать дебаты по плану Шумана, опубликованные в «Хансарде». Видно, что возраст никоим образом не подавил присущую Черчиллю неутомимость. Канцлеру казначейства сэру Стаффорду Криппсу (аскетической личности, смехотворно разре-

кламированной в качестве соперника Черчилля во время войны) выпала доля защищать отрицательный ответ правительства Шуману. Черчилль бурно перебивает говорящего. «Суший вздор! — кричит он. — Ерунда!»

В какой-то момент бедному Криппсу приходится попросить Черчилля набраться вежливости и помолчать или же выйти и продолжить разговор снаружи — подобно учителю химии, совершенно выведенному из себя самым озорным мальчиком в классе. Когда Черчилль поднимается для выступления в 5:24 пополудни, он уже выслушал споры, практически идентичные европейским дебатам сегодняшнего дня.

Лейбористские парламентарии, представлявшие лагерь евроскептиков, осудили предложение наделить высший руководящий орган бюрократическим контролем над развивающимся общим рынком и дать ему полномочия действовать без явного одобрения национальных правительств. «Кто эти люди? — спрашивает один из лейбористов. — Какое у них право говорить нам, что делать?»

«Они станут олигархией, навязанной Европе, олигархией с деспотической властью и огромным влиянием, которая будет в состоянии оказать воздействие на жизнь каждого человека в этой стране». Мы слышим голос евроскептика и те слова, которые в равной степени применимы к месье Юнкеру и нынешней Европейской комиссии.

В ответ тори-еврофилы использовали в тот день 1950 г. аргументы, которые в такой же мере стали традиционными.

«Мы в самом деле хотим быть изолированы? — спрашивает Боб Бутби, бывший личный парламентский секретарь Черчилля. — В конечном счете необузданный национальный суверенитет остается первопричиной тех ужасных бедствий, которые выпали на нашу долю в этом кошмарном веке». Бутби заключает призывом

к своему достопочтенному другу — Черчиллю — снова встать во главе и во второй раз спасти Западную Европу своим содействием в создании объединенной Европы.

Настало время лидеру оппозиции подвести итог. На чью сторону он встанет? Черчилль начинает с достаточной уверенностью. Он обличает некомпетентность правительства Эттли: будь Черчилль премьер-министром, французы не были бы настолько грубы, чтобы неожиданно-негаданно преподнести нам все это. И по ключевому вопросу он высказывается вполне ясно. Да, он считает, что Британия должна участвовать в переговорах по плану Шумана, и набрасывается на Эттли из-за несостоятельности его руководства.

«Он хочет сорвать для себя и для своей партии аплодисменты масс, кичась пальмерстоновским¹ шовинизмом», — говорит Черчилль. Он использует обычный способ атаки на тех британских премьер-министров, которые так или иначе стремились дистанцировать Британию от европейских проектов. Но затем он следует курсом Бутби: мнение Британии должно быть принято во внимание.

Будет значительно лучше, если мы примем участие в дискуссиях, а не останемся в стороне и позволим событиям развиваться без нас... У французов есть пословица: «Les absents ont toujours tort»². Я не знаю, учат ли французский в Винчестере (по-видимому, это шпилька в адрес интеллектуала Ричарда Кроссмана, депутата от лейбористов, только что выступившего с антиевропейской речью. — Авт.)... Отсутствие Британии нарушит баланс в Европе...

И так далее.

Если Британия не будет вовлечена, предупреждает он, появится риск, что европейский блок станет нейтральной силой, равноудаленной от Москвы и Вашинг-

¹ *Темпль* Генри Джон, лорд Пальмерстон (1784–1865) — английский государственный деятель, премьер-министр.

² Отсутствующие всегда виноваты (*фр.*).

тона, а это, по мнению Черчилля, будет катастрофой. Приняла бы Британия предложение Шумана, будь он премьер-министром? Да, четко заявляет Черчилль.

Он в полной мере обращается к фундаментальному вопросу суверенитета и завершает свою речь типично черчиллевским интернационализмом. Он использует классический аргумент британского еврофила: Соединенное Королевство уже делится суверенитетом по обороне с НАТО и Америкой. Почему же настолько немыслимо разделять суверенитет с Европой?

Все развитие мира идет к взаимозависимости наций. Повсюду зреет ощущение, что в ней наша главная надежда. Если независимый, индивидуальный суверенитет священен и неприкосновенен, почему же так получилось, что мы все преданы всемирной организации? Это идеал, к которому должно стремиться. Почему мы взяли на себя огромные обязательства по защите Западной Европы, участвуя, как не поступали никогда, в судьбах стран, не защищенных волнами и приливами Ла-Манша? Почему мы согласились, а при нынешнем правительстве охотно стремимся жить от щедрот Соединенных Штатов, впадая тем самым в финансовую зависимость от них? Это может быть оправдано и с этим можно смириться только потому, что по обе стороны Атлантики взаимозависимость воспринимается как часть нашей веры и как средство нашего спасения...

Более того, я пойду дальше и скажу, что ради всемирной организации нужно идти на риски и жертвы. Мы целый год в одиночку сражались против тирании, руководствуясь не только национальными соображениями. Верно, что от этого зависела сама наша жизнь, но мы сражались еще лучше, поскольку были убеждены, что не только ради нашего дела, а ради дела всего мира «Юнион Джек» продолжал развеваться в 1940 году и в 1941-м. Солдат, жертвовавший свою жизнь, мать, рыдавшая по сыну, и жена, потерявшая мужа, находили воодушевление и успокоение в обстоятельстве, что мы сражались ради представлявшегося драгоценным не только нам, но и всему человечеству. Так возникало ощущение сопричастности всеобщему и вечному. Консерва-

тивная и Либеральная партии заявляют, что национальный суверенитет не является неприкосновенным, он может быть решительно уменьшен ради людей всех стран, ищущих вместе дорогу домой.

Именно такой тип текста подхватывается и всюду демонстрируется как доказательство того, что Черчилль был неистовым федералистом — приверженцем Соединенных Штатов Европы. Есть множество других текстов. По-видимому, Черчилль впервые сформулировал свое видение Европейского союза в 1930 г., после поездки по США, во время которой был сильно впечатлен отсутствием границ и пошлин и тем, насколько единый рынок способствует экономическому росту. Черчилль опубликовал статью, озаглавленную «Соединенные Штаты Европы», и всячески содействовал закреплению этого понятия.

В октябре 1942 г., в разгар войны, он написал письмо Энтони Идену, в котором обрисовал свою модель послевоенного мира. Пределом его мечтаний были Соединенные Штаты Европы, за исключением России, в которых барьеры между европейскими нациями «будут минимизированы, а также возможны неограниченные путешествия». После войны он выступил с рядом восторженных речей о союзе Галла и Тевтонца, основании Храма Мира и так далее.

В 1946 г. Черчилль сказал в Цюрихе:

Мы должны возвести своего рода Соединенные Штаты Европы... Конструкция Соединенных Штатов Европы при верном и хорошем строительстве будет такова, что материальное могущество отдельно взятого государства станет менее важным... Если сначала не все страны Европы захотят или смогут войти в союз, мы тем не менее должны созвать и соединить тех, кто хочет, и тех, кто может.

Но какие это государства? Полагал ли он, что Британия будет в их числе? Иногда кажется, что да, он так

считал. В мае 1947 г. он выступил с речью в лондонском Альберт-холле, обратившись к собравшимся как председатель и основатель Движения за объединение Европы, чтобы «представить идею объединенной Европы, в которой наша страна будет играть решающую роль». Он завершил тем, что видится определенным обязательством: «Британия должна играть полноценную роль как член европейской семьи».

В мае 1950 г. он выступал в Шотландии с речью, в которой ставил себе в заслугу само зарождение плана Шумана, и опять явно поддерживал участие Британии в программе.

Более сорока лет я работал с Францией. В Цюрихе я призвал ее встать во главе Европы, протянув руку Германии, чтобы снова включить ее в европейскую семью. Сейчас у нас появилось предложение месье Шумана, французского министра иностранных дел, об интеграции угольной и сталелитейной промышленности Франции и Германии. Это было бы важным и действенным шагом в предотвращении другой войны между Францией и Германией и положило бы конец тысячелетней вражде Галла и Тевтонца. Франция проявила свою инициативу превосходящим мои ожидания образом. Но самого по себе этого недостаточно. Для того чтобы Франция смогла должным образом договариваться с Германией, мы обязаны быть вместе с Францией. Главное условие восстановления Европы — это сплочение Франции и Британии со всеми их силами и со всеми их ранами. Тогда они смогут протянуть руки Германии на условиях взаимного уважения, с сильным и милосердным желанием глядеть вперед, а не назад. На протяжении столетий Франция и Англия, а недавно Германия и Франция разрывали мир своими распрями. Им нужно вступить в союз, чтобы стать господствующей силой Старого Света и центром объединенной Европы, к которому могут примкнуть и все остальные страны. Сверх этого имеется одобрение великой мировой державы, возникшей по ту сторону Атлантики, которая показала в час своего верховенства готовность идти на дальнейшие жертвы ради свободы.

Другими словами, объединенная Европа хороша не только для Франции, Германии и Британии, ее также желает Америка.

Я мог бы цитировать отрывки других речей, которые он произнес в Брюсселе, Страсбурге, Гааге (многие из них заканчивались слезами Черчилля и овациями его континентальных аудиторий, а по крайней мере одно выступление было озвучено на его превосходной версии французского), но, как я надеюсь, утверждение почти доказано. Если вы закроете один глаз и будете слушать вполуха, вы поймете, отчего Черчилль считается одним из верховных божеств Европейского союза.

Он на своем ложе на евроолимпе — рядом с Монне, Шуманом, Спааком, Де Гаспери, — а виноградные грозди единой сельскохозяйственной политики свешиваются ему в рот. Неудивительно, что в честь Черчилля названы круговые развязки и авеню в Брюсселе, неудивительно, что его лицо вы найдете на стенах страсбургского Европарламента.

Итак, остановимся в изложении аргументации, что Черчилль провидец и основатель Движения за объединение Европы. В ней большая доля правды. Верно и то, что он отводил Британии лидирующую роль в процессе объединения. Но это, как прекрасно знают евроскептики, отнюдь не вся правда.

Они приходят в ярость именно из-за того, что также могут предъявить тексты Черчилля, в которых предлагается иное видение для Британии и остальных стран, входящих в объединенную Европу. Вернемся в 1930 г., когда ему впервые пришла в голову мысль о подражании Америке и создании единого европейского рынка. Тогда он сделал следующую принципиальную оговорку о собственной стране.

Но у нас своя мечта и свои задачи. Мы с Европой, но не внутри ее. Мы сочленены, но не включены. Мы заинтересованы и связаны, но не поглощены. И если европейские

политики обратятся к нам со словами, произнесенными встарь: «Не нужно ли поговорить о тебе с царем или с военачальником?» — мы ответим вместе с Сонамитянкой: «Среди своего народа я живу»¹.

Ради усиления в некоторых вариантах перевода Библии добавляются слова «нет, господин» в начало ответа Сонамитянки — богатой женщины, приютившей пророка Елисея. Но даже пророк Елисей не мог предсказать, что его щедрая хозяйка станет знаменита как первый в мире евроскептик.

Итак, мнение высказано. Согласно Черчиллю, Британия несколько отделена от европейского скопления. Как-то, во время одной из своих многочисленных стычек с генералом де Голлем, Черчилль заявил, что, если Британии придется выбирать между Европой и открытым морем, она всегда выберет открытое море.

Во вселенной Черчилля Британия, конечно, была европейской державой — и, возможно, величайшей европейской державой. Но этим ее глобальная роль не ограничивалась. Да, он желал объединенной Европы и видел для Британии важную роль в становлении такого счастливого союза — на континенте, который пережил множество несчастий. Но это скорее должна быть роль гаранта, свидетеля, чем участника договора.

Британия должна быть в здании церкви — как распорядитель или даже как священник, но не как брачующаяся сторона. Если вам нужны доказательства, что он не мыслил Британию членом федеративного союза, посмотрите на его действия. Спустя несколько месяцев после дебатов 1950 г. по плану Шумана он снова стал премьер-министром. Если он на самом деле хотел, чтобы Британия вступила в объединение угля и стали, то наверняка подал бы тогда заявку. У него был авторитет, у него была поддержка таких людей, как Макмиллан,

¹ 4 Цар. 4: 13.

Бутби и молодой Эдвард Хит, который выступил со своей первой речью в парламенте во время этих дебатов, убедительно призывая к участию в плане.

Некоторые говорят, что Черчилль, придя к власти, по существу, совершил разворот на 180 градусов, отказавшись от своего страстного европейства, поскольку Энтони Иден и другие консерваторы не разделяли его. При таком анализе у Черчилля и Джона Мейджора наблюдается некоторое сходство действий — подрезка, чтобы унять евроскептиков. Я не думаю, что подобный подход воздаст должное ему или его видению. Вернитесь к его ключевой речи в парламенте 27 июня 1950 г., в которой он в полной мере очерчивает свои европейские взгляды.

Он затрагивает суть наших сегодняшних беспокойств, точную роль Британии.

Вопрос, который мы должны решить для себя — а у нас достаточно времени, чтобы размышления были зрелыми, — состоит в том, какая связь должна быть у Британии с Федеративным Союзом Европы, если таковой появится с течением времени?

Сегодня еще не требуется принимать решение, но я дам, со всем смирением, прямой ответ. Я не мыслю Британию обычным членом Федеративного Союза, ограниченного Европой, в любом обозримом сейчас будущем. По моему мнению, мы должны благоволить и способствовать всем изменениям на континенте, естественно возникающим вследствие устранения барьеров, из процесса примирения и благословенного забвения ужасного прошлого, а также из осознания общих опасностей, грядущих и настоящих. Хотя конкретная и незыблемая федеративная конституция для Европы находится вне рамок текущих дел, мы должны оказывать помощь, выступать гарантом и всячески поддерживать движение к европейскому единству. Нам надлежит непреклонно искать возможности, чтобы пребывать в тесной связи с этим союзом.

Вот видите: он хочет, чтобы Соединенное Королевство «пребывало в тесной связи», но не представляет

Британию «обычным членом». Поэтому не было никакого поворота на 180 градусов, никакого сальто. Именно с такой установкой он возглавил правительство.

Не то чтобы он против Европы или по своей природе враждебен любой континентальной державе. Напротив, он страстно любил Францию и, наверное, был самым раскованным франкофилом из тех, что занимали пост премьер-министра. Но, по его представлениям, Британия не ограничивалась рамками Европы, она обращена лицом ко всему прочему миру.

И в этом он удивительно последователен на протяжении всей политической жизни. В завершение статьи 1930 г. он представил свое видение Британии посредством диаграммы Венна, изображающей три пересекающихся круга. «Великобритания может претендовать, с равным на то оправданием, на одновременное исполнение трех ролей: европейской нации, средоточия Британской империи, а также компаньона англоязычного мира. Это не три внеположных дела, а триединое дело».

Империя давно ушла в прошлое, но разношерстный интернационализм такого подхода в наши дни становится все разумнее. В мире, где доля ЕС в глобальном ВВП неуклонно уменьшается, где США остаются самой большой экономикой и где наблюдается поразительный рост в странах Содружества наций, круги Черчилля по-прежнему являются здравым способом взглянуть на место и роль Британии.

Нелегко понять, как Черчилль поступил бы с планом Шумана, победы он на выборах 1945 г. Но в одном мы можем быть уверены: он никогда не совершил бы ошибки лейбористов и сел бы за стол переговоров. Возможно, обладая грозной энергией в ведении дебатов, он сумел бы убедить остальных европейцев выбрать межправительственный подход и отказаться от идеи, которая остается и в наши дни труднодостижимой и часто

приводит в бешенство, — что «наднациональный» орган вправе брать верх над национальными и демократически избранными правительствами.

Если бы Черчилль был у власти в 1948 г., если бы он настоял на участии в переговорах, если бы фактор Черчилля был задействован в тех первоначальных европейских обсуждениях, — кто знает, может, у нас сегодня была бы другая модель ЕС, более англосаксонская, более демократическая.

В 1950 г., наверное, было слишком поздно. Да, лейбористы упустили шанс — и это было ошибкой. Но правда в том, что Монне и Шуман не слишком хотели присутствия Британии, иначе они предоставили бы Лондону разумное время для ответа, а не созывали на переговоры сломя голову, обусловив участие в них согласием на наднациональность.

Когда Черчилль следил за тем, что происходило в Европе в 50-е гг., он не испытывал какого-то чувства злобы, сожаления или изолированности. Напротив, он воспринимал развивающиеся планы общего рынка с отеческой гордостью. Ведь это была его идея — свести вместе те страны, связать их настолько неразрывно, что война между ними станет невозможна. Кто сегодня сможет отрицать, что его идея привела к впечатляющему успеху?

Вместе с НАТО (другой организацией, становление которой он вправе поставить себе в совместную заслугу) Европейское сообщество, ныне союз, смогло предоставить своим народам такой длительный период мира и преуспевания, какого не было со времен императоров из династии Антонинов. При этом не нужно отрицать многих несовершенств и издержек этой системы. Не следует преуменьшать и то напряжение, которое возникает при попытках включить в наднациональную структуру такую древнюю и гордую демократию, как Британия. Это четко предвидел Черчилль в 1950 г.

Что бы он сделал сегодня? Как расценил евро? Что подумал о директиве ЕС о рабочем времени? Какие слова сказал о единой сельскохозяйственной политике? В некотором смысле все эти вопросы абсурдны.

Мы не можем досаждать великому человеку таким вздорным образом. Он не может нас услышать. Оракул нем.

Но мы можем исследовать его существенные и исключительно последовательные размышления над вопросами такого толка и взять из них несколько общих положений.

Он желал бы союза между Францией и Германией, пока имеется хоть малейший риск конфликта. Как человек, всю жизнь разделявший принципы свободной торговли, он поддерживал бы создание гигантской беспошлинной зоны.

Он бы хотел, чтобы европейская организация находилась в прочном и тесном союзе с Америкой, а Британия активно помогала укрепить эти отношения.

Он видел важность того, чтобы объединенная Европа была бастионом, сдерживающим напористую Россию и другие потенциальные внешние угрозы.

Он стремился бы к личному вовлечению на уровне глав правительств. При нашем знании невозможно представить, чтобы он позволил важному саммиту мировых лидеров пройти без него.

Он защищал бы изо всех сил суверенитет палаты общин, ту демократию, за которую сражался и которой служил всю свою жизнь.

Вечером 5 марта 1917 г. он вышел из затемненного зала палаты общин в компании Александра Маккаллу-ма Скотта, депутата-либерала. Он обернулся и сказал: «Посмотрите на него. Это небольшое место определяет разницу между нами и Германией. Благодаря ему мы с грехом пополам достигнем успеха, но из-за его отсут-

ствия выдающаяся эффективность Германии ведет ее к окончательной катастрофе».

Конечно, сейчас это высказывание кажется внутренне противоречивым. Но если бы избиратели пощадили Черчилля в 1945 г., если бы он помогал рисовать фреску на стене, пока штукатурка еще не засохла, — эти противоречия могли бы не возникнуть вовсе.

Черчилль оставил Европейскому континенту феноменальное наследие доброжелательности. Какую бы роль он ни отводил Британии, он был одним из создателей семидесятилетней эры без войн в Западной Европе — и сама идея о возможности конфликта становится все более абсурдной.

Воздействие Черчилля ощущается по сей день и в местах, далеких от Европы, — и многие скажут, что оно было к лучшему.

Творец современного Ближнего Востока

В лучшую пору прогулочной яхты «Кристина» ее показная роскошь, если не совершенная вульгарность, была самой впечатляющей среди всех частных судов, когда-либо бороздивших моря. На ее стенах висели полотна импрессионистов, в бассейне ползали омары, а кожа для обивки барных стульев была тщательно подобрана из крайней плоти китов. Но из всех экзотических экспонатов коллекции Аристотеля Онассиса самыми важными были гости — вожделенные бабочки, попавшиеся в его паутину.

На яхте можно было встретить Мэрилин Монро или Фрэнка Синатру, Элизабет Тейлор или Ричарда Бёртона — пассажиры обменивались тостами на гакаборте, раскидывались в шезлонгах, а потом отбывали в свои каюты для супружеских кулачных боев, которые становились предметом пересудов. Но одна из собранных Аристотелем глобальных суперзвезд затмила всех остальных, и утром 11 апреля 1961 г. ее слава получила подтверждение.

«Кристина» с ее белым корпусом и желтыми трубами была переоборудована из канадского военного корабля, участвовавшего в десантировании в Нормандии. Теперь яхта осторожно продвигалась по Гудзону к месту швартовки на 79-й улице. А на воде был устроен при-

ветственный фестиваль. Оглушительно гудели океанские лайнеры, трубили буксиры, а нью-йоркское пожарное судно весело выбросило вверх струю воды в честь прибытия в Америку самого популярного британца (до «Битлз» еще оставалась парочка лет).

Когда в тот же день время близилось к обеду, восьмидесятишестилетний Уинстон Черчилль прошел на палубу, поддерживаемый двумя крепкими сиделками. Он перенес еще один небольшой инсульт, зубы у него стали шататься. Но его лицо, как всегда, было ангельским, а слезящиеся глаза оставались яркими. Вокруг его шеи был повязан галстук-бабочка в горошек. Он постукивал по отполированным доскам все той же тростью с золотым набалдашником, которую Эдуард VIII подарил ему в 1908 г. по случаю свадьбы, и в нем мерцал прежний энтузиазм от предвкушения еды и небольшого алкогольного подкрепления.

Верно, что ему не всегда было легко поддерживать разговор с Онассисом, судовым магнатом, родившимся в Смирне. Тот постоянно рассказывал о «сукиных детях», вмешивавшихся в работу его казино. Но Черчиллю это не слишком мешало. В 1911 г. он претерпел шестинедельный круиз по Средиземноморью с Гербертом Асквитом, во время которого ворчал, что ему приходилось осматривать слишком много древних развалин. А в компании Онассиса он, по крайней мере, не испытывал неловкости из-за сравнительной нехватки классического образования.

И ему нравились ощущения круиза: ублажение, путешествие, бесконечные развлечения — ландшафты и морские пейзажи. Теперь перед ним открывался вид, который он впервые лицезрел в 1895 г., казалось отстоявшем на целую жизнь. Тогда, в возрасте двадцати одного года, он остановился у друга своей матери Бурка Кокрана, чтобы изучить секреты его ораторского мастерства.

В первый раз, когда Черчилль увидел Нью-Йорк, город казался внешне непритязательным. Да, имелись отдельные большие и красивые кирпичные здания, всевозможная суэта и дым, поднимающийся из тысяч труб, — но также были дети в отрепье и иммигрантские трущобы, в которых трупы лошадей могли лежать на улицах по нескольку дней. Город был полон энергии и амбиций, но его застройка чем-то напоминала Манчестер, Ливерпуль или Глазго конца XIX в. Очертания Нью-Йорка не шли ни в какое сравнение с Лондоном.

Теперь, в 1961-м, глядя в сумерках на Манхэттен, он поразился переменам. Здания вознеслись вверх до невиданных высот — веретена и шпили из стекла и стали с миллионами светящихся окон, — их отражения поблескивали в воде рядом с ним. И сейчас Лондон казался безвкусным, тусклым и чуть недокормленным.

Очертания Нью-Йорка олицетворяли изменения, произошедшие за жизнь Черчилля, которыми он в немалой степени руководил. Эти небоскребы были не только новым лекалом для городской жизни: они представляли историю возвеличивания Америки в XX столетии, то, как она затмила Британию. В своей знаменитой речи в резиденции лорд-мэра Лондона в 1942 г. Черчилль заявил, что не для того стал первым министром короля, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи. Все же примерно так события и развивались.

Он остро ощущал это. В некотором смысле настойчивые упоминания Черчиллем триумфа «англоязычных народов» не только преследовали цель укрепления важнейшего военного и политического англо-американского альянса. Они являлись также психологической уловкой, механизмом самозащиты. Эта фраза была способом замаскировать и рационализировать ослабление британских позиций. Относительная влиятельность Британии пришла в упадок, но этот упадок был смягчен подъемом

близких родственников, англоговорящих собратьев, которые разделяли, как он неоднократно подчеркивал, те же ценности: язык, демократию, свободу слова, независимое судопроизводство и так далее.

Это походило на попытку Черчилля убедить себя (и весь мир) в том, что американский триумф был в какой-то мере и британским, что слава бывших колоний отражалась и на метрополии. Конечно, это смелый подход и не все видят события в таком свете.

Многие могли бы сказать, что история жизни Черчилля была отчасти *translatio imperii* — переносом одной глобальной империи в другую. Как персы уступили дорогу грекам, а греки — римлянам, так и британцы передали имперский факел американцам. Алан Тейлор однажды сказал, что Вторая мировая война была «войной за британское наследство», и если вы согласитесь с таким анализом, то очевидно, кто победил. Удивительно видеть, что сейчас, семьдесят лет спустя, Америка остается самым могущественным государством на Земле в военном, политическом, экономическом отношении.

В тот вечер, во время трапезы на «Кристине», поступил таинственный телефонный звонок, касающийся сэра Уинстона. Его личного секретаря Энтони Монтегю Брауна попросили набрать «оператора 17» в Белом доме. Это был новый президент Джон Ф. Кеннеди, который поинтересовался, не хочет ли Черчилль сесть на президентский самолет и прилететь в Вашингтон, чтобы «провести пару дней» с хозяином Белого дома. Брауну пришлось думать быстро, он выразил большую благодарность президенту за его любезное предложение, но решил отказаться от него. Черчилль был недостаточно мобилен, кроме того, его глухота усиливалась.

Досадно, что они не увиделись, ведь у Черчилля все еще бывали периоды бодрости и ясного сознания. Они встречались ранее, до того как Кеннеди был избран, — однажды на борту «Кристины», когда, по словам свиде-

телей, Черчилль принял гладко выбритого Кеннеди за официанта, а в другой раз у них завязалась очень дружеская беседа о президентских амбициях молодого сенатора. (Кеннеди сказал, что обеспокоен своей принадлежностью к католикам, а Черчилль заметил, что это всегда можно уладить и остаться хорошим христианином.) Сейчас Черчиллю выпал последний шанс посидеть в Овальном кабинете и встретиться с действующим президентом США — а он виделся с большинством из них, начиная с Уильяма Мак-Кинли в 1900 г.

Вот Кеннеди, лидер «свободного мира», а вот Черчилль, согнутый физически, но с искрой жизни, по-прежнему посверкивающей в нем. Возможно, старая империя могла дать молодой несколько намеков — ведь проблемы, стоящие перед Джоном Ф. Кеннеди, были хорошо знакомы Черчиллю.

Именно Черчилль был основоположником архитектуры холодной войны и политики противодействия советскому коммунизму. Теперь молодому президенту предстояло агрессивно продолжать эту политику: на Кубе, в Берлине и других местах. Черчилль стоял в авангарде Движения за объединение Европы — а США и Кеннеди по-прежнему поддерживали это дело. Далее была целая геополитическая арена, на которой американцам потребовалось предстать облаченными в императорский пурпур, поскольку Британия пошатнулась после войны и затем потерпела крах в Суэце. На этой арене роль Черчилля теперь помнят довольно смутно, тем не менее она была критической.

Уинстон Черчилль был одним из отцов современного Ближнего Востока. Это, по крайней мере, предоставляет возможность размышлений о том, как он способствовал созданию главной зоны политической напряженности и как впоследствии передал эту зону бедствий, словно чашу с колышущимся гремучим студнем, на попечение Америки. Именно Джон Ф. Кеннеди первым

предоставил американские гарантии безопасности Израилю. Многие готовы осуждать британцев — и первым среди них Черчилля — за создание территориальных несуразностей, которые сделали эти гарантии необходимыми. Виновен ли он? А если нет, кого нам порицать?

Сегодня, когда я пишу эти строки, Израиль бомбит позиции арабов в секторе Газа, ХАМАС выпускает ракеты по Израилю, число жертв конфликта в Сирии неуклонно растет, фанатики-фундаменталисты захватили большие территории на севере Ирака. На всей этой карте есть отпечатки пальцев Черчилля.

Взгляните на карту Иордании. Что вы видите? Самая поразительная особенность — это странная треугольная аномалия, 600-километровый клин со стороны Саудовской Аравии, обращенный острием в современную Иорданию. Некоторые уверяют, что этот географический факт, до сих пор называемый «икотой Уинстона», можно связать с одним из хмельных ланчей Черчилля. Правдив этот рассказ или нет, но никто не оспаривает роль Черчилля в проведении этой границы. Она сохраняется до сегодняшнего дня, был или не был он навеселе.

С ним неразрывно связано создание современного государства Израиль, в определяющий момент становления нации Черчиллю пришлось придавать смысл крайне непоследовательным обязательствам британского правительства. Он был тем, кто счел необходимым существование государства Ирак и связал вместе три османских вилайета: Басру, Багдад и Мосул — шиитов, суннитов и курдов. Если вы хотите найти главных виновников в агонии современного Ирака, в этом непрекращающемся фиаско, можно, разумеется, указать на Джорджа Буша-младшего, Тони Блэра и Саддама Хусейна, но если вы хотите понять суть проблем этого несчастного государства, необходимо изучить воздействие Уинстона Черчилля.

Его эпическая карьера пересекалась с Ближним Востоком в нескольких ключевых точках (не забывайте, что ему приписывают введение самого понятия «Ближний Восток»), но самой важной была его роль на посту министра по делам колоний. Черчилль слегка удивился, когда ему предложили эту должность в конце 1920 г., но легко понять, почему Ллойд Джордж решил, что он наиболее подходит для такого дела. Черчилль, как министр вооружений, проявил огромную энергию и динамичность — он оснащал Британию танками, самолетами и другой техникой, которая помогла победить в войне. Будучи военным министром, он придумал мастерскую демобилизационную стратегию и умирил бунты гарантией того, что те, кто служил больше, первыми воссоединятся со своими семьями. Как показали довоенные переговоры по Ольстеру, он умел быть очаровательным и обладал даром убеждения — а эти способности были остро необходимы. Первая мировая война оставила за собой ряд исключительно трудных проблем, в особенности на Ближнем Востоке.

«Министр по делам колоний», возможно, звучит менее величественно, чем «министр иностранных дел» — на этом посту по-прежнему находился Джордж Натаниэль Керзон, совершенно исключительная личность. Но не забывайте охват Британской империи в 1921 г. Предполагалось, что Первая мировая война не будет стяжательским конфликтом, Британия вступила в нее, не намереваясь расширять свою империю. Но, как показал Уолтер Рид, с 1914 по 1919 г. площадь территорий, где было британское правление, увеличилась на 9%.

Когда Черчилль встал у руля в Министерстве по делам колоний, он оказался на вершине империи, включавшей 58 стран и занимавшей площадь в 35 миллионов квадратных километров, и взял ответственность — так

или иначе — за жизни и чаяния 458 миллионов человек. Империя была безоговорочно крупнейшей из тех, которые когда-либо видел мир, в семь раз превосходя по размеру Римскую империю в ее апогее при Траяне. Британский флаг развевался над четвертью земной суши, почти все моря и океаны патрулировались могущественным британским флотом — его модернизации и улучшению значительно способствовал Черчилль.

Если рассуждать подобным образом, наверное, менее удивительно, что Черчилль с жаром взялся за работу. Он окружил себя лучшими и самыми знаменитыми экспертами, среди них были арабисты Томас Эдвард Лоуренс и Гертруда Белл. Он прилежно изучал такие доселе малопонятные (ему) вещи, как различия между шиитами и суннитами. Его первым шагом стал созыв конференции в Каире, и здесь он проявил свое ослепительное мастерство.

Пресса была скептически настроена к этому мероприятию. Писалось, что Черчилль хотел «дурбара» — пышного и церемониального собрания при дворе правителя. Его обвиняли в желании руководить «с ориентальным размахом». Но правда в том, что кому-либо требовалось взять на себя ответственность, ведь на Ближнем Востоке была полная и совершенная неразбериха.

Руководствуясь лучшими намерениями и побуждениями, Британия во время Первой мировой войны сделала ряд обещаний, и впоследствии стало ясно, что эти обещания трудно привести в соответствие друг с другом и с реальностью. Наверное, смягчающим обстоятельством будет то, что они были даны страной, находившейся в отчаянном положении, населению которой угрожал голод из-за кампании немецких субмарин.

Имелось три британских обещания. Первое из них было дано арабам и содержалось в переписке Макма-

гона — Хусейна¹ 1915 г. Это был ряд довольно елейных посланий от сэра Артура Генри Макмагона, британского верховного комиссара Египта, к хашимитскому королю Хусейну — бородатому почтенному старцу, который вел свою родословную от пророка Магомета. Суть писем была в том, что британское правительство полностью поддерживало создание нового большого арабского государства — от Палестины до Ирака, — граничащего с Персией и возглавляемого Хусейном и его семьей. При этом возлагались надежды, что это обещание побудит арабов к восстанию против турок, в то время находившихся в союзе с Германией. Эти письма сработали, поскольку на самом деле последовало такое восстание, стратегически малозначительное событие, которое обессмертил и сильно преувеличил фильм «Лоуренс Аравийский».

Второе обещание было дано французам, несшим ужасающие потери на Западном фронте. Казалось политически оправданным нарисовать им картину грядущей французской славы вслед за окончанием войны, и по условиям тайного соглашения Сайкса — Пико от 1916 г. Париж получал зону влияния, простирающуюся от Сирии до Северного Ирака и включающую Багдад (эта полоса, между прочим, имеет некоторое сходство с халифатом, провозглашенным в 2014 г. фанатиками Исламского государства Ирака и Леванта). Было не очень понятно, как это секретное обязательство перед французами можно согласовать с общеизвестным обязательством перед арабами, отсутствовала сама возможность такого согласования.

Третьим, и самым трагикомически бессвязным, обещанием являлась так называемая декларация Бальфура. На самом деле это было письмо Артура Бальфура

¹ Хусейн ибн Али аль-Хашими (1854–1931) — шериф Мекки, первый король Хиджаза.

лорду Ротшильду, датированное 2 ноября 1917 г., в котором содержался изысканный образчик стряпни Форин-офиса:

Правительство его величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно быть предпринято ничего, что может нанести ущерб гражданским и религиозным правам существующих нееврейских общин в Палестине либо правам и политическому статусу, которыми пользуются евреи в любой другой стране.

Иначе говоря, британское правительство благосклонно относилось к съеданию еврейским народом куска торта при условии, что не будет нанесен ущерб праву нееврейских общин съесть тот же кусок торта в то же самое время.

Что побудило к написанию этой причудливой декларации? Отчасти идеализм. После отвратительных погромов в России XIX в. набирало силу движение за обретение евреями своей страны. Одно время британцы даже подумывали, не подобрать ли территорию в Уганде, но Палестина, страна еврейского Ветхого Завета, являлась очевидным местом. Палестина все еще была относительно малонаселенной, и в некоторой степени Бальфур просто добавлял официальный британский голос к хору людей, желавших отдать «страну без людей людям без страны».

Бальфур, возможно, руководствовался и более практическими соображениями: во время Первой мировой войны возникли серьезные опасения, что еврейские симпатии могут склониться на сторону Германии, поскольку это было лучшим способом отплатить русским за их довоенный антисемитизм. Как признавал позднее сам Черчилль, декларация Бальфура была частично нацелена на укрепление еврейской поддержки, в особен-

ности в Америке. Очевидная путаность декларации была обусловлена противодействующим желанием не оттолкнуть многие миллионы мусульман (в особенности в Индии), на войска которых опирались вооруженные силы Британской империи.

Посмотрите на эти три документа вместе, не может быть ни тени сомнения: Британия трижды продала одного и того же верблюда.

Черчиллю требовалось расставить все на свои места, и в марте 1921 г. он созвал ключевых игроков в роскошный отель «Семирамида» в Каире: Египет тогда также был неформальной частью Британской империи. Вскоре по вестибюлю разнеслись оклики возбужденных арабистов.

«Герти!» — вскричал Т. Э. Лоуренс, как только заметил элегантную, но мужеподобную фигуру Гертруды Белл.

«Дорогой мальчик!» — приветствовала его Гертруда Белл.

Появление Черчилля сопровождали возгласы протеста нескольких арабов снаружи, некоторые из них держали плакаты с призывами «À bas Churchill!»¹. Он нес мольберт, а за ним следовал его сотрудник с бутылкой вина в ведерке.

Черчилль расположился в саду, в результате прилива его творческой активности появилось несколько картин, которых хватило бы, чтобы провести выставку, но главным и самым драматическим было полотно с политическим ландшафтом Ближнего Востока.

В один день работа была прервана для организованной Черчиллем поездки к пирамидам, и участники конференции позировали на верблюдах перед сфинксом. Хотя Черчилль был опытным наездником, он не удержался на горбу верблюда и упал. Полагая, что его

¹ Долой Черчилля! (фр.)

главному туристу угрожает опасность, драгоман предложил ему пересесть на лошадь.

«Я стартовал на верблюде, на нем я и финиширую», — сказал Черчилль, и сегодня мы видим изображение с ним, крепко сидящим в седле. Такой же твердой линии он придерживался и в обсуждениях.

К концу Каирской конференции Черчиллю удалось продвинуться и придать какой-то смысл переписке Макмагона — Хусейна. Фейсалу, одному из четырех сыновей короля Хусейна, было предложено занять трон в Ираке (французы выгнали его из Сирии), а Абдалла стал эмиром Трансиордании, ныне Иордания, — там его семья продолжает править до сегодняшнего дня. Томас Эдвард Лоуренс считал саммит необычайно успешным, одиннадцать лет спустя в письме Черчиллю он отметил, что уже было достигнуто более десяти лет мира — неплохое свершение.

Но работа Черчилля не была закончена. Теперь ему предстояло сгладить противоречия декларации Бальфура. Следующая остановка — Иерусалим, где он проводил встречи с сомоновой мудростью и беспристрастностью.

Черчилль дал одну за другой две аудиенции, сначала арабам, а потом евреям. Первой группой, увидевшей его, был Исполнительный комитет арабского палестинского конгресса. Они не произвели хорошего впечатления на Черчилля, стоит помнить об уже сложившемся у него чувстве, что палестинцы не захотели присоединиться к другим арабам в восстании против турок.

Смысл выступления палестинцев был в том, что евреям нужно удалиться, а декларацию Бальфура следует аннулировать. «Евреи были среди самых активных подстрекателей разрушений во многих странах... У евреев развита клановость, они не способны к добрососедству и не общаются с теми, кто живет рядом... По всему миру еврей остается евреем». И далее в том же ключе. Арабы

не проявили никакой готовности к компромиссу, к возможности прийти к соглашению с переселенцами. Совместное правление, объединенный суверенитет, федеральное решение — ничто не подходило им. «Евреи — вон!» — требовали они. Как позднее говорил Абба Эвен, палестинцы никогда не упустят возможность упустить возможность. Они начали так же, как намеревались продолжать.

Черчилль внимательно выслушал их, а затем дал практический совет: приглядеться к двусторонности декларации Бальфура — предоставляемой ею защите гражданских и политических прав всех проживающих народов. Он отметил, что «национальный очаг для еврейского народа» употребляется в ней с неопределенным артиклем *a*, но не с определенным *the*. Неопределенный артикль предполагает, что место жительства должно быть общим, а не находиться в исключительной собственности евреев.

«Если держится одно обещание, то держится и другое, о нас будут судить по тому, насколько точно мы выполняем оба», — сказал Черчилль аудитории. Но, по его заявлению, не было никакой возможности обойти сущность того, что Бальфур пообещал еврейскому народу.

Эта декларация была подготовлена, когда еще продолжалась война, когда казались возможными и победа, и поражение. Поэтому ее нужно рассматривать как один из фактов, твердо установленных победоносным завершением Великой войны... Более того, совершенно справедливо, что у евреев, рассеянных по всему свету, должен быть национальный центр и национальный очаг, где некоторые из них могут воссоединиться. А где же еще ему быть, как не здесь, в Палестине, с которой они глубоко и тесно связаны более трех тысяч лет?

Затем Черчилль выслушал еврейскую делегацию. Как вы можете догадаться, их мысли были облечены

в просчитанные слова — так, чтобы больше понравиться Уинстону Черчиллю.

«Наша еврейская и сионистская программа придаст особое значение установлению искренней дружбы между нами и арабами. Еврейский народ, возвращающийся на родину после 2000 лет изгнания и преследований, не может допустить подозрений, что он желает лишить другую нацию ее прав».

Черчилль отвечал сдержанно, с интонациями римского проконсула, выступающего арбитром в споре. Одно племя может быть передовым, более цивилизованным, но на нем лежит обязанность перед теми непокорными племенами, которым угрожает перспектива лишения собственности. Черчилль предостерегал, что еврейские поселенцы должны проявить «рассудительность» и «терпение». Они должны рассеять опасения остальных, сколь бы ни были необоснованны эти опасения.

Потом, во время выступления в Еврейском университете, он повторил эту мысль, сказав, что на евреев лежит большая ответственность. У них была возможность создать страну, текущую молоком и медом. Но он предупредил их, что «каждый предпринимаемый вами шаг должен быть направлен на материальное и моральное благо всех жителей Палестины».

Затем ему дали дерево для символической посадки. Символично, что оно переломилось. Можно было посадить только пальму, но побег не прижился.

Некоторые говорят, что Черчилль был слишком наивен в своем подходе к арабо-еврейскому вопросу, есть и те, кто заявит, что он определенно лицемерил. В марте 1921 г. он принял ключевое решение, что западный берег реки Иордан не должен подпадать под действие обещаний из переписки Макмагона — Хусейна. Он не стал частью королевства Абдаллы, сына Хусейна.

Так начиналось создание той еврейской родины, которую обещал Бальфур. Многие обвиняли Черчилля, что, делая этот шаг, он стал инструментом всемирного еврейского заговора.

Есть и психи, которые будут вас убеждать, что мать Черчилля Дженни Джером еврейка по происхождению (это не так, ее отец был потомком гугенотов; в ее жилах, возможно, текла кровь американских индейцев, но не еврейская). Более правдоподобным кажется то мнение, что взгляды Черчилля претерпели аберрацию из-за существенных пожертвований, которые он получал от еврейских банкиров и финансистов: Эрнеста Касселя, сэра Генри Стракоша, Бернарда Баруха. Совершенно верно, что личные финансы Черчилля сегодня не прошли бы тест журнала *Private Eye*. Они выглядели бы неприглядно на сенсационной первой странице *The Guardian*. Да, он на самом деле брал деньги от этих людей, иногда значительные суммы. Но те времена были другими: парламентариям и министрам платили значительно меньше — предполагалось существование личных доходов, — и не было ничего необычного в том, что политик получает финансовую поддержку от поклонников.

И я не думаю, что эти пожертвования могли хоть на йоту изменить взгляды Черчилля на еврейство и повлиять на его решения по Палестине. Как и его отец Рандольф, он был филосемитом и таковым являлся всю свою жизнь. Ему нравились те еврейские черты, которые были настолько заметны в нем самом, — энергия, уверенность в своих силах, готовность к тяжелой работе, уважение к семейным ценностям.

Как он написал в газетной статье в 1920 г.: «Одни люди любят евреев, другие нет, но ни один думающий человек не может сомневаться в том бесспорном факте, что они являются самой впечатляющей и самой выдающейся расой, которая когда-либо появлялась на Земле».

Время от времени его обвиняют, что он порою предавался нездоровым чувствам, — например, упоминается неопубликованная статья, в которой он, по всей видимости, предполагает, что евреи частично несут ответственность за неприязнь, которую они вызывают, и за восприятие их как «иудейских кровососов». Но авторство этой статьи оспаривается, утверждается, что в ней чувствуется рука другого человека, несомненно важно и то, что она никогда не была опубликована.

Как показал сэр Мартин Гилберт, не оставив в том малейшего сомнения, Черчилль восхищался евреями, нанимал их, любил их общество и верил в собственную страну евреев. Однажды Черчилль сказал, что, не будучи сионистом, он был «предан сионизму».

Все это верно. Однако это не значит, что взгляды Черчилля были в каком-то смысле антиарабскими, тем более антиисламскими. На самом деле в его жизни случались периоды — в 1904 г. и в 20-х гг., — когда личная «склонность к ориентализму» побуждала Черчилля последовать Уилфриду Скоуэну Бланту и носить одежду в арабском стиле. Он преклонялся перед героизмом щеголяющего в куфии Лоуренса Аравийского и, как отмечает Уоррен Доктер в своем новом исследовании «Уинстон Черчилль и исламский мир», всегда помнил, что Британская империя была крупнейшей мусульманской державой: в 1920 г. в ней проживали 87 миллионов мусульман.

Он яростно выступал против независимости Индии не только потому, что это станет ударом по авторитету Британии, но также из-за опасений о будущем притеснении мусульман индусами. Поскольку мусульманские войска были воистину бесценны для империи, благорасположенность мусульман была жизненно важна. Черчилль часто вставал на сторону турок в их споре с греками, хотя турки были его оппонентами во время Первой мировой войны.

Помните, что он сделал в 1940 г., когда Британия сильнее всего нуждалась в друзьях? Он нашел 100 000 фунтов для начала строительства мечети в лондонском Риджентс-парке — предполагалось, что этот жест заметят в мусульманском мире.

И когда Черчилль проложил путь к переселению евреев в Палестину — его Белая книга 1922 г. способствовала их иммиграции, — он искренне полагал, что это будет лучшим решением для этой засушливой и запущенной части мира, лучшим решением для обоих сообществ. Он видел евреев и арабов живущими бок о бок.

Он представлял, как технически подкованный Соломон помогает крайне заинтересованному молодому Мохаммеду освоить трактор и обучает его искусству ирригации. Он надеялся, что на месте пустыни расцветут сады, а благополучие станет всеобщим. Более того, старый король Хусейн в значительной мере разделял это видение. В своей публикации в газете «Аль-Кибла» он написал, что Палестина была «священной и возлюбленной родиной своих первоначальных сынов — евреев». Продолжая, хашимитский король сделал такое же прекраснородушное предсказание, что и Черчилль.

«Опыт показывает их умение преуспевать в замыслах и в делах... Возвращение этих изгнанников на родину поспособствует материально и духовно школе нового опыта для их арабских братьев на поле, фабрике и в торговле». Увы, события развивались иным образом. С течением времени напряженность усиливалась, еврейская эмиграция возрастала, особенно когда начались нацистские гонения.

Как оказалось, Черчилль был слишком оптимистичен насчет заботливого склада первых сионистов, их готовности делиться. Они не стремились нанимать арабов для работы на своих фермах. Вспыхивали арабские протесты и мятежи, а бедные солдаты периода британского мандата, оказавшиеся между двух враждующих

сторон, были вынуждены стрелять по арабам — и многие в Британии начинали чувствовать, что творится большая несправедливость.

В 1937 г. положение настолько ухудшилось, что было решено учредить комиссию Пили. Она должна была разобраться, что пошло не так в Палестине. Черчилль выступил перед комиссией с засекреченными в то время показаниями — благодаря им мы можем понять, чего он хотел достичь, открывая двери значительной иммиграции евреев и создавая им родину на западном берегу Иордана.

«Мы преданы идее того, что однажды — так или иначе, в отдаленном будущем, — сообразуясь со справедливостью и экономической выгодой, там будет создано великое еврейское государство, насчитывающее миллионы людей, значительно превосходящее по численности жителей страны настоящего времени». (Сегодня мы можем убедиться, насколько верным оказалось его видение. В Израиле восемь миллионов граждан, три четверти из них евреи.)

Разумеется, было правильно защищать арабов, сказал Черчилль комиссии Пили, и евреи поступали плохо, не нанимая их. Но сионистский проект представлялся ему прогрессивным в своей основе, просвещенным и цивилизующим. Не имело смысла позволять арабам вставать на пути прогресса — ведь в конечном счете от него будет выгода для всех.

«Я не допускаю, что у собаки на сене может быть решающее слово о сене», — сказал Черчилль. Это сродни заявлению, что Америка должна быть предоставлена индейцам, а Австралия — аборигенам. На взгляд Черчилля, это было абсурдно и являлось преступлением против его виговских концепций социального развития.

В любом случае он отрицал, что завез в Палестину «чужеземную расу». «Вовсе нет», — заявил он. Именно

арабы были завоевателями. Черчилль отметил, что во времена Христа население Палестины было значительно больше и ее обитатели в основном являлись евреями. Все изменилось в VII веке. «Когда в мировой истории случилось магометанское потрясение и исламские орды нахлынули на эти места, они все сокрушили, все разнесли вдребезги. Ранее возделываемые террасы на холмах превратились в пустыню при арабском господстве».

Комиссия настаивала, чтобы Черчилль пояснил, когда, по его представлению, произойдет обратное изменение. Когда евреи снова станут большинством? «Британское правительство является судьей, и оно должно сохранять власть, чтобы быть судьей». Это если не романтично, то сверхоптимистично, и на каком-то уровне Черчилль должен был понимать это. Британия определено не могла сохранять власть в Палестине достаточно долго для гарантии продолжительной игры по правилам между евреями и арабами.

Когда Черчилль стал министром по делам колоний в 1921 г., он взял на себя ответственность за величайшую империю, которую когда-либо видел мир, но ее финансовые возможности уже были растянуты до предела, до готовности лопнуть. Какие задачи он ставил, выполняя британский мандат в Месопотамии? Да, отчасти он намеревался защитить нефтяные интересы, хотя ближневосточная нефть еще не приобрела доминирующего положения в британском стратегическом мышлении. В 1938 г. 57% британской нефти поступало из Америки и лишь 22% — с Ближнего Востока.

Его главной целью было снизить стоимость патрулирования тех мест, которые он описал — словами, не позволяющими ему снискать расположение Министерства туризма Ирака, — как «десяток-другой грязных деревень, зажатых между болотистой рекой и обжигающей пустыней, населенных несколькими сотнями полуголых

семей, обычно голодных». Зачем тратить пехоту ради этой дыры, говорил Черчилль, если солдаты могут быть в Индии? Так что он сократил военные расходы и решил опираться на ВВС, которые вполне могли достичь британских устремлений обстрелами с бреющего полета и бомбежками. Впоследствии это привело к нескольким отвратительным эпизодам, за которые он не нес прямой ответственности и которые осуждал, когда британские самолеты атаковали мирное население.

Он также выступал за использование (правильно, вы догадались) отравляющего газа — именно из-за этого греха мир сильнее всего ненавидел Саддама Хусейна. К счастью, замыслы Черчилля потерпели неудачу, хотя он и протестовал: «Я не понимаю, почему считается законным убивать людей пулями, но варварским — заставлять их чихать».

Что бы Британия ни делала в Месопотамии, Черчилль решил делать это как можно дешевле: как-то он даже предложил вообще покинуть Багдад и срезать расходы до 8 миллионов фунтов в год, ограничив действие мандата Басрой на юге.

Дело в том, что Британия вовсе не хотела удерживать эти владения из-за неуместного стремления к престижу или колониального бахвальства. В 1919 г., еще до того как он стал министром по делам колоний, Черчилль предлагал передать Турции мандат и на Месопотамию, и на Палестину. Приобретя некоторый иракский опыт, он сказал: «Я ненавижу Ирак и хотел бы, чтобы мы никогда не входили туда. Это сродни жизни на верхушке неблагодарного вулкана». Возглавляемым США коалиционным силам имело смысл обратить внимание на эти слова до своего вторжения в 2003 г.

Цель британской миссии в Ираке и Палестине состояла в наведении на этих территориях как можно большего порядка, по крайней мере, насколько позволяли стесненные финансовые обстоятельства: нужно было

выполнить мандат и затем обеспечить дружественное отношение к Британии последующих режимов, ведь ее военные возможности достижения целей за границей заметно уменьшились. Иракский мандат официально продолжался до 1932 г., но Британия оказывала влияние еще долгое время. К концу Второй мировой войны стало очевидно, что британские усилия удержать Палестину обречены на неудачу.

Еврейская иммиграция была неостановима ни морально, ни физически, и, поскольку арабская реакция оказалась, как всегда, бурной, британские войска попали в отчаянное положение, стараясь отстаивать принципы декларации Бальфура и проявлять справедливость к обеим сторонам. Британцы по-прежнему пытались ограничить масштаб еврейской иммиграции, случались ужасные эпизоды, когда бывших узников нацистских лагерей задерживали в организованных британцами лагерях, но не допускали в Палестину.

Еврейские террористы начали направлять свои стволы и бомбы на британцев — тех самых людей, которые создали их родину. Был убит лорд Мойн, британский министр по делам Ближнего Востока, на яхте которого в южных морях Клементина Черчилль когда-то кокетничала с обходительным торговцем произведениями искусства Теренсом Филипом. Они убивали британских солдат, которые лишь выполняли свою работу. Это наполняло абсолютной яростью Эрнеста Бевина, лейбористского министра иностранных дел.

Даже Черчилль пошатнулся в своем сионизме. Он назвал нападения «гнусным актом неблагодарности». Его отношения с Хаимом Вейцманом, немало прожившим в Манчестере отцом сионистского движения, никогда не стали прежними. В конце концов британцы попросту сбежали из Палестины, буквально оставив ключ под ковриком. Был спущен старый флаг, и родилась новая нация.

Та же процедура — с несколько бóльшим достоинством — была проведена годом ранее в Индии, повсеместно происходил этот великий распад, ознаменовавший последний этап жизни Черчилля. Он видел, как по всей планете спускался «Юнион Джек» — от Малайи до Малави, от Сингапура до Суэца, где американцы в 1956 г. окончательно выбили почву из-под ног военных притязаний шатающейся старой империи.

Как Черчилль с горечью сказал ближе к концу жизни: «Я сделал немало, чтобы в конце не достичь ничего». Это вздор (что Черчилль, разумеется, понимал). Посмотрите на его достижения только на Ближнем Востоке.

Иордания была удивительно стабильна, с того дня до сегодняшнего, даже если его рука дрожала, когда он проводил ее границы. Ирак в целом оставался в зоне британского влияния на протяжении сорока лет после Каирской конференции, иракская нефть оказала бесценную помощь Британии, чтобы выжить и одержать победу во Второй мировой войне. Что же касается рождения Израиля, при котором Черчилль был акушеркой, то ваши оценки будут зависеть от ответа на экзистенциальный вопрос, верите вы или нет в ценность еврейского государства.

Если вы среди тех, кто считает декларацию Бальфура самой большой из отдельно взятых ошибок британской внешней политики, то вы явно полагаете, что Черчилль был не прав, дав этому документу практическое воплощение. Если же вы думаете, что, в общем, было справедливо после 2000 лет преследований дать евреям родину — в том месте, которое они когда-то занимали и которое было относительно редко заселено; если вы признаете прозорливой идею возложить надежды на то, что их таланты позволят пустыне расцвести; если вы расцениваете как неплохую мысль создать в той части мира хотя бы одну демократию, сколь бы несовер-

шенна она ни была, — то вы решите, что действия Черчилля были в чем-то героическими.

Он не мог знать в двадцатых годах, что его мечта о стране, «текущей медом и молоком», будет предана недальновидностью и эгоизмом обеих сторон. Его нельзя порицать ни за постыдное обхождение израильтян с палестинцами, ни за палестинский терроризм, ни за преобладающе прискорбное качество палестинского руководства. Его также нельзя винить за дезинтеграцию Ирака, если она на самом деле происходит сейчас.

Идея объединить три вилайета вслед за крахом Османской империи была в общем-то неплохой. Именно того, по словам арабских лидеров, они и желали, это и было им обещано — сильное унитарное арабское государство. Вряд ли можно ставить Черчиллю в вину, что не появился ни один иракский лидер, который мог бы с величием и благородством объединить страну.

Конечно, Черчилль понимал и осуждал угрозу исламского экстремизма, но его нельзя критиковать за провалы арабского руководства. Возможно, единственный путь прекратить межэтнический и раскольнический конфликт в лоскутном одеяле Ближнего Востока состоит в образовании новой Римской империи, наделенной безжалостным проконсульским насилием и системой принудительной верности центральной власти. Это, однако, неприемлемо по многим причинам — и не получилось также у римлян, которые потерпели жестокое поражение вблизи Багдада.

Нельзя сказать, что идеалы Черчилля не привели ни к чему, они способствовали не увековечению Британской империи, а обеспечили ее разделение относительно достойным и эффективным образом. Один из парадоксов жизни Черчилля в том, что его цели свободы и демократии были поддержаны детьми империи, когда они вели кампанию за свою независимость.

Как указал Ричард Тойе, «Атлантическая хартия» 1941 г. не произвела особенного впечатления в Вашингтоне. Но она была услышана Нельсоном Манделой и другими африканскими лидерами.

Когда Черчилль стоял на яхте в 1961 г., конечно, были основания заявить, что он и его страна ослабли. Теперь он стар и немощен, а Британию обанкротила война, ее финансовые и военные мышцы сильно уменьшились — в Америке этот результат предвидели и потворствовали ему.

В собственной стране Черчилля настолько не хватало миллионеров, что ему пришлось воспользоваться гостеприимством Аристотеля Онассиса, социального выскочки, не чуждого криминальному миру. Он стоял под длинной тенью нью-йоркского Эмпайр-стейт-билдинг, по сравнению с этой башней Биг-Бен кажется карликом. Так же американский оборонный бюджет затмевает расходы на оборону всей Западной Европы, включая Британию.

Черчилль считал, что судьбы мира оказались в американских руках, — и в этом он был прав. В наше время США приходится регулировать конфликт в Палестине, убеждать израильтян и пытаться справиться с «неблагодарным вулканом» в Ираке. Как британский империалист Черчилль неминуемо потерпел поражение. Как идеалист он достиг успеха.

Удобная концептуальная метонимия «англоязычных народов» помогла распространить идеи Черчилля по миру. Англоговорящие люди теперь многочисленнее народов бывшей Британской империи — возможно, их два миллиарда, и с каждым днем становится все больше. Число китайцев, говорящих по-английски, превосходит население Англии, и даже Европейская комиссия в последние десять лет неофициально приняла этот язык.

В мире стало больше демократий и меньше войн. Что бы вы ни думали о возглавляемой США империи свободных рынков и свободной торговли, она выводит из бедности миллиарды людей. За эти идеалы Черчилль сражался, он установил их общность для Британии и Америки.

Те ночи на «Кристине» были последней его возможностью увидеть родину своей матери. Потом он поехал в аэропорт Айдлуайлд и сел на самолет, оснащенный двумя бутылками коньяка, семью бутылками вина, одной бутылкой бренди и двумя фунтами стилтона. Это должно было помочь.

Кстати, «Кристина» была продана греческим правительством, нуждавшимся в деньгах. Теперь ее можно найти на верфи в Восточном Лондоне.

В городе, где говорят на 300 языках, также можно найти людей из стран, расположенных по всей Земле. Черчилль не только преобразил значительную часть мира; до того как оставить свой пост, он начал процесс — возможно, не намеренно — создания современной поликультурной Британии.

Значение его имени сегодня

Если у вас когда-либо возникало искушение подвергнуть сомнению силу чувства между Уинстоном и Клементиной Черчилль, вам стоит взглянуть на бесчисленные записки и любовные письма, которые они посылали друг другу на протяжении всего супружества. В день ее семидесятивосьмилетия, в 1963 г., он написал:

Моя дорогая,
Пусть послание донесет до тебя
Мою нежнейшую любовь и поцелуи,
Повторенные сотню раз.

Я довольно скучный и
Жалкий бумагомаратель, но мое
Сердце увлекается за стилем при письме.
Твой вечно и навсегда,
У

Ему было восемьдесят восемь, в других посланиях он сетовал на утрату былой легкости самовыражения — и отмечал свое изумление казавшейся ему невероятной скоростью других. Он все еще ходил в палату общин, хотя коллеги по парламенту были потрясены постигшей его немощностью. Лишь после основательного нажима со стороны Клементины он наконец согласился не идти на переизбрание. В июле 1964 г. он побывал в палате общин в последний раз.

Если вспомнить об истязаниях, которым он подверг свое смертное тело, — всех поглощенных им на протяжении жизни токсинах, — то в этой долговечности можно увидеть существенную особенность его характера: врожденную решимость упорствовать, сражаться дальше, никогда не уступать. Но он также понимал, что его работа сделана, а карьера начала сливаться с историей. Как Черчилль сказал дочери Диане: «Моя жизнь завершена, но еще не закончена». О своих достижениях он говорил угрюмо, возможно тем самым напрашиваясь на комплименты. Но в действительности у него не было права на мрачность.

В те дни его наследие было везде, само его имя стало мемом, распространившимся во всех уровнях общества. В том году студенты уже становились выпускниками колледжа Черчилля в Кембридже. Жители населенных пунктов в Британии добровольно нарекли в честь него 430 дорог, площадей и тупиков, и имя Черчилля сохранилось в их названиях до сегодняшнего дня. Когда он покинул палату общин в 1964 г., молодой Джон Уинстон Леннон праздновал продажу 1,5 миллиона пластинок с песней «I Wanna Hold Your Hand».

Леннон родился в 1940-м — во время предельной угрозы, нависшей над страной, и величайшего руководства Черчилля. Более чем десять лет коллегой Черчилля по палате общин был человек, который в 1964 г. стал министром обороны, — Денис Уинстон Хили. Он родился в 1917 г. у поклонников Черчилля в Моттингеме, районе на юго-востоке Лондона. В 1952 г. Хили был избран в парламент, выделяясь среди других депутатов уникальной особенностью — при рождении его называли в честь человека, который все еще занимал пост премьер-министра. Это кое-что говорит нам об исключительном размахе жизни Черчилля.

Может ли кто-то превзойти рекорд Хили, названного в честь Черчилля в 1917 г., когда последнему было

всего лишь сорок два? Пусть Уинстон Грэм, автор романов о Полдарке, сделает шаг вперед. Он родился в Манчестере в 1908 г. — тогда тридцатитрехлетний Уинстон Черчилль сражался в дополнительных выборах по округу Северо-Западный Манчестер и в том же году в качестве министра торговли стал членом кабинета, начиная свою кампанию за создание бирж труда и прекращение эксплуатации детского труда.

После войны как в Британии, так и во всем мире родились сотни, если не тысячи молодых Уинстонов — многие из них афрокарибцы: когда им выбиралось имя, то, конечно, имелся в виду лидер военного времени.

Черчиллевских эпонимов можно найти в великих литературных произведениях. Один из них — Уинстон Смит, герой антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Из знаменитых кинематографических Уинстонов упомянем неизменно уверенного в себе мистера Уинстона Вульфа из «Криминального чтива», которого сыграл Харви Кейтель. Его вызвали, чтобы привести дела в порядок после того, как герой Джона Траволты случайно вышиб кому-то мозги в автомобиле.

Имеются ночные клубы, бары и пабы, носящие имя Черчилля, — вывески двадцати пабов в Британии украшены его лицом, напоминающим мопса. Черчилль тем самым значительно опережает любого из своих современников.

Порою довольно легко понять семиотическую функцию его имени: очевидно, почему владелец паба выбирает Черчилля. Он — величайшая в мире реклама пользы алкоголя. Но почему существует агентство эскорт-услуг «Черчилль»? И что оно может предложить, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота?

Как-то я колесил на велосипеде у Харфилда, на дальнем сельском западе Лондона, и заметил вывеску «Парикмахеры Черчилля». Я зашел внутрь и увидел

татуированного парня с серьгой в ухе, которому брили затылок. Там же висела написанная маслом картина с Черчиллем в шляпе. Я спросил сам себя: зачем наполнять маленькую парикмахерскую изображениями Уинстона Черчилля? У него было много выдающихся достоинств — но к их числу вовсе нельзя отнести его прическу.

Но потом я, конечно, понял, что миллионы мужчин схожи с сэром Уинстоном стрижкой. «Эй, лысый! — как будто бы говорят „Парикмахеры Черчилля“. — Ты тоже можешь стать героем. Заходи, чтобы аккуратно подравнять то, что осталось».

Что бы ни подразумевалось под маркой «Черчилль» — а она может означать самые разнообразные вещи, — ассоциации, как правило, положительны, но в этом правиле есть исключения.

Сколько младенцев в сегодняшней Британии назвали бы Уинстонами? Ценность его имени и бренда до сих пор значительна, однако наблюдается ощутимое смещение, и это связано с тем, что на протяжении пятидесяти лет после его смерти ведется почти непрерывная атака на его репутацию. Один за другим по нему запускаются снаряды.

Заметный огонь ведется с правого фланга Дэвидом Ирвингом и ему подобными, которые обвиняют его не только в ведении ненужной войны с Гитлером, но и в тайном сговоре для совершения таких преступлений, как бомбардировка Ковентри (неверно) и убийство польского лидера Владислава Сикорского (вздор).

Все же в последнее время наиболее пагубными были атаки со стороны людей, исполненных благих намерений, утверждающих, что речи Черчилля, его письма и статьи напигованы такими идеями и выражениями, что сегодня его отправили бы в лепрозорий вопиющей политической некорректности. Его обвиняют в том, что он расист, сексист, империалист, сионист, ариец, сторон-

ник англосаксонского превосходства и евгеники. Удаляющийся в прошлое непастеризованный Черчилль может показаться чересчур насыщенным на современный тонкий вкус.

Если умело препарировать его слова, они на самом деле могут показаться неприемлемыми («Все друзья моей дочери считают его расистом», — сказала мне одна лондонская мамаша). В обвинениях против него хватает правды, чтобы вызвать некоторое замешательство у образовательного учреждения. Когда в 1995 г. Министерство образования разослало во все школы видео по случаю юбилея Победы, оно умудрилось уделить Черчиллю лишь четырнадцать секунд из тридцати пяти минут истории Второй мировой войны.

Есть разнообразные способы защиты от тех, кто стремится применить современные стандарты к Черчиллю. Да, у него было то, что сегодня воспринимается как расистская интерпретация различий между обществами, но он ненавидел дурное обращение с любым человеком любой расы. Вспомните его гнев из-за бойни дервишей, устроенной Китченером, или ту ярость, которую он испытывал из-за надменного и кровавого обхождения с уроженцами Западной Африки со стороны супругов Лугард. Он не думал, что у белого человека было какое-то генетическое право держать кнут. Он верил в заслуги.

Будучи министром по делам колоний, он заявил в 1921 г., что в Британской империи «не должно быть барьеров, основанных на расе, цвете кожи или вере, которые могли бы воспрепятствовать какому-либо человеку достичь любого заслуживаемого им положения в обществе». Также надлежит сказать, что его взгляды на расовые различия — хотя и подвергаемые широкой критике — никоим образом не были исключительны для человека, родившегося в 1874 г., и многие другие, сознательно или неосознанно, придерживались подобных взглядов.

Порою он получал удовольствие от высмеивания лицемерия своих оппонентов. В середине войны Рузвельт попытался раззадорить Черчилля, усадив за ланчем в Белом доме рядом с миссис Огден Рид, издательницей и яркой поборницей независимости Индии.

Эта женщина, как и следовало ожидать, спросила его: «Что вы собираетесь предпринять в отношении несчастных индийцев?»

Черчилль ответил: «Прежде чем перейти к обсуждению, давайте проясним одну вещь. Мы говорим об индийцах с коричневой кожей, размножившихся непомерно при благожелательном британском правлении? Или же мы говорим о краснокожих индейцах¹ в Америке, которые, как я понимаю, почти вымерли?»

Мне думается, Черчилль один, миссис Огден Рид ноль.

Те, кто продолжает порицать его за устаревшие взгляды по расовым проблемам, могли бы вспомнить, что в США до конца 60-х гг. существовала система активной расовой сегрегации, а подобное никогда бы не потерпели в Британии.

Да, правда и то, что он говорил кое-какие вещи о евгенике, которые в наши дни звучат очень зловеще, а также о необходимости подвергать слабоумных стерилизации. Будучи молодым министром, он написал в 1910 г. Асквиту предупреждение, что «неестественный и все ускоряющийся рост классов слабоумных и душевнобольных, сочетаемый с неизменными ограничениями у пород бережливых, энергичных и более совершенных, представляет национальную и расовую угрозу, которую невозможно преувеличить».

Опять-таки он ни в коем случае не был одинок: законы о сегрегации «дебилов» принимались в парламен-

¹ Индийцы и индейцы в английском языке обозначаются одним словом — Indians.

те подавляющим большинством голосов. В тот век люди сами были слабоумными в отношении слабоумия, и у них было очень плохое понимание психологии и генетики.

Вы можете ощутить особенность контекста, если я замечу, что в 1927 г. великий американский юрист Оливер Уэнделл Холмс написал решение суда, поддерживающее стерилизацию женщины по имени Кэрри Бак, которая была признана слабоумной вместе с матерью и дочерью. «Трех поколений идиотов достаточно», — заявил Холмс. Между 1907 и 1981 гг. в США были насильственно стерилизованы 65 000 человек.

Черчилль на самом деле говорил схожие вещи за десять-двадцать лет до того, но, к счастью, он никогда не применял эти дурацкие идеи на практике.

Снова верно, что по нынешним стандартам его можно заклеить как шовинистическую свинью мужского пола — по крайней мере в идеологическом плане. В том не может быть сомнений.

Нэнси Астор, первая женщина, ставшая депутатом палаты общин, спросила его в 1919 г., отчего он был так холоден по отношению к ней. Черчилль дал психологически насыщенный ответ: «Я чувствую, что вы вошли в мою ванную, а у меня только губка для самозащиты». Так говорит питомец английской частной школы для мальчиков.

В марте 1944 г. был по-настоящему ужасный момент, когда в палате общин обсуждался предложенный Батлером закон об образовании и Тельма Казалет-Кеир, депутат от Консервативной партии, добилась успеха в продвижении поправки, призывающей к равной оплате труда женщин-учителей. Черчилль решил воспользоваться этим поводом для унижения своих критиков-заднескамеечников. Он превратил вопрос в вотум доверия — а за его отставку решились бы проголосовать немногие — и вынудил парламентариев отвергнуть

поправку о равной оплате женского труда 425 голосами против 23.

В то время его обоснованно пригвоздили к позорному столбу, тем не менее никто не может обвинить Черчилля в женоненавистничестве — он любил умных женщин (Памелу, Виолетту) и в конце концов пересмотрел свои взгляды. Он искупил свою вину в начале 1955 г., когда одной из его последних парламентских мер стала равная оплата труда для женщин, занятых в образовании, на государственной службе и в местном самоуправлении. Он обратился к Джоку Колвиллу с предложением, чтобы женщины могли поступать в колледж Черчилля в Кембридже на общих основаниях: «Когда я думаю, что женщины сделали во время войны, то наполняюсь уверенностью, что они заслужили равноправие» (колледж все же начал принимать женщин в 1972 г.).

Вы можете критиковать Черчилля за то, что он империалист, а также сионист — разумеется, он был и тем и другим, — но беспристрастный человек должен будет признать, что он поддерживал оба этих проекта, поскольку считал их способствующими продвижению цивилизации. Некоторые из его высказываний об Индии кажутся сумасбродными («Ганди нужно привязать за руки и за ноги у ворот Дели, чтобы гигантский слон растоптал его...»), но вы должны иметь в виду, что он считал британское господство в той стране ограничением варварских обычаев — сати¹, выкупа за невесту, избегания неприкасаемых и так далее.

Тот, кто презирает империю, должен спросить себя, ненавидит ли он ее сильнее, чем, скажем, рабство или калечение женских гениталий. Черчиллевский империализм был значительно больше, чем просто расширенная самовлюбленность суперпатриота. Я думаю, что

¹ *Sati* — сожжение вдовы с ее покойным супругом.

в отличие от столь многих других политиков любого времени в своем сердце он был подлинным идеалистом. Он верил в величие Британии, в ее цивилизующую миссию, это заставило его сделать некоторые высказывания, которые сегодня кажутся абсолютно чокнутыми.

Противники Черчилля годами подбирали эти обескураживающие цитаты. Они лежат, как шокирующие отбеленные кости, в углу картины, представляя лишь часть обширного и великолепного пейзажа. Они никоим образом не смутили политиков из всех частей спектра, которые пытались подражать ему, взывать к нему или каким-то образом быть каналом его гениальности — от Гарольда Вильсона до Маргарет Тэтчер, от Кваме Нкрумы до Фиделя Кастро и Нельсона Манделы.

Это потому, что история Черчилля превосходит какое-то одно политическое вероучение и вдохновляет гораздо больше. Главное в ней — неукротимость человеческого духа. Его взгляды могут сегодня казаться ужасающе немодными, но благодаря самому существенному в его личности он служит источником вечного — и, возможно, растущего — воодушевления.

Посмотрите на ватаги посетителей, утаптывающих сады Чартвелла: в 2013 г. их было 212 769, рекордное количество. При величайшем уважении к этому знаменитому дому его нельзя назвать шедевром архитектуры. Если вы будете придираться, то сможете сказать, что его стиль довольно приземленный и ощущается переизбыток красного кирпича. Угодья холмисты и приятны на вид, но никоим образом не сравнятся со старинными аристократическими владениями.

Люди приезжают в Чартвелл, потому что там ощутим дух Черчилля. Вот почему они также приходят в подземные «Военные комнаты» Черчилля рядом с секретариатом кабинета министров — рекордные полмиллиона в прошлом году, на 38 процентов больше, чем годом ранее. Здесь можно почувствовать почти физическое

присутствие бывшего премьер-министра, увидеть походную кровать, которую он использовал для восстановления короткого сна, карту оборонительных сооружений на побережье Британии и сигару, напоминающую странный коричневый копролит, лежащий на пепельнице.

Ощутимы величие Черчилля, его храбрость в момент безысходности — вот почему ни один из ревизионистов не попал в цель. Год за годом их снаряды взрываются вокруг него, а он плавно движется под орудийным огнем на белом пони и машет шляпой, такой же безмятежный и невредимый, как в Малаканде, когда он ехал под мушкетным огнем.

Я думал об этом свойстве Черчилля, величии сердца, когда понял, что один аспект его творческой жизни нами еще не обсуждался. Так что одним жарким днем я решил снова отправиться в Чартвелл и присоединиться к толпам паломников.

Пока я ждал в пробках на юге столицы, я вспомнил рассказ о том, как он, по обыкновению, выезжал из Лондона по четвергам в 4:30 пополудни, брал с собой машинистку и пуделя Руфуса и каждую неделю останавливался у одного и того же места, рядом с Хрустальным дворцом, чтобы купить Evening Standard. Всякий раз продавец подходил, приветствовал его, но отказывался брать плату, поэтому Черчилль неизменно давал ему остаток сигары, которой он дымил в тот момент (вы, наверное, помните, что другим человеком, которому дарились окурки, был садовник в Чартвелле; бедный малый умер от рака). Есть ли сегодня хоть один политик в мире, который мог бы расплатиться жеваными сигарами?

Когда мы приехали в Чартвелл, то сразу прошли по территории мимо огромного круга плавательного бас-

сейна и остановились у художественной мастерской рядом с прудами.

Черчилль начал рисовать в 1915 г., когда пребывал в подавленном состоянии из-за Галлиполи. Он снимал дом под названием «Хоу Фарм» рядом с Годаммингом. Позднее он описал свой первый опыт в приведенном отрывке, в котором видны его журналистские способности сделать замечательным то, что не так уж и замечательно.

Воскресные упражнения на природе с детским этюдником подтолкнули меня раздобыть утром полный набор для живописи масляными красками.

Следующий шаг после покупки красок, мольберта, холста был в том, чтобы начать. Но как трудно было сделать этот шаг! На палитре блестели бусины краски, передо мной вознесся холст, белый и незапятнанный, но пустая кисть нерешительно колебалась в воздухе, отягощенная судьбоносностью. Казалось, мою руку удерживал негласный запрет. Но, в конце концов, небо было безусловно голубым. Так зачем же сомневаться, нужно взять синюю краску, смешать с белой и нанести на верхнюю часть холста. Не требуется художественного образования, чтобы увидеть это. Такая отправная точка годится для всех.

Я взял очень тонкую кисть, осторожно смешал на палитре небольшое количество синей краски и потом с огромной опаской сделал на белоснежном щите, противостоящем мне, небольшую отметку размером с горошину. Это был вызов, обдуманый вызов, но такой слабый и запинаящийся, сделанный в таком оцепенении, что он не заслуживал ответа. Неожиданно с аллеи донесся громкий звук приближающегося автомобиля. Из колесницы вышел не кто иной, как даровитая жена сэра Джона Лавери.

— Живопись! Но отчего же так нерешительно? Дайте мне кисть побольше.

Шлепок в скипидар, удар по синей и белой, стремительное смешивание на палитре, очищать больше не нужно, а затем несколько яростных мазков и полосований голубым по совершенно испуганному холсту. Было ясно,

что он не даст отпора. Никакой злой рок не собирался мстить за лихое насилие. Холст беспомощно ухмылялся передо мной. Все чары развеялись, а болезненная подавленность исчезла. Я схватил самую большую кисть и в безумном исступлении набросился на свою жертву. Никогда больше холст не внушал мне страх.

Мастерская занимает все внутреннее помещение старого коттеджа, высокие окна и мольберт Черчилля обращены к камину. Рядом с ним портрет Рандольфа, который кажется пучеглазым и надменным, а в холсте по-прежнему прореха — именно ее Черчилль собирался заделать, когда у него было *Видение*.

У стены стоит высокий шкаф с открытыми полками, когда-то в нем была огромная сигарная коллекция из Гаваны, а сейчас там сотни тюбиков краски, они выдавлены, перепачканы и лежат рядами. Можно ощутить энергию, с которой Черчилль брался за искусство, увидеть, как он по-военному распланировал табуреты, мольберты, палитры, зонтики, блузы, пузырьки со скипидаром и льняным маслом — все принадлежности для оснащения художника, вознамерившегося атаковать холст.

Но, когда вы окинете комнату взглядом, вы поймете, что его занятия не были позерством. Здесь он не дурачился. Его полотна рядами опоясывают комнату, от пола до потолка, — и это лишь часть из 539 картин, написанных им за свою жизнь.

Даже самые фанатичные из поклонников не назовут его техническим виртуозом, человеческие формы не поддавались его руке. Чтобы добиться сходства, он иногда использовал приспособление, называемое эпидиаскопом, которое проецирует фотографию на холст, — с его помощью он сделал ряд несколько безжизненных этюдов с игроками в регби, выстроившимися при вбрасывании, а также с Артуром Бальфуром вместе с супру-

гой, слегка походящими на обезьян-капуцинов. Но многие другие картины отражают его личность, и отдельные из них красивы.

Я приехал вместе с двумя друзьями, и мы вскоре понимаем, что его будоражит. Он любит цвет — чем ярче и сочнее, тем лучше — и пользуется любой возможностью, которую предоставляет природа для объединения красок. Ему нравится розовая стена дворца и великолепная развалина цвета охры, а также лазурное небо, и желательно, чтобы вдали виднелись покрытые снегом горные вершины.

Он не может налюбоваться тенями на пирамидах или игрой света на волне, нахлынувшей на средиземноморский берег. Черчилль хорош, когда есть темно-зеленые кипарисы, сочные лужайки, ярко-синие небеса, розоватые старые здания.

Можно почувствовать, с каким облегчением и энтузиазмом он наносит краски. Одна из моих коллег, подытоживая свои ощущения, сказала о его картинах: «Они так легки и оптимистичны». Наверное, это правда. Черчилль хочет ублажить и вознаградить зрителя, и это ему удастся. Один из его пейзажей был недавно продан за миллион долларов — по цене, как Моне, господи помилуй!

Людей притягивают его работы не потому, что они являются безупречными шедеврами, а как раз наоборот. Черчилль желал дерзнуть, не опасаясь насмешек и не боясь совершить ошибки, — главное, он решительно брался за дело и шел на риск.

Иногда это не срабатывало, но порою его ждал триумф. Наполненный таким духом, он вошел в темную прокуренную комнату в начале лета 1940 г. Руки других дрожали перед пустым пугающим холстом. Но Черчилль стремительно подошел к нему, обмакнул кисть, а затем широкими и решительными мазками нанес

свою романтическую версию событий, полную ярких тонов. И это, амиго, окончательная отповедь всем его критикам и убежденным скептикам.

Британия в 1964 г. была во многих отношениях несоизмеримо лучшей страной, чем в начале века, когда Черчилль стал депутатом парламента. Стало меньше чинопочитания и классовых предрассудков — подумайте о том, что пилоты Битвы за Британию были выпускниками государственных школ. Эти немногие вышли из рядов многих.

Мучительная бедность, которую Черчилль видел во время своей молодости, прогуливаясь по манчестерским трущобам в цилиндре, в значительной мере была преодолена. Шел процесс женской эмансипации, высшее образование начинало широкое послевоенное распространение, была создана национальная служба здравоохранения, происходило становление «государства всеобщего благосостояния», предназначенного для помощи каждому в тяжелую минуту.

Конечно, есть различные взгляды на роль Черчилля в этих преобразованиях, однако мне представляется очевидным, что лейбористское правительство 1945–1950 гг. в огромной степени обязано ему, причем не только за совместную работу Черчилля и Ллойд Джорджа в первые десятилетия XX в., но и за его предвосхищение будущего, высказываемое коалиционному правительству военного времени. 21 марта 1943 г. он выступил с речью под названием «После войны», в ней он приблизительно очертил большие изменения в здравоохранении, пенсионном и социальном обеспечении. Как позднее скажет Эттли: «У него была симпатия, симпатия невероятно широкого охвата, к простым людям по всему миру».

Черчилля не приводила в большой восторг перспектива массовой иммиграции в Британию (например, он говорил о «готтентотах»). Но, как правильно отметил Эндрю Робертс, эта иммиграция частично была результатом непрекращающегося романтического представления Черчилля о Британии как великой родине империи (что не изменилось и в 50-е гг.).

Вот отчего ему и консервативному правительству было тяжело пойти на то, чтобы попросту захлопнуть двери. Парадокс состоит в том, что он, при всем своем имперском восприятии Британии, стал на деле основателем (возможно, невольно и нехотя) сегодняшнего поликультурного общества.

В общем и целом в Британии произошла революция — но милостивая революция, сохранившая основы конституции. Черчилль впервые встретился с королевой Елизаветой II в 1928 г., когда ей было два года. Он заметил Клементине, что Елизавета была «личностью, в которой чувствовались властность и задумчивость, невероятные для младенца».

Вы можете счесть подхалимажем обнаружение властности в двухлетнем ребенке, но Черчилль дожил до премьерства, когда произошла ее коронация, и почти наверняка можно утверждать, что она была коронована лишь потому, что он дожил до премьерства. Эта мысль повергает критиков Черчилля в полное смятение и бегство: ни одно из этих изменений и улучшений — ни одно! — нельзя было бы считать разумеющимся, уступи Британия перед лицом нацистской угрозы.

Не было бы великого реформаторского лейбористского правительства из-за отсутствия демократии, чтобы привести его к власти. Не было бы профсоюзов, потому что они подверглись бы репрессиям вместе со свободой слова и гражданскими правами. Лондон не стал бы оживленной столицей мира, а превратился бы

в тусклый притесняемый придаток, где родителей будущих поп-звезд побуждали бы называть младенцев Адольфами, а не Уинстонами.

Если существует такая вещь, как британский характер (вероятнее всего, да), то он складывается, опираясь на свойства Уинстона Черчилля, склонного к юмору, но порой воинственного, непочтительного, но приверженного традициям, непреклонного, но сентиментального, радующегося богатству языка и всевозможной игре слов, стремящегося к прегрешениям в еде и питье.

Он что-то значит не только для политиков, уверяющих, что поддерживают его идеалы, но и для людей, распределенных по всему человечеству. Он — образец для подражания всем, кто не слишком хорошо учился в школе, всем, кто разочаровывал учителей математики, всем, кто не поступил в университет.

Он выступает от имени тех, кто беспокоился, что не оправдывает ожиданий родителей, тех, кто ощущал себя неудачником, тех, кто боролся с депрессиями, тех, кто пил, курил или ел сверх полезного организму, тех, кто решался не сдаваться вопреки всем обстоятельствам.

Сложите эти категории вместе, и у вас получится много людей.

24 января 1965 г. Уинстон Черчилль умер в возрасте девяноста лет. Около трехсот тысяч людей прошли мимо его гроба на церемонии прощания в Вестминстер-Холле. Это были первые после Веллингтона государственные похороны человека, не принадлежавшего к высшей знати. Вы видите их на хронике — британцев эпохи моих родителей: старики с ввалившимися щеками и с фетровыми шляпами в руках, женщины в тяжелых пальто и платках, но также молодые мужчины в брюках-дудочках и пергидролевы девушки в коротких

юбках, покрашенные тушью и красной помадой. Они плачут, вглядываются, держат свои примитивные фотоаппараты.

После заупокойной службы в соборе Святого Павла тело Черчилля было перевезено на баркасе «Хавенгор» от пирса Тауэра к вокзалу Ватерлоо. Когда судно проплывало мимо доков на Темзе, подъемные краны склонялись в знак прощания. Специальный поезд перевез умершего в Блейдон в графстве Оксфордшир, где он был предан земле на кладбище у церкви — шпиль этой церкви можно увидеть из окна комнаты, в которой он родился.

Вполне достойно, что в деревне нет назойливых знаков о находящемся там месте его упокоения, нет, разумеется, и никаких рекламных щитов у дорог. Я прохожу через кладбищенские ворота и останавливаюсь у могилы. Из-за лишайника и других природных причин надписи на большой плите уже немного размыты. Он лежит вместе с женой, матерью, отцом, своим братом и своими детьми. Настало время подумать в последний раз о величии его духа. Не о том, что или как он сделал, но о том, откуда взялась эта исполинская энергия.

Фактор Черчилля

Хотя я люблю писать и думать об Уинстоне Черчилле, должен признать, что старина порою бывает несколько пугающим. Потороплюсь сказать о неизменном огромном удовольствии работы с ним, но по мере того, как вы пытаетесь воздать должное его жизни, вы отчетливо сознаете, что оказались прикованы к гению, гению невероятной энергии и плодovitости.

Для тех из нас, кто тщился сделать хотя бы что-то из того, с чем справился он, это может быть слегка обескураживающим. Если вы когда-либо хотели стать политиком, журналистом, историком — или даже художником, — вы неизбежно начинаете теряться в догадках, как же ему все это удалось.

Но вот и подходит к концу мой долгий ланч с внуком Черчилля Николасом Сомсом. Гриль-бар при отеле «Савой» выставляет счет, прямо скажем, черчиллевский по своему размаху. Я же пытаюсь справиться с последним громадным вопросом. Его дедушка изменил историю, переведя супердредноуты с угля на нефть. Но на каком виде топлива работал сам Черчилль? Что его толкало?

Сомс задумывается и через некоторое время удивляет меня, сказав, что его дедушка был вполне обычным парнем. Он делал то, что любят делать другие англичане: заниматься домом, хобби и тому подобное.

«Знаете, во многом он был близок к стандартному семейному человеку», — говорит он.

Да, замечая я, но никакой стандартный семейный человек не опубликует текстов, в которых больше слов, чем у Шекспира и Диккенса вместе, не получит Нобелевскую премию по литературе, не убьет бесчисленное множество людей в вооруженных конфликтах на четырех континентах, не проработает на каждом крупном государственном посту, включая премьер-министра (дважды), не окажется необходимым для победы в двух мировых войнах и не напишет картин, которые после его смерти будут продаваться за миллион долларов. Я стараюсь разобраться с первичным источником всей этой энергии.

И что же мы подразумеваем под интеллектуальной энергией? У нее психологическая или физиологическая основа? Был ли он наделен генетически либо гормонально некоторым более совершенным процессом внутреннего сгорания, или же все явилось следствием психологического становления в детстве? Возможно, было смешение этих двух причин. Кто знает — я полагаю, что ответ зависит от вашего взгляда на соотношение телесного и духовного.

«Кто-то чадит влажным хворостом, а другой может сжечь // Весь сгораемый мир в маленькой комнате», — писал Уильям Батлер Йейтс в свой лучший пророческий период («Some burn damp faggots, others may consume // The entire combustible world in one small room»). Если вам нужен двенадцатицилиндровый и шестилитровый потребитель всего сгораемого мира, то это Черчилль. Помню, когда мне было лет пятнадцать, я читал эссе психолога Энтони Стorra, в котором он утверждал, что самой большой и важной победой Черчилля была победа над самим собой.

Автор имел в виду, что Черчилль всегда осознавал, что был маленьким, низкорослым и трусливым в шко-

ле, — вспомните эпизод, когда другие мальчики кидали в него крикетными мячами и он убежал. Итак, усилием воли он решил победить трусость и заикание, а тренировками с гантелями преобразовать свои 36 килограммов в тело Чарльза Атласа¹. Сторр рассуждает, что, преодолев собственную трусость, легко преодолеть все остальное.

Я все время считал, что этот анализ в целом хорош, но его логику можно упрекнуть в близости к порочно-му кругу. Я подразумеваю, почему он решил справиться со своим страхом. Был ли он на самом деле трусом? Растопчет ли пугливый школьник соломенную шляпу ужасного директора? Я надеюсь, что к настоящему времени у читателя вполне достаточно сведений, чтобы сформировать собственное неплохое представление о психологии Черчилля, и, наверное, не требуется развивать аргументацию дальше.

Что же мы имеем в совокупности? С одной стороны, несомненно влияние отца: боль из-за отторжения и постоянной критики, страх не оправдать ожиданий, необходимость после ранней смерти Рандольфа как отомстить за него, так и превзойти его. С другой стороны, была мать — друг мой, что за женщина! Дженни играла ключевую роль, она подталкивала Черчилля и помогала ему, в конце концов, его слава была отчасти и ее славой. Можно лишь гадать, насколько побуждало безрассудную храбрость и героизм Черчилля в Малаканде понимание того, что его мать, возможно, переспала с Биндоном Бладом, чтобы он там очутился.

Был и общий исторический контекст, в котором он появился на свет. Когда родился Черчилль, Британия не только находилась на пике славы, но его поколение также осознавало, что понадобятся сверхчеловеческие усилия и энергия для защиты империи. Одно лишь

¹ Атлас Чарльз (1892–1972) — создатель бодибилдинга.

это напряжение позволило викторианцам стать в какой-то мере более крупными личностями по сравнению с нами, словно они были созданы с бóльшим масштабом.

«Они были тверже, жестче нас, — говорит Сомс. — Заметьте, что мой дедушка всегда настаивал, чтобы кто-нибудь ухаживал за ним, где бы он ни был».

Была также естественная самовлюбленность, разделяемая в большей или меньшей степени всеми человеческими существами, и стремление завоевать авторитет и уважение. Мне всегда казалось, что у Черчилля в голове был секретный силлогизм:

Британия = величайшая империя на Земле.

Черчилль = величайший человек в Британской империи.

Следовательно,

Черчилль = величайший человек на Земле.

Эндрю Робертс говорит, что это верно, но слишком скромно. Правильным будет силлогизм:

Британия = величайшая империя, которую когда-либо видел мир.

Черчилль = величайший человек в Британской империи.

Следовательно,

Черчилль = величайший человек в истории мира.

В некотором смысле это не грешит против истины, но все же несправедливо по отношению к Черчиллю. Да, он обладал титаническим эго, но оно умерялось его юмором, иронией, глубокой человечностью, пониманием других людей и симпатией к ним, приверженностью к общественному служению и верой в демократическое право британцев прогнать его — что они и делали — на

выборах. Вспомните о его мгновенном прощении избирателей как в Данди в 1922 г., так и после унижения 1945 г.

Вот что я имею в виду под величием его сердца. Перед тем как уйти, Сомс рассказывает мне последнюю историю, показывающую сентиментальность и благородство Черчилля.

Как-то вечером во время войны одна уборщица, работавшая в Министерстве обороны, собралась идти домой. Когда она шла к автобусу, то заметила что-то в канаве. Это была папка, перевязанная розовой ленточкой, с надписью «совершенно секретно».

Женщина быстро подняла ее из лужи, спрятала под плащом и принесла домой. Дома она показала находку сыну, и он сразу понял, что это ужасно важно и секретно. Не открывая папку, он тотчас отправился в Министерство обороны.

Когда он добрался туда, было очень поздно и все уже ушли — охранники на входе довольно грубо пообщались с этим молодым парнем. Они говорили ему просто оставить папку, а утром с ней кто-нибудь разберется. Но он отвечал «нет» и отказывался уходить, пока не придет кто-нибудь из высшего офицерского состава.

Наконец появился кто-то с высоким званием и забрал папку — в ней, разумеется, были боевые порядки Анцио-Неттунской операции.

На следующий день собрался кабинет военного времени, чтобы понять, насколько серьезным было нарушение режима секретности и можно ли проводить высадку в районе Анцио.

Они тщательно осмотрели папку, заключили, что она была в воде лишь несколько секунд, и поверили рассказу уборщицы, так что, взвесив обстоятельства, решились на запланированное вторжение в Италию.

Затем Черчилль повернулся к начальнику имперского генерального штаба и спросил: «Паг, как это произошло?» Исмей рассказал ему о женщине и ее сыне. Услышав рассказ, Черчилль расплакался. «Она должна стать Дамой-командором ордена Британской империи, — сказал он, — сделайте это».

Его личный секретарь Джек Колвилл отслеживал выполнение распоряжения и взаимодействовал с Томми Ласселсом, личным секретарем короля. Но этот случай стал одним из немногих, когда король понял Черчилля неверно. Когда вышел наградной список по случаю дня рождения монарха, стало известно, что она удостоена звания кавалера¹ ордена.

Но вот что я вам скажу: после того как Черчилль потерял свой пост в 1945 г., был издан наградной список по случаю его отставки. И пятым номером в этом списке была уборщица Министерства обороны — Дама-командор.

Увы, этот рассказ противостоял всем моим попыткам проверить его и в архиве Черчилля, и в других местах. Но он служит иллюстрацией фундаментальной истины. Уинстон Черчилль любил добиваться своего. И слава богу, что он так поступал.

«Сходны судьбой поколения людей с поколениями листьев», — говорил Гомер. Мне это кажется правдой: мы подобны листьям не только в нашей смертности, но и в нашей похожести.

Я всегда думал, что какой-либо инопланетянин, бегло взглянув на нашу планету, может заключить, что мы, человеческие существа, строго говоря, не являемся индивидуумами, но в действительности принадлежим одному и тому же организму, словно листья, соединенные невидимыми прутьями и ветками.

Мы очень напоминаем друг друга, мы вместе шелестим, нас развевают одни и те же ветры. Легко понять, почему столь многие исследователи придерживаются толстовской линии и считают, что история человечества — это не история великих людей и блестящих дел.

¹ *Кавалер* (МВЕ) — пятый по старшинству класс ордена Британской империи, *Дама-командор* (ДВЕ) — второй.

Уже многие десятилетия модно утверждать, что так называемые великие люди лишь эпифеномены, мишурные пузыри на огромных приливах социальных метаморфоз. Если следовать этой точке зрения, вся наша история обусловлена подспудными экономическими силами, техническими достижениями, изменениями в цене сорго, огромным весом бесконечного числа скромных человеческих действий.

Что же, я полагаю, жизнь Уинстона Черчилля — испепеляющая отповедь всей этой галиматье. Он, и он в одиночку, изменил историю.

Нетрудно вспомнить нескольких человек, колоссально повлиявших на события в мире — но почти всегда к худшему: Гитлер, Ленин и так далее. Много ли других, на ваш взгляд, кто сыграл решающую роль для перемен к лучшему, кто лично склонил чашу весов судьбы в пользу свободы и надежды?

Держу пари, что таких немного. И только один человек обладал фактором Черчилля, когда история нуждалась в нем в 1940 г. Проведя немало времени в раздумьях над этим вопросом, я с уверенностью встаю в ряды тех, кто считает, что ни до Черчилля, ни после не было никого хотя бы отдаленно близкого к нему.

Хронология

- 1874 30 ноября. Рождение Уинстона Черчилля.
- 1876 Семья Черчилль переезжает в Дублин.
- 1880 Семья Черчилль возвращается в Англию.
- 1882 Зачисление в школу святого Георга в Аскоте.
- 1884 Зачисление в школу Брансуик в Хоуе.
- 1886 Отец Уинстона становится канцлером казначейства.
- 1887 Зачисление в Харроу.
- 1893 Зачисление в Королевское военное училище в Санд-херсте.
- 1894 Уинстон Черчилль получает назначение в звании корнета в 4-й ее королевского величества гусарский полк.
- 1895 Умирает его отец.
Уинстон Черчилль освещает в качестве корреспондента Daily Graphic испано-американскую войну на Кубе.
Первая поездка в Соединенные Штаты.
- 1896 Вместе с полком Черчилль направлен в Индию, где занимается самообразованием.
- 1897 Пишет для Daily Telegraph об осаде Малаканда, участвует с Малакандским полевым корпусом в боевых действиях на северо-западной индийской границе.
- 1898 Публикует первую книгу.
Участвует в сражении при Омдурмане в Судане, пишет о нем для Morning Post.
- 1899 Безуспешно участвует в дополнительных выборах в Олдеме.
Становится военнопленным во время войны в Южной Африке и национальным героем после побега из плена.

- 1900 Побеждает на выборах в Олдеме.
Выступает с лекциями в Соединенных Штатах и Канаде.
- 1901 Первая речь в парламенте.
- 1904 Переходит из Консервативной партии в Либеральную.
- 1905 Становится заместителем министра по делам колоний.
- 1907 Поездка по Африке.
- 1908 Уинстон Черчилль назначен министром торговли.
Женится на Клементине Хозье.
- 1909 Рождается Диана Черчилль.
- 1910 Уинстон Черчилль становится министром внутренних дел.
- 1911 Осада на Сидней-стрит.
Рождение сына Рандольфа.
Уинстон Черчилль становится первым лордом адмиралтейства.
- 1913 Учреждает летный корпус Королевского флота.
- 1914 Начало Первой мировой войны.
Черчилль возглавляет оборону Антверпена.
Рождение дочери Сары.
- 1915 Дарданелльская операция.
Черчилль смещен с поста в адмиралтействе.
Понижен в должности до канцлера герцогства Ланкастерского.
- 1916 Получает назначение в звании подполковника в 6-й батальон Королевских шотландских фузилеров.
- 1917 Снова входит в правительство в должности министра вооружений.
- 1918 Прекращение военных действий в Первой мировой войне.
Рождается дочь Маригольд.
- 1919 Уинстон Черчилль становится военным министром и министром авиации.
- 1921 Становится министром по делам колоний.
Учреждает в министерстве департамент по делам Ближнего Востока.
Председательство на Каирской конференции, создание Ирака и Иордании.
Смерть Маригольд.

- 1922 Чанакский кризис и падение коалиционного правительства Ллойд Джорджа.
Черчилль терпит поражение на выборах в Данди.
Рождается дочь Мэри.
- 1924 Черчилль возвращается в Консервативную партию.
Назначен канцлером казначейства.
- 1925 Черчилль возвращает Британию к золотому стандарту.
- 1926 Всеобщая стачка.
- 1929 Черчилль снова посещает США.
- 1931 Черчилль не получает приглашения войти в кабинет министров из-за его позиции по независимости Индии.
Черчилль сбит автомобилем в Нью-Йорке.
- 1932 Черчилль оказывается в «политической глуши».
Запланированная, но не состоявшаяся встреча с Адольфом Гитлером в Германии.
- 1933 Гитлер назначен рейхсканцлером.
- 1935 Стэнли Болдуин становится премьер-министром.
- 1936 Кризис отречения короля.
- 1937 Невилл Чемберлен становится премьер-министром.
- 1938 Мюнхенское соглашение.
- 1939 «Черчилль вернулся!» Назначен первым лордом адмиралтейства.
23 августа. Подписан пакт Молотова — Риббентропа.
1 сентября. Гитлер вторгается в Польшу и начинает Вторую мировую войну.
- 1940 10 мая. Черчилль назначен премьер-министром.
28 мая. Черчилль убеждает свой кабинет продолжать сражаться.
Май — июнь. Эвакуация из Дюнкерка.
Июнь. Падение Парижа.
22 июня. Капитуляция Франции.
3 июля. Черчилль отдает приказ атаковать французский флот в Мерс-эль-Кебире.
10 июля. Начало Битвы за Британию.
- 1941 24–30 апреля. Эвакуация британских войск из Греции.
22 июня. Гитлер нарушает пакт Молотова — Риббентропа и начинает операцию «Барбаросса».
14 августа. Подписание «Атлантической хартии».

- 7 декабря. Нападение Японии на Перл-Харбор и вступление США во Вторую мировую войну.
- 1942 Февраль. Падение Сингапура.
17 июля. Начало Сталинградской битвы.
Октябрь — ноябрь. Битва при Эль-Аламейне.
- 1943 Август. Первая Квебекская конференция.
3 сентября. Высадка союзных войск в материковой Италии.
Ноябрь. Тегеранская конференция.
- 1944 6 июня. Высадка в Нормандии.
Сентябрь. Вторая Квебекская конференция.
- 1945 Февраль. Ялтинская конференция.
12 апреля. Смерть Франклина Делано Рузвельта.
30 апреля. Гитлер совершает самоубийство.
8 мая. День Победы в Европе.
Июль. Потсдамская конференция. Консерваторы проигрывают на всеобщих выборах, и Черчилль теряет пост премьер-министра.
2 сентября. Окончание Второй мировой войны.
- 1946 5 марта. Черчилль выступает в Фултоне, штат Миссури, с речью «Сухожилия мира» и говорит о «железном занавесе».
19 сентября. Выступает в Цюрихе с речью «Соединенные Штаты Европы».
- 1951 25 октября. Консерваторы побеждают на всеобщих выборах, и Черчилль снова становится премьер-министром.
- 1953 Июнь. Черчилль переживает серьезный инсульт.
- 1955 6 апреля. Уходит в отставку с поста премьер-министра.
- 1961 В последний раз посещает США на яхте Аристотеля Онассиса «Кристина».
- 1963 Джон Кеннеди объявляет Черчилля первым почетным гражданином США.
- 1964 15 октября. Черчилль слагает полномочия депутата парламента от Вудфорда.
- 1965 24 января. Умирает ровно через семьдесят лет после смерти отца.

Благодарности

Замысел этой книги возник при участии моего превосходного редактора Руперта Ланкастера из издательства Hodder & Stoughton. Несколько лет назад он обратился к «Наследию Черчилля» (The Churchill Estate) с предложением дать новые оценки деятельности сэра Уинстона Черчилля в связи с приближающимся 50-летьем со дня его смерти. В «Наследии Черчилля», как оказалось, уже думали об этом и на меня указали как на человека, подходящего для этой работы. За это я признателен Руперту и Гордону Уайзу, а также всем другим из «Наследия Черчилля» и связанных организаций. И конечно же, я благодарен моему замечательному агенту Наташе Фэрвезер и моему американскому редактору Ребекке Салетан за ее мудрые советы по тому, как сделать книгу доступной для всех англоязычных народов.

Как однажды сказал Мартин Гилберт, было большой честью работать в винограднике Черчилля. Я бесконечно обязан всезнающему доктору Аллену Паквуду из архива Черчилля, который охотно отвечал на мои звонки, даже если они застигали его в самое неудобное время. Он всегда давал мне верное направление к разнообразным замечательным документам.

Мне оказали всемерную помощь великолепные смотрители в Чартвелле, «Военных комнатах» и Бленхеймском дворце.

Эндрю Робертс дал мне две долгие, подкрепленные вином консультации в клубе на Хертфорд-стрит, 5.

Дэвид Кэмерон проделал бесценную нелегкую работу по определению точного места проведения ключевых встреч

в мае 1940 г. — а, к примеру, у Лукача (Lukacs) нет четкого указания на это.

Николас Сомс и Селия Сандис из семьи Черчилль были всегда готовы помочь в обсуждении биографии их дедушки, также я написал одну из глав в греческом доме правнука Черчилля Хьюго Диксона.

И конечно же, появление этой книги было бы невозможным без энергичных исследований и неослабной поддержки великого Уоррена Доктера (или доктора Доктера, как он стал называться в нашей семье), работавшего в Университете Теннесси и в Кембридже. Вместе мы исследовали все — от бункера Черчилля и его спальни до его бивака во время Первой мировой войны. Мы перекидывались нашими теориями, это упражнение было увлекательным и красочным благодаря неисчерпаемым знаниям Уоррена.

Черчиллю принадлежит знаменитое высказывание: «Написание книги — это приключение. Сначала она игрушка и развлечение, затем становится любовницей, потом хозяйкой, а впоследствии тираном. На последнем этапе, когда вы уже почти смирились со своим рабством, вы убиваете монстра и кидаете его пубlike».

Он прав, говоря о рабстве. И я хочу особенно поблагодарить мою жену Марину за то, что она терпела тирана Черчилля — занимавшего наш дом и выдвигавшего все новые требования, походя на гигантского надувного жильца, — и за все ее отличные советы.

Благодарности издателя

Автор и издатели выражают признательность за оказанную при подготовке и написании этой книги поддержку архива Черчилля (The Churchill Archive) в колледже Черчилля, Кембридж, а также за полученные советы. Мы благодарим и другие ключевые организации, связанные с Черчиллем, за любезно предоставленный доступ к информации.

Еще мы благодарны Сесилии Маккей за поиск иллюстраций, Натали Адамс и Саре Льюэри за помощь в предоставлении изображений из архивного центра Черчилля (The Churchill Archives Center), а также Ричарду Пайку из агентства Curtis Brown за работу по выяснению возможности воспроизведения изображений.

Чтобы узнать больше об Уинстоне Черчилле и организациях, поддерживающих его наследие, читатели призываются посетить www.churchillcentral.com

Вы можете думать, как Черчилль?

Узнайте об этом на thinklikechurchill.com/book

Благодарности по использованным текстам

Избранные отрывки из речей, черновики речей, депеш, журналистских статей, писем и работ сэра Уинстона Черчилля воспроизводятся с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы The Estate of Winston S. Churchill. © Уинстон С. Черчилль.

Избранные отрывки из писем Клементины Спенсер-Черчилль, писем лорда и леди Рандольф Черчилль и «Видения» сэра Уинстона Черчилля воспроизводятся с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы The Master, Fellows and Scholars of Churchill College, Cambridge. © The Master, Fellows and Scholars of Churchill College, Cambridge.

Избранные отрывки из писем Клементины Спенсер-Черчилль и работ леди Мэри Сомс воспроизводятся с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы The Estate of Lady Mary Soames. © Леди Сомс DBE.

Winston S. Churchill: The Official Biography by Randolph S. Churchill and Martin Gilbert © C&T Publications Limited.

Библиография

Библиография составлена доктором Уорреном Доктером, научным сотрудником Кембриджского университета. В ней приведены не только работы, процитированные в тексте, но и те, которые использовались при подготовке данной книги.

Основные источники

А. Неопубликованные источники

I. Национальные архивы

Архив кабинета министров (CAB)

«Хансард» (Hansard): дебаты в палате общин

Архив премьер-министра (PREM)

II. Личные бумаги

Архив Лео Эмери, колледж Черчилля, Кембридж (AMEL)

Архив Джулиана Эмери, колледж Черчилля, Кембридж (AMEJ)

Broadwater Collection, колледж Черчилля, Кембридж (BRDW)

Чартвелльские рукописи, колледж Черчилля, Кембридж (CHWL)

Архив Клементины Черчилль, колледж Черчилля, Кембридж (CSCT)

Архив лорда Рандольфа Черчилля, колледж Черчилля, Кембридж (RCHL)

Архив Рандольфа Черчилля, колледж Черчилля, Кембридж (RDCH)

Архив Уинстона Черчилля, колледж Черчилля, Кембридж (CHAR & CHUR)

Дополнительная коллекция бумаг Черчилля, колледж Черчилля, Кембридж (WCHL)

Архив Джона Колвилла, колледж Черчилля, Кембридж (CLVL)

В. Опубликованные источники

Примечание: если не указано иное, местом публикации является Лондон.

III. Основные работы Уинстона Черчилля

Churchill, Winston, *A History of the English-Speaking Peoples*, Vols I–IV (1956–1958)

— *Amid These Storms: Thoughts and Adventures* (New York, 1932)

— *Great Contemporaries* (1937)

— *Ian Hamilton's March* (1900)

— *India—Speeches* (1931)

— *London to Ladysmith Via Pretoria* (1900)

— *Lord Randolph Churchill*, Vols I–II (1906)

— *Marlborough: His Life and Times*, Vols I–IV (1933–1938)

— *My African Journey* (1908)

— *My Early Life: A Roving Commission* (1930)

— *Painting as a Pastime* (1948)

— *Savrola: A Tale of Revolution in Laurania* (1899)

— *The River War: An Account of the Reconquest of the Sudan*, Vols I–II (1899)

— *World War II*, Vols I–VI (1948–1953)

— *The Story of the Malakand Field Force: An Episode of Frontier War* (1898)

— *The World Crisis* Vols I–V (1923–1931)

IV. Официальная биография

Churchill, Randolph S., *Winston S. Churchill Vol. I: Youth 1875–1900* (1966)

Churchill, Randolph S., (ed.) *Companion Volume I, Parts 1 and 2* (1967)

— *Winston S. Churchill Vol. II: Young Statesmen 1901–1914* (1967)

— (ed.), *Companion Volume II, Parts 1, 2, and 3* (1969)

Gilbert, Martin, *Winston S. Churchill Vol. III: 1914–1916* (1971)

- Gilbert, Martin, (ed.) *Companion Volume III, Parts 1 and 2* (1972)
- *Winston S. Churchill Vol. IV: 1916–1922* (1975)
 - (ed.), *Companion Volume IV, Parts 1, 2, and 3* (1977)
 - *Winston S. Churchill Vol. V: 1922–1939* (1976)
 - (ed.), *Companion Volume V, Parts 1, 2, and 3* (1979)
 - *Winston S. Churchill Vol. VI: Finest Hour 1939–1941* (1983)
 - (ed.), *Companion Volume VI: The Churchill War Papers, Parts 1, 2, and 3* (1993, 1995, 2000)
 - *Winston S. Churchill Vol. VII: The Road to Victory 1941–1945* (1986)
 - *Winston S. Churchill Vol. VIII: Never Despair 1945–1965* (1988)

V. Сборники

- Boyle, P., (ed.) *The Churchill – Eisenhower Correspondence, 1953–1955* (Chapel Hill, 1984)
- James, Robert R., (ed.) *Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963, Vols 1–8* (1974)
- Kimball, W., (ed.) *Churchill and Roosevelt, the Complete Correspondence Vols 1–3* (Princeton, 1984)
- Sand, G., (ed.) *Defending the West: The Truman – Churchill Correspondence, 1945–1960* (Westport, 2004)
- Soames, Mary, (ed.) *Speaking For Themselves: The Private Letters of Sir Winston and Lady Churchill: The Personal Letters of Winston and Clementine Churchill* (1999)
- Woods, F., (ed.) *Young Winston's Wars: The Original Despatches of Winston S. Churchill, War Correspondent, 1897–1900* (1972)

VI. Дневники, мемуары и монографии

- Aga Khan III, *Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time* (1954)
- Asquith, Herbert, *Memories and Reflections: The Earl of Oxford and Asquith, Vols I–II* (1928)
- Barnes, John and Nicholson, David, (eds) *The Diaries of Leo Amery Vol. I 1896–1929* (1980)
- *The Empire At Bay: The Leo Amery Diaries Vol. II 1929–1945: The Empire At Bay* (1988)
- Beaverbrook, Lord Maxwell, *Politicians and the War* (1928)
- *The Decline and Fall of Lloyd George* (1963)

- Berman, Richard, *The Mahdi of Allah* [introduction by Churchill] (London, 1931)
- Bonham Carter, Violet, *Winston Churchill as I Knew Him* (1965)
- Bonham, Mark and Pottle, Mark, (eds) *Lantern Slides: The Diaries and Letters of Violet Bonham Carter, 1904–1914* (Phoenix, 1997)
- Brock, Michael and Eleanor, (eds) *H. H. Asquith: Letters to Venetia Stanley* (Oxford, 1982)
- Butler, R. A., *The Art of the Possible: The Memoirs of Lord Butler* (1979)
- Campbell-Johnson, Alan, *Mission with Mountbatten* (1951)
- Cantrell, Peter, (ed.) *The Macmillan Diaries* (2003)
- Colville, Jock, *The Fringes of Power: Downing Street Diaries 1939–1955* (1985)
- *Action This Day — Working with Churchill* (1968)
- *The Churchillians* (1981)
- Ferrel, Robert, *The Eisenhower Diaries* (New York, 1981)
- Haldane, J. Aylmer, *How We Escaped from Pretoria* (Edinburgh, 1900)
- Hamilton, Ian, *Gallipoli Diary, Vols I–II* (1920)
- Hart-Davis, Duff, *King's Counsellor: Abdication and War — The Diaries of Sir Alan Lascelles* (2006)
- Lloyd George, David, *Memoirs of the Peace Conference, Vols I–II* (New Haven, 1939)
- Macmillan, Harold, *War Diaries: Politics and War in the Mediterranean* (1975)
- *Autobiography, Vols I–VI* (1966–1973)
- Mayo, Katherine, *Mother India* (1927)
- Moran, Lord, *Winston Churchill: The Struggle for Survival* (1966)
- Nicolson, Nigel, (ed.) *Harold Nicolson: Diaries and Letters 1930–1939* (1966)
- *Harold Nicolson: Diaries and Letters 1939–1945* (1970)
- *Harold Nicolson: Diaries and Letters 1945–1962* (1971)
- Pottle, Mark, (ed.) *Champion Redoubtable: Diaries and Letters of Violet Bonham Carter, 1914–1945* (1998)
- Roosevelt, Elliott, (with James Borrough) *An Untold Story: The Roosevelts of Hyde Park* (1973)
- *As He Saw It* (1974)
- Shuckburgh, Evelyn, *Descent to the Suez: Foreign Office Diaries 1951–1956* (1987)

- Thompson, Walter H., *I was Churchill's Shadow* (1951)
 — *Sixty Minutes With Winston Churchill* (1953)
 — *Beside The Bulldog: The Intimate Memoirs of Churchill's Bodyguard* (2003)
 Weizmann, Chaim, *Trial and Error: The Autobiography of Chaim Weizmann* (New York, 1949)
 Williamson, Philip and Baldwin, Edward (eds) *Baldwin Papers: A Conservative Statesman* (Cambridge, 2004)

Дополнительные источники

Примечание: если не указано иное, местом публикации является Лондон.

- VII. Избранные мемуары, монографии и сборники
 Addison, Paul, *Churchill on the Home Front, 1900–1955* (1992)
 — *Churchill: The Unexpected Hero* (2005)
 Ansari, Humayun, *The Making of the East London Mosque, 1910–1951* (2011)
 Ball, Stuart, *The Conservative Party and British Politics 1902–1951* (1995)
 — *Winston Churchill* (2003)
 — *Parliament and Politics in the Age of Churchill and Attlee: The Headlam Diaries 1935–1951* (2004)
 — (ed., with Anthony Seldon) *Recovering Power: The Conservatives in Opposition Since 1867*
 Bennett, G. H., *British Foreign Policy During The Curzon Period 1919–1924* (1995)
 Brendon, Piers, *Winston Churchill* (1984)
 — *The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997* (2010)
 Cannadine, David, *Ornamentalism: How the British Saw Their Empire* (Oxford, 2002)
 — (ed., with Roland Quinault), *Winston Churchill in the Twenty First Century* (2004)
 Catherwood, Christopher, *Churchill's Folly: How Winston Churchill Created Modern Iraq* (2004)
 Charmley, John, *Churchill: The End of Glory — A Political Biography* (1994)
 — *Churchill's Grand Alliance 1940–1957* (1995)
 — *A History of Conservative Politics 1900–1996* (1996)
 Cohen, Michael, *Churchill and the Jews, 1900–1948* (1985)

- Cowles, Virginia, *Winston Churchill: The Era and The Man* (1963)
- D'Este, Carlo, *Warlord: A Life of Churchill at War 1874–1945* (2008)
- Dockter, A. Warren, *Winston Churchill and the Islamic World: Orientalism, Empire and Diplomacy in the Middle East* (2014)
- Farmelo, Graham, *Churchill's Bomb: A Hidden History of Science, War and Politics* (2013)
- Fishman, Jack, *My Darling Clementine: The Story of Lady Churchill* (1963)
- Fisk, Robert, *The Great War For Civilisation: The Conquest of the Middle East* (2005)
- Foster, R. F., *Lord Randolph Churchill: A Political Life* (Oxford, 1981)
- Fromkin, David, *A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East* (New York, 1989)
- Gilbert, Martin, *Churchill's Political Philosophy* (1981)
- *Winston Churchill: The Wilderness Years* (1981)
 - *World War II* (1989)
 - *Churchill: A Life* (1991)
 - *In Search of Churchill* (1994)
 - *History of the Twentieth Century* (2001)
 - *Churchill and America* (2005)
 - *Churchill and the Jews* (2007)
- Hastings, Max, *Finest Years: Churchill as Warlord, 1940–1945* (2009)
- Herman, Arthur, *Gandhi and Churchill: The Epic Rivalry that Destroyed an Empire and Forged Our Age* (2008)
- Higgins, Trumbull, *Winston Churchill and the Dardanelles* (1963)
- Hyam, Ronald, *Elgin and Churchill at the Colonial Office 1905–1908: The Watershed of the Empire-Commonwealth* (1968)
- Irons, Roy, *Churchill and the Mad Mullah of Somaliland: Betrayal and Redemption 1899–1921* (2013)
- James, Lawrence, *Churchill and Empire: Portrait of an Imperialist* (2013)
- James, Robert Rhodes, *Lord Randolph Churchill* (1959)
- *Churchill: A Study in Failure, 1900–1939* (1981)
- Jenkins, Roy, *Churchill: A Biography* (New York, 2001)
- Karsh, Efraim, *The Arab-Israeli Conflict. The Palestine 1948 War* (Oxford, 2002)

Kennedy, Paul, *Engineers of Victory: The Problem Solvers who Turned the Tide in the Second World War* (2013)

Kumarasingham, Harshan, *A Political Legacy of the British Empire: Power and the Parliamentary System in Post-Colonial India and Sri Lanka* (2013)

Lloyd George, Robert, *David and Winston: How a Friendship Changed History* (2005)

Louis, Wm Roger, (ed., with Robert Blake) *Churchill: A Major New Assessment* (1993)

Lovell, Mary S., *The Churchills: A Family at the Heart of History* (2011)

Macmillan, Margaret, *Peacemakers: Six Months that Changed the World* (2002)

Manchester, William, *The Last Lion: Winston Spencer Churchill: Visions of Glory 1874–1932* (New York, 1983)

— *The Last Lion: Winston Spencer Churchill: Alone 1932–1940* (New York, 1988)

— (with Paul Reid) *The Last Lion: Winston Spencer Churchill* (New York, 2012)

Marder, Arthur, *From Dreadnought to Scapa Flow*, Vols I–IV (1965)

de Mendelssohn, Peter, *The Age of Churchill: Heritage and Adventure, 1874–1911* (1961)

Middlemas, Keith and Barnes, John, *Baldwin: A Biography* (1969)

Mukerjee, Madhusree, *Churchill's Secret War: The British Empire and the Ravaging of India during World War II* (2011)

Muller, James, (ed.) *Churchill as a Peacemaker* (New York, 1997)

Overy, Richard, *Why the Allies Won* (1997)

— *The Battle of Britain: The Myth and the Reality* (2002)

Ramsden, John, *Man of the Century: Winston Churchill and Legend since 1945* (2002)

Reid, Walter, *Empire of Sand: How Britain Made the Middle East* (2011)

Reynolds, David, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing World War II* (2004)

— *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt and the International History of the 1940s* (2006)

Roberts, Andrew, *The Holy Fox: A Biography of Lord Halifax* (1991)

— *Eminent Churchillians* (1994)

- *Hitler and Churchill: Secrets of Leadership* (2003)
- *Masters and Commanders: How Roosevelt, Churchill, Marshall and Alanbrooke Won the War in the West* (2008)
- Rose, Jonathan, *The Literary Churchill: Author, Reader, Actor* (2014)
- Rose, Norman, *Churchill: An Unruly Life* (1994)
- Russell, Douglas, *Winston Churchill — Soldier: The Military Life of a Gentleman at War* (2005)
- Seldon, Anthony, *Churchill's Indian Summer: The Conservative Government 1951–1955* (1981)
- Sheldon, Michael, *Young Titan: The Making of Winston Churchill* (2013)
- Taylor, A. J. P., (ed.) *Churchill: Four Faces and the Man* (1969)
- Toye, Richard, *Lloyd George and Churchill: Rivals for Greatness* (2007)
- *Churchill's Empire: The World that Made Him and the World He Made* (2010)
- *The Roar of the Lion: The Untold Story of Churchill's World War II Speeches* (2013)
- Walden, David, *The Chanak Affair* (1969)
- Wallach, Janet, *The Desert Queen: The Extraordinary Life of Gertrude Bell* (1996)
- Wilson, Jeremy, *Lawrence of Arabia: The Authorized Biography of T. E. Lawrence* (1989)
- Wrigley, C. J. (ed.), *Warfare, Diplomacy and Politics: Essays in Honour of A. J. P. Taylor* (1986)
- *Winston Churchill: A Biographical Companion* (Santa Barbara, 2002)
- *A. J. P. Taylor: Radical Historian of Europe* (2006)
- *Churchill* (2006)
- Young, John, *Winston Churchill's Last Campaign: Britain and the Cold War 1951–1955* (1996)

Примечания

Глава 1

С. 19. *«Премьер-министр сказал, что с очевидностью французское намерение было в том... против такого расклада»*. — Cabinet Meeting Minutes, 28 May 1940, confidential annex; CAB 65/13. См. также John Lukacs, *Five Days in London*, May 1940 (New Haven, 1999).

С. 22–23. *...люфтваффе еще не переключилось на нас и не бомбит наши авиационные заводы*. — Cabinet Meeting Minutes, 28 May 1940, confidential annex; CAB 65/13.

С. 23. *...леди Нелли Сесил отметила, что почти все ее родственники были «благосклонны к нацистам»*. — Lady Nelly Cecil; Lynne Olson, *Troublesome Young Men: The Rebels Who Brought Churchill to Power and Helped Save England* (London, 2008), p. 66.

С. 24. *Бывший британский премьер-министр заявил, что Гитлер — «прирожденный лидер»*. — Lloyd George, *The Daily Express*, 17 September 1936.

...«человек столь же высочайших качеств встал во главе власти в нашей стране». — Lloyd George to T. Phillip Cornwell-Evans, 1937; William Manchester, *The Last Lion: Winston Spencer Churchill, Alone: 1932–1940* (London, 1988), p. 82.

«Если бы Гитлера не было... вся Западная Европа сейчас бы громко призывала подобного воителя». — Ward Price, *Daily Mail*, 21 September 1936; см. также Lynne Olson, *Troublesome Young Men*, p. 123.

С. 25. *...обвинил Черчилля в том, что тот несет «ужасный вздор»*. — Lord Halifax Diary, 27 May 1940; см. Andrew Roberts, *Holy Fox: The Life of Lord Halifax* (London, 2011), p. 221.

С. 26. *«Несколько последних дней я провел в сосредоточенных размышлениях... резервы и преимущества»*. — Hugh

Dalton, *Memoirs: The Fateful Years, 1931–1945* (London, 1957), p. 335–336.

С. 27. ...дал Галифаксу прозвище Холифокс... — См.: Andrew Roberts, *Holy Fox: The Life of Lord Halifax*.

Глава 2

С. 30. ...хотел бы видеть «завершением своей работы то, как фюрер рядом с английским королем войдет в Лондон под приветственные возгласы английского народа». — Lord Halifax, July 1938 (date unconfirmed); Lukacs, *Five Days*, p. 64.

С. 31. «С демократией в Англии покончено»... — Joe Kennedy, *Boston Globe*, 10 November 1940.

С. 34. ...откуда планировалось изгнать славянских «недо-человеков». — Albert Speer, *Inside the Third Reich* (London, 1970).

...как Эйхман позднее признавал на судебном процессе, депортация означала ликвидацию. — См.: Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (London, 1963); David Cesarani, *Becoming Eichmann: Rethinking the Life, Crimes and Trial of a «Desk Murderer»* (Boston, 2006).

С. 35. ...«в пропасть новых Темных веков, которые становятся еще более зловещими и, возможно, затяжными из-за света извращенной науки». — Winston Churchill, *House of Commons*, 18 June 1940, *Hansard*, HC Deb, Vol. 362 cc 51–64; <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1940/jun/18/war-situation>.

...демократии, которая, по замечанию Черчилля, является наихудшей формой правления, за исключением всех остальных. — Winston Churchill, *House of Commons*, 11 November 1947; Robert Rhodes James (ed.), *Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963*, Vol. 7 (1974), p. 7566.

С. 38. ...Гиммлер предлагал убить или поработить 80 процентов британского населения. — Otto Brautigam, *So hat es sich zugetragen: Ein Leben als Soldat und Diplomat* (Würzburg, 1968), p. 590.

Глава 3

С. 41. «Я долго не продержусь»... — Winston Churchill, 13 May 1940; Norman Rose, *Churchill: The Unruly Giant* (London, 1995), p. 327.

...тори, по свидетельству Айнцига, хранили «угрюмое молчание»... — Lynne Olson, *Troublesome Young Men*, p. 330.

С. 42. *«Как ты знаешь, они относятся к У. Ч. с полным недоверием... какую депрессию все это наводит на меня».* — Nancy Dugdale; Andrew Roberts, *Eminent Churchillians* (London, 2010; ebook edition).

...сброд неверных и своекорыстных пижонов... — Автором данной характеристики был Дэвид Маргрессон, см.: Graham Stewart, *Burying Caesar: The Churchill – Chamberlain Rivalry* (London, 2003).

...«дикий слон» Уинстон Черчилль. — Lord Hankey to Samuel Hoare, 12 May 1940, HNKY 4/32, Hankey Papers, Churchill College Cambridge.

С. 43. *...«источал портвейн, бренди и жеваную сигару».* — Lord Halifax; Julian Jackson, *The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940* (London, 2004), p. 210.

...Черчилль походил на «толстенького малыша»... — Lady Alexandra Metcalf; Roberts, *Eminent Churchillians*.

С. 44. *...«Неужели у нас нет бедности?»...* — Winston Churchill, House of Commons 13 May 1901; Virginia Cowles, *Winston Churchill: The Era and the Man* (London, 1953), p. 86.

«Мое предсказание состоит в том... либералы одержат сокрушительную победу на выборах». — Winston Churchill; see Martin Gilbert, *Churchill: A Life* (New York, 1991), p. 169.

С. 45. *...прозвали «бленхеймской крысой».* — Rose, *Unruly Giant*, p. 66. Cecil, 24 October 1903 (letter not sent); R. C. Kemper (ed.), *Winston Churchill: Resolution, Defiance, Magnanimity, Good Will* (Missouri, 1996), p. 145.

...предавался утехам в духе Оскара Уайльда. — Papers on WSC's successful libel action against A. C. Bruce Pryce, CHAR1/17, Churchill Papers.

С. 46. *«Я понимаю, что там делал фотограф... но чем же там занимался почтенный джентльмен?»* — A. J. Balfour; Roy Jenkins, *Churchill: A Biography* (London, 2001), p. 145.

С. 47. *...«закутавшегося в плащ и надевшего морскую фуражку... улыбался и выглядел удовлетворенным».* — Rose, *Unruly Giant*, p. 136.

...«непригоден для занимаемого им поста». — Jenkins, *Churchill*, p. 251.

С. 48. *...назвал Махатму Ганди «полуголым факиром»...* — Winston Churchill, 'A Seditious Middle Temple Lawyer' speech at Winchester House, 23 February 1931, in R. R. James, *Churchill Speeches*, p. 4982–4986.

С. 49. *...родила младенца, которого ее муж описал как «чрезвычайно хорошенького и очень здорового».* — Lord Randolph

to Mrs Leonard Jerome, 30 November 1874; Randolph Churchill, Winston S. Churchill: Youth, 1874–1900 (London, 1966), p. 1.

С. 51. ...*привлекательная внешность Дженни, придающая ей сходство с пантерой...* — Mary Lovell, The Churchills: A Family at the Heart of History (London, 2011), p. 65.

«Она светила мне подобно Венере... Я нежно любил ее, но на расстоянии». — Winston Churchill, My Early Life (London, 1996 edition), p. 28.

Рандольф требует не обращаться к нему ласково «папа», для него предпочтительнее «отец». — Lord Randolph Churchill to Winston Churchill, 13 June 1894; CHAR 1/2/83.

С. 51–52. ...«станет не более чем светским бездельником... и тщетному существованию». — Lord Randolph Churchill to Winston Churchill, 9 August 1893; CHAR 1/2/66–68.

С. 52. ...«молодой тупица», которому «определенно нельзя доверять». — Lord Randolph Churchill to Winston Churchill, 21 April 1894; CHAR 1/2/78.

Одно из недавних научных исследований попыталось избавить его от венерического позора... — См.: John H. Mather, 'Lord Randolph Churchill: Maladies Et Mort', The Churchill Centre, <http://www.winstonchurchill.org/learn/myths/myths/his-father-died-of-syphilis>; accessed 26 August 2014.

С. 54. «Ему совершенно нельзя доверять, как нельзя было доверять и его отцу»... — Lord Derby to Lloyd George, August 1916; Gilbert, Churchill: A Life, p. 365.

Теодор Рузвельт называл обоих «ничтожествами». — Teddy Roosevelt to Theodore Roosevelt Jr, 23 May 1908; Theodore Roosevelt Papers, Manuscripts division. The Library of Congress. Martin Gilbert, Churchill and America (London, 2008), p. 50.

Глава 4

С. 56. ...«Конечно, ты сейчас слишком стар... многое изменить, и даже сделать себе имя». — Winston Churchill, 'The Dream'; Martin Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair (London, 1988), p. 364–372.

С. 57. ...«Прекрати этот шум, ты, курносый радикал!» — Lady Randolph to Lord Randolph Churchill, 15 February 1886; CHAR 28/100/12–14.

«Он стал много лучше себя вести... Сандхерст сотворил с ним чудеса». — Lord Randolph Churchill, 23 October 1893; Rose, Unruly Giant, p. 29.

С. 59. ...«С тех пор как нахожусь в парламенте... поступать так и далее». — Lord Randolph Churchill to Sir Stafford Northcote, 3 March 1883; Winston Churchill, Lord Randolph Churchill (New York, 1907), p. 192.

С. 60. ...«смотреть сверху вниз на передние скамьи по обе стороны и с безукоризненной беспристрастностью относиться ко всем партиям в палате общин». — Sir Stafford Northcote, *ibid.*, p. 177.

...«главным образом оппортунизм». — John Charmley, *A History of Conservative Politics since 1830* (London, 2008), p. 59.

С. 61. ...«маленький Ранди» и «дерзкий Ранди». — Mary Lovell, *The Churchills: In Love and War* (London, 2012), p. 88.

Он прозвал Гладстона «суетливым стариком»... — Lord Randolph Churchill, 1886; Winston Churchill, Lord Randolph Churchill, p. 860.

...«Леса покрываются слезами, чтобы мистер Гладстон мог покрыться потом». — Winston Churchill, Lord Randolph Churchill, p. 229.

С. 62. ...«Я всегда верил в Диззи, этого старого еврея... выдвинуть британского рабочего человека на передний план». — Winston Churchill, 'The Dream', Gilbert, Churchill, Vol. 8: *Never Despair*, p. 364–372.

...«Меня облачат в мантию отца!» — Rose, *Unruly Giant*, p. 287.

С. 65. «Я забыл про Гошену»... — Anne Sebba, *American Jennie: The Remarkable Life of Lady Randolph Churchill* (London, 2010), p. 158.

С. 66. ...«Как насчет Черчилля?» — Rose, *Unruly Giant*, p. 287.

...«Нам нужен новый премьер-министр, и им должны быть вы». — Lynne Olson, *Troublesome Young Men*, p. 298.

...«Я чувствовал, что меня вела судьба... к этому часу и этому испытанию». — Winston Churchill, 10 May 1940; Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 645.

Глава 5

С. 69. «Управление не работает!»... — In the Air, CHAR 8/319.

С. 70. ...«Очень похоже, это конец». — Winston Churchill, *ibid.*

«Пока у авиации время Стефенсона... и крайне значимы для нашей страны». — Уинстон Черчилль сказал это своему пилоту Ивону Кортни; Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 248.

С. 71. ...в 1912 г. один полет из пяти тысяч заканчивался летальным исходом. — См.: Gilbert, Churchill: A Life, p. 248.

С. 71–72. ...«Я не думаю, что у меня будет возможность написать тебе еще много писем... Ты действительно не прав». — Sunny Marlborough to Winston Churchill, March 1913, Gilbert, Churchill: A Life, p. 248.

С. 72. ...ведет себя «по-дурацки» и «несправедливо по отношению к семье». — F. E. Smith to Winston Churchill, 6 December 1913; Michael Sheldon, Young Titan: The Making of Winston Churchill (London, 2013), p. 294.

Его кузина леди Лондондерри сказала, что он был «злым». — Lady Londonderry to Winston Churchill, July 1919; Gilbert, Churchill: A Life, p. 414.

«Сегодня я плохо вел себя и полетал»... — Winston Churchill to Clementine Churchill, 29 November 1913; Mary Soames, Clementine Churchill: The Biography of a Marriage (London, 2003), p. 116.

...«Мы с Уинстоном взлетели по его распоряжению в 12:15... снова приедет сюда для обучения и практики». — Captain Gilbert Lushington to Miss Hynes, 30 November 1913; Gilbert, Churchill: A Life, p. 252.

С. 73. ...соглашается Лашингтон и отправляется в свой последний роковой полет. — См. переписку в Martin Gilbert, In Search of Churchill (London, 1995), p. 280–284.

...судьба уже давала ему всяческие предупреждения. — См.: Winston Churchill, Thoughts and Adventures: Churchill Reflects on Spies, Cartoons, Flying, and the Future (London, 1949), p. 133–149.

С. 74. ...пуля пролетела «в тридцати сантиметрах от моей головы». — Douglas Russell, Winston Churchill: Soldier, p. 121.

С. 74–75. «Пули со свистом проносились над нашими головами»... — Winston Churchill, A Roving Commission: My Early Life (New York, 1930), p. 84.

С. 75–76. ...«Я потратил сорок патронов в непосредственном соприкосновении с неприятелем... Во всяком случае, они упали». — Rose, Unruly Giant, p. 47.

С. 76. ...«Я ехал на серой лошади вдоль линии перестрелки... нет поступка слишком отважного или слишком благородного». — Winston Churchill to Lady Randolph Churchill, 22 December 1897; Randolph Churchill, Winston S. Churchill: Youth, p. 350.

С. 77. ...окажется в ложбине, «набитой копыеносцами», которые стояли в двенадцать шеренг. — Рассказ самого Черчилля. См.: Winston Churchill, 'The Sensations of a Cavalry Charge', *My Early Life*, p. 182–196.

...подъезжал к отдельным противникам и «стрелял из пистолета им в лицо, убив нескольких...». — Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 97.

...«Это были самые опасные две минуты, которые мне предстояло и предстоит увидеть». — Winston Churchill to Ian Hamilton, 16 September 1898; BRDW V 1/1, The Broadwater Collection, Churchill College Cambridge.

С. 78. Надеюсь, что мне удастся донести до вас мою мысль. — См.: Winston Churchill, *The Boer War: London to Ladysmith Via Pretoria and Ian Hamilton's March* (London, 2008 edition), p. 287.

...порю подходил к немецким окопам так близко, что слышал разговоры вражеских солдат. — См.: A. D. Gibb, „Captain X“, in *With Winston Churchill at the Front* (London, 1924).

С. 79. ...«Во многом я трус... завоевать репутацию мужественного человека». — Winston Churchill to Jack Churchill, 2 December 1897; CHAR 28/152A/122.

Глава 6

С. 86. Ивлин Во... сказал, что тот был «мастером псевдоклассической прозы»... — Martin Stannard, Evelyn Waugh (London, 2013), p. 440.

...без «какого-либо литературного таланта, но с даром прозрачного самовыражения». — Geoffrey Wheatcroft, 'Winston Churchill, the Author of Victory', *Review of Peter Clark, Mr. Churchill's Profession: Statesman, Orator, Writer in Times Literary Supplement*, 18 July 2012.

...«аргументация изворотливого адвоката, но никак не литературный труд». — Waugh, *Letters of Evelyn Waugh* (London, 2010), p. 627.

С. 87. ...у автора «невежество потрясающих размеров в экономической, социальной, интеллектуальной истории». — J. H. Plumb, taken from Michael Cohen, *Churchill and the Jews, 1900–1948* (London, 2013), p. 4.

Стиль его изложения «необычно старомоден и несколько неуместен, вроде собора Святого Патрика на Пятой авеню». — See J. H. Plumb, 'The Historian', in A. J. P. Taylor et al. (eds), *Churchill: Four Faces and the Man* (London, 1969), p. 130.

«Редкие произведения авторов удосуживаются меньшего внимания, чем те, которые были написаны лауреатом Нобелевской премии по литературе 1953 г.»... — Peter Clark, Mr. Churchill's Profession, 'Prologue', p. ix.

С. 88–90. «С самого начала это были скачки, и обе стороны понимали... Снова на моих игральных костях выпали две шестерки». — Winston Churchill, The Morning Post; from F. Woods, Winston S. Churchill: War Correspondent, 1895–1900, p. 300–302.

С. 91. ...а вот безногий — он проползает триста метров в день. — Winston Churchill, 10 September 1898, Camp Omdurman; Woods, War Correspondent, p. 143–147.

...«Заявление, что „с ранеными дервишами обходились с деликатностью и вниманием“... становится фарсом». — Winston Churchill, The River War: An Historical Account of the Reconquest of the Soudan, Vol. II (London, 1899), p. 225.

С. 92. ...«финансово она разорительна, в военном отношении остается нерешенным вопросом, а политически она — грубый просчет». — Winston Churchill to Lady Randolph, 21 October 1897 C. V., I, Pt. 2, p. 807.

...«Я должен с сожалением отметить, что не вижу никаких перспектив... не поколебали их фанатизм и не искоренили варварство». — Winston Churchill, dispatch from Nowshera, 16 October 1897; Woods, War Correspondent, p. 85.

...«Надеюсь, ты возьмешь Черчилля: гарантирую, что он не будет писать». — Lady Jeune to H. Kitchener, 1898, Gilbert, Churchill: A Life, p. 90.

С. 93. ...«он действительно не способен лгать». — Rose, Unruly Giant, p. 154.

С. 94. ...«У них много презрешихений... он совершит ту же провинность, за которую сам порицает их». — Churchill: A Life, p. 19.

С. 95. ...Рой Дженкинс считает это число «подозрительно круглым»... — Jenkins, Churchill, p. 8.

С. 97. ...должны были квалифицироваться не как заработок, а как «прирост капитала». — Clark, Mr. Churchill's Profession, Appendix: 'Churchill and the British Tax System'.

С. 98. «Эхо либеральной галиматии долгим гулом разносится от главы к главе»... — J. H. Plumb, The Making of an Historian: The Collected Essays of J. H. Plumb (New York, 1988), p. 240.

...«прошлое — это бессмысленное зрелище, оно ни на что не указывает и не предвосхищает будущего». — J. H. Plumb quoted in A. J. P. Taylor, Churchill Revised: A Critical Assessment (London, 1969), p. 169.

Глава 7

С. 102–103. *«Я благодарю собравшихся за то, что выслушали меня»...* — Описание всего происшествия см.: Cowles, Churchill: The Era and the Man, p. 102, Gilbert, Churchill: A Life, p. 163.

С. 103. *Это случай... «дефекта мозговой деятельности».* — Gilbert, Churchill: A Life, p. 164.

С. 104. *«Леди империи... я поддерживаю свободу!»* — Douglas Russell, Winston Churchill: Soldier — The Military Life of a Gentleman at War (London, 2005), p. 65. See also Cowles, Churchill: The Era and the Man, p. 40. However, Churchill himself says that 'no very accurate report of my words has been preserved'. Winston Churchill, My Early Life, p. 71.

«Иногда небольшое и терпимое заикание или другой дефект речи помогает овладеть вниманием аудитории»... — См.: Winston Churchill, 'The Scaffolding of Rhetoric', November 1897, https://www.winstonchurchill.org/images/pdfs/for_educators/THE_SCAFFOLDING_OF_RHETORIC.pdf; accessed 29 August 2014.

С. 105. *«Возгласы одобрения становятся громче и чаще... от страстей, полностью покоривших их».* — Ibid.

...«академично и вяло». — Michael Sheldon, The Young Titan: The Making of Winston Churchill (London, 2014), p. 31.

«Мистер Черчилль не унаследовал голос отца... Произношение, речь, внешность не играют на него»... — H. W. Massingham, The Daily News; Jenkins, Churchill, p. 75.

...«мистер Черчилль и ораторское искусство пока не друзья. И думаю, вряд ли ими станут». — Цит. по: Richard Toye, The Roar of the Lion: The Untold Story of Winston Churchill's World War Two Speeches (London, 2013), p. 18.

С. 105–106. *«Что ему следовало сказать? ...А ведь Молара не был ни глупцом, ни трусом».* — Winston Churchill, Savrola: A Tale of Revolution in Laurania (London, 1897), p. 88–91.

С. 107. *...был «ритором, а не оратором. Он задумывался только о том, как звучит его фраза, но не о том, как она воздействует на массы».* — Colin Cross (ed.), Life with Lloyd George: The Diary of A. J. Sylvester, 1931–45 (London, 1975), p. 148.

...«Уинстон еще не премьер-министр... с его уходом исчезает и память о том, что он говорил». — Edwin Montagu to H. H. Asquith, 20 January 1909; Toye, Roar of the Lion, p. 21.

С. 108. *...«Я скорее заинтересован не в принципах, которые я отстаиваю, а в том, какое впечатление производят мои слова».* — Winston Churchill to Lady Randolph Churchill, 1898, цит. по: Norman Rose, Churchill: An Unruly Life (New York, 1998), p. 45.

...назвать неправду «терминологической неточностью». — Winston Churchill, 22 February 1906, Hansard, HC Deb, Vol. 152 cc 531–586.

...«Индусы — это подлая раса, спасаемая лишь своим быстрым размножением от гибели, которую она заслужила». — Jock Colville, *Fringes of Power: Downing Street Diaries 1939–1955* (London, 2004), p. 563.

С. 111. «Сплачивал нацию, вот еще! ...С каким презрением мы относились к его обращениям!» — Evelyn Waugh to Ann Flemming, 27 January 1965; Toye, *Roar of the Lion*, p. 70.

Черчилль был «радиоперсонажем», пережившим свою лучшую пору... — Ibid.

...«когда он говорит, производит впечатление человека, решившего, что... его речи будут переданы в будущее. ...при этом садится в лужу». — Toye, *Roar of the Lion*, p. 69–70.

...«лжец!», «чушь!», только, естественно, гораздо грубее. — Ibid., p. 95, 131.

...«Он не оратор, верно?» — Ibid., p. 126.

С. 112. ...«Церемония в Геттисберге стала нелепой из-за незадачливых остроумий бедного президента Линкольна». — Ibid., p. 69.

С. 113. ...«В этой войне, Тальбот, два человека топят подводные лодки... Беда в том, что вы топите их в два раза реже, чем я». — Ibid., p. 28.

...«Выигрышной формулой была комбинация высоких полетов риторики...» — Harold Nicolson to Ben and Nigel Nicolson, 21 September 1943; Nigel Nicolson (ed.), *Harold Nicolson: Diaries and Letters 1939–1945* (London, 1967), p. 321.

С. 113–114. «Публика предпочитает короткие родные слова общего употребления... позднее заимствованные из латинского и греческого». — Winston Churchill, 'The Scaffolding of Rhetoric', November 1897, https://www.winstonchurchill.org/images/pdfs/for_educators/THE_SCAFFOLDING_OF_RHETORIC.pdf; accessed 29 August 2014.

С. 114. ...обнаружите, что он вычеркнул *liberated* и поставил взамен *freed*. — Winston Churchill speech notes, CHAR 9/172.

...«Страх был тошнотворен... „Никогда еще в истории человеческих конфликтов не были столь многие так сильно обязаны столь немногим“». — Lord Ismay, *The Memoirs of Lord Ismay* (London, 1960), p. 179–180.

С. 115. «Столь немногие». — Речь Черчилля «Их звездный час» см.: Hansard, HC Deb, 18 June 1940, Vol. 362 cc 51–64.

С. 116. *При этом по своей этимологии оно полностью англосаксонское.* — Полную речь см.: <http://www.winstonchurchill.org/learn/speeches/speeches-of-winston-churchill/1941-1945-war-leader/987-the-end-of-the-beginning>; accessed 29 August 2014.

Глава 8

С. 122. *«Где вы получили образование? — кричал он. — Почему вы не читаете книг?»* — Elizabeth Nel, Winston Churchill by His Personal Secretary (London, 2007), p. 40.

С. 123. *«...Я хочу увидеть Буйфало Билла и представление... мамочка любит своего Уини слишком сильно, чтобы...»* — Winston Churchill to Lady Randolph Churchill, 11 June 1886; Gilbert, Churchill: A Life, p. 13.

Как выразилась его свояченица леди Гвендолин «Гуни» Берти, у него имелась склонность к «ориентализму»... — Lady Gwendoline Bertie to Churchill, 27 August 1907; Randolph Churchill (ed.), Winston S. Churchill Companion, Vol. 2, Pt. 1 (London, 1969), p. 672.

«Вы должны помнить... он ничего не знает о жизни простых людей». — Rose, Unruly Life, p. 203–204.

С. 125. *«Уинстон, как все эгоцентрики, в конечном счете надоедает другим людям».* — Margot Asquith, 23 January 1915; Michael and Eleanor Brock (eds), Margot Asquith's Great War Diary 1914–1916: The View from Downing Street (London, 2014), p. 74.

С. 125–126. *«Я удивляюсь, что многие мои коллеги еще разговаривают со мной»...* — Winston Churchill, June 1941, Martin Gilbert (ed.), The Churchill War Papers: The Ever-Widening War 1941, Vol. 3, p. xxxvii.

С. 126. *«Только познакомившись с Уинстоном, вы сразу видите его недостатки... но всю последующую жизнь вы будете открывать его достоинства».* — См.: <http://www.winstonchurchill.org/support/the-churchill-centre/publications/finest-hour/issues-109-to-144/no-138/863-action-this-day-fh-138>; accessed 29 August 2014.

С. 127. *«...без большой сигары, освещавшей его смягчившееся лицо... не было промахом полковника Черчилля».* — A. Dewar Gibb, With Winston Churchill at the Front (London, 1925), Chapter 8.

«За короткий период ему удалось поднять дух офицеров и солдат до невероятного уровня, и все благодаря собственной личности». — Russell, Winston Churchill: Soldier, p. 377.

С. 128. *...хотел разоблачить ужас происходящего в Германии и самоуспокоенность правительства.* — См. историю Виграма в Gilbert, Churchill: A Life, p. 542–560.

С. 129. *...не будет ли ребенок слизывать краску с животных Ноева ковчега.* — Soames, Clementine Churchill, p. 95.

С. 130. *«Полковник Черчилль немало забавлял нас частыми рассказами о лорде Фишере, перед которым он... испытывал огромное восхищение»...* — A. Dewar Gibb, At the Front with Winston Churchill, Chapter 8.

С. 131. *...Черчилль часто бывал в Париже, чтобы навесить подружку.* — Soames, Clementine Churchill, p. cxix.

Он сказал, что скорее является аркбутаном. — Mary Soames, Crosby Kemper Lecture 1991; John Perry, Winston Churchill (New York, 2010), p. 157.

С. 132. *«Няня была моей наперсницей... С ней я делился своими многочисленными бедами».* — Winston Churchill, My Early Life, p. 5.

С. 133. *Он обвинил мать в «жестокости и подлости».* — Winston Churchill to Lady Randolph Churchill, 29 October 1893; CHAR 28/19/24–27.

...«Занимайся побольше упражнениями на открытом воздухе... Будь хорошим, ради меня». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 42–43.

«Пришлось снять и как следует высушить пиджак, прежде чем она успокоилась». — Ibid., p. 53.

С. 134. *«Мы увидели, как змея ползет по траве... я хотел убить ее, но няня не позволила мне».* — Winston Churchill to Lord Randolph Churchill, 10 April 1882; CHAR 28/13/8.

Глава 9

С. 136. *...«Я так хочу показать тебе этот прекрасный дворец... есть о чем поговорить».* — Winston Churchill to Clementine [Hozier] Churchill, 7 August 1908, Mary Soames (ed.), Speaking For Themselves: The Personal Letters of Winston and Clementine Churchill (London, 1999), p. 11.

...говорилось о «странной таинственности ее глаз, чей секрет он так усердно пытался понять». — Winston Churchill to Clementine [Hozier] Churchill, 8 August 1908, ibid., p. 12.

С. 137. *...«Я подумала, что, если жук доползет до того стыка... значит, он и не собирается его делать».* — Rose, Unruly Life, p. 61.

С. 138. *«Я постоянно слышу, что Уинстона нельзя связать с какой-то определенной леди... Возможно, это придет, но я сомневаюсь»*. — Rose, *Unruly Life*, p. 60. The lady friend of Lloyd George has been only identified as Miss G- G-, 'whose family was quite well-known in Liberal circles'. See Rose, *Unruly Life*, p. 356.

«Вы животное! ...Почему вы не обращаетесь с женщинами должным образом?» — Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 210.

С. 139. *...к небольшому раздражению Клементины*. — См.: Paul Addison, 'Churchill and Women', <http://www.churchillarchive.com/education-resources/higher-education?id=Addison>; accessed 30 August 2014.

...рядом с «красавицей Полли Хакет». — Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 42.

...«самая прекрасная девушка из тех, которых он когда-либо видел». — Winston Churchill to Lady Randolph Churchill, 4 November 1896; CHAR 28/22/18–23.

С. 140. *...в конце концов, его продвижение зависело от ее отца*. — See Sheldon, *Young Titan*, p. 181–192.

С. 141. *...когда она нежно вспоминала их «дни в кебах»?* — Pamela Plowden to Winston Churchill, May 1940; Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 645.

...«стали счастливо жить-поживать». — Winston Churchill, *My Early Life*, p. 387.

С. 142. *«Его жена никогда не станет для него более чем декоративным сервантом... им обоим уготована катастрофа»*. — Jenkins, Churchill, p. 138.

...«без кабинета, без места, без партии и без аппендикса»... — Winston Churchill, *Thoughts and Adventures*, p. 213.

С. 142, 144. *...«Многие думают, что он настроен воинственно... талант миротворчества»*. — Gilbert, Churchill: *A Life*, p. 459.

С. 144. *...«меня всегда расстраивает и разочаровывает... торжество гуннского подхода железного кулака»*. — Jenkins, Churchill, p. 362.

С. 144–145. *«Мой дорогой, надеюсь, ты простишь меня... но вот оно снова»*. — Clementine Churchill to Winston Churchill, 27 June 1940; Soames, *Speaking for Themselves*, p. 454.

С. 146. *«Если бы вы правили страной... мы бы проиграли войну»*. — Roberts, *Hitler and Churchill*, p. 68.

...«Здесь покоится женщина, бывшая вечно усталой. Жила она в мире, взыскавшем усилий немало». — Soames, Clementine Churchill, p. 284.

...интересы которого... «стояли на первом, втором и третьем месте». — Soames, 'Father always came first, second and third', Daily Telegraph, 16 August 2002.

С. 147. «Мы еще молоды, но время бежит, лишая нас любви... не слишком вдохновляет и пылает жаром». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 357.

...Дейзи Феллоуз, которую описывают как «стильную, шикарную особу с бессердечной красотой»... чтобы «посмотреть на ее маленькое дитя». — См.: Christopher Wilson, 'The Most Wicked Woman in High Society', Daily Mail, 29 March 2014.

С. 148. ...«Это чарующий остров... Превосходно, не так ли?» — Soames, Clementine Churchill, p. 298.

«Он жил в красивой плетеной клетке... людям, которые нравились ему». — Ibid., p. 269–270.

С. 150. ...«Мой дорогой Уинстон, я пользуюсь оказией авиапочты... оказаться в твоих объятиях». — Clementine Churchill to Winston Churchill, 20 April 1935; Soames, Speaking for Themselves, p. 399.

«Я много думаю о тебе, моя дорогая Кошечка... и хочу, чтобы ты поскорее вернулась». — Winston Churchill to Clementine Churchill, 13 April 1935; *ibid.*, p. 398.

Глава 10

С.156. ...«Девушка, я скорее совершу адюльтер... Вернись, милочка, я не знал, что у нас есть выбор». — Dominique Enright, The Wicked Wit of Winston Churchill (London, 2011), Kindle edition.

...«Я хочу, чтобы на каждом ящике, каждой коробке... поймунт, кто есть высшая раса». — Susan Elia MacNeal, Mr. Churchill's Secretary (London, 2012).

С. 156–157. «Уинстон... если бы я была вашей женой, то подсыпала бы вам яд в кофе... а если бы я был вашим мужем, то выпил бы его». — Martin Gilbert, In Search of Churchill: A Historian's Journey (London, 1994), p. 232.

С. 157. «Мне никогда не смириться с этим видом английского». — См.: <http://www.winstonchurchill.org/learn/speeches/quotations/famous-quotations-and-stories>; accessed 31 August 2014.

...«В будущем фашисты назовут себя антифашистами». — См.: <http://standuptohate.blogspot.co.uk/p/winston-churchill-and-anti-fascist.html>; accessed 31 August 2014.

С. 158. ...«Самый тяжелый крест, который мне довелось нести, был лотарингским». — См.: <http://www.winstonchurchill.org/learn/speeches/quotations/quotes-falsely-attributed>; accessed 31 August 2014.

...«Возьмите друга, если у вас есть хоть один»... «хоть один зритель». — Derek Tatham to Winston Churchill, 19 September 1949; G. B. Shaw to Derek Tatham, 16 September 1949. See CHUR 2/165/ 72–82.

...скорее «жидкость для полоскания рта»... а не алкогольный напиток. — Michael Richards, 'Alcohol Abuser'; see <http://www.winstonchurchill.org/learn/myths/myths/he-was-an-alcohol-abuser>; accessed 31 August 2014.

С. 159. «Никогда не забывайте ваш товарный знак»... — Andrew Roberts, Hitler and Churchill, p. 137.

С. 161. «Уинстон... вы пьяны». — «Мадам... а вы уродливы, я же к утру протрезвею». — См.: 'Drunk and Ugly: The Rumour Mill', <http://www.winstonchurchill.org/support/the-churchill-centre/publications/chartwell-bulletin/2011/31-jan/1052-drunk-and-ugly-the-rumor-mill>; accessed 31 August 2014.

...«Черчилль провел лучшие годы жизни в подготовке к своим экспромтам». — Clayton Fritchley 'A Politician Must Watch His Wit', in The New York Times Magazine (3 July 1960), p. 31.

«Скажите лорду — хранителю печати... и мне хватает моего дерьма». — Andrew Marr, A History of Modern Britain (London, 2009), p. 19.

...«начало конца / конец начала»... — Winston Churchill, 10 November 1942; Toye, Roar of the Lion, p. 148.

...«Я готов встретиться со своим Создателем... это другой вопрос». — Winston Churchill on his seventy-fifth birthday. Celia Sandys, From Winston with Love and Kisses: The Young Churchill (Texas, 2013), p. 12.

С. 161–162. ...«Мы придаем форму зданиям, а потом здания формируют нас»... — Winston Churchill, 28 October 1943; See <http://www.winstonchurchill.org/learn/speeches/quotations/famous-quotations-and-stories>; accessed 31 August 2014.

С. 162. ...«Я взял от алкоголя больше, чем алкоголь забрал у меня»... — Michael Richards, 'Alcohol Abuser', see <http://www.winstonchurchill.org/learn/myths/myths/he-was-an-alcohol-abuser>; accessed 31 August 2014.

...попросил положить ему куриную грудку. ...«Я буду очень признателен, если вы прикрепите этот цветок к вашему белому мясу». — Enright, Wicked Wit.

«И заметьте мои слова, мой друг, если вы меня обманете, я вас ликвидирую». — Winston Churchill, 5 July 1943; Nigel Nicolson (ed.), Harold Nicolson Diaries and Letters: 1939–1945, Vol. 2, p. 303.

С. 163. ...был не только «овцой в овечьей шкуре». — См.: D. W. Brogan, *Safire's Political Dictionary* (London, 2008), p. 352.

«Помню, когда я был ребенком, меня привели в знаменитый цирк Барнума... сидит на правительственной скамье». — Winston Churchill, 28 January 1931, House of Commons, Hansard, HC Deb, Vol. 247 cc 999–1111.

...«Вот идет бог, только без милости божьей». — Winston Churchill, quoted in *Life*, 16 February 1948, p. 39.

...были «стаей розовых петухов». — Richard Langworth (ed.), *Churchill: By Himself* (New York, 2013), p. 57.

«Скажи им пойти и поиметь...»... «...не нужно выполнять инструкцию буквально!» — Enright, *The Wicked Wit of Winston Churchill*, p. 139.

С. 164. «Когда я предупредил, что Британия будет сражаться в одиночку... И какая шея!» — Winston Churchill, 30 December 1941, Canadian Parliament, Ottawa; Langworth, *Churchill*, p. 24.

Черчилль окрестил Маунтбеттена «трифибией»... Программу ленд-лиза он называл «непосыдной»... — Ibid., p. 48.

С. 165. «Дайте мне клопа! ...мне нужен клоп». — Ibid., p. 54.

«Господи всемогущий», — сказал Черчилль. — Pearson, *Private Lives*, p. 155.

Глава 11

С. 169. ...«Воображаю, как живу на одной из таких улиц... никогда не говорю ничего умного!» — Sheldon, *Young Titan*, p. 127–128.

В письме Клементине он хвастался, что дети работают «как негры»... — Winston Churchill to Clementine Churchill, 17 April 1924; Soames, *Thinking For Themselves*, p. 281.

С. 170. ...говоря, что ему «неинтересны ссоры желтых людей». — Winston Churchill to Neville Chamberlain, 27 March 1939; See 'Did Singapore Have to Fall?' <http://www.winston-churchill.org/support/the-churchill-centre/publications/finest-hour/issues-109-to-144/no-138/903-part-5-did-singapore-have-to-fall/>; accessed 31 August 2014.

Он хотел «закидать бомбами или расстрелять из пулемета» Шинн Фейн... — John Pearson, *Private Lives*, p. 183.

Он называл большевиков «бабуинами»... — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 4: The Stricken World, p. 227.

...и сравнивал коммунизм с «болезнью ума и души в ужасной форме». — Paul Addison, Churchill: The Unexpected Hero, p. 93.

...«можно легализовать содомию, а попутно и признать большевиков». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 408.

...все равно что «кормить тигра мясом кошки»... — Madhusree Mukerjee, Churchill's Secret War: The British Empire and the Ravaging of India During World War II (London, 2010), p. 14.

...говорил, что «небольшое кровопролитие не повредит», и хотел «взять за горло» работников транспорта... — Paul Addison, Churchill on the Home Front, 1900–1955 (London, 1992), p. 216.

С. 171–172. «Это настоящее национальное бедствие... не для прогресса, а для прогрессирующей дегенерации». — Winston Churchill, 28 April 1909, House of Commons, Hansard, HC Deb, Vol. 4 cc 342–411.

С. 172. ...«поразительной иллюстрацией того, насколько сильно личность министра может изменить ход социального законодательства за несколько критических месяцев». — Alan S. Baxendale, Winston Leonard Spencer-Churchill: Penal Reformer (London, 2010), p. 191, n. 66.

С. 173. «Страхование использует чудо перераспределения для спасения народных масс»... — Randolph Churchill and Martin Gilbert, Winston S. Churchill: Young Statesman 1901–1914, p. 294.

С. 174. ...«Вся эта картина заставляет глубже понять... и душат деревни и промышленность...» — Winston Churchill to Clementine Churchill, 14 September 1909; Addison, Churchill on the Home Front 1900–1950, p. 86.

...«пережиток феодального соглашения... чтобы навсегда уничтожить его». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 211.

С. 175. ...«У заключенного уже было два ужасных приговора... перенял неестественные привычки в заключении». — Ibid., p. 212–213.

С. 176. ...«Я хочу привлечь внимание страны... не претерпевает даже малейшего неудобства». — Jenkins, Churchill, p. 182.

...у семьи Черчилль была «вендетта» против шахтеров Тонипенди. — См.: 'Winston Churchill', Daily Telegraph, 2 March 2010.

С. 177. «Они крайне бедны... и теперь они страдают от голода». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 231.

...«недовольство бесспорно... работа организма нашей цивилизации». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 232.

...«Никакой рабочий не может быть наказан за принадлежность к профсоюзу либо за участие в трудовом споре». — Ibid., p. 377.

...капиталисты проявили «упорство» и «безрассудство». — Ibid., p. 478.

С. 178. ...«исконный и неизменный тори». — Addison, Home Front, p. 101.

...«у Уинстона нет убеждений». — Richard Toye, Lloyd George and Churchill: Rivals for Greatness (London, 2012), p. 47.

С. 179. ...и сказал, что у него «волосы встали дыбом». — Jenkins, Churchill, p. 81.

С. 181. «Это был мир немногих... и их было крайне мало». — James C. Humes, Churchill: The Prophetic Statesman (New York, 2012), p. 68.

С. 182. «Он стремился к такому положению вещей в Британии... добропорядочному и признательному рабочему классу». — James Muller, Churchill as a Peacemaker (London, 2003), p. 14.

...«одновременно свободной как от постыдного себялюбия и черствости консерватизма, так и от слепых appetitов радикальных масс». — Addison, Home Front, p. 26.

...«консерватором умом, но либералом сердцем». — Rose, Unruly Life, p. 208.

С. 183. ...«Существующая капиталистическая система... потребности современного растущего населения». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 465–468.

Глава 12

С. 187. ...«не мог воздержаться от сочувствия им... пришлось пережить все ужасы боя». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 393.

С. 188. ...«Экономические статьи Версальского договора были зловредны и глупы до такой степени, что они стали явно бесполезными». — Winston Churchill, The Second World War, Vol. 1: The Gathering Storm (London, 1986), p. 6.

С. 190. ...«человеком с таким влиянием, что он представляет определенную угрозу для мирного решения многих проблем, стоящих перед страной». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 5: Prophet of Truth 1922–1939, p. 805.

С. 191. ...к 1914 г. «Черчилль видел больше войн, чем любой солдат немецкой армии». — Pat Buchanan, Churchill, Hitler and

the Unnecessary War: How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World (New York, 2008), p. 59.

...«*Не так часто бывают государственные деятели... и уменьшаются ее ужасы*». — Peregrine Worsthorne 'Why Winston Churchill is Not Really a War Hero', The Week, 22 October 2008.

...«*Уинстон Черчилль уже нанес боевую раскраску и стремится к морским сражениям... все это переполняет меня печалью*». — Jenkins, Churchill, p. 240.

...«*Уинстон, мечтая о войне... прирожденный солдат*». — Michael and Eleanor Brock (eds), Margot Asquith's Great War Diary, p. 54; Gilbert, Churchill: A Life, p. 294–295.

С. 192. ...«*Твой отец убил моего при Дарданеллах*»... — Andrew Roberts, Review of Warlord: A Life of Churchill at War, 1874–1945 by Carlo D'Este, Daily Telegraph, 10 April 2009.

С. 193. ...или критику Черчиллем «преступной и трусливой» войны на северо-западной индийской границе. — Rose, Unruly Life, p. 39.

С. 194. Она пожаловала, чтобы растолковать юному «мальчику»... как ему надлежит управлять Западной Африкой. — Sheldon, Young Titan, p. 129–131.

С. 195. «*Если бы я был буром на поле сражения... а будь я буром, то, надеюсь, был бы на поле сражения...*» — Winston Churchill's maiden speech in the House of Commons, 18 February 1901; Jenkins, Churchill, p. 72.

С. 196. «*Что происходит, когда мы идем на обед... превращаются в мешки кровавых тряпок*». — Langworth, Churchill, p. 251.

...«*Я смотрел, как дневной свет медленно вползает в окна, и перед моим мысленным взором встало видение смерти*». — Winston Churchill, The Second World War: The Gathering Storm, p. 201.

Глава 13

С. 201. ...«*передвижные купола с пулеметами, прорывающиеся через проволоку*». Они также могли «преодолевать любое обычное препятствие, ров, бруствер или траншею». — Winston Churchill to John French, 10 April 1915; Winston Churchill, The World Crisis, 1911–1918 (London, 2005), p. 313–314.

...«*Чтобы убедиться, достаточно увидеть зрелище... на работу сноповязалки при жатве*». — Ibid., p. 314.

С. 202. Отчасти Черчилля вдохновила научная фантастика Герберта Уэллса, где описывались бронированные «сухопут-

ные корабли». — H. G. Wells, 'The Land Ironclads', in the Strand Magazine, December 1903.

...и, если мы не создадим ее, с этим наверняка справятся немцы. — See Winston Churchill to H. H. Asquith, 5 January 1915, CHAR 13/44/32–35.

С. 203. ...«в сущности получился один каток шириной от 12 до 14 футов»... «окопы будут полностью обрушены, а находящиеся там люди погребены». — Winston Churchill, minutes 18 January 1915, 'Statement on the Introduction of the Tank', CHAR 2/109.

«Катки этих машин будут оснащены клинообразными ребрами... и улучшить процесс качения». — Ibid.

С. 204. Разработчики предлагали сделать 25-тонную модель «оснащенного пулеметами трактора... и преодолевать вражеские окопы». — Tennyson d'Eyncourt to Winston Churchill, 22 February 1915. Gilbert, Churchill, Vol. 4: The Challenge of War (London, 1973), p. 553.

С. 205. ...«Действуйте в соответствии с проектом и со всей быстротой. УСЧ». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 298.

С. 206. ...«Потеряв существенное преимущество вашего влияния... зыбучие пески безразличия». ...«Позвольте мне выразить поздравления... удачи в вашей работе на фронте». — Tennyson D'Eyncourt to Winston Churchill, 14 February 1916, CHAR 2/71/14.

С. 208. ...будет «серьезной угрозой для исполнительной власти и для империи в целом». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 373.

...«Опасная и крайне неопределенная переменная... снова вернулась в Уайтхолл». — Ibid., p. 376.

С. 210. ...от «подпруги», придуманной им трубки из коричневой бумаги для предотвращения крошения сигар... — Norman McGowan, My Years with Churchill (London, 1958), p. 94.

С. 211. «Машины сохраняют жизнь... Маневр значительно уменьшает кровопролитие». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 370.

Глава 14

С. 217. Он заключает письмо акронимом «ПТ»... — См.: 'Churchill: Leader and Statesman', <http://www.winstonchurchill.org/learn/biography/biography/churchill-leader-and-statesman>; accessed 1 September 2014.

С. 219. ...«Говорят, тяжелая работа не убивает, но я считаю, не надо и рисковать». — Lou Channon, Ronald Reagan: The

Presidential Portfolio — A History Illustrated from the Collection of the Ronald Reagan Library and Museum (London, 2001).

С. 220. *«Мы с мужем переглянулись... но произведение целиком было выше наших возможностей».* — Eleanor Roosevelt, 'Churchill at the White House', in The Atlantic, 1 March 1965 (published posthumously); <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1965/03/churchill-at-the-white-house/305459/>; accessed 1 September 2014.

С. 221. *...«ограниченное понимание этих крайне технических вопросов».* — Rose, Unruly Life, p. 173.

...«проклятые десятичные запятые»... — Winston Churchill, Lord Randolph Churchill, Vol. 2 (London, 1906), p. 184.

...Черчилль посетовал, что они «говорят по-персидски». — William Manchester, The Last Lion, p. 786.

С. 222. *«Вот идет Уинстон Черчилль с его мышлением в сто лошадиных сил»...* — Stanley Baldwin, 'Churchill & his Contemporaries', <http://www.winstonchurchill.org/learn/myths/churchill-trivia/528-contemporaries>; accessed 1 September 2014.

Некоторые придадут большое значение его так называемой депрессии, или «черному псу»... — Gilbert, In Search of Churchill, p. 210.

С. 223. *«Знаете, я ненавижу идти спать... не почистить зубы перед сном».* — Ibid., p. 26.

С. 223–224. *«Личная рекомендация премьер-министра... 23.4.45».* — Winston Churchill, The Second World War, Vol. 4, p. 623–624.

С. 224. *...«Зачатие идей, упорство в воплощении предложений... преодолевая множество неудач и трудностей».* — Max Hastings, Finest Years: Churchill as Warlord 1940–1945, p. 93.

Глава 15

С. 227–228. *...«Я постарался выразиться как можно мягче... и в избыточном представительстве их единоверцев в ряде профессий».* — Martin Gilbert, Churchill and the Jews: A Lifelong Friendship (London, 2007), p. 98–99.

С. 228. *...«Передайте вашему боссу, что антисемитизм хорошо стартует, но не выдерживает темп».* — Ernst Hanfstaengl, Hitler — The Missing Years (London, 1957), p. 185.

...Гитлеру будет «очень приятно» встретить компанию англичан. — Winston Churchill, The Second World War, Vol. 1, p. 40.

...«В то время у меня не было национальных предрассудков... и ничего не знал о его характере». — Ibid, p. 40.

С. 229. ...«Хайль Бутби!» — Robert Rhodes James, Robert Boothby: A Portrait of Churchill's Ally (London, 1991), p. 138.

«Почему ваш начальник призывает к насилию над евреями? ...Разве кто-нибудь может повлиять на свое рождение?» — Winston Churchill, The Second World War, Vol. 1, p. 40.

...«...каков смысл быть противником человека только из-за его рождения?» — Jenkins, Churchill, p. 469.

С. 230. «Какую роль играет Черчилль? ...Но люди говорят то же самое и о вас». — Hanfstaengl, Hitler, p. 187.

С. 231. ...«крепкие тевтонские юнцы, отрядами марширующие по улицам и дорогам... стремятся к оружию». — Martin Gilbert, Churchill: The Power of Words (London, 2012), p. 101.

...«умение предсказать, что произойдет завтра, на следующей неделе... понадобится умение объяснить, почему это не произошло». — Langworth, Churchill, p. 505.

С. 233. ...«дорогостоящий промах, за который мистер У. Черчилль должен нести ответственность»... «вопиющем примере плохого управления, из-за которого было утрачено множество драгоценных жизней». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 286.

С. 234. ...концепции «мягкого подбрюшья». — Winston Churchill, House of Commons, 11 November 1942, Hansard, HC Deb, 385 cc 8–56.

С. 235. «Со мной покончено»... — Gilbert, Churchill: A Life, p. 321.

...предложить альтернативу «жеванию колючей проволоки во Фландрии»... — Soames, Clementine Churchill, p. 134.

С. 236. Он твердил о «мерзком бабуинстве» большевизма... — Gilbert, Churchill: A Life, p. 410.

...«На громадных пространствах растоптана цивилизация... среди руин городов и трупов их врагов». — Clifford Kinvig, Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920 (London, 2007), p. 85.

«Теперь ничто не может спасти большевизм или большевистский режим»... — Gilbert, Churchill; A Life, p. 415.

С. 237. «Я не допущу, чтобы меня побили бабуины!»... — Kinvig, Churchill's Crusade, p. 154.

«Он охотится на львов, но приносит домой лишь дохлых кошек»... — David Low, 'Winston's Bag', in The Star, 21 January 1920.

С. 238. ...«Остановите новую войну!»... — Daily Mail, 18 September 1922; Andrew Mango, Atatürk (London, 2004), p. 352.

С. 239. «Труднее всего было убедить мою жену, что я не просто дразню ее»... — Gilbert, Churchill: A Life, p. 465.

С. 240. ...и Джон Мейнард Кейнс написал обличение... — См.: J. Maynard Keynes, *The Economic Consequences of Mr Churchill* (London, 1925).

...«Я бы предпочел видеть финансы менее гордыми, а промышленность более довольной». — Geoffrey Best, *Churchill: A Study in Greatness* (London, 2001), p. 119.

С. 241. ...«Не возлагайте на голову Труда... не распинайте человечество на золотом кресте». — Michael Kazin, *A Godly Hero: The Life of William Jennings Bryan* (New York, 2006), p. 61.

...«Я сделаю вас золотым канцлером». — Liaquat Ahaned, *Lords of Finesse: 1929, The Great Depression, and the Bankers who Broke the World* (New York, 2011), p. 235.

С. 242. Черчилль заявил, что это «тошнотворно»... — Winston Churchill, 23 February 1931; Richard Toye, *Churchill's Empire* (London, 2011), p. 176.

С. 244. «Мы — своего рода низшая раса... сражавшихся за Британию»... — Gilbert, *Churchill: A Life*, p. 501.

...«Добивайтесь успеха... стало больше возможностей». — Toye, *Churchill's Empire*, p. 188.

С. 246. ...«Вчера Уинстон потерпел крах в палате общин... работу, которой занимался два года». — Addison, *Home Front*, p. 323.

С. 247. ...пусти Черчилль свой момент в 1940 г., он был бы записан в неудачники... — Robert Rhodes James, *Churchill: A Study in Failure, 1900–1939* (London, 1981).

С. 248. ...документ был «смехотворным и фантастическим — глупым меморандумом». — Humes, *Churchill: The Prophetic Statesman*, p. 32.

С. 249. ...«объявляют войну славной... в образовании с варварских и языческих времен». — Langworth, *Churchill*, p. 122–123.

Глава 16

С. 254. Как вспоминал много лет спустя один британский матрос, «все походило на стрельбу по рыбе в бочке». — Robert Philpott interviewed in Philip Graig, 'Mass murder or a stroke of genius that saved Britain? As closer ties with France are planned, the „betrayal“ they still can't forgive', *Daily Mail*, 5 February 2010.

С. 255. ...«Я выношу случившееся на суд нации и Соединенных Штатов, мира и истории». — Winston Churchill, 4 July

1940, House of Commons, Hansard, HC Deb, Vol. 362 cc 1043–1051.

С. 256. *Как однажды заметил его врач Чарльз Моран, «Франция — это цивилизация». — Lord Moran, Interview in Life, 22 April 1966, p. 106.*

...здесь он решил потратить свои выигранные деньги — на книги и «в прочих направлениях». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 180.

С. 257. *«К черту! ...Положение слишком серьезное, чтобы беспокоиться о погоде». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 6: Finest Hour, 1939–1941, p. 526.*

С. 259. *«война была частью еврейско-масонского заговора». — Michael Cohen, Britain's Moment in Palestine: Retrospect and Perspectives, 1917–1948 (London, 2014), p. 14.*

...Эрик Сил брюзжал на своего начальника из-за его «проклятой риторики»... — Jonathan Rose, The Literary Churchill, p. 296.

«Позовите Сила, пусть он слезет со своих льдин»... — Hastings, Churchill as a Warlord, p. 106.

С. 262. *...и, по существу, задушил критику своей «бойни». — Richard Lamb, Churchill as War Leader (London, 1991).*

...«Необходимо приложить усилия, чтобы переговоры привели к успеху». — Sheila Lawlor, Churchill and the Politics of War, 1940–1941 (London, 1994), p. 57–58.

С. 264. *...«любой ценой, идя на все риски, так или иначе... не использовался для сокрушения нас и других». — Winston Churchill, The Second World War: Their Finest Hour, p. 197–198.*

...готов принять британскую делегацию для «уважительного обсуждения». — См.: 'Battle Summary No. 1', <http://www.hmshood.org.uk/reference/official/adm234/adm234-317.htm>; accessed 2 September 2014.

С. 265. *«Если бы мы знали об этом ранее, положение было бы совсем другим»... — David Brown, The Road to Oran: Anglo-French Naval Relations, September 1939–July 1940 (London, 2004), p. xxix.*

...«Заканчивайте дело быстро». — 'Diary of Events', 3 July 1940, CHAR 9/173A-B.

...«Выбор был ужасен, он был подобен лишению жизни собственного ребенка ради спасения государства». — Winston Churchill, 4 July 1940, House of Commons, Hansard, HC Deb, Vol. 362 cc 1043–1051.

С. 266–267. *...предложив Британии выбор между миром и «бесконечными страданиями и невзгодами». — Adolph Hitler, 19*

July 1940; David Jablonsky, Churchill and Hitler: Essays on the Political-military Direction of Total War (London, 1994), p. 220.

С. 267. *«Гитлер должен организовать вторжение... и его ждет крах»...* — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 6: Finest Hour, 1939–1941, p. 663.

Глава 17

С. 271. *«Садись, дорогой мальчик... Я втяну Соединенные Штаты».* — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 6, Finest Hour, 1939–1941, p. 358.

С. 274–275 ...*«Мы только что отплыли... Двух раз будет достаточно».* — David Roll, The Hopkins Touch: Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler (London, 2013), p. 137.

С. 276. ...*«Ни один американский офицер не проявил малейшей заинтересованности... живут в мире, отличном от нашего».* — John Keegan, The Second World War (New York, 1989), p. 539.

С. 277. ...*«остался в подвешенном состоянии после завершения всего, со смутным ощущением недовольства».* — Тоуе, Roar of the Lion, p. 114.

С. 280. ...*«поцеловать дядю Сэма в обе щеки»...* *«Да, но не во все же четыре».* — Rose, Unruly Life, p. 183.

...*«Хмельной напиток свирепствует... Я искал такой напиток всю свою жизнь».* — John Ramsden, Man of the Century: Winston Churchill and His Legend since 1945 (London, 2009), p. 132.

С. 281. ...*«как один бывший моряк другому».* — См.: Admiral Boyce, 'Former Naval Persons', <http://www.winstonchurchill.org/support/the-churchill-centre/publications/finest-hour-online/1305-qformer-naval-personsq>; accessed 2 September 2014.

С. 282. *«Хотя значительные пространства Европы... не отправится для спасения и освобождения Старого».* — Winston Churchill, 'We Shall Fight them on the Beaches', 4 June 1940, <http://www.winstonchurchill.org/learn/speeches/speeches-of-winston-churchill/128-we-shall-fight-on-the-beaches>; accessed 2 September 2014.

...он выносит свои действия *«на суд Соединенных Штатов».* — Winston Churchill, 4 July 1940, Hansard, HC Deb, Vol. 362 cc 1043–1051.

С. 283. Хотя Черчилль публично называл ленд-лиз... *«самым непостыдным деянием в истории»...* — Winston Churchill, 24 August 1945, Hansard, HC Deb, Vol. 413 cc 955–958.

...но в частном порядке он говорил, что Британию ободрали как липку. — Gilbert, Churchill and America (London, 2008), p. 219.

С. 285. ...«Ни с чем не сравнимо обладание тем, что может схватить и убить все прочее». — Gilbert, The Churchill War Papers, Vol. 3: The Ever-Widening War, p. 1399.

С. 286. ...«британскому премьер-министру нечего скрывать от президента Соединенных Штатов»... — Richard Langworth, Churchill's Wit: The Definitive Collection (New York, 2009), p. 16.

«Немцы, японцы, итальянцы... и выхватила США на передний край битвы». — Winston Churchill, 'Address to the Congress of the United States', 26 December 1941; Gilbert, Power of Words, p. 294.

С. 286–287. ...«Только он... мог заманить американцев на участие в европейской войне». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 7: Road to Victory, 1941–1945, p. 553.

С. 287. ...«переполненный и насыщенный ощущениями и эмоциями, я пошел спать и заснул сном спасенного и благодарного человека». — Gilbert, Churchill and America, p. 245.

Глава 18

С. 289. «Так не пойдет»... — Alan 'Tommy' Lascelles, King's Counsellor: Abdication and War — The Diaries of Sir Alan Lascelles (London, 2006), p. 224.

С. 289–290. «Мой дорогой Уинстон... искренне Ваш, Георг R. I.». — King George VI to Winston Churchill, 31 May 1944; CHAR 20/136/10.

С. 290. ...«на это несчастный человек, что вполне естественно,отреагировал очень бурно». — Lascelles, King's Counsellor, p. 226.

С. 291. ...«Лицо Томми становится все длиннее и длиннее». — Ibid., p. 226.

«О... об этом есть уже договоренности. Кроме того, я не считаю, что риск — сто к одному». — Ibid., p. 226.

...«в этом случае его вздорность превратилась в полнейший эгоизм». — Ibid., p. 226.

С. 292. «Мой дорогой Уинстон, я хочу обратиться к вам еще с одним призывом... Ваш искренний друг, Георг R. I.». — King George VI to Winston Churchill, 2 June 1944; CHAR 20/136/4.

С. 294. «Разумеется, это сильный аргумент»... — Lascelles, King's Counsellor, p. 227.

Алан Брук полагал, что она может обернуться «самой жуткой катастрофой за всю войну». — Max Hastings, *Overlord: D-Day and the Battle for Normandy 1944* (London, 2012), p. 1.

С. 295. ...«Король, по существу, пытался спасти... чтобы сделать себя „материалом для первой полосы“». — Lascelles, King's Counsellor, p. 228.

С. 296. ...некоторые британские историки неучтиво называли ее «ненужным сражением». — См., например: Correlli Barnett, *The Battle of El Alamein* (London, 1964).

С. 297. «Я не могу добиться побед... именно побед добиться крайне трудно». — Vincent O'Hara, *In Passage Perilous: Malta and the Convoy Battles of June 1942* (Indiana, 2012), p. 67.

С. 298. ...«Многие британские офицеры осознавали... которую ежечасно демонстрируют немцы и японцы». — Max Hastings, 'After a series of military defeats even Churchill started to fear that our Army was simply too yellow to fight', *Daily Mail*, 21 August 2009.

...«Отец, беда в том, что твои солдаты не хотят сражаться!» — Andrew Roberts, *Masters and Commanders: The Military Geniuses Who Led the West to Victory in World War II* (London, 2008), p. 287.

С. 299. ...«У нас было много людей... Мы должны были лучше проявить себя». — Max Hastings, 'On Churchill's Fighting Spirit', *The Financial Times*, 4 September 2009; <http://www.ft.com/cms/s/0/e6824d52-98e2-11de-aa1b-00144feabdc0.html#axzz3CBVtD9C>; accessed 3 September 2014.

...«Поражение — это одно, а позор — совсем другое». — Robert Dallek, *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945* (Oxford, 1995), p. 347.

«Он выигрывает дебаты за дебатами, но проигрывает сражение за сражением»... — Rose, *Unruly Giant*, p. 389.

...«Вы, британцы, боитесь сражаться... Нельзя победить в войне, не сражаясь». — Martin Gilbert, *Winston S. Churchill: Road to Victory, 1941–1945* (New York, 1986), p. 185.

С. 301. ...«...был принесен бокал... после двух предшествовавших виски и двух сигар!!» — Arthur Bryant, *The Turn of the Tide: A History of the War Years Based on the Diaries of Field-Marshal Lord Alanbrooke, Chief of the Imperial General Staff* (New York, 1957), p. 464.

С. 302. ...настоял, чтобы его судно «всадило снаряд» в немцев. — Winston Churchill to President Roosevelt, 14 June 1944; Winston Churchill, *The Second World War, Vol. 6: Triumph and Tragedy*, p. 28.

С. 303. *«Давайте сделаем это на линию Зигфрида... не нужно воспроизводить наглядно»*. — См.: Account of Ralph Martin, Additional Churchill Papers, WCHL 15/2/6.

...«Я никогда не забуду ребяческую ухмылку... по его лицу в этот момент». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 829.

...«Премьер-министр, перед вами находятся снайперы... должен попросить вас уйти». — Ibid., p. 832.

«Выражением лица Уинстон напоминал маленького мальчика... прочь от песочных замков на пляже». — Ibid., p. 832.

С. 305–306. *...«У меня сильное ощущение... Я могу лишь повторять: „Сражайтесь с проклятыми социалистами. Я не верю в их смелый новый мир“»*. — Rose, Unruly Life, p. 394.

С. 306. *«Меня, а возможно, и других поразила несуразность... личного воздействия на вооруженные силы»*. — Gilbert, Churchill: A Life, p. 852.

«До сих пор находившаяся в подсознании уверенность... и овладела моим разумом». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair, p. 106.

С. 307. *...«Аплодисменты Черчиллю, голоса лейбористам»*. — Adrian Fort, Nancy: The Story of Lady Astor (London, 2012), p. 304.

«Но благо... слишком хорошо запряжено». — Addison, Churchill: Unexpected Hero, p. 215.

...«Я бы так не сказал. У них было очень тяжелое время». — John Severance, Winston Churchill: Soldier, Statesman, Artist (New York, 1996), p. 115.

С. 308. *...«как слабого и риторического... непротиворечивого воззрения на общественные дела»*. — The Spectator upon news of Churchill's appointment to First Lord of the Admiralty; quoted from Rose, Unruly Life, p. 88.

Глава 19

С. 310. *«Не звери ли мы? Не зашли ли мы слишком далеко?»*... — Rose, Unruly Life, p. 337.

...«акт абсолютного террора и бессмысленного разрушения». — Winston Churchill, Cabinet minutes, 28 March 1945; David Reynolds, In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War (London, 2005), p. 481.

С. 311. *«Моя ненависть умерла вместе с их капитуляцией... я был потрясен их изможденным видом и ветхой одеждой»*. — Gilbert, Churchill: A Life, p. 850.

С. 312. ...«Пятьдесят тысяч ДОЛЖНЫ быть расстреляны». — Lord Moran, Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965 (London, 1966), p. 163.

С. 313. «Вы сказали это!» и «Туалет вон там»... — Richard Collier, The War that Stalin Won: Tehran-Berlin (London, 1983), p. 240.

«Эту головню я выхватил из костра в рождественский день»... — Best, Churchill: A Study in Greatness, p. 271.

С. 313–314. ...«представляет событие в истории Европы, которому нет аналогов». — Winston Churchill, The Second World War, Vol. 6, p. 438.

С. 314. Эти планы оставались в секрете до 1998 г., — пожалуй, и к лучшему... — См.: David Reynolds, From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s (Oxford, 2006).

С. 316. «Мне нравится этот человек... ведь я падок на лезть». — David Carlton, Churchill and the Soviet Union, p. 144.

С. 317. Он ссорился с Клементиной, которая говорила о «наших страданиях». — Rose, Unruly Life, p. 255.

С. 318. ...«рептильные реалисты из семейства крокодиловых». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair, p. 161.

...в «замечательном» Винчестерском колледже... — Gregory Sand, Defending the West: The Truman — Churchill Correspondence, 1945–1960 (London, 2004), p. 6.

Он поделился ее сутью с Джеймсом Бирнсом, Госсекретарем США, и тому она «очень понравилась». — Gilbert, Churchill and America, p. 367.

...«Я уверен, что Ваша Фултонская речь будет хорошо принята». — Fraser J. Harbutt, The Iron Curtain (Oxford, 1988), p. 172.

Лихи, по словам Черчилля, отнесся к ней «с энтузиазмом». — Ibid., p. 180.

«Он сказал мне, что она замечательна»... — Ibid., p. 180.

С. 319–320. «Мы понимаем... нет подлинной демократии». — Фултонская речь Уинстона Черчилля 5 марта 1946 г. См.: <http://www.winstonchurchill.org/learn/speeches/speeches-of-winston-churchill/120-the-sinews-of-peace>; accessed 3 September 2014.

С. 320. Он призывает к «особым отношениям» между Британией и США, говорит о совместимости их вооружений и военных структур. — Ibid.

С. 321. *«Две политические системы должны учиться дружить друг друга»...* — Gilbert, Churchill: A Life, p. 867.

...«Соединенным Штатам не нужен альянс или подобие альянса с каким-либо другим государством». — Ibid., p. 868.

С. 321–322. *...речь Черчилля называлась «враждебной делу мира во всем мире».* — Geoffrey Williams, The Permanent Alliance: The Euro-American Relationship, 1945–1984 (London, 1977), p. 19.

С. 323. *...«ощепенение» в плечах, которое испытывал Черчилль...* — Lord Moran, Churchill: Struggle for Survival, p. 337.

С. 324. *...премьер-министру нужен «полный покой».* — Gilbert, Churchill and America, p. 421.

...«Мы с Колвиллом призывали его воздержаться от этого... намеревался выздороветь». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair, p. 856.

С. 325. *...«подобно самолету в конце полета, который ищет в сумерках...»* — James Muller, Churchill as a Peacemaker, p. 323.

«Человек — это дух... Никогда не отдаляйтесь от американцев». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 939.

Глава 20

С. 329. *«Нам не нужны советы этого второсортного... политика... у которых нет никакого права находиться здесь».* — См.: 'stillpoliticallyincorrect', <http://disqus.com/telegraph-795480a5f59311af7dfc5b92f96f73d7/>; accessed 3 September 2014.

С. 331. *«Даремским шахтерам это не понравится»...* — Alex May, Britain and Europe Since 1945 (London, 2014), p. 18.

С. 332. *«Суций вздор! — кричит он. — Ерунда!»* — Winston Churchill, House of Commons, 26 June 1950, Hansard, HC Deb, Vol. 476 cc 1907–2056.

...осудили предложение наделить высший руководящий орган бюрократическим контролем... — См., например: James Carmichael, House of Commons, 26 June 1950, Hansard, HC Deb, Vol. 476 cc 1907–2056.

«Они станут олигархией, навязанной Европе... на жизнь каждого человека в этой стране». — Maurice Edelman, 27 June 1950, Hansard, HC Deb, Vol. 476 cc 2104–2159.

«Мы в самом деле хотим быть изолированы? ...выпали на нашу долю в этом кошмарном веке». — Robert Boothby, ibid.

С. 333. *«Он хочет сорвать для себя и для своей партии аплодисменты масс... Отсутствие Британии нарушит баланс в Европе».* — Winston Churchill, ibid.

С. 334–335. *«Все развитие мира идет к взаимозависимости наций... людей всех стран, ищущих вместе дорогу домой».* — Winston Churchill, *ibid.*

С. 335. ...*«Соединенные Штаты Европы»... «а также возможны неограниченные путешествия».* — Gilbert, Churchill: A Life, p. 731.

«Мы должны возвести своего рода Соединенные Штаты Европы... и соединить тех, кто хочет, и тех, кто может». — Winston Churchill, 'Speech to the Academic Youth', 19 September 1946; <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html>; accessed 3 September 2014.

С. 336. ...*«представить идею объединенной Европы, в которой наша страна... должна играть полноценную роль как член европейской семьи».* — Winston Churchill, Winston Churchill's Speeches: Never Give In! (London, 2007), p. 439–442.

«Более сорока лет я работал с Францией... готовность идти на дальнейшие жертвы ради свободы». — Robert Rhodes James, Churchill Speaks: Winston S. Churchill in Peace and War: Collected Speeches, 1897–1963 (London, 1980), p. 930.

С. 337–338. *«Но у нас своя мечта и свои задачи... Среди своего народа я живу».* — Winston Churchill, 'Why Not the United States of Europe', News of the World, 29 May 1938; quoted from Gilbert (ed.), Power of Words, p. 199–200.

С. 339. *«Вопрос, который мы должны решить для себя... пребывать в тесной связи с этим союзом».* — Winston Churchill, House of Commons, 27 June 1950, Hansard, HC Deb, Vol. 476 cc 2104–2159.

С. 340. *«Великобритания может претендовать, с равным на то оправданием... Это не три внеположных дела, а триединое дело».* — Winston Churchill, 'Why Not the United States of Europe', News of the World, 29 May 1938.

С. 342–343. ...*«Посмотрите на него... ведет ее к окончательной катастрофе».* — Kevin Theakston, Winston Churchill and the British Constitution (London, 2004), p. 132.

Глава 21

С. 347. Алан Тейлор однажды сказал, что Вторая мировая война была *«войной за британское наследство»*... — C. J. Wrigley, A. J. P. Taylor: Radical Historian of Europe (London, 2006), p. 315.

С. 349. ...*этот географический факт, до сих пор называемый «икотой Уинстона»*... — См.: Frank Jacobs, 'Winston's

Hiccup', New York Times, 6 March 2013; http://opinionator.blogs.nytimes.com/2012/03/06/winstons-hiccup/?_php=true&_type=blogs&_r=0; accessed 3 September 2014.

С. 350. *...площадь территорий, где было британское правление, увеличилась на 9 %.* — См.: Walter Reid, *Empire of Sand: How Britain Made the Middle East* (London, 2011).

С. 351. *Его обвиняли в желании руководить «с ориентальным размахом».* — Spectator, 'The Question of the Mandates', 28 August 1920.

С. 353. *«Правительство его величества относится благосклонно... которыми пользуются евреи в любой другой стране».* — A. J. Balfour to Walter Rothschild, 2 November 1917; Gudrun Krämer, *A History of Palestine: From the Ottoman Conquest to the Founding of the State of Israel* (Princeton, 2011), p. 149.

...к хору людей, желавших отдать «страну без людей людям без страны». — Israel Zangwill, 'The Return to Palestine', New Liberal Review (December 1901), p. 615.

С. 354. *«Герти!» — вскричал Т. Э. Лоуренс... «Дорогой мальчик!» — приветствовала его Гертруда Белл.* — Shareen Brysac and Karl Meyer, *Kingmakers: The Invention of the Modern Middle East* (London, 2009), p. 176.

...некоторые из них держали плакаты с призывами «À bas Churchill!». — Jack Fishman, *My Darling Clementine: The Story of Lady Churchill* (London, 1966), p. 92.

С. 355. *«Я стартовал на верблюде, на нем я и финиширую»...* — Janet Wallach, *Desert Queen: The Extraordinary Life of Gertrude Bell — Adventurer, Adviser to Kings, Ally of Lawrence of Arabia* (New York, 2005), p. 300.

«Евреи были среди самых активных подстрекателей... По всему миру еврей остается евреем». — Cohen, Churchill and the Jews, p. 90.

С. 356. *...палестинцы никогда не упустят возможность упустить возможность.* — Oded Balaban, *Interpreting Conflict: Israeli–Palestinian Negotiations at Camp David II and Beyond* (New York, 2005), p. 60.

«Если держится одно обещание... насколько точно мы выполняем оба». — Winston Churchill's reply to Mousa Kasem El-Hussaini; Howard Grief, *The Legal Foundation and Borders of Israel Under International Law: A Treatise on Jewish Sovereignty Over the Land of Israel* (Jerusalem, 2008), p. 446.

«Эта декларация была подготовлена, когда еще продолжалась война... с которой они глубоко и тесно связаны более трех

тысяч лет?» — Winston Churchill's reply to Mousa Kasem El-Hussaini, in Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 4: The Stricken World, p. 565.

С. 357. «Наша еврейская и сионистская программа... что он желает лишить другую нацию ее прав». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 4: The Stricken World, p. 567.

...еврейские поселенцы должны проявить «рассудительность» и «терпение». — Norman Rose, 'Churchill and Zionism', in Robert Blake and William Roger Louis (eds), Churchill: A Major New Reassessment of His Life in Peace and War (London, 1996), p. 156.

...«каждый предпринимаемый вами шаг... на материальное и моральное благо всех жителей Палестины». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 435.

С. 358. ...«Одни люди любят евреев, другие нет... самой выдающейся расой, которая когда-либо появлялась на Земле». — Michael Makovsky, Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft (New Haven, 2007), p. 85.

С. 359. ...и за восприятие их как «иудейских кровососов». — Cohen, Churchill and the Jews, p. 138.

...когда личная «склонность к ориентализму» побуждала Черчилля последовать Уилфриду Скоуэну Бланту... — Lady Gwendoline Bertie to Churchill, 27 August 1907; Randolph Churchill and Martin Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 2, Companion, Pt. 1, p. 672. See also Warren Dockter, 'The Influence of a Poet: Wilfrid S. Blunt and the Churchills', The Journal of Historical Biography, Vol. 10 (Autumn 2011), p. 70–102.

...Британская империя была крупнейшей мусульманской державой: в 1920 г. в ней проживали 87 миллионов мусульман. — Warren Dockter, Winston Churchill and the Islamic World: Orientalism, Empire and Diplomacy in the Middle East (London, 2014).

С. 360. ...Палестина была «священной и возлюбленной родиной своих первоначальных сынов... на поле, фабрике и в торговле». — Isaiah Freidman, Palestine, a Twice-Promised Land: The British, the Arabs & Zionism — 1915–1920 (London, 2000), p. 171.

С. 361. «Мы преданы идее того, что однажды... превосходящее по численности жителей страны настоящего времени». — Addison, Unexpected Hero, p. 101.

«Я не допускаю, что у собаки на сене может быть решающее слово о сене... сохранять власть, чтобы быть судьей». —

Palestine Royal Commission, Minutes of evidence, 12 March 1937; CHAR/2/317/8666, 8728, p. 503, 507.

С. 362–363. ...«десяток-другой грязных деревень, зажатых между болотистой рекой... полуголых семей, обычно голодных». — Cohen, Churchill and the Jews, p. 67.

С. 363. ...«Я не понимаю, почему считается законным убивать людей пулями, но варварским — заставлять их чихать». — Winston Churchill in War Office minutes, 22 May 1919; Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 4, Companion, Pt. 1, p. 649.

...«Я ненавижу Ирак... на верхушке неблагодарного вулкана». — Ronald Hyam, 'Churchill and the British Empire', in Blake and Louis, Churchill, p. 174.

С. 364. Он назвал нападения «гнусным актом неблагодарности». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair, p. 1233.

С. 365. ...«Я сделал немало, чтобы в конце не достичь ничего». — Rose, Unruly Life, p. 424.

С. 367. Но она была услышана Нельсоном Манделой и другими африканскими лидерами. — Toye, Churchill's Empire, p. 316.

Глава 22

С. 369. «Моя дорогая, / Пусть послание донесет до тебя... Твой вечно и навсегда, У». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair, p. 1342.

С. 370. ...«Моя жизнь завершена, но еще не закончена». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 956.

С. 373. ...«не должно быть барьеров, основанных на расе... достичь любого заслуживаемого им положения в обществе». — Toye, Churchill's Empire, p. xii.

С. 374. ...«Прежде чем перейти к обсуждению, давайте проясним... которые, как я понимаю, почти вымерли?» — Langworth, Churchill, p. 569.

...«неестественный и все ускоряющийся рост классов слабоумных... представляет национальную и расовую угрозу, которую невозможно преувеличить». — See Gilbert, 'Churchill and Eugenics', <http://www.winstonchurchill.org/support/the-churchill-centre/publications/finest-hour-online/594-churchill-and-eugenics>; accessed 4 September 2014.

С. 375. «Трех поколений идиотов достаточно»... — Ibid.

...«Я чувствую, что вы вошли в мою ванную, а у меня только зубка для самозащиты». — Langworth, Churchill's Wit, p. 101.

С. 376. ...«Когда я думаю, что женщины сделали во время войны... они заслужили равноправие». — Langworth, Churchill, p. 442.

...«Ганди нужно привязать за руки и за ноги у ворот Дели, чтобы гигантский слон растоптал его». — Arthur Herman, Gandhi & Churchill: The Epic Rivalry that Destroyed an Empire and Forged Our Age (London, 2009), p. 273.

С. 379–380. «Воскресные упражнения на природе с детским этюдником подтолкнули меня... Никогда больше холст не внушал мне страх». — Winston Churchill, Thoughts and Adventures, p. 234–235.

С. 382. ...«У него была симпатия, симпатия невероятно широкого охвата, к простым людям по всему миру». — Gilbert, Winston S. Churchill, Vol. 8: Never Despair, p. 1361.

С. 383. ...была «личностью, в которой чувствовались властность и задумчивость, невероятные для младенца». — Gilbert, Churchill: A Life, p. 487.

Глава 23

С. 387. ...я читал эссе психолога Энтони Сторра, в котором он утверждал, что самой большой и важной победой Черчилля была победа над самим собой. — См.: Anthony Storr, 'The Man', in Taylor et al. (eds), Churchill: Four Faces and the Man, p. 210–211.

Иллюстрации

С. 53. Письмо Черчилля к матери, 1890 г. Фото: CHAR-28-018-042 b, The Papers of Sir Winston Churchill, Churchill Archives Centre, Churchill College. © Уинстон С. Черчилль. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы the Estate of Sir Winston Churchill and the Sir Winston Churchill Archive Trust.

С. 63. «Рандольф с призраком Дизраэли», карикатура Джона Тенниела из журнала Punch, 7 августа 1886 г.; «Сын и отец», карикатура Е. Т. Рида, изображающая первое выступление Черчилля в палате общин 18 февраля 1901 г. За Черчиллем стоит призрак Рандольфа. Взято из *The Balfourian Parliament, 1900–1905*, by Henry W. Lucy (Hodder & Stoughton, London, 1906).

С. 109. Машинописный текст радиообращения Черчилля 27 апреля 1941 г. Фото: CHAR 09/181B/180, The Papers of Sir Winston Churchill, Churchill Archives Centre, Churchill College. © Уинстон С. Черчилль. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы the Estate of Sir Winston Churchill and the Sir Winston Churchill Archive Trust.

С. 143. Письмо Черчилля Памеле, графине Литтон, 12 августа 1908 г. Из частной коллекции. Фото: Christie's Images/Bridgeman Images. © Уинстон С. Черчилль. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы the Estate of Sir Winston Churchill.

С. 207. Письмо Черчилля Герберту Уэллсу, 1 октября 1916 г. Фото: C-238-7, H. G. Wells Papers, Courtesy of The Rare Book & Manuscript Library of the University of Illinois at Urbana-Champaign. © Уинстон С. Черчилль. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы the Estate of Sir Winston Churchill and the Sir Winston Churchill Archive Trust.

С. 251. «Правда о Гитлере» ("The Truth About Hitler"), статья Черчилля, опубликованная в журнале The Strand, ноябрь 1935 г. Фото: CHAR 5/518A/34 pp10–11, The Papers of Sir Winston Churchill, Churchill Archives Centre, Churchill College. © Уинстон С. Черчилль. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы the Estate of Sir Winston Churchill and the Sir Winston Churchill Archive Trust.

С. 279. Предложенное Черчиллем обозначение «товарного доллара». Фото: WCHL 6/13, Other Deposited Collections Relating to Sir Winston Churchill, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge. © Уинстон С. Черчилль. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы семьи Черчилль.

С. 293. Письмо Георга VI Уинстону С. Черчиллю, 2 июня 1944 г. Фото: CHAR 20/136/4, The Papers of Sir Winston Churchill, Churchill Archives Centre, Churchill College Cambridge. Private Crown Copyright. Воспроизводится с согласия агентства Curtis Brown, Лондон, представляющего интересы the Sir Winston Churchill Archive Trust.

Содержание

Введение. Собака по кличке Черчилль	7
Глава 1. Предложение Гитлера	13
Глава 2. Нечерчиллева Вселенная	28
Глава 3. «Дикий слон»	40
Глава 4. Фактор Рандольфа	55
Глава 5. Нет поступка слишком отважного или слишком благородного	68
Глава 6. Великий диктатор	83
Глава 7. Он мобилизовал английский язык	100
Глава 8. Настоящее человеческое сердце	119
Глава 9. Моя дорогая Клементина	135
Глава 10. Становление Джона Буля	152
Глава 11. «Самый передовой политик своего времени» ...	168
Глава 12. В кровопролитии нет славы	186
Глава 13. Сухопутные корабли	198
Глава 14. Мыслительная машина в 100 лошадиных сил ...	214
Глава 15. Играя в рулетку с историей.	226
Глава 16. Ледяная беспощадность	253
Глава 17. Обхаживание Америки	271
Глава 18. Гигант съездившегося острова	288
Глава 19. Как он победил в холодной войне.	309

Глава 20. Европейец Черчилль.	328
Глава 21. Творец современного Ближнего Востока.	344
Глава 22. Значение его имени сегодня	369
Глава 23. Фактор Черчилля	386
Хронология	393
Благодарности	397
Библиография	400
Примечания	408
Иллюстрации	443

Джонсон Б.

Д 42 Фактор Черчилля : Как один человек изменил историю / Борис Джонсон ; пер. с англ. А. Галактионова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-11811-9

Черчилль — великий государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1940–1945 и 1951–1955), реформатор, лауреат Нобелевской премии по литературе, знаменитый журналист и блистательный оратор.

Автор книги — Борис Джонсон, известный английский политик, эксцентричный мэр Лондона, остроумно и страстно исследует, на чем основывается исключительная яркость одного из самых знаковых лидеров XX века. Бросая вызов мифам, заблуждениям и гипертрофированной реальности, Джонсон изображает человека противоречивого, храброго, обладающего феноменальным красноречием, несравненным стратегическим талантом и истинной гуманностью. В книге выдвигается предположение, что, если бы Черчилля не было или он совершил ошибку, Гитлер мог одержать в Европе полную победу. Автор убежден: будь Уинстон Черчилль жив, наверняка бы выступил за выход Великобритании из Евросоюза.

УДК 94(100-87)+929Черчилль
ББК 63.3(4Вел)-8

Литературно-художественное издание

БОРИС ДЖОНСОН

ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ

КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК ИЗМЕНИЛ ИСТОРИЮ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректор Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.08.2016. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ № 2903/16.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YNFA1983801R

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Черчилль — великий
государственный деятель,
премьер-министр
Великобритании (1940–1945
и 1951–1955), реформатор,
лауреат Нобелевской
премии по литературе,
знаменитый журналист
и блистательный оратор.
Автор книги остроумно
и страстно исследует, на чем
основывается исключительная
яркость одного из самых
знаковых лидеров XX века.

Бросая вызов мифам,
заблуждениям
и гипертрофированной
реальности, Джонсон
изображает человека
противоречивого, храброго,
обладающего феноменальным
красноречием, несравненным
стратегическим талантом
и истинной гуманностью.

В книге выдвигается
предположение, что, если бы
Черчилля не было или он
совершил ошибку, Гитлер мог
одержать в Европе полную
победу. Автор убежден:
будь Уинстон Черчилль жив,
наверняка бы выступил
за выход Великобритании
из Евросоюза.

Борис Джонсон —
известный
английский политик,
бывший мэр Лондона,
эксцентричный министр
иностраннных дел и автор
многочисленных книг,
ставших бестселлерами
далеко за пределами
Великобритании.

В оформлении
обложки
использован
портрет
У. Черчилля
© Diomedia.com
Granger